

ОТ ЗАРУБЕЖЬЯ ДО МОСКВЫ

ОТ ЗАРУБЕЖЬЯ ДО МОСКВЫ

**Народно-Трудовой Союз (НТС)
в воспоминаниях и документах
1924—2014**

ОТ ЗАРУБЕЖЬЯ ДО МОСКВЫ

*Народно-Трудовой Союз (НТС)
в воспоминаниях и документах
1924–2014*

Составил Валерий Сендеров

**ПОСЕВ
Москва
2014**

УДК 929(47+57)-054.72(091)
ББК 63.3(2)6
О-80

О-80 От Зарубежья до Москвы. Народно-Трудовой Союз (НТС) в воспоминаниях и документах. 1924–2014. — М.: НП «Посев», 2014. — 384 с., илл.

ISBN 978-5-85824-209-3

Народно-Трудовой Союз (НТС) возник в конце 20-х годов в российской эмиграции. С первых своих лет НТС вёл бескомпромиссную борьбу с коммунизмом — за национальную, свободную, правовую Россию. НТС был, по свидетельству Председателя КГБ Юрия Андропова, самым опасным врагом советской власти.

Эта книга — о деятельности НТС с первых лет и до наших дней. Как первые борцы брали границу, с оружием и листовками возвращаясь на Родину, что делал НТС во время войны; «За Родину! На Сталина!» — что значил и как реализовывался этот девиз; каковы были отношения и связи Союза с антигитлеровскими кругами Вермахта, с советскими и антисоветскими партизанами в СССР, что делал НТС в России в послевоенные десятилетия, каковы были подлинные отношения НТС и ЦРУ, что делает Союз в России сегодня — обо всем этом рассказывает книга. Многие мемуары и документы публикуются впервые.

УДК 929(47+57)-054.72(091)
ББК 63.3(2)6

Издано в сотрудничестве с Possev-Frankfurt / Main

ISBN 978-5-85824-209-3

© НП «Посев», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Борис Пушкарёв НТС в истории российского Сопротивления. 5

ИСТОКИ

Юрий Измestьев Как я пришёл в НТС. 61

Георгий Околович Быть с народом.... 77

Михаил Бржестовский Свидание с родиной 90

НАКАНУНЕ

Виген Нерцессиан Переговоры в Берлине в 1938 году 105

Сергей Зезин «Льдина» 108

ЗА РОДИНУ! НА СТАЛИНА!

Олег Поляков В Россию через три границы 117

Дмитрий Ежов На встречу с партизанами. 122

Владимир Кашников В России 1941–1944 годов 125

Юрий Жедилягин НТС в Вязьме в 1941–1942 годах 144

Юрий Луценко «НРП — Третья сила» 155

Константин Болдырев Организовать русский кулак... 166

Алексей Кулыгин От Дабендорфа до Воркуты 174

В ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ РЕЙХА

Владимир Быкадоров Гестапо против НТС 187

Владимир Масалитинов Два года в немецких концлагерях 194

Владимир Быкадоров Доктор Сергеев 221

Глеб Рар Набат за решёткой. 225

Мария Туманова Моей Родине я не изменяла 227

ТРЕТЬЯ ГРАЖДАНСКАЯ

«Вести дело дальше спокойно и непреклонно» 233

Глеб Рар Конец войны 235

«Несём Тиранам Смерть! Несём Трудящимся Свободу!». 244

<i>Ростислав Полчанинов</i> Ранние издания НТС 1945–1951 годов	248
НТС и его «стрелы»	252
<i>Андрей Васильев</i> Третья Гражданская	262
У палки два конца	284
<i>Зинаида Григоренко</i> Места для «итальянских дипломатов»	293
<i>Николай Коваленко</i> Каждый день спрашивай себя, что ты сделал для России	296
<i>Евгений Древинский</i> Мы жертвенно служили России	306
<i>Борис Пушкарёв</i> «Посев-США»: 1981–1991	312
<i>Вячеслав Долинин</i> 1955 год: НТС в Ленинграде	318
1950–1980-е годы: НТС в Ленинграде	327

ВОЗВРАЩЕНИЕ

<i>Борис Пушкарёв</i> Открытые организации НТС в России	335
<i>Ростислав Евдокимов-Вогак</i> Новый старый русский флаг	346
<i>Александр Шведов</i> Возникновение НТС в Сибири	351
Бороться за законную власть!	357
Победу необходимо закрепить	358
Положить конец безвластию и смуте	360
<i>Борис Пушкарёв</i> После грозы	361
Падение советской власти	365
Что сделал НТС в России за последние двадцать лет	366

НЕОЖИДАННОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

<i>Валерий Сендеров</i> Реабилитация НТС?	369
---	-----

БИБЛИОГРАФИЯ	375
------------------------	-----

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	377
-----------------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

Борис Пушкарёв

НТС в истории российского Сопротивления¹

1. После революции 1917 года в России

Сопротивление установленной Лениным власти не прекращалось — от генерала Корнилова до академика Сахарова. Цель — преодоление тоталитарной диктатуры и построение свободного общества — оставалась единой, но формы сопротивления менялись в зависимости от политических условий.

Против большевиков сразу после Октябрьского переворота восстали юнкера в Петрограде, Белая гвардия в Москве, вооружённые отряды в 15 других крупных городах — но безуспешно. Люди не хотели гражданской войны, предстояли выборы в Учредительное собрание. Большевики их проиграли, получив 23% голосов, и разогнали Учредительное собрание. Всю весну 1918 г. эсеры и меньшевики пытались отеснить их от власти путём выборов в местные советы и забастовок. Но непокорные советы разгонялись, забастовки подавлялись фанатиками идеи «насилие решает всё».

Однако убийства казаков и угрозы расстрелов в адрес чехословацких легионеров повернули две эти ранее нейтральные силы против большевиков. В мае — июне 1918 г. советская власть рухнула

¹ Помощь при подготовке настоящего текста оказали К. М. Александров, Р. Г. Гагкуев, В. Э. Долинин, Ю. Ф. Луценко, Р. В. Полчанинов и С. М. Пушкарёв, за что автор вводит статьи и составитель сборника им благодарны.

на Дону и по всей Сибири. Добровольческая армия генералов Алексеева и Корнилова — поначалу четыре тысячи человек в Кубанских степях — перестала быть одинокой.

Весной 1919 г., наступая с Урала, белые взяли Пермь, а наступая с Дона, взяли Харьков и оборонявшийся под командой Сталина Царицын; закрепились на Севере, откуда иностранные войска ушли, и на Северо-Западе, где гарнизоны балтийских фортов перешли к белым. Но в руках красных оставались две трети населения и главные военные запасы царского времени. Жёсткие меры мобилизации привели боевые части Красной армии к пятикратному превосходству над белыми, хотя число бежавших оттуда дезертиров превысило численность всех белых войск. У наступавших с окраин белых возможности мобилизации были ограничены, и они пополняли свои части пленными красноармейцами.

В конце июля 1919 г. красные нанесли решающее поражение белой Сибирской армии под Челябинском, в октябре — Вооружённым силам Юга России под Орлом и Северо-Западной армии под Петроградом. Исход первой фазы Гражданской войны был решён. Через полгода белые оставили Новороссийск, но целый год, пока Красная армия воевала с Польшей, не отдавали Крым, откуда Врангель прорвался к Донбассу. На Дальнем Востоке белые держались до ноября 1922 г.

С отходом белых армий в изгнание решающую роль в сопротивлении переняли крестьянские восстания: Тамбовское, Западно-Сибирское, Воронежское и десятки менее крупных. Решающим стало Кронштадтское восстание в марте 1921 г., заставившее Ленина отказаться от форсированного прыжка в коммунизм и принять экономическую программу меньшевиков. Но предстояли ещё голод, вызванный конфискацией зерна и унёсший миллионы жизней, и ленинская атака на Церковь.

Расцвет новой экономической политики в 1924–1925 гг. принёс успокоение, крестьяне стали выдвигать своих людей в местные советы, однако вооружённые вылазки продолжались в Белоруссии, на Северном Кавказе и в Средней Азии. Гражданское противостояние вели братства в защиту Церкви, группы молодёжи (в том числе скауты) и культурные объединения. Власть видела в их деятельности контрреволюцию, и число заключённых на Соловках росло.

Когда Сталин возобновил принудительное изъятие зерна, усилилось и вооружённое сопротивление: в 1928 г. крестьяне убили 700,

в 1929 г. — уже 1300 представителей советской власти. Сталин ответил раскулачиванием и сплошной коллективизацией, которые привели ко «второй гражданской войне» на селе. Власть погасила её голодомором 1933 г., унёсшим новые миллионы жизней.

После ужасов коллективизации многие в Красной армии пытались поднять восстание, например, командир Артём Нахаев в одной из московских дивизий в августе 1934 г. Но всеохватный сыск и террор делали эти попытки тщетными.

Коллективизация не только озлобила население против советской власти, но и внесла раскол в круг сторонников Сталина. Мартемьян Рютин, секретарь одного из московских райкомов, написал политическую программу, требующую отмены принудительной коллективизации, замедления темпов индустриализации и отстранения Сталина от власти. Рютина вскоре арестовали, но в 1934 г., на XVII съезде компартии, 24% делегатов проголосовали против Сталина. Вождь не знал имён своих противников, но использовал «великую чистку» 1937–1938 гг., чтобы расстрелять (на всякий случай) 56% делегатов XVII съезда. Всего по решению Сталина было расстреляно 44,5 тысячи человек из партийной элиты, а также 107 тысяч служителей Церкви, духовенства и мирян, сотни тысяч участников Белого движения и иные «остатки враждебных классов». Всего, по официальным данным, за два года по политическим причинам было расстреляно 682 тысячи человек, а число заключённых в тюрьмах и лагерях достигло 2,7 миллиона.

Страну сковали отчаяние и страх: борьба с этой властью внутренними силами представлялась невозможной, оставалась одна надежда на внешнюю силу, то есть на войну. Этим объясняются хлеб-соль и цветы, с которыми население в 1941 г. во многих местах встречало немцев, и массовые сдачи в плен. В таких условиях произошла встреча внутрироссийской оппозиции с зарубежной.

2. В Зарубежье

Ураган Гражданской войны 1917–1922 гг. разнёс по миру 1,2 миллиона россиян, не пожелавших покориться советской власти. Кроме того, около 0,8 миллиона очутились за границей, никуда не уезжая — на положении русских меньшинств в новых государствах на окраине

бывшей Империи. Те и другие вместе составили Зарубежную Русь. Эта страна, без правительства и территории, стала на время домом свободной русской культуры, получившей мировое признание. Политическое кредо выразил Всезарубежный съезд 1926 г.: «Коммунизм умрёт, Россия не умрёт!» и «СССР — не Россия!».

Покидая страну, не сдавшись большевикам, белые считали, что отступают за границу для продолжения борьбы. Чтобы сохранить кадры, генерал П. Н. Врангель основал в 1924 г. Русский общевоинский союз (РОВС), крупнейшую организацию Зарубежья. Но реальные возможности вооружённой борьбы были невелики, хотя состоялись и рейд генерала Пепеляева в Якутию 1923 г., и более поздние бои казаков с Красной армией на маньчжурской границе.

В 1923 г. эмигранты убили Воровского, главу советской делегации на Генуэзской конференции, а в 1927-м — посла в Польше Войкова. Обвинённых по первому делу белых офицеров М. Конради и А. Полунина швейцарский суд оправдал, признав советскую власть преступной; по второму делу 18-летний Борис Коверда отсидел десять лет в польской тюрьме. Эсер-террорист Борис Савинков пытался создать боевую организацию в западных областях СССР, но погиб в тюрьме. Основанное в 1922 г. Братство русской правды (БРП) годами держало связь с партизанами Зелёного Дуба в Белоруссии и повстанцами на Дальнем Востоке. В 1927 г. выяснилось, что монархическое подполье «Трест» в Советской России — на самом деле креатура чекистов. Чтобы показать, что чекисты не всеильны, группа капитана Виктора Ларионова в том же году взорвала партийный клуб на Мойке в Ленинграде и вернулась в Финляндию. Но следующие боевые группы «кутеповцев» — Марии Захарченко-Шульц и других — погибли. В начале 1930-х гг. советская агентура проникла в БРП и РОВС, и их деятельность в СССР прекратилась.

В любом случае одиночные действия не могли серьёзно пошатнуть советскую власть, для этого требовалась общая концепция её падения. Сначала возникли две такие концепции. Партийная эмиграция — меньшевики, эсеры, кадеты — ставила на постепенную эволюцию советской власти. Врангель полагал, что эта власть на эволюцию не способна и может только загнить. Военная эмиграция знала учение Ленина о неизбежной войне Советской республики с капиталистическим миром и рассчитывала на «весенний поход» — по существу, на иностранную интервенцию.

Молодёжь чуждалась эмигрантских политиков — и левых, и монархистов, чьи ошибки привели к крушению России. С военными отношения были ближе, однако их совет «не философствовать, а заниматься спортом и слушать старших» тоже не удовлетворял. Эволюция советской власти представлялась маловероятной, военная интервенция — вовсе нежелательной. Тем более что и то и другое требовало не действий, а только пассивного ожидания. Но молодёжь жаждала действий, и в её среде возобладала третья концепция — Национальной Революции. Вспоминались слова Герцена о том, что и социализм со временем будет свергнут грядущей, «неизвестной нам революцией». Интернационализм Октября должен быть преодолен внутренними силами во имя новой национальной идеи. Но какой?

В среде зарубежной молодёжи сложилось несколько «пореволюционных» политических течений, в том числе младороссы с лозунгом «Царь и Советы» и русские фашисты с лозунгом «Бог, Нация, Труд». Но младороссы вскоре перекочевали в лагерь советских патриотов, а фашистов дискредитировала гитлеровская политика. Войну пережили одни солидаристы, они же НТС. О нём и пойдёт речь далее.

3. Ранние годы НТС

Предыстория НТС вплотную примыкает к истории Белого движения. Её началом принято считать создание в 1924 г. чинами армии генерала Врангеля, работавшими на руднике Перник в Болгарии, молодёжного кружка. Выброшенные на чужбину молодые люди стремились к общению, и на Балканах возникло несколько таких кружков. В Югославии они образовали Союз Русской Национальной Молодёжи (СРНМ); его цель, согласно Вестнику «Наше будущее» № 1 за 1926 г., — «объединение молодёжи для создания сильного телом и духом кадра, готового к жертвенному служению Родине». В Болгарии сложился аналогичный Национальный Союз Русской Молодёжи (НСРМ). Выезд части его членов во Францию способствовал появлению кружков «национально мыслящей молодёжи», как она себя называла, там, а затем и в других странах. В 1928 г. началась подготовка к их слиянию. Собравшись в 1929 г. в Велико-Тырново, НСРМ объявил: «Мы зовём в свои ряды всех, кто исповедует наш девиз: “Нам нужна Великая Россия, мы должны быть достойны её”. Нашим знаменем должен быть

образ генерала Корнилова, и мы должны помнить, что в борьбе с большевизмом нет места ни партийности, ни классам».

После рабочего совещания, состоявшегося в июне 1930 г. в Сен-Жюльене (Франция), с 1 по 5 июля — в Белграде, в помещении Русского офицерского собрания прошёл учредительный съезд Национального Союза Русской Молодёжи. Присутствовали делегаты из Болгарии, Голландии, Франции и Югославии. После съезда в Союз вошли группы из Бельгии, с Дальнего Востока, из Латвии, Польши, Эстонии и Чехословакии. Руководивший организацией Совет поначалу состоял из выборных председателей по странам, но III съезд в 1934 г. эту практику отменил, и до 1946 г. Совет сам определял свой состав. Затем был принят показавший свою устойчивость принцип, подобный структуре академии наук: Совет определяет состав Руководящего Круга (около 100 человек), а они из своей среды выбирают Совет.

Съезд 1930 г. избрал председателем Совета герцога С. Н. Лейхтенбергского, участника юнкерского восстания в Петрограде, а председателем Исполнительного Бюро — хорунжего Донского казачьего войска Виктора Михайловича Байдалакова. В 1933 г. он стал Председателем Совета и оставался им до начала 1955-го. Исполнительное Бюро с 1932 по 1941 г. фактически вёл его секретарь Михаил Александрович Георгиевский, профессор древних языков, дипломат и мыслитель.

Название «Национальный Союз Русской Молодёжи» через полтора года заменили более солидным — «Национальный Союз Нового Поколения». Как представителей нового поколения Устав определил лиц, родившихся после 1895 г. Старшим предлагалось вступать в Комитеты содействия, возникшие в разных городах Европы.

Место «нового» поколения в родословной России во многом определилось тем, что сын премьера Петра Столыпина Аркадий много лет руководил НТС во Франции; сын генерала Василия Болдырева, главнокомандующий Уфимской Директории в 1918 г., Константин, возглавлял НТС в США; деятелем НТС был и сын депутата IV Думы Василия Шульгина Дмитрий.

Смена названия на Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП) в 1934 г. была связана с развитием идей Союза. «Идеологические положения» 1930 г. видели будущее страны «в твёрдом согласовании с преемственностью исторического развития России, с ясным учётом как достоинств и заслуг, так и ошибок и недостатков прошлого, равно как и фактов настоящего, однако без преклонения

перед последними». Следовали шесть пунктов о «твёрдой центральной власти, стоящей над партиями и классами»; о «личных свободах и равенстве перед законом»; о «здоровом эгоизме во внешней политике»; о «широкой национально-культурной самостоятельности» народностей России; о «крепком мелком землевладельце-собственнике»; о «свободе экономических отношений» при активной политике государства в отношениях между трудом и капиталом и заботе о малоимущих.

В политическом спектре члены Союза чувствовали себя «ни справа, ни слева, а впереди»: «Мы не либералы, но и не фашисты» — и исповедовали «идеализм, национализм, активизм». Идеализм означал служение ценностям, а не самоудовлетворение; национализм — преданность российской нации; активизм — жизнь по евангельским словам «вера без дел мертва».

Книга Г. К. Гинса «На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму» вышла в 1930 г. одновременно с основанием Союза, но на другом конце света, в Харбине. К 1934 г. обозначились черты Национально-трудового солидаризма: национальная солидарность разных народов России в противовес пролетарскому интернационализму и трудовая солидарность разных слоёв общества в противовес классовой борьбе.

С началом 1940-х гг. слова «Нового Поколения» из названия выпали, а в 1957 г., в угоду принятому в СССР словоупотреблению, Национально-Трудовой Союз был переименован в Народно-Трудовой Союз (российских солидаристов). Его эмблемой с 1934 г. служил начертанный на трёхцветном щитке трезуб — родовой знак Владимира Святого, основателя христианской государственности на Руси, которым пользуются и украинцы.

30-е гг. были в НТС временем интенсивной учёбы. Центральная комиссия по организации внутренней работы (ЦКОВР) в Белграде готовила и рассылала на места конспекты по курсу Национально-политической подготовки (НПП) на темы от «Идеализма и материализма» до «Административного устройства СССР». В шутку эти конспекты называли зелёными романами — по цвету обложки. Кроме шуток, Устав 1934 г. требовал сдачи экзамена по курсу НПП для получения звания Действительного члена Союза. В круг рекомендованного чтения входили «Журнал волевой идеи “Русский Колокол”» И. А. Ильина, «Новое средневековье» Н. А. Бердяева, «Духовные основы общества» С. Л. Франка и другие труды христианской общественной мысли.

С 1930 г. в эмигрантских газетах появились колонки Союза, а в марте 1932 г. в Софии начала выходить своя ежемесячная газета «За Россию». Под советским давлением ей пришлось менять название («За Новую Россию», «За Родину»), однако газета, ставшая двухнедельной, выходила в Белграде до декабря 1940 г., когда Югославия установила дипломатические отношения с СССР. Издавал Союз и книги: в Болгарии — знаменитый репортаж бежавшего из СССР И. Л. Солоневича «Россия в концлагере» (1936) и книгу М. З. Никонова-Смородина «Красная каторга» (1938); в Эстонии — философа И. А. Ильина; в Югославии — экономиста А. Д. Билимовича и юриста Е. В. Спекторского.

Объединяющей силой молодого Союза был «союзный дух» — дух взаимной поддержки, безоговорочного доверия друг к другу и совместной работы на благо дела. Союз называли «семьёй»: новых членов принимали «в семью». Возрастная близость «новопоколенцев» и чужеродное окружение усиливали взаимную спайку.

В Союзе состояли люди разных вероисповеданий, в том числе мусульмане и буддисты, но большинство, естественно, тяготело к Православной Церкви; многие участвовали в приходской жизни. После войны члены Союза основали действующий поныне приход святого Николая во Франкфурте-на-Майне и другие приходы. В новом веке «Посев» издал первый календарь (на 2004 г.) с иконами новомучеников и исповедников российских. Союз учил служению, и верующие люди считали своё служение России через Союз формой служения Богу, несением социальной ответственности христианина. Те, кто имел к этому призвание, со временем принимали духовный сан — для прямого служения Богу. По подсчётам отца Кирилла Фотиева, путь члена Союза в Зарубежье прошли почти три десятка священников и три епископа.

К концу 1930-х гг. отделы и представительства НТСНП имелись в 17 странах, включая Австралию, Южную Африку и США. Общее число членов оценивается в 1560 человек; картотека с полными данными ради безопасности была уничтожена в годы войны.

Тогда же сложилась и церемония приёма в Союз: вступающий пишет свое обещание на бумажке, которая тут же сжигается — чтобы не оставалось улики. О вступлении знают (помимо вступившего) лишь принимавший обещание и двое поручителей. До войны и после выхода из подполья вступающий, кроме того, заполнял короткую анкету с личными данными. На территории СССР после войны и до 1990 г. допускался самоприём, потом короткое время работала Центральная приёмная комиссия.

4. Проникновение в Россию

Помимо открытой издательской работы НТС осуществлял и секретную — выпуск листовок для заброски в СССР. Этим, в частности, занималась «Льдина» — секретная группа журналистов, в 1937–1939 гг. работавшая в Фалькензее под Берлином. Их основной задачей был анализ советской прессы, который они выполняли для японцев, финансировавших это начинание. Руководство НТС тоже получало их сводки. Изданные же на «Льдине» листовки поступали местным группам, члены которых передавали их на советские суда или вкладывали в грузы, следовавшие в СССР. Об одном из последствий засылки сообщила радиостанция имени Коминтерна 6 декабря 1938 г.: «Захвачено в Москве восемь диверсантов Национально-Трудового Союза Нового Поколения. У них найдены программы и летучки Союза». Подробности дела скрыты в архивах КГБ. Неизвестно, относился ли к этой группе Константин Метёлкин, 23 лет, курсант школы Мосавтотранса, родом из Томска; он арестован 21 марта 1938 г., расстрелян 16 июня по делу НТСНП. Такие ячейки Союза возникали и в других местах.

Попытки членов Союза самостоятельно проникнуть в страну посредством существующих организаций БРП и РОВС окончились трагически. В 1932 г. погибли шесть человек, самовольно решивших идти из Латвии по каналам БРП. Приехавший расследовать дело М. А. Георгиевский обнаружил в руководстве БРП советскую агентуру, пытавшуюся подчинить себе и группу Союза. Потому-то и было отменено введение выборных лиц в Совет Союза. Осенью 1933 г. на румынской границе погибли члены Союза Пётр Ирошников и Михаил Флоровский, шедшие при помощ/и РОВС. Год спустя двое других пробовали перейти финскую границу и, еле избежав засады, вернулись. Они убедили руководство НТС в наличии советской агентуры в верхах РОВС. Лидеры НТС в Париже, видя и другие признаки, пять раз предупреждали начальника РОВС генерала Е. К. Миллера, но тот отказывался верить «наветам» на генерала Н. В. Скоблина, пока сам в сентябре 1937 г. не был похищен чекистами. В 1935 г. в Иркутске были расстреляны перешедшие маньчжурскую границу при помощи местного БРП Иннокентий Кобылкин, Евлампий Перелядов и Борис Оленников.

После гибели 11 человек руководство НТС отказалось от оперативных связей с БРП и РОВС и осудило их «голый активизм». Советская власть, по аналогии с боевиками БРП и РОВС, принимала ходяков

НТС за террористов, которыми они никогда не были. Газета «За Россию» ещё в июне 1933 г. в обращении «К новому поколению России» выступила против низового террора. Главное для подготовки Национальной Революции — распространение идей. Однако убийство Кирова газета одобрила, вызвав шквал советских протестов и демарши Литвинова в Женеве против «укрывательства подобных бандитов».

Собственные пути через советскую границу были найдены при помощи двух офицеров царской армии — Ричарда Враги (Незбжицкого) и Б. Н. Ильяшевича, служивших в разведывательном отделе польского Генерального штаба. Как и в отношениях с другими разведками, НТС ставил условия: 1) никакой информации военного характера; 2) сохранение собственной политической независимости, в том числе тайны своих контактов. Поляков это устраивало; у них были общие с НТС вопросы: техника перехода границы и повседневного пребывания в СССР, настроение населения, возможность подпольной деятельности.

Летом 1938 г. через польскую границу двинулись первые ходоки НТС. Трое были убиты советскими пограничниками: Владимир Бабкин, Софроний Спица и Константин Гурский. Один вынужден был вернуться. Но двое прошли благополучно: Г. С. Околович и А. Г. Колков. Четыре месяца провели они в СССР: изучали обстановку, побывали во многих городах, устраивались на работу. Перед отъездом Околович рискнул встретиться со своей сестрой в Ленинграде. Та месяц молчала, потом донесла. Был объявлен всесоюзный розыск, но к тому времени Околович уже находился в Польше. Он возглавил закрытую работу НТС и стал готовить следующие группы. Летом 1939 г. пятеро благополучно перешли пограничную полосу; троем пришлось вернуться. Двое из них, уходя от погони, укрылись в воде, и их документы размокли. Владислав Конява-Фишер из Чехии был ранен в перестрелке и подорвал себя гранатой.

С началом войны, в сентябре 1939 г., Околович перевёл секретные операции из Варшавы в Бухарест, за взятку перейдя границу Румынии. Вскоре там открылась возможность проникновения в СССР благодаря обмену населения на занимаемых Красной армией территориях. С июля 1940 г. ещё десять человек перешли границу.

Судьба пяти перешедших летом 1939 г. сложилась так.

Анатолия Чупрунова призвали в Красную армию; он попал в плен, служил переводчиком при бригаде Каминского, встретился с НТС в Варшаве, но заболел туберкулёзом и в 1944 г. был вывезен санитарным поездом в Германию, где след его потерялся.

Виктор Авчинников, в прошлом врангелевский офицер, работал плотником на постройке трамвайного депо в Воронеже, где и был арестован. Расстрелян 6 июля 1941 г.

Василий Дурново тоже обосновался в Воронеже. Учился на курсах вагоновожатых в трамвайном депо. Арестован; расстрелян 6 июля 1941 г.

Пётр (Бага) Берегулько на границе попал в перестрелку (из-за которой его напарник М. Бржестовский вернулся назад), и о его дальнейшей судьбе можно было только гадать... Как выяснилось, Берегулько ушёл вглубь страны и, побывав в Горьком, отправился, будучи уроженцем Владивостока, к Тихому океану. Арестован в Петропавловске, расстрелян 6 июля 1941 г.

Александр Колков, шедший вторично, обосновался в Днепропетровске, работал слесарем. Арестован в январе 1940 г., расстрелян 6 июля 1941 г.

Судьбы десяти перешедших летом 1940 г. таковы.

Иван Хлобыстов обосновался в Смоленске, где встретил членов Союза, пришедших туда при немецкой оккупации. После ухода немцев был призван в Красную армию, участвовал во взятии Берлина, служил в оккупационных войсках, восстановив связь с НТС. После демобилизации жил в Горьком, вёл группу НТС, раскрытую позже в результате доноса. По-видимому, умер в тюрьме.

Владимира Чеботаева арестовали осенью 1940 г., вскоре после перехода границы. Чекисты его перевербовали, и он с ними работал. Под псевдонимом Иван Дорба написал пасквильные романы «Белые тени» («Молодая гвардия», 1981 г.) и «Под опущенным забралом» (там же, 1985 г.); получил премию имени Андропова. Умер в 1998 г. в Москве после длительного паралича.

Евгений Ольшевский обосновался в Днепропетровске, где и был арестован; расстрелян 6 июля 1941 г.

Георгий Рогальский, вопреки правилам, дал о себе знать с юга России, написав открытку своей знакомой. Арестован в ноябре, расстрелян 6 июля 1941 г.

Василий Леушин арестован 20 ноября 1940 г., вскоре после перехода; расстрелян 6 июля 1941 г.

Дмитрий Лукницкий арестован по месту жительства, в Черновцах на Буковине, где работал грузчиком. Расстрелян 6 июля 1941 г.

Евгений Акулов, работавший шофером Укрглавлесснабсбыта, также арестован в Черновцах; расстрелян 6 июля 1941 г.

Дмитрий Потапов — задержан при переходе границы, расстрелян 6 июля 1941 г.

Мария Сергеевна (Машута) Дурново-Казнакова арестована со своим мужем Георгием Казнаковым 20 ноября 1940 г., вскоре после перехода границы, и 26 февраля 1942 г. вместе с мужем приговорена к расстрелу.

Итак, из 15 человек, удачно перешедших границу в 1939–1940 гг., лишь 2 избежали ареста, 1 перешёл на сторону советской власти, а 12 расстреляны. Об их судьбе семь десятилетий ходили одни домыслы. Только в 2012 г. С. А. Кривошеев выяснил по архивным данным НКВД, что все они осуждены Военной Коллегией Верховного суда СССР по ст. 58 УК РСФСР, уже в условиях войны. Все были лицами без гражданства, большинство — 1906–1913 гг. рождения, то есть они покинули Россию детьми.

К 1940 г. помимо добровольцев, пошедших через границу, немало больше членов Союза оказалось под советской властью не по своей воле, а в результате присоединения к СССР Прибалтики и восточных областей Польши. Они никакими «эмиссарами» не были, их арестовывали у себя дома, часто потому, что как члены НТС они состояли на учёте в местной полиции. По Эстонии есть сведения о 15 арестованных членах Союза летом и осенью 1940 г.; большинство их расстреляно в Ленинграде после начала войны². Двое получили десятилетние

² Леонид Матвеев, руководитель группы в Нарве (1912 г. р.), расстрелян 03.07.1941; Георгий Богданов, из Нарвы (1914 г. р.), расстрелян 03.07.1941; Вадим Булдаков, из Таллина (1911 г. р.), расстрелян 03.07.1941; Василий Виноградов, из Таллина (1905 г. р.), расстрелян 04.04.1941; Борис Мегус (1911 г. р.), расстрелян 03.07.1941; Александр Скороходов, из Тарту, расстрелян 03.07.1941; Николай Сулковский, из Нарвы и Таллина (1911 г. р.), расстрелян 03.07.1941; Олег Тимофеев, из Тарту (1917 г. р.), расстрелян 03.07.1941; Сергей Тимофеев, из Тарту (1915 г. р.), расстрелян 03.07.1941; Сергей Толкачев, из Нарвы (1918 г. р.), расстрелян 03.07.1941; Ростислав Чернявский, из Таллина (1911 г. р.), расстрелян 03.07.1941; Вера Ходоровская-Богданова (1906 г. р.), расстреляна 03.07.1941; Сергей Ходоровский (1910 г. р.), арестован 21.06.1940, умер в тюремной больнице в Ленинграде 01.11.1940; Георгий Уйбо, арестован 25.09.1940, приговорён к расстрелу, расстрел заменён десятью годами лагеря, где он и умер; Константин Луга, арестован в 1940 г., погиб в концлагере; Борис Агеев (1915 г. р.), арестован 03.04.1941, приговорён к расстрелу, расстрел заменён десятью годами лагеря; Владимир Тимофеев (брат Сергея), из Тарту, арестован в 1940 г., других сведений нет.

сроки, но едва ли дожили до их окончания: смертность в сталинских лагерях во время войны достигала 25% в год. После войны обстановка сильно изменилась, и очень многие члены НТС, попавшие в лагеря в 1945 г., потом оттуда вышли. Человек десять дожили до конца советской власти. По Латвии, Литве, Бессарабии и особенно Восточной Польше, где было репрессировано более сотни членов НТС, таких данных, как по Эстонии, нет. Эпизодические случаи приведены ниже³.

Не напрасны ли все эти жертвы, принесённые за полвека до падения советской власти? Сроков не дано знать никому. Люди выступали против преступной власти не потому, что перед ними маячил близкий успех, а потому, что лишь действительное противостояние они считали нравственно достойным. Подвиг независимо от его практических результатов ценен сам по себе и входит в сокровищницу духовного наследия нации.

5. «Третья сила»

С началом Второй мировой войны положение русской эмиграции в разных странах изменилось по-разному. Во Франции эмигрантская молодёжь была призвана в армию, воевала против немцев; многие отличились. После капитуляции именно русские эмигранты начали создавать подпольное Движение Сопротивления, куда вошли и некоторые члены НТС. До июня 1941 г. СССР был связан с Германией договором дружбы, и коммунисты вступать в антинемецкое подполье не могли.

Иная обстановка сложилась на Балканах. Летом 1941 г. в оккупированной Сербии партизаны-коммунисты начали терроризировать русских эмигрантов, видя в них противников Сталина. Под предлогом защиты от партизан руководители белой военной эмиграции попытались воплотить мечту о «весеннем походе». В сентябре 1941 г. немцы согласились создать Русский Охранный Корпус (в просторечии

³ В Риге среди прочих был арестован Игорь Рожанский, брат жены В. Д. Поремского Татьяны Всеволодовны, расстрелян в 1940 г.; руководитель местной группы в Ровно Аркадий Падюков, брат Сергея, руководителя группы НТС в Нью-Джерси, США, расстрелян весной 1940 г.; в минском НКВД погиб Яновский, к которому из Ленинграда приезжали студенты для инструктажа по НТС. В числе других членов НТС, арестованных и расстрелянных, Всеволод Ахрамович, Александр Берегович, Галина Масловская, Константин Фотиев (погиб в концлагере на Земле Франца-Иосифа), Евгений Шевцов, Борис Шубин.

Шуцкор) на условиях, которые русская сторона видела так: а) только командир Корпуса принимает приказы немецкого командования; б) Корпус носит русскую форму, не входит в состав вермахта и его чины не приносят присяги Германии; в) Корпус будет использован только для борьбы с красными партизанами, а после их подавления будет отправлен на Восток. Через Корпус прошло 16,8 тысячи добровольцев, русских эмигрантов с Балкан. Лишь единицы из них состояли в НТС, так как Союз участия в Корпусе не одобрял, полагая, что борьба с титовскими партизанами отвлекает от главной задачи — создания политической силы в оккупированной России.

Союз был причастен к другой попытке «весеннего похода»: А. П. Столыпин от имени Совета НТС вел переписку с маршалом Маннергеймом о создании Русской народной армии из советских военнопленных во время финской войны 1939–1940 гг. Вступить в связь с НТС Маннергейму посоветовал его сослуживец по Императорской армии генерал Н. Н. Головин, а формированием отрядов занялся Б. Г. Бажанов, технический секретарь Политбюро ЦК ВКП(б), ставший в 1928 г. невозвращенцем. Западные державы обещали поддержать это начинание, но Сталин войну вовремя прекратил.

НТС в Германии в августе 1938 г. свой Отдел закрыл, чтобы не попасть под контроль нацистов; его председатель покинул страну. Однако германское Верховное командование интересовалось взглядами НТС на возможную войну с СССР и в ответ получило меморандум М. А. Георгиевского: без союза с русским народом победа Германии невозможна. В нацистском руководстве тем временем верх брали противоположные взгляды, о чём НТС предупреждал эмиграцию, склонную возлагать на немцев надежды.

Позицию НТС на случай войны Германии с СССР озвучил Байдалаков на большом собрании в Белграде 22 февраля 1939 г.: «С кем идти? У русской совести может быть на это только один ответ: не со Сталиным, не с иноземными завоевателями, а со всем русским народом... Борьба на два фронта — с завоевателями извне и с тиранией внутри — будет весьма тяжела, [но] Россию спасёт русская сила на русской земле: на каждом из нас лежит долг отдать себя делу создания этой силы».

Реальную «Третью силу» создать не удалось, но была поставлена нравственно внятная цель. Она требовала и контактов с западными державами. При посредничестве польского правительства в изгнании М. А. Георгиевский должен был выехать в Лондон, но внезапная ок-

купация Югославии немцами в апреле 1941 г. сорвала этот план. Вёл он также переписку с членами НТС в США, но это были в основном студенты, не имевшие влияния на большую политику.

В мае 1941 г. в оккупированный Белград прибыл участник Белого движения В. М. Деспотули, редактор официозной берлинской газеты «Новое Слово». Он убедил других членов Исполбюро в том, что положение небезнадёжно, что на немецкую восточную политику можно будет влиять, но для этого надо находиться в Берлине. В августе туда из Белграда отправилась группа В. М. Байдалакова, за ней другие. Арестованных в апреле в Праге и Париже членов Союза немцы отпустили и тоже направили в Берлин. М. А. Георгиевский остался в Земуне (пригороде Белграда, отошедшем при немцах к Хорватии); в делах Союза он не участвовал, а после прихода Красной армии был арестован, отправлен на Лубянку и в 1950 г. расстрелян.

Гитлеровская диктатура не была монолитной — в ней существовали межведомственные и внутриведомственные разломы, что позволяло вести деятельность, не согласующуюся с целями нацистов. В среде армейского офицерства противостояние гитлеровской политике в России было особенно сильно; встречались его очаги и в Министерстве Восточных областей.

После гибели множества советских пленных страшной зимой 1941/1942 гг. надежды на изменение немецкой политики на Востоке померкли, но не угасли.

В марте 1942 г. в Вустрау под Берлином открылся учебный лагерь для переподготовки военнопленных, отобранных на административные должности в оккупированных областях. В. Д. Поремский, Р. Н. Редлих и другие деятели НТС отправились туда в качестве преподавателей. Вустрау стал ключевым местом встречи внутрироссийской оппозиции с зарубежной.

Из более чем 500 выпускников Вустрау в НТС вступили около 30, в том числе будущие члены Совета Союза генерал Ф. И. Трухин и доцент А. Н. Зайцев (Артёмов). Год спустя, формируя Школу пропагандистов РОА в Дабендорфе, Власов почти весь её преподавательский состав нашёл в Вустрау. Служивший здесь библиотекарем профессор В. В. Минаев стал основателем тайной Российской Национальной партии — монархического толка. Здесь же шла работа над основным документом Союза — «Схемой Национально-Трудового Строя». Союз не хотел писать политическую программу в эмиграции, до встречи

с народом. Эта встреча состоялась в Вустрау и в оккупированной России, где местные группы тоже работали над «Схемой...». Совет НТС на единственном в годы войны собрании 26–28 ноября 1942 г. принял её текст. Типографским способом на 96 страницах её издали в 1944 г. монахи Почаевской Лавры в Словакии.

«Схема...» начинается так: «История первой половины XX в. есть история величайшего кризиса человечества. Мировые войны и социальные революции <...> суть лишь внешние проявления этого всемирного кризиса. Главные причины кризиса следует искать не столько в борьбе за рынки и жизненные пространства <...> сколько в тех общественно-политических идеалах, на которых зиждутся известные сейчас социально-политические системы».

Выход из кризиса требует нового мировоззрения, признающего самоценность человеческой личности и главенство сотрудничества, а не борьбы человеческих сообществ. «Схема...» подробно перечисляет права и свободы человека — и это в сердце нацистской Германии, за шесть лет до Всеобщей декларации ООН! Она перечисляет желательные качества государства и предлагает систему делового представительства, то есть беспартийной демократии, со ступенчатыми выборами, где каждый избиратель может лично знать своего кандидата. Причём каждому избирателю положено два голоса: один по месту жительства, другой по месту работы. Схема делового представительства напоминает план Сперанского 1809 г., частично воплощённый в русском земстве. Экономический раздел напоминает нэп, который при Сталине вспоминался как время благосостояния, но изначально был схемой экономически неустойчивой. В обоих случаях образцы взяты отечественные. «Схема...» отрицала «комедию парламентских выборов» и удержание «командных высот» экономики в частных руках. Она предлагала евреям выехать из страны или поселиться в отдельной области. Эти слова противоречили традиции Союза, отражённой М. А. Георгиевским в газете «За Россию» в 1939 г.: «Неужели же не унижительно для русского национального достоинства сваливать все беды на жидомасонов?»

Несмотря на родимые пятна своего времени, «Схема...» содержит набор лозунгов, вполне актуальных и по сей день: «Труд — источник собственности; собственность — залог свободы», «Государство основано на общественной самодеятельности», «Власть на местах — самоуправлению из местных людей; власть в государстве — лучшим людям из местного самоуправления», «С позорной нищетой населения надо

покончить навсегда», «Россия — семья свободных народов», «Международная солидарность — основа международных отношений».

В заключении «Схемы...» сказано: «Для осуществления Национальной Революции необходимо: 1. Выявление всех национальных антибольшевицких сил. 2. Создание мощного освободительного народного движения, оформленного в политическую организацию и опирающегося на вооруженную силу». Этому и были посвящены усилия НТС в годы войны.

Политическую организацию старались строить на оккупированной территории СССР; гуманитарная и просветительская работа велась и в нескольких лагерях «восточных рабочих» в Германии.

Переходы из Польши на оккупированную территорию начались уже в июле 1941 г. Ими ведал председатель польского Отдела Союза А. Э. Вюрглер; он доставал проездные документы, хотя ехали и без его помощи, кто как умел. В итоге в оккупированную Россию из Югославии, Болгарии, Чехии, Словакии, Франции, Бельгии, Германии, Польши и Прибалтики пробралось более 250 человек — примерно каждый пятый член Союза в Европе оставил свой дом. Деятель молодёжной организации «Витязей» в Праге Сергей Тарасов писал:

*Подведя всей прошедшей работе итог,
Мы отдали приказ себе сами
И ушли в неизвестность, туда, на восток,
Распроставшись с семьёй и друзьями.*

Ему вторил В. В. Бранд, редактор варшавской газеты «Меч», в прошлом подполковник Северо-Западной Белой армии. В ноябре 1941 г. по дороге в Смоленск, где он вскоре умер от тифа, Бранд писал:

*Что ждёт нас там? Восторг иль муки
В родной, неведомой стране?
Несли ей сердце, мозг и руки,
Молясь в осенней тишине.*

Осенью 1941 г. были образованы группы НТС в Минске, Витебске, Борисове. В Смоленске работе Г. С. Околовича покровительствовал городской голова Б. Г. Меньшагин. При Псковской миссии Русской Православной Церкви числилось около десяти членов Союза, они

работали с юношеством. Вслед за фронтом члены Союза добрались до Гатчины, Вязьмы, Орла и даже — на короткое время — до Грозного. Осенью 1942 г. через Киев и Днепропетровск удалось проехать А. И. Кишковскому и другим деятелям НТС. Используя родственные связи и случайные знакомства, они привлекли в «сочувствующие» НТС около двух десятков молодых людей, обеспечив их литературой для подготовки к вступлению в Союз. В том числе в Днепропетровске журналиста Евгения Островского, будущего председателя НТС.

Локотский автономный округ — «Болотная республика» — был задуман Константином Воскобойником и другими антикоммунистами как зародыш будущего российского государства независимо от НТС, однако Союз держал с ним связь. Второй такой округ создали донские казаки, но существовал он недолго. Из-за отступления фронта формирование казачьих частей перевели в Кировоград, где также появились связные НТС.

Немецкие спецслужбы считали деятельность НТС среди местного населения опасной. В феврале 1942 г. в одной из докладных записок Абвера (армейская контрразведка) сообщалось, что члены Союза попытались создать собственные «правительственные органы на случай занятия Москвы», распространяли листовки, утверждая, что «ни немцы, ни большевики не могут принести благо будущей России». 10 марта 1942 г. сотрудники отдела пропаганды штаба Группы армий «Центр» в составленном ими меморандуме назвали идеи НТС открыто противоречащими политическим планам Германии на Востоке: «Нет сомнений в том, что агитация членов Союза очень быстро может создать зародыш новой национально-шовинистической оппозиции, которая была бы не менее опасна, чем остатки большевицких элементов».

Чтобы не подставлять под удар центр Союза, который вёл тогда переговоры с немцами о развёртывании Власовского движения, члены НТС в Киеве, по согласованию с В. М. Байдалаковым, в феврале 1943 г. создали НРП — Народно-Революционную партию «Третья сила». Это позволяло участвовать в освободительной борьбе и против коммунистов, и против оккупантов. Группы кандидатов в члены НТС добровольно переоформили своё членство в НРП. Технический центр начал работу в Киеве, но уже в апреле переместился в Винницу, перегруженную эвакуированными из восточных районов. Там под руководством А. И. Данилова на складе металлолома устроили место для ночлега, там же на двух ротаторах размножали литературу (некоторые листовки печатались

в городской типографии по знакомству). 10-12 членов НРП с фальшивыми документами совершали челночные разъезды, распространяя листовки типа «Ни тех, ни других. Давай своих» и «Покончим с Гитлером, возьмёмся за Сталина». Они способствовали созданию новых самостоятельных групп. Несколько групп уже действовали: из татар-мусульман в Крыму (в ведении Малика Мулича из Сараево), в казачьих частях в Кировограде, в районах Знаменки, Умани и Полтавы. Так, к осени 1943 г., всего за семь-восемь месяцев существования НРП, были созданы группы общей численностью до 500 человек. Действовал и отдельный партизанский отряд под названием «Третья сила» (12 человек).

После битвы на Курской дуге в июле 1943 г. немецкое отступление стало необратимым. Обстановка под оккупацией сделалась более рыхлой, усилилось партизанское движение. В Полоцке прошли митинги НТС под трёхцветным российским флагом. Ужесточились и репрессии: за связь с партизанами было убито до 30 человек из НТС⁴. Эхо этих репрессий отозвалось в Германии: в Людвигсхафене в июле 1943 г. за связь с рабочими-остовцами арестовали четырёх членов; двое из них погибли в концлагерях.

Чтобы иметь возможность передвигаться через многочисленные блокпосты и заставы в насыщенных партизанами областях, ряд членов Союза состояли в разведывательной организации Абвера «Зондерштаб Р». Её задачей было наблюдение за партизанами, но члены Союза более легкомысленно называли её туристическим бюро. Заместителем начальника по политической части там служил всё тот же А. Э. Вюрглер. Он вёл сложные связи, в частности, с польским подпольем, Армией Крайовой, покрывал липовые сводки членов НТС и долгое время, будучи гражданином Швейцарии, не чувял опасности. 23 декабря 1943 г. он был убит среди бела дня на улице Варшавы. Начальника «Зондерштаба» немцы арестовали и штаб упразднили.

⁴ В числе убитых немцами во время оккупации членов НТС Семён Алексеенко в Молдочено; Андрей Белинский (гимназист из Белграда), Михаил Бондаренко в Пинске; Нина Борисова (погибла в тюрьме в 1943 г.), Александр Зудков и Пётр Рисов в Варшаве; Евгений Волновский в Могилёве; Сергей Gladков, доктор Лосев (погибший по вине русского осведомителя за связь с партизанами) и Анатолий Шумский в Минске; Игорь Горин, Лидия и Роман Сорокины в Смоленске; Владимир Лукашениа и Николай Сагайдаковский в Борисове; Николай Павлов на Вольни; Юрий Пянков в Одессе; Михаил Сенчик в Ровно; Николай Шалдыкин в Вязьме; Илья Шахов в Ченстохове; Александр Шацкий в Тарнове; Анатолий Супрунов, Николай Тёмкин, Авраамий Хохлов и др. При невыясненных обстоятельствах в Проскурове погиб участник НРП Сергей Бевад.

Через полгода последовали масштабные репрессии против НТС. В июне 1944 г. в Верхней Силезии гестапо арестовало 44 человека, к концу месяца в Берлине — около 50, причем в их число вошло всё Исполнительное Бюро: В. М. Байдалаков, Д. В. Брунст, К. Д. Вергун, В. Д. По-ремский. Шли аресты в Варшаве и Вене. В сентябре под третью волну арестов попало запасное Исполбюро: Г. С. Околович, М. Л. Ольгский и Е. Р. Островский. Всего было арестовано до 150 членов НТС. Часть руководства гестапо держало в Берлине, в тюрьме на Александерплац, остальных арестованных отправили по концлагерям, где многие и по-гибли⁵. Содержавшихся в Берлине освободили 4 апреля 1945 г. на поруки генерала Власова. Возможно, эти репрессии стали следствием принято-го в верхах германской госбезопасности решения дать ход Власовскому движению. Для контроля над ним надо было изолировать его от НТС. С арестами его членов по времени совпало похищение и убийство в июне 1944 г. видного идеолога Власовского движения майора М. А. Зыкова.

В 1944 г., когда Красная армия стала выходить за пределы Со-ветского Союза, Технический центр НРП пришлось отвести в Одессу, а потом во Львов. Чтобы восстановить связь со страной, в июне 1944 г. отряд из 12 человек под командованием Г. А. Хомутова благополучно прошёл через фронт, но попал в засаду. Сам Хомутов погиб, 11 чело-век команды были осуждены к различным срокам ГУЛАГа.

Затем удалось договориться с начальством немецких разведшкол, оказавшихся перед угрозой закрытия из-за отсутствия кандидатов-добровольцев, о переброске союзных групп через фронт на самолёте. Для разведки из общей команды А. И. Данилова спешно выделили группу Ю. Ф. Луценко. 12 человек в декабре 1944 г. были десантиро-

⁵ Среди погибших в немецких концлагерях в 1943–1945 гг. членов НТС: Александр Бершадский, Николай Блаут, Семён Ефремов, Евгений Журавлёв, Леонид Лен-ский, Пётр Мацкевич, Адриан Пауков, Александр Русаков из Бреславля; Антоний Домецкий, Борис Дубровин из Валякса (Франция); Виктор Кимоид, Георгий Лу-кьянов, Владимир Любимов, Георгий Полошкин-Позе из Одессы; Яков Прокофьев из Варшавы; Евгений Русаков; доктор Николай Митрофанович Сергеев, руководи-тель молодёжи в Праге и в Берлине Василий Фёдорович Сметанин; руководитель НТС в Марселе Роман Тагезен; заместитель начальника учебного лагеря «Санкт-Йоханн» Владимир Фадеев; Дмитрий Владимирович Хорват, руководитель НТС в Бреславле; Дмитрий Чураев, Юлия Шиндлер, Иван Шишкин из Лодзи и др. Член Исполбюро Кирилл Дмитриевич Вергун, выйдя из тюрьмы, погиб в апреле 1945 г. под американской бомбардировкой в Гльзене. С ним погибли Игорь Жеди-лягин и носившие передачи узникам берлинских тюрем Мария Геккер с дочерью Наташей.

ваны в лес Брянской области. Там группа попала в облаву. СМЕРШ собирался организовать вызов основной команды Данилова, однако радист Аркадий Серафимович сорвал радиоигру и команда не вылетела.

Группа Елены Манохиной из пяти человек на самолёте той же разведшколы была переброшена за линию фронта в Карпатах. При перестрелке погибли четверо. Манохину осудили к 25 годам ГУЛАГа. Данилов во главе оставшейся команды был вынужден продвигаться на Запад.

В замке на Градчанах в Праге 14 ноября 1944 г. состоялся государственный акт, на котором был учреждён Комитет освобождения народов России (КОНР) как союзное Германии образование, и А. А. Власов огласил его Манифест. Из 49 человек, подписавших Манифест, только 7 состояли в НТС, большинство его видных деятелей сидело по тюрьмам. Но второй из 14 пунктов Манифеста гласил: «Утверждение национально-трудового строя...», что было прямой ссылкой на «Схему НТС». Во Власовском движении обозначились два идейных крыла: неомарксистское — наследников внутрипартийной оппозиции 1930-х гг., и национальное — наследников Белого движения. Работали они дружно; именно неомарксисты посоветовали Власову привлечь в школу пропагандистов в Дабендорфе в качестве преподавателей членов НТС из Вустрау.

Акт 14 ноября положил начало формированию трёх дивизий, авиации и Гражданского управления КОНР, долженствовавшего заботиться о русских рабочих и беженцах в Германии. В управительных органах КОНР нашли работу несколько десятков членов Союза, избежавших ареста. Отсутствием нацистских штампов новая власовская газета «Воля Народа» разительно отличалась от предшествовавшего ей «Нового Слова».

Воодушевление, вызванное появлением КОНР, было огромно: в течение четырёх месяцев заявления о вступлении в Вооружённые силы КОНР подали 800 тысяч человек, то есть примерно каждый седьмой из пяти-шести миллионов советских граждан, находившихся по западную сторону фронта. Возможно, не все они верили в скорую победу Власова, но видели в нём нечто своё и крепкое в чужом, шатком мире. Фюрер официально передал Власову командование силами КОНР 28 января 1945 г. (за три месяца до своего самоубийства), и власовцы радостно спорили с формы «птичку» — нацистского орла со свастикой.

Трагедия Освободительного Движения времен Второй мировой войны состоит в том, что Гитлер готов был дать ему ход только под давлением побед Красной армии, которые, в свою очередь, делали его победу всё менее вероятной.

Немцы на одном дыхании дошли до Москвы, но главнокомандующий сухопутными силами фельдмаршал фон Браухич уже в ноябре 1941 г. понял, что на второе дыхание сил им не хватит, и поставил резолюцию «Halte Ich für kriegsentscheidend» («Считаю решающим для исхода войны») на предложении создать союзную с Германией Русскую Освободительную Армию (РОА) под русским командованием. Браухич видел, что без опоры на население войну до победы не довести. А готовность к сотрудничеству была огромна: сотни тысяч русских «хи-ви» служили при германских частях; инициатива создания РОА шла именно с русской стороны, от местных управ и комитетов в Смоленске, Борисове и других городах, от групп офицеров в лагерях военнопленных. Немецкие офицеры эту инициативу подхватывали и продвигали по своим инстанциям. Но фюрер — верховная инстанция — был против. В декабре он уволил Браухича, и восторжествовал курс не на сотрудничество с населением, а на его подавление, что и решило исход войны. Под оккупацией вскоре мрачно острили: «Большевики не могли из нас сделать большевиков за двадцать лет, а немцы сделали за два года».

Летом 1942 г., когда Власов попал в плен, «окно возможностей» Освободительного Движения стало быстро сужаться. Тем энергичнее старались продвигать Власова его сторонники: 3 августа он подал докладную записку, подобную той, что девять месяцев назад одобрил ныне опальный Браухич; 17 сентября его привезли из лагеря военнопленных в Виннице в Берлин, где вскоре с ним встретились представители НТС. Союз давно держал в уме образ некоего безвестного «комкора Сидорчука», который поднимет на восстание энскую часть и возглавит Национальную Революцию. Власов виделся такой возможной фигурой.

Его продвижению явно помог Сталинград: там 22 ноября замкнулось кольцо вокруг 6-й немецкой армии. А 27 декабря покровители Власова в вермахте дали ему огласить Смоленское воззвание, в марте — открыть школу пропагандистов в Дабендорфе. Школа сделалась учебным и идейным центром Движения. Не беда, полагали гитлеровцы, если русские части при вермахте будут думать, что служат России, а не Германии; но выпустить их из-под своего командования, а тем более подчинить русскому антисоветскому правительству, кате-

горически отказывались. В расчёте на то, что миф освободительной армии со временем обретёт плоть, сторонники Власова в Группе армий «Центр» (а потом и «Север») отправили его в поездку (напоминающую предвыборную кампанию) по прифронтовой полосе, а сами заложили бомбу в самолёт, которым фюрер летел из Смоленска к себе в ставку в Восточной Пруссии. Заговорщики во главе с полковником Х. фон Тресковым намеревались в случае успеха провозгласить Власова главой русского правительства в Смоленске. Но детонатор в английской бомбе не сработал, а независимые речи Власова перед населением лишний раз убедили Гитлера в том, что Россия ему не нужна ни как противник, ни как союзник: лучше, чтобы не было никакой России. Власова отправили под домашний арест. А между тем «патриотические» реформы Сталина — введение погонов, признание патриарха, роспуск Коминтерна и Союза воинствующих безбожников — последовали именно после Смоленского воззвания Власова.

К лету 1944 г. положение Германии стало вовсе безнадёжным, и лишь тогда Власовым заинтересовалось второе лицо в государстве — презиравший его ранее рейхсфюрер СС Гиммлер. Их встреча, назначенная на 20 июля, сорвалась из-за покушения на Гитлера и была отложена на сентябрь. Встреча произвела на Гиммлера такое впечатление, что он дал Власову полный ход. Однако не сразу: ещё два месяца ушло на тайные переговоры о сепаратном мире, которые нацисты вели с СССР в Стокгольме.

Провал Германии открыл двери Власову, но ей уже не хватало оружия для собственных войск, и вооружить, как предполагалось, десять русских дивизий было нереально. Изменилось и отношение немецкой армии: многие идейные сторонники Власова погибли из-за участия в заговоре 20 июля, а их преемникам каждый солдат нужен был на фронте сейчас, а не в резерве на будущее. Да еще в таком резерве, который мог повернуть оружие (что и произошло в Праге). Но самое важное — изменился характер Красной армии: поздней осенью 1942 г. число убитых превысило число сдавшихся в плен. Армия всё больше ощущала себя не Красной, а Русской и воспринимала русские части по западную сторону фронта отрицательно. Через фронт в РОА переходили и на Одере, в 1945 г., но время Освободительного Движения ушло. После невероятного кровопускания на фронте и невзгод в тылу страна решила, что справиться с гитлеровской диктатурой — задача, достаточная для одного поколения; ликвидировать сталинскую предстояло

следующим. Не надо только забывать, что повестка дня для послесталинского сорокалетия была намечена в Праге 14 ноября 1944 г. Кусками и не обязательно буквально, но Маленков и Хрущёв, Горбачёв и Ельцин выполнили 14 пунктов Пражского манифеста. И для второй пореволюционной эмиграции Власов остался такой же знаковой фигурой, какой Врангель был для первой.

6. После войны: восстановление организации

В первые послевоенные годы в Западной Европе НТС собирал своих членов и спасал советских граждан от принудительной репатриации. В частности, из отходившего под советскую оккупацию лагеря «Нидерзаксверфен» К. В. Болдырев, запрету вопреки, в июне 1945 г. вывез 500 человек в Менхегоф под Касселем, в американскую зону оккупации. Вскоре здесь нашли пристанище 3000 русских беженцев; здесь в ноябре 1945 г. стал выходить еженедельник «Посев», а на следующий год — литературный журнал «Грани». Здесь же в июле 1946 г. собрались пять действующих членов Совета НТС (трое были тогда заключёнными в СССР, двое погибли). Пополнив свой состав до 12 человек, они приняли: отредактированный текст «Схемы...» 1942 г. в качестве Программы НТС (которая затем прошла ещё редакции 1948, 1950, 1959 и 1974 гг.); новый, обязательный для членов документ «Основы дела», передающий дух и обычаи Союза, а также Устав с новой системой выборов Совета и семь политических резолюций. Половину нового Совета составили бывшие узники нацистских тюрем, что для западных держав служило свидетельством антифашистской сути организации.

Облик её за годы войны изменился. Так, во Франции от почти 300 членов Союза (по предвоенному состоянию) к 1953 г. осталось 70; большинство отошло просто по возрасту. По Зарубежью в целом на 1953 г. числилось 823 члена Союза, около половины из них составляли бывшие советские граждане. А старые эмигранты, побывавшие в России, зачастую привозили с собой оттуда жён. Срастание двух разных потоков эмиграции в Союзе удалось, но не без боли: в 1947–1955 гг. расколы на идейно-психологической почве происходили в Париже, Гамбурге, Нью-Йорке и, наконец, в центре, во Франкфурте. Потом эмоции утихли; приток «третьей эмиграции» прошёл спокойно. Ко времени падения советской власти в 1990-х гг. зарубежный состав выглядел так:

Родились за границей	43%
Вторая эмиграция	24%
Третья эмиграция	17%
Первая эмиграция	16%

Средний возраст к тому времени превысил 64 года, что ограничило участие зарубежных кадров в российских событиях.

В беженский период в послевоенной Германии НТС вдобавок к «Посеву» и «Граням» издавал газеты «Эхо» (Регенсбург, 1946–1949) и «Новости» (Мюнхен, 1947–1948) общим тиражом около десяти тысяч экземпляров. Из книг надо отметить «Основы органического мировоззрения» С. А. Левицкого — учебник по философии, который читали все молодые члены Союза, и «Очерки большевизмоведения», давшие анализ советского общества и сталинщины. Их издал Институт изучения СССР при НТС (не путать с одноимённым институтом, позже открытым американцами в Мюнхене). Помимо Менхегофа и его подлагерей в руках НТС находилось управление лагерем перемещённых лиц Гамбург-Нойграбен. Особое внимание Союз уделял занятиям с молодёжью: две трети руководителей Организации Российских Юных Разведчиков (ОРЮР, или скаутов) состояли тогда в НТС. Позже отношения ОРЮР — НТС охладели, но те же руководители помогли в 1989–1990 гг. пересадить ОРЮР в Россию.

Политическая деятельность, направленная против любой из стран-победительниц, эмигрантам в Западной Европе в эти годы запрещалась, да они к ней и не очень стремились; Советский Союз находился на вершине славы, его власть казалась незыблемой. Во Франции, в Чехии, в США многие эмигранты увлеклись советским патриотизмом, некоторые уехали в СССР.

Беженцами же в Германии и Австрии владело одно стремление: дальше от Советской Армии, как минимум в Марокко, а лучше за океан, в Канаду, Аргентину, Австралию или в США, если пустят. В 1948 г. отпала опасность принудительной репатриации, и берлинский кризис обозначил начало холодной войны. В лагерях перемещённых лиц вышли на свет разные политические группировки, от монархистов до социалистов, и целых пять власовских. Но с разездом за океан большинство их заглохло. До 1980-х гг. дожил созданный власовской молодёжью Союз Борьбы за Освобождение Народов России (СБОНР), издававший журнал «Борьба» и причастный к издательствам «Заря» (Канада) и «Глобус» (Калифорния, США). Он вобрал в себя ряд членов

НТС, недовольных «излишним консерватизмом» последнего. В отличие от НТС власовцы — в знак своего демократизма — чтили «народную» Февральскую революцию. Впрочем, на начатых американцами в 1950-х гг. переговорах об объединении эмиграции А. Ф. Керенский выступал на стороне НТС, а СБОНР — на стороне сепаратистов.

В СССР тем временем самой острой формой сопротивления стала партизанская война. Она польхала в Галиции, на Волыни, в Литве, но затронула и бывшие Локотские места на Брянщине, где последнее сопротивление было подавлено в феврале 1951 г., а судебные процессы тянулись и в 1970-х гг. Власти никак не могли успокоиться, что Тонька-пулемётчица расстреливала коммунистов. К концу войны НТС пытался, как мы видели, направить туда своих людей и через фронт, и воздушным десантом, но неудачно.

После войны многие члены НТС были казнены⁶, большинство попало в концлагеря, в частности на Воркуту. Там во время событий лета 1953 г. пять членов НТС на шахте № 7 вошли в забастовочный комитет. К моменту освобождения в 1956 г. значительное число членов Союза скопилось в Мордовии, в посёлке Явас. Здесь в 1957 г. Е. И. Дивнич и его друзья основали Всероссийский Национально-Трудовой Союз (ВНТС); его члены жили в разных городах. Часть из них была обнаружена и осуждена на закрытом процессе в Москве в 1959 г. КГБ выпустил от имени Е. И. Дивнича и Д. В. Брунста «покаянные» книги, стиль которых выдаёт их подлинного автора.

Процесс ВНТС на пять лет опередил возникновение Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН) — организации, близкой НТС по духу, но в то время никак с ним не связанной. За ВСХСОН в 1968–1969 гг. последовал Союз борьбы за политическую свободу — среди офицеров Балтфлота, также признававший вооружённое восстание. Заменить его тактикой ненасильственного сопротивления в 1970–1974 гг. призвало Демократическое Движение Советского Союза (ДДСС), предвосхитившее приёмы польской «Солидарности».

⁶ В числе погибших от руки режима в конце или после войны членов НТС: Михаил Георгиевский — расстрелян 12.09.1950; Игорь Жадан — осуждён к расстрелу в Потсдаме 06.09.1946; вместе с ним осуждены Владимир Смолин и Евгений Васильев; Дмитрий Завжалов из Болгарии — расстрелян в 1945 г.; Михаил Меандров — повешен 01.08.1946; Иван Мелких — погиб в концлагере; Георгий Хомотов — расстрелян после 1944 г.; Михаил Тарновский — расстрелян 18.01.1946; Фёдор Трухин — повешен 01.08.1946; Александр Шатерник — арестован в декабре 1944 г. в Болгарии, расстрелян 09.05.1945 в Одессе.

Из членов НТС, отбывших после войны от 8 до 12 лет заключения, трое позже выехали за границу и написали воспоминания, а около десятка человек дожили до конца власти КПСС и восстановили связь с организацией.

Связь Зарубежья с сидящими после войны в сталинских лагерях членами Союза отсутствовала, хотя в Воркуте в 1953 г. по западному радио узнали о Берлинском восстании и взяли с него пример. Зато у НТС появилась гораздо более близкая мишень — группа советских оккупационных войск в Германии. Тех самых, от которых эмиграция бежала за океан. Но НТС, как не раз прежде, повернул против течения и уже в 1948 г. направил своих людей в Берлин и Вену на встречи с этой армией. Оба города делились тогда на четыре оккупационных сектора: советский, американский, английский и французский, и серьёзных барьеров между ними не было. Если вспомнить эпизоды содействия советских военных восставшим немцам в 1953 г. и венграм в 1956 г., становится ясно, что внимание, уделённое армии, было дальновидным. Именам всех тех солдат, которых расстреляли за помощь восставшим, предстоит ещё быть раскрытыми и войти в мартиролог российского сопротивления.

Помимо политической пропаганды в духе «Служи народу, а не власти» НТС в Берлине занимался и гуманитарной помощью. В августе 1950 г. при содействии православного прихода в Гамбурге был создан комитет помощи русским беженцам. Его вскоре возглавил член Совета НТС А. Р. Трушнович. Комитет к бегству из армии отнюдь не призывал, но помогал бежавшим избежать грозившей расстрелом выдачи советским властям.

7. «Молекулярная теория»

Все эти дела не снимали бытовавшего в эмиграции убеждения, что революция при тоталитарном режиме невозможна. Такое убеждение создавало весьма безнадёжную перспективу и делало существование НТС бессмысленным. Чтобы его преодолеть, В. Д. Поремский в 1948 г. написал работу «К теории революции в условиях тоталитарного режима», ставшую известной как «молекулярная теория».

Автор прежде всего задался вопросом: что именно невозможно при тоталитарном режиме? Невозможна разветвлённая иерархическая

структура организации с личными связями между её членами. Но эффективность организации зависит от единства мысли ее членов и единства их действий, а не от структуры. Потому надо добиться максимального единства мысли и действий при минимальной структуре, которую составляют не связанные между собою «молекулы»: один, два, никак не более трёх человек, безадресно получающих единообразные инструкции от зарубежного центра и безадресно сигнализирующих о себе окружающему миру. Когда страна наполнится такими сигналами, которые власть бессильна пресечь, наступит качественное изменение обстановки, власть, очевидно, уже не будет тоталитарной и станут возможны различные политические сдвиги.

Чтобы способствовать единству мысли и действий, были написаны стандартные формулировки: ПРОТИВ ЧЕГО бороться (чем плох советский режим), ЗА ЧТО бороться (за какую Россию) и КАК бороться (набор доступных каждому малых дел, действенных благодаря своему многократному повторению). В числе малых дел — повторение лозунгов НТС («Несём Тиранам Смерть — Несём Трудящимся Свободу!») и трезуба, стилизованного под «вилы народного гнева».

В январе 1949 г. эту концепцию принял Совет НТС. Она нашла отклик среди членов, и работа закипела. Типография, работавшая днём по коммерческим заказам международной беженской организации ИРО, перешла на круглосуточный режим и по ночам печатала листовки для Советской Армии, которые отправлялись в Берлин и Вену. В их распространении среди советских войск участвовала местная молодёжь.

Из деталей, найденных на складах использованного военного имущества, был собран и смонтирован на автомобильном шасси радиопередатчик. Осенью 1950 г. в эфире прозвучали позывные — первые музыкальные фразы Пятой симфонии Чайковского и слова: «Вы слушаете радиостанцию “Свободная Россия”. Говорит НТС». Чтобы избежать пеленгации, передатчик ежедневно менял своё положение, разъезжая по лесным дорогам: антенна забрасывалась на дерево. Для ухода от глушения, за которым следила отдельная установка, длина волны немного менялась. Мощность «Свободной России», даже после 1962 г., когда она стала стационарной, не превышала одного киловатта, западные «голоса» были в десятки раз сильнее. Слушать её было трудно, но слушали, даже записывали на ленту. Юрий Левин в Ленинграде от имени группы «Молодая Россия» вступил с этой радиостанцией в двустороннюю зашифрованную связь, за что получил

десятилетний срок; его друзьям дали три и четыре года. Отдельный передатчик «Свободной России» вещал из пригорода Берлина на частотах связистов Советской Армии. Передачи с территории Германии в 1972 г. были запрещены социал-демократическим правительством, но с Дальнего Востока вещание продолжалось до 1976 г.

В 1951 г. в одном из барачков посёлка Солидарск в Бад-Гомбурге был установлен 20-метровый стол, на котором из пластмассы выкраивались воздушные шары. Они наполнялись водородом, поднимали до 90 килограмм груза и неслись на восток в верхних слоях атмосферы, периодически сбрасывая пачки с листовками. За шесть лет с помощью шаров было заброшено 97 миллионов листовок и около 9 миллионов единиц другой литературы. Сведения об этих находках поступали с разных концов страны (например, в Казахстане в 1954 г. пакет листовок высыпался на колонну заключённых), но основная их масса пропала в полях и лесах. С появлением более прямых способов доставки использование шаров прекратилось. На этом настаивали и американцы, чьи разведывательные самолёты «У-2» в июне 1956 г. начали летать над СССР на тех же высотах.

После смерти Сталина умножилось число советских граждан, выезжающих за границу: научные и спортивные делегации, организованные туристические группы. Это расширило возможности зарубежной оперативки НТС, то есть контактов с советскими гражданами за рубежом. Спортивные и туристические группы зорко охранялись «няньками» из госбезопасности, но учёные порой чувствовали себя достаточно свободно и с интересом брали литературу: для них издавался журнал «Наши Дни». Особое внимание НТС уделял морякам: они умели провозить литературу оптом и сбывать на чёрном рынке в портовых городах; для них издавалась газета «Вахта». В зарубежной оперативке участвовали не только платные работники НТС, но и многие рядовые члены по всему миру, от Европы до Австралии.

Массовая рассылка шла с 1961 г. в обычных почтовых конвертах, по случайным адресам, взятым из справочников и объявлений (акция «Стрела»). Этой рассылкой занимались сотни друзей и членов Союза в разных странах. «Стрела» позволяла находить новые контакты.

«Молекулярная теория» предусматривала помимо множества не связанных между собой малых групп «каркас» опорных точек, держащих по радио двустороннюю связь с центром. В Бад-Гомбурге действовали курсы для подготовки зарубежных работников НТС, из которых

отбирались добровольцы для заброски в СССР. Они проходили дополнительную подготовку в сутобо секретной «каркасной школе» на одном из озёр Альпийского предгорья.

Газета «Правда» от 27 мая 1953 г. сообщила, что в ночь на 26 апреля на территорию Украины спустились четыре парашютиста; при них найдены клише для печатания листовок, портативные радиопередатчики и средства шифровки. Парашютисты Сергей Горбунов, Александр Лахно, Александр Маков и Дмитрий Ремига приговорены к расстрелу, приговор приведён в исполнение. Про НТС в сообщении нет ни слова, однако все четверо были известны в эмигрантской среде, у них имелись семьи, и Союз подтвердил их принадлежность к НТС.

Расстрел произвёл гнетущее впечатление, вызвал недовольство сотрудничеством с американцами и способствовал расколу в НТС. Около 15% членов из организации ушло, в их числе немало заслуженных деятелей. Группа вокруг председателя Союза В. М. Байдалакова в январе 1955 г. попыталась сменить действующее Исполнительное Бюро, за что Суд чести исключил из организации его, двух других членов Совета и трёх членов Руководящего Круга. Новым председателем избрали В. Д. Поремского. Полёты с парашютистами были прекращены сразу же, в мае 1953 г.; «каркасная школа» была закрыта; её начальник по линии американской разведки Вильям Коффин подал в отставку, поступил на богословский факультет и стал пресвитерианским священником.

Год спустя, 15 июня 1954 г., появилось сообщение ТАСС непосредственно о членах НТС М. П. Кудрявцеве и Н. И. Якуте: «Они явились с повинной». На самом деле они тяжело поранились при приземлении, в таком состоянии были арестованы и принуждены, сидя на Лубянке, давать ложные радиогаммы в центр НТС.

Хотя полёты прекратились в 1953 г., новые разоблачения парашютистов НТС следовали с 1957 по 1960 г. Названы К. И. Хмельницкий, В. Н. Кравец, В. М. Славнов, М. С. Платовский. Некоторым годами удавалось оставаться на свободе. По слухам, одиннадцатый из парашютистов, Н. А. Олехнович, при задержании осенью 1953 г. съел ампулу с ядом; о двенадцатом, П. И. Маликове, сведений нет.

В 40-ю годовщину расстрела четырёх, в июне 1993 г., в Москве в бывшем доме Госстроя прошла многолюдная пресс-конференция, на которой выступили дочь Александра Макова Наталия, переехавшая жить в Россию, один из парашютистов М. И. Кудрявцев и полковник КГБ в отставке Ярослав Карпович. Вильяму Коффину послали приглашение, но он не откликнулся.

8. Между ЦРУ и КГБ

С 1951 г. и до Венгерской революции в 1956 г. Соединённые Штаты пробовали перейти от стратегии «сдерживания» коммунизма к стратегии «освобождения». С этой целью они оказывали поддержку эмигрантам из находящихся под советским контролем стран, создали радио «Свободная Европа», вещавшее главным образом на Чехословакию, Польшу и Венгрию. Заинтересовались они и выходцами из СССР. Попытались образовать коалицию эмигрантских организаций, включая сепаратистские, чтобы передать ей вещание на СССР. В переговорах участвовал и НТС, но они ни к чему не привели. Хозяином открытого в 1953 г. радио «Освобождение» (позже «Свобода») стал одноимённый американский комитет, который первоначально финансировало ЦРУ. На «Свободе», как ранее на «Голосе Америки», стали работать русские эмигранты, включая членов НТС. Благодаря им «голоса» звучали как русские, а не как иностранные; велись передачи и на других языках народов СССР.

НТС уже с 1951 г. получало средства для своей работы на СССР. Американцы стали финансировать его Закрытый Сектор (ЗС), то есть контакты с гражданами СССР. Сотрудничество шло в основном на техническом уровне, в содержание того, что писал НТС, американцы вмешивались редко (в июньские дни 1953 г. в Берлине они конфисковали призыв к восстанию в Советской Армии). НТС, как и прежде, отказывался иметь дело с военно-разведывательными данными и выдавать свои контакты, но делился политической информацией. Первое время британская разведка тоже поддерживала НТС, а потом перестала, решив, что ей от этого пользы нет.

Представление о размере поддержки даёт число сотрудников ЗС. В 1950-х гг. их было 15–20 человек, к началу поездок курьеров в СССР, в 1960-х, — до 60. Затем возник конфликт с ЦРУ, пожелавшим узнать контакты НТС в СССР; Союз, естественно, отказался, субсидии были урезаны, и число работников ЗС держалось на уровне около 40 до начала 1980-х гг., затем ещё уменьшилось. Последний платёж последовал, как заранее было оговорено, в марте 1991 г. — на том основании, что преодолевать железный занавес (для чего требовались дорогостоящие секретные поездки курьеров) более не требуется, НТС стал внутрироссийской организацией, а вмешиваться во внутрироссийскую политику ЦРУ не намерено. Открытая деятельность НТС в Зарубежье

✓ 3 мая 1951 г. у советского памятника в Берлине при распространении листовок захвачен член НТС Георгий Хрулёв. Осуждён на 15 лет; отбыв часть срока, вернулся в ФРГ.

✓ В июне 1951 г. в Рункеле-на-Лане разоблачена группа восточногерманских агентов, пытавшихся похитить Г. С. Околовича.

✓ Одновременно в Берлине сделана попытка завлечь в ловушку кого-либо из оперативной группы НТС. Завербованная противником Клара Кюн стала на сторону НТС и целый год, пока не ушла на Запад, предупреждала о грозящих акциях.

✓ В феврале 1952 г. во Франкфурте-на-Одере арестован 22-летний Фриц Хумпрехт, прибывший туда для распространения листовок НТС в расположении советских войск. В апреле он был расстрелян. Сегодня высказывается удивление жестокостью деятелей НТС, посылавших молодых немцев на такие опасные дела; но не удивительнее ли жестокость государства, расстреливавшего за действия, которые в нормальных условиях и на мелкое хулиганство не потянули бы?

✓ В апреле 1952 г. на границе с Тюрингией похищен член НТС Сергей Иванович Попов — видимо, со смертельным исходом.

✓ 13 января 1954 г. рейсом «Аэрофлота» из Москвы в Вену вылетел капитан МВД Николай Евгеньевич Хохлов. С санкции Политбюро ЦК КПСС ему было поручено убить Г. С. Околовича. 18 февраля он явился к Околовичу на квартиру, раскрыл весь план операции и отдал себя в руки НТС. Его немецкие сообщники были арестованы американской полицией, и дело получило широкую огласку на пресс-конференции 22 апреля.

✓ 13 апреля 1954 г. в Западном Берлине во время попытки похищения убит Александр Рудольфович Трушнович, член Совета НТС и председатель берлинского Комитета помощи беженцам, в прошлом капитан Корниловского ударного полка и майор РОА. Только летом 1992 г. пресс-служба внешней разведки Российской Федерации признала обстоятельства убийства, но место захоронения найти не удалось.

✓ В мае 1954 г. Верховный комиссар СССР в Австрии Ильичев потребовал от местных властей пресечь распространение литературы НТС в расположениях советских войск, угрожая в противном случае принять необходимые меры. Действительно, 20 июня советскими агентами в Линце был похищен работник НТС В. П. Треммель. Он находился в заключении 15 лет, потом выехал из СССР на Запад.

✓ Зимой 1954–1955 гг. в Западном Берлине удалось предотвратить две попытки похищения членов НТС, но в Потсдаме и Бранденбурге сотрудники НТС Ильза Николаи, Хельга Хайн, а также Петер Пюшель из Ростока были захвачены.

✓ В 1957 г. в «Посеве» вышла автобиографическая книга Н. Е. Хохлова «Право на совесть», где он рассказывает о том, как преодолевал коммунистическое мировоззрение в себе и кто пытался организовать убийство Околовича. На банкете после конференции «Посева» 15 сентября чекисты пытались отравить его радиоактивным таллием. Американские врачи спасли Хохлова, однако вывезти из Москвы его жену Янину и малолетнего сына американцы не сумели.

✓ В июле 1958 г. взорван дом в Шпрендлингене под Франкфуртом, где жили работники радиостанции НТС с семьями и хранилось оборудование. Обвалился угол двухэтажного дома, но никто не погиб.

✓ В июле 1961 г. произошёл взрыв во дворе дома на Мерианштрассе (Франкфурт), где «Посев» арендовал рабочие помещения. Цель взрыва — напугать владельца и соседей и заставить «Посев» уехать. Срочно организовали сбор средств, купили участок на окраине города и начали строить собственный дом.

✓ В 1962 г. на новостройке обнаружено взрывное устройство; его самостоятельно, до приезда полиции, разрядил Г. С. Околович.

✓ Между 10 и 13 июня 1963 г. вокруг стационарного радиопередатчика «Свободной России» было взорвано шесть мин. Цель та же — напугать соседей и вызвать их протест.

Очевидно, что советские органы стремились внедрить своих агентов в НТС; только в 1950-х гг. отмечено 15 таких попыток. Самая известная — дело Мюллера-Хорунжего; американский суд дал ему 14 лет за шпионаж, и, вернувшись потом в СССР, он злобно выступал против НТС.

Пропагандистские кампании против НТС шли волнами. Первая относится к 1934–1937 гг. Потом из газет надолго исчезли все упоминания о Союзе. С 1954 по 1960 г. в центральной прессе появилось более 200 статей на тему НТС. Затем — опять молчок. Последняя волна продолжалась с 1968 г. до весны 1991 г. Приёмы были простые: жертвы гестапо назывались пособниками гестапо; люди, отказавшиеся от материального благополучия ради идеи, — шкурниками и карьеристами; политическая оппозиция — агентами иностранных разведок.

Вначале всё это сдабривалось руганью: «фашисты, подонки, наркоманы», но под конец КГБ нашёл блестящий ход: обвинить НТС в связях с самим собой, то есть с госбезопасностью. Этому даже некоторые диссиденты поверили. Только после распада СССР, когда состоялись встречи работников НТС со своими бывшими визави из КГБ, выяснилось, как мало последние знали о жизни Союза. Не знали даже того, где последние 22 года находился штаб Закрытого Сектора; в высотке на Майнц-Лерхенберг по службе побывали многие члены НТС, жившие во Франкфурте, но держали язык за зубами.

А капитан Хохлов оказался не единственным другом НТС в органах госбезопасности. Без помощи друзей «Посев» никак не смог бы опубликовать в 1977–1978 гг. «Розыскные списки КГБ», хранящиеся в заграничных резидентурах, и предупреждать перечисленных там лиц о грозящей им опасности.

9. После XX съезда КПСС: новые горизонты

Идейная смерть Сталина на XX съезде КПСС (1956) имела едва ли не большее политическое значение, чем его физическая смерть тремя годами ранее. Собравшись в Кидрихе-на-Рейне летом 1956 г., Совет НТС пришёл к выводу, что место единоличного диктатора на вершине власти занял правящий слой. Люди, составляющие этот далеко не монолитный слой и постепенно привлекаемые к соучастию во власти, неизбежно столкнутся с проблемой ответственности, а это разделит их на консерваторов, умеренных реформаторов и радикальных реформаторов. Умеренные могут стать «попутчиком революционного процесса», а радикальное течение «объективно станет союзником революционных сил в общей борьбе за единые конечные цели» (Резолюция Совета 14 июля 1956 г.). Правоверным антикоммунистам это предсказание не понравилось (какие могут быть у нас с ними единые цели!), но начавшиеся 30 лет спустя события показали, что оно было верным.

В новых условиях ослабленного тоталитаризма НТС предпринял шаги в трёх новых направлениях.

Первым шагом стало решение добиваться свободы печати явочным порядком. Журнал «Грани» осенью 1956 г. (№ 31) опубликовал «Обращение российского антикоммунистического издательства “Посев” к деятелям литературы, искусства и науки порабощённой России,

не могущим опубликовать свои труды из-за партийной цензуры». Предлагая присылать такие труды для публикации за границей, издательство гарантировало тайну авторства. Этим обращением был формально открыт тамиздат. Фактически «Посев» начал издавать рукописи из России после 1960 г., когда у НТС наладились каналы связи с авторами.

В издательстве «Посев» во Франкфурте вышли сборники поэзии Б. Ахмадулиной, А. Галича, Н. Горбаневской, Н. Коржавина, Б. Окуджавы, Б. Пастернака (с переводом на немецкий), И. Ратушинской; пять томов Солженицына (пока он находился в России), мемуары Евгении Гинзбург, проза Л. Бородина, Г. Владимова, А. Гладилина, В. Гроссмана, А. Кузнецова, В. Некрасова и др., а также карманное издание «Мастера и Маргариты» М. Булгакова (с выделением удаленных цензурой фрагментов). Из публицистики отметим две книги академика А. Д. Сахарова, «Белую книгу» по делу Синявского и Даниэля, сборник «Процесс цепной реакции» по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой, книги Ю. Галанскова, Б. Комарова, А. Марченко, В. Осипова, Г. Подъяпольского, Г. Померанца, В. Солоухина. Из церковного самиздата «Посев» до 1988 г. опубликовал 13 выпусков христианского чтения «Надежда». Продолжали выходить и книги зарубежных авторов. Некоторые книги «Посева» (например, А. Авторханова) стали в СССР столь популярны, что их размножали домашними способами.

Пик издательской деятельности «Посева» в Германии пришёлся на 1968–1978 гг. Объем поступающего самиздата настолько вырос, что ему посвящались специальные выпуски журнала «Посев», а также отдельная серия «Вольное Слово». Затем собиранием самиздата занялось и радио «Свобода».

Вторым шагом НТС стало решение созвать в апреле 1957 г. в Гааге «Конгресс за права и свободу в России». В новых условиях можно было представить себе не разовое крушение режима, но ступенчатый снос, «разборку по кирпичам». Гаагский конгресс принял 130 частичных требований, таких как отмена обязательной прописки, право родителей на религиозное образование детей, выдвижение более чем одного кандидата на выборах, уравнивание колхозников с другими гражданами в правах на социальное обеспечение и прочее. Каждое из требований, взятое в отдельности, трудно назвать антисоветским: они вроде бы совершенствуют советский строй, но взятые в совокупности они означали бы его ликвидацию.

Гаагский конгресс стал последним совместным политическим действием русской эмиграции, как бы её завещанием стране. В нём участвовал 81 представитель от 9 эмигрантских группировок; председательствовал редактор журнала «Часовой» В. В. Орехов, в прошлом капитан Марковского полка. Так был перекинут мостик от Белого движения к будущему правозащитному, которое Конгресс предвосхитил. Его фактическое начало можно датировать апрелем 1968 г., когда вышел первый номер «Хроники текущих событий».

Гаагский конгресс был не единственной площадкой общения НТС с эмиграцией. Ежегодно такой площадкой становились политические конференции журнала «Посев» (обычно во Франкфурте-на-Майне, в некоторые годы — в Париже, Брюсселе, Мюнхене и Нью-Йорке). Начались они в 1949 г. как «расширенные редакционные совещания», а завершились — с большим воодушевлением — в ратуше города Эшборн под Франкфуртом осенью 1990 г. по случаю 60-летия Союза и предстоящего перевода его управляющих органов в Россию.

Во второй половине 1950-х гг. НТС развил дипломатическую деятельность, налаживая связи со странами, разделёнными на коммунистическую и свободную части: с Китаем (на Тайване), Кореей, Вьетнамом. Подразумевалось, что Россия тоже разделена на подвластный коммунистам СССР и свободное Зарубежье и интересы освободительной борьбы у всех общие. Тайваньское и корейское радио транслировали передачи «Свободной России» на Дальний Восток, а «Посев» в 1961 г. издал в русском переводе книгу Чан Кайши «Советская Россия в Китае» со специальным предисловием автора. Экскурсы в международную дипломатию были свёрнуты, когда потребовалось сосредоточить все средства Союза на организации поездок курьеров в СССР.

Третьим шагом стали «лорские решения» (то есть решения, принятые Советом в январе 1958 г. в баварском городке Лор): «Очередной задачей на ближайшие два-три года Совет считает создание на территории России организационных предпосылок для открытых выступлений против власти под знаменем НТС». Как известно, открытые выступления начались через восемь лет (5 декабря 1965 г.), и не под знаменем НТС, но лорские решения, тем не менее, стали вехой. Они означали пересмотр «молекулярной теории». Стало ясно, что массовой организации с единством мысли и действия НТС не создаст: и потому, что не будет технической возможности достичь каждого гражданина, и потому, что психологически граждане стремятся к многообразию,

а не к унификации мысли. То есть НТС в России будет одной из многих организаций. А чтобы такую организацию строить, нужны личные, двусторонние связи. От «молекулярной теории» остаётся принцип малых групп, лишённых иерархической структуры и связанных не между собой, а напрямую только с зарубежным центром. КГБ пытался отклонить НТС именно от этих установок, но безуспешно.

- ✓ Лорские решения привели к созданию системы поездов в СССР курьеров («орлов»), выполнявших основные подпольные операции Союза.
- ✓ Курьеры вывозили из СССР самиздат для публикации на Западе. За 30 лет они вывезли около 2000 документов литературного или политического значения.
- ✓ Курьеры привозили в страну литературу и материальную помощь, поддерживали связь с «молекулами» НТС и с друзьями в общественной и писательской среде.
- ✓ Курьеры-иностранцы по собственной инициативе провели в СССР десятки открытых выступлений в защиту политзаключённых. Процессы Синявского и Даниэля (1966), Галанскова и Гинзбурга (1968) и последующие вызвали возмущение на Западе, что обеспечивало демонстрантам политическую поддержку у себя дома.

Под лозунгом неделимости свободы в мире НТС нашёл молодёжные группы, готовые служить делу освобождения России. В Норвегии, Швеции, Италии, Франции, Великобритании и Фландрии под разными названиями образовались «комитеты содействия». Преимущественно из их членов готовились курьеры для поездов в СССР под видом туристов. Кроме того, НТС ежегодно проводил летние курсы русского языка, на которых можно было подыскивать кандидатов. Курьеры ехали из 15 стран, к концу 1960-х гг. ежегодно совершалось около 40 поездов. Благодаря тщательной подготовке только две-три из них кончались провалом. Самыми громкими стали процессы англичанина Джералда Брука в 1965 г. и венесуэльского гражданина Н. Брокс-Соколова в 1967 г. Обоих осудили, но отпустили до окончания срока.

Курьеры поначалу следовали «тактике широкого фронта» — встречались с многообразным кругом литераторов, диссидентов и правозащитников. Но вскоре помощь «всем, всем, всем» стала непосильной, и в 1972 г. в ФРГ было образовано Международное общество

прав человека (МОПЧ), финансируемое из немецких источников. Его возглавил И. И. Агрузов, ранее возглавлявший Закрытый Сектор. В Ленинграде и Москве группы МОПЧ возникли в 1987 г. НТС же сосредоточился на развитии собственной организации в стране.

В Зарубежье, начиная с 1960-х гг., члены Союза провели сотни выступлений и демонстраций в защиту политзаключённых в СССР. В 1980-х гг. Союз развил деятельность в Польше (на случай советского вторжения) и в Афганистане (для спасения советских военнопленных). «Посев» выпустил брошюры «Солидарность: о рабочем движении в Польше и о рабочем движении в России» (сост. А. Поморски и М. Назаров, 1980, 200 с.) и «Война в Афганистане» (1980, 205 с.), выдержавшие по несколько изданий.

В 1980 г. началась и разработка серии документов, рисующих «альтернативы советской политике». В 1981 г. на конференции американских славистов в Асиломаре (Калифорния, США) НТС провёл первый семинар о переходе от государственной экономики к рынку — за пять лет до семинара Егора Гайдара в «Змеиной горке» под Ленинградом. Альтернативы касались международной политики (отказ от классового подхода), экономики (переход к рынку) и права (принципы правового государства). В 1987 г. Совет НТС одобрил обобщающий документ «Путь к будущей России».

10. Из подполья к открытой работе

Задача отстройки собственной неуловимой организации в СССР десятилетиями стояла перед НТС и постоянно ускользала, несмотря на непрерывные усилия. У работников Закрытого Сектора даже появился иронический тост: «За успех нашего безнадежного дела!» Завязались некоторые долгосрочные связи; например, тайная переписка с писателем Г. Владимовым длилась 12 лет («Посев» даже передавал ему гонорары); тайный контакт с Г. Сарайкиным (автором книги «Китайский круг России», 1981) сохранялся 18 лет. Но, как правило, контакты обрывались через два-три года, зачастую по вине КГБ. Так было с группой Лёвина в Ленинграде, с супругами Троицкими в Перми. По некоторым оценкам, около 70 человек в послесталинские годы были осуждены по делам, связанным с НТС. Всего за это время КГБ насчитал 8124 осуждённых по политическим статьям, но поток этот

разношёрстный — в него входили и правозащитники, и религиозные сектанты, и просто пролетарии, непечатно отзывавшиеся о советской власти. Впрочем, среди надзорных дел Прокуратуры СССР есть случаи, когда по факту нахождения листовок НТС возбуждалось уголовное дело, а виновных обнаружить не смогли.

В 1972 г. в лагерной больнице скончался Юрий Галансков, в 1979 г. у себя дома, после многих лет заключения, — Борис Евдокимов; членство обоих в НТС было предано гласности после их смерти. В 1982 г. последовал арест Валерия Сендерова и Ростислава Евдокимова: первый объявил себя членом НТС при аресте, второй на суде, и, таким образом, выйдя на свободу в 1987 г., они стали первыми открытыми членами организации в России.

Валерий Сендеров стал проводить пресс-конференции НТС в Москве, у себя на квартире. 12 февраля 1988 г. шеф КГБ В. Чебриков доложил Политбюро ЦК КПСС, что из 196 освобождённых в прошлом году политзаключённых большинство ведут себя тихо, 20 уехали за рубеж, а 55 возобновили «антиобщественную деятельность», прежде всего В. А. Сендеров. Чебриков предложил отменить помилование Сендерова и вернуть его в места лишения свободы. Как проголосовало Политбюро, мы не знаем, однако нового ареста не последовало.

7 октября того же 1988 г. в Ленинграде на стадионе «Локомотив» произошло знаковое событие: Р. Б. Евдокимов и его друзья впервые на подвластной коммунистам территории подняли российский трёхцветный флаг. Как знамя демократических сил, он быстро распространился по другим городам и 22 августа 1991 г. стал флагом государства. Неслучайно именно НТС, хранивший преемственность от России исторической, принёс его в Россию современную.

Когда прошла молва, что «за НТС больше не сажают», число членов организации в стране стало быстро расти. Помимо Москвы и Ленинграда группы образовались в крупных и нескольких мелких городах Поволжья, от Нижнего Новгорода до Волгограда. Сильная группа со связями из времён подполья образовалась в Самаре, в Саратове чтили память П. А. Столыпина, в Казани переводили документы НТС на татарский язык. Позже появились группы в Ярославле и Астрахани. На Урале возникли группы в Екатеринбурге, Челябинске, Перми, Оренбурге; группа в Кургане состояла одновременно в НТС и «Мемориале». На севере образовались группы в Пскове и Петрозаводске, Салехарде и Воркуте, в Магадане и на Сахалине. Юг страны был представлен

слабее: Елец, Воронеж и одиночные члены Союза на Дону, Кубани и в Ставрополье. На съезде Демократического Союза (ДС) в Киеве в мае 1990 г. делегация из Сибири приняла в качестве политической программы «Путь к будущей России» и положила начало Сибирской региональной организации НТС, охватившей Барнаул, Новосибирск, Омск, Кемерово, Красноярск и другие города. В группах стали выходить собственные издания: «Всходы» в Новосибирске, «Третья сила» в Самаре, «Диссидент» во Владивостоке, «Обзор» в Москве.

В 1989 г. во Франкфурте, в доме «Посева», открылся ООРОП (Отдел открытой работы с организацией в России), державший связь с группами. В 1990 г. был принят новый Устав, отменявший «молекулярную» структуру, а во второй половине года член Совета НТС Б. Г. Миллер совершил трёхмесячную поездку по 14 городам России; его выступления на митингах и собраниях ускорили рост организации. В Ленинграде 9 ноября 1990 г. в помещении Музея Октябрьской железной дороги (Литейный, 62) прошла, несмотря на противодействие КГБ, конференция НТС, куда прибыл 51 делегат из 29 городов.

Юлий Рыбаков ещё в 1989 г. возглавил в Ленинграде общество «Свободная Россия», принявшее «Путь к будущей России» как политическую программу. Члены общества провели двух депутатов в Ленсовет, агитировали за возвращение городу его исторического имени.

Литературный вечер «Граней» впервые в Москве состоялся 10 января 1990 г. в Центральном доме литераторов (ЦДЛ). Выступали Б. Ахмадулина, Л. Бородин, Б. Окуджава, В. Солоухин и другие авторы журнала. При содействии Российского Христианского Демократического Движения (РХДД) ежеквартальное издание «Посева» тиражировалось в Риге в количестве 50 тысяч экземпляров и распространялось на улицах столицы и других городов.

После президентских выборов в РСФСР в июне 1991 г. НТС писал: «Из шести кандидатов народ выбрал единственного, у которого была реальная программа демократических и рыночных реформ. Демократический прорыв теперь остановить невозможно». Однако ГКЧП эту попытку сделал, совершив путч 19 августа 1991 г. В тот же день председатель НТС Е. Р. Островский передал по факсу в Москву Валерию Сендерову и Роману Редлиху текст обращения «Бороться за законную власть!». В нём говорилось, что путч ставит под удар единственную избранную народом власть президента России, которого следует поддерживать во всех его начинаниях. За ночь обращение было размножено

на недавно привезённом членами Союза из Англии в Москву печатном устройстве в количестве 30 тысяч экземпляров и распространялось на баррикадах у Белого дома, среди военнослужащих и населения. 20 городов от Минска до Ново-Сахалинска рапортовали об участии НТС в местных акциях против ГКЧП. Некоторые группы, например самарская, прислали своих людей на баррикаду у Белого дома.

На Украине перед референдумом 1 декабря 1991 г. НТС агитировал за сохранение единства страны, но лишь 9,7% избирателей с ним согласились.

В России же НТС настаивал: «Августовскую победу надо закрепить», предупреждая об угрозе коммунистического реванша, требуя новых выборов на всех уровнях власти. Группы НТС на местах усиленно агитировали в пользу Ельцина накануне референдума 25 апреля 1993 г. и за роспуск Верховного Совета. Повторенное в восьми разных заявлениях, это требование попало в широкую печать («Независимая газета») лишь утром 21 сентября 1993 г., когда Ельцин на этот шаг наконец решился. На его столе заявление НТС появилось за несколько дней до этого и было едва ли не единственным в своем роде. НТС также направил свои соображения в Конституционное совещание при Президенте и поддержал проект Конституции 1993 г.

Ещё в феврале 1978 г. Совет НТС предупреждал, что ни «конструктивные силы в правящем слое» (то есть радикальные реформаторы), ни независимая общественность и политическое подполье сами по себе своих целей добиться не могут; только «во взаимодействии этих сил — ключ к освобождению и сохранению России». Действительно, когда М. С. Горбачёв в конце 1986 г. вернул А. Д. Сахарова из ссылки, события пошли по этому сценарию и успешно развивались до осени 1991 г. Но тут Ельцин решил, что для него важнее не поддержка общественности, а поддержка советского административного аппарата, который поставил негласное условие: ты нас не трогай, а мы на тебя будем работать. Требования независимой общественности, которые разделял и НТС, остались невыполненными. Не было ни реального суда над КПСС, ни запрета её функционерам занимать крупные должности в политике и образовании, ни признания незаконным Октябрьского переворота 1917 г. и последовавшего за ним советского законодательства, ни полной отмены советских названий улиц и городов и устранения советских памятников, ни раскрытия архивов КГБ и создания не связанной с ним новой службы безопасности. Первые сво-

бодные выборы задержались до времени политически весьма невыгодного, а последовавшая за ними политика «согласия и примирения» с коммунистами оставила Августовскую революцию незавершённой.

Все это было неприемлемо, и Союз попытался выдвинуть кандидатуру генерала А. И. Лебеда в президенты. В начале 1995 г. его штабу предоставили помещение в Москве; предполагалось создать комитеты, готовые финансировать предвыборную кампанию. В Лебеде видели кандидата, способного обеспечить социальную и патриотическую направленность необходимых рыночных реформ. Однако эта инициатива сорвалась: кандидатура Лебеда на выборах в июне 1996 г. была выдвинута независимо от НТС, хотя члены Союза работали в его партии «Честь и Родина».

Ранее, на выборах 1993 г., два человека от НТС прошли в Государственную Думу по списку «Выбора России», затем на областных и городских выборах 25 человек баллотировались, двое прошли в местные думы. Во второй Государственной Думе остался один член НТС, и ему осталось докладывать Совету о том, как коммунисты в благодарность за компромиссы устраивают Ельцину непрерывную обструкцию.

В 1992 г. Екатерина Самсонова, директор издательства «Посев» во Франкфурте, открыла его филиал в Москве, а главный редактор журнала «Посев» Елизавета Миркович перевела туда и редакцию. Нынешнее помещение на Петровке, 26 купили в январе 1994 г. на деньги, вырученные от продажи дома НТС в Париже на рю Бломэ.

В 1991–1995 гг. НТС проводит в России учебные семинары для своих членов и ряд публичных выступлений. Осенью 1992 г. в Доме учёных состоялось собрание издательства «Посев», в 1993 г. в Доме журналиста — конференция журнала «Посев», в 1994 г. в Музее революции — собрание по поводу 50-летия Пражского манифеста КОНР. В том же году из Франкфурта было привезено 40 тысяч экземпляров эмигрантских изданий — в дар Российской Государственной библиотеке от «Посева». Книги каталогизированы как коллекция имени А. П. Тимофеева, ведавшего антикварным отделом издательства. Последним делом жизни В. Д. Поремского в России (при участии академика С. П. Курдюмова и др.) была организация в январе 1996 г. форума по синергетике как научной проекции солидаризма.

Устав НТС 1957 г. предусматривал созыв IV съезда Союза после падения коммунистической власти. Съезд состоялся в Перми в мае 1996 г. Прибыл 41 делегат от 26 регионов России и 1 с Украины, всего

от 540 членов, а также 8 человек из дальнего Зарубежья, от 200 членов. Съезд, среди прочего, утвердил наличный состав Совета и Устав и постановил представить их на регистрацию в Министерство юстиции.

Характерную для НТС структуру взаимных выборов Совета и Руководящего круга министерство принять не могло, и потому Исполбюро заменило её стандартной схемой партийных съездов. На таком основании и было зарегистрировано общественное движение НТС в августе 1996 г. Это, как и неподчинение Исполбюро председателю Совета после IV съезда, оказалось неприемлемым для многих членов Совета, в последний раз собравшихся во Франкфурте в октябре 1996 г. Недоверие Исполбюро выразили 8 из 17 членов Совета, остальные воздержались. Шесть человек, включая трёх членов Исполбюро (в прошлом руководителей групп в Поволжье) и прошлого председателя Союза Е. Р. Островского, покинули Совет. Была сделана попытка созвать чрезвычайный съезд НТС, за что в январе 1997 г. Суд чести пятерых человек из организации исключил.

Ещё до IV съезда, вместе со спадом эйфории ранних 90-х, когда митинги и демонстрации прошли, количество членов Союза перестало расти и в последующие два десятилетия равномерно снижалось. Из провинции писали в Москву: давайте нам задания и платите зарплату, а мы будем работать и присылать вам отчёты. Но в Москве не было ни знания местных возможностей, ни денег, чтобы вести работу таким образом. Впрочем, и в периоды численного спада Союз не раз осуществлял важные дела.

В 1996 г., как и в 1954 г., спор шёл о природе организации. Какова она — политического действия или идейного влияния? В прошлом победила первая позиция, теперь — вторая. Тогда стояла задача пробиться в Россию, теперь организация в России существовала и стоял вопрос: что ей там делать? Ю. Б. Брюно, много лет руководивший Закрытым Сектором, предупреждал Совет в августе 1990 г.: политической партии из НТС не выйдет, надо заниматься просветительской работой, а политические функции передать близкой нам партии. Тогда это шло вразрез с настроениями членов Союза в России, и Совет согласился, что НТС должен взять на себя «и функции партии». Устав 1990 г. опрометчиво обещал выставить кандидатов на первых свободных выборах. Теперь стало ясно, что для масштабной политической работы у НТС возможностей нет. Попытка стать партией делалась негодными средствами. Обновлённый в 1997 г. Совет решил, что ограниченные

средства Союза принесут России наибольшую пользу, если направить их на развитие знаний, которые смогут повлиять на политику. В качестве главного инструмента работы НТС в марте 1999 г. в Москве было зарегистрировано «Издательское, исследовательское и просветительское содружество “Посев”» — уже не как филиал иностранной фирмы, а как российское предприятие. Его на 12 лет возглавил Б. С. Пушкарёв, бывший тогда и председателем Союза. В марте 2008 г. его сменил А. Н. Шведов во главе Союза, в апреле 2011 г. — О. А. Кузнецова во главе издательства «Посев» в Москве. Во Франкфурте образовалось некоммерческое общество «Посев», ведающее преимущественно недвижимостью Союза. Все эти юридические лица находятся в ведении Совета НТС (см. его резолюцию от декабря 2007 г.). Сдвиг акцента на просветительскую работу пришёл кстатипосле 2000 г., когда политику на время монополизировала президентская власть.

11. Издательство

К Содружеству «Посев» потянулись прежде всего не политики, не социологи или экономисты, которых могли бы привлечь идеи солидаризма, а историки. Это закономерно, так как будущее страны зависит от того, как она понимает своё прошлое, как преодолевает советское наследие. Это и дело Союза, чьи корни уходят в досоветскую Россию.

НТС в России за первые 20 лет выпустил в свет под маркой «Посева» 102 книги, а также продолжал издавать общественно-политический журнал «Посев». После смерти Е. Р. Миркович в Москве Совет НТС в 1995 г. назначил главным редактором А. Ю. Штамма из Петербурга, где он наладил связи с местными СМИ («Град Петров» и др.). Через 12 лет его сменил Ю. С. Цурганов в Москве. Журнал «Грани» с 1996 г. малым тиражом издаёт в Москве член НТС Т. А. Жилкина.

В 1997 г. «Посев» выпустил установочную брошюру «Коммунистический режим и народное сопротивление» — первый выпуск «Библиотечки россияведения». Он быстро выдержал три издания и стал зародышем вышедшего десять лет спустя учебника «Две России XX века».

Далее шла серия работ о народных восстаниях, историю которых в советское время замалчивали и искажали: Ярославском, Ижевско-Воткинском, Тамбовском, Ливенском и Воронежском. Работы, созданные при участии местных краеведов, вызвали живой

отклик. Новаторская книга о Тамбовском восстании вскрыла его связь вовсе не с эсерами, а с армией Врангеля в Крыму, а книгу о восстании Колесникова приветствовали в некогда «красной» Воронежской области.

С 1997 по 2009 г. под редакцией В. Ж. Цветкова свет увидели десять выпусков альманаха «Белая Гвардия», посвящённые разным фронтам и формированиям Белого движения (отношения Церкви с Движением описаны в последнем томе). Альманах стал своего рода школой для работавших над ним молодых историков, помог сформировать непредвзятое отношение к «белой» теме.

За альманахом последовали объёмные монографии в серии «Белые воины», посвящённые генералам С. Л. Маркову, В. О. Каппелю, М. Г. Дроздовскому, М. К. Дитерихсу, А. П. Кутепову и др. Как и работы о восстаниях, эти книги не остались лежать на полках, а повлекли за собой события. В 2003 г. в Сальске, близ места гибели генерала С. Л. Маркова, стараниями предпринимателя А. Н. Алекаева поставлен памятник — первый памятник белому генералу в России. Также А. Н. Алекаеву удалось обнаружить в Харбине останки В. О. Каппеля, хотя могила давно была скрыта. В январе 2007 г. Каппеля перезахоронили на кладбище Донского монастыря, а через два года могила вошла в группу «белых» захоронений, благоустроенных на средства В. В. Путина.

Книгу о Каппеле и такие издания «Посева», как богатейший фотоальбом «Белая Россия» (М., 2003, 320 с.), использовали постановщики фильма о Колчаке «Адмирал». Первые тома серии В. Ж. Цветкова «Белое дело в России» (М., 2008, 2009) посвящены идейным и юридическим основам белых правительств в 1918 и 1919 гг. В 2012 г. вышел труд Р. Г. Гагкуева «Белое дело на Юге России» (704 с.) о формировании и составе белых войск в этом регионе. К эпохе Гражданской войны относятся сборник документов «Красный террор на Востоке России» (2006), уникальные мемуары А. Р. Трушновича «Воспоминания корниловца» (2005), а также вышедшие в 2013 г. работы П. Н. Базанова о Братстве Русской Правды и Д. В. Соколова о первых месяцах власти большевиков в Крыму.

В связи со вспышкой споров о Власовском движении «Посев» выпустил два документальных труда К. М. Александрова: «Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова» (2009, 1120 с.) и «Мифы о генерале Власове» (2010, 254 с.). К событиям середины XX в. относятся сборники «Вторая мировая: иной взгляд» и «Великое предательство» о выдачах казаков Сталину.

Обладая собственными исследовательскими ресурсами, «Посев» стал первопроходцем «белой» темы, которую подхватили издательства «Айрис», «Аграф», «Русич», «Русский Путь», «Тerra».

Самой востребованной книгой «Посева» оказалась «Чёрная книга имён, которым не место на карте России» (2005). Она выдержала три издания и в качестве справочника была принята проектом «Возвращение», занятым восстановлением исторических имён.

Авторы «Посева» причастны к организации просветительским центром «Белое Дело» (Санкт-Петербург) начатых в 2010 г. ежегодных научных чтений памяти историка генерала Н. Н. Головина.

Однако «Посев» не ограничивается изучением прошлого. 17 мая 2012 г. в большом зале ИНИОН РАН редакцией журнала «Посев» был организован круглый стол на тему «Как нам сегодня обустроить Россию?». В развитии темы известной работы А. И. Солженицына участвовали Наталия Солженицына и ряд известных учёных: Рената Гальцева, Михаил Краснов, Ирина Роднянская, Людмила Сараскина. В мае 2013 г. состоялся совместный круглый стол «Посева» и ИНИОН РАН на тему «“Советская цивилизация”: нынешние оценки и симптомы реставрации».

Следуя идее «Курса национально-политической подготовки» в новых условиях и на новом уровне, «Посев» выпустил десяток книг, которые можно использовать как учебные пособия в университетах. Главные из них:

по философии:

С. А. Левицкий «Свобода и ответственность» (М., 2003, 462 с.);

по экономике:

А. Рих «Хозяйственная этика» (пер. с нем., М., 1996, 810 с.);

по истории:

Е. А. Князев «Власть и святость в Древней Руси» (М., 2010, 320 с.),

С. Г. Пушкарёв «Россия. 1801–1917» (М., 2001, 672 с.),

Б. С. Пушкарёв, К. М. Александров, В. Э. Долинин, В. Ж. Цветков, Ю. С. Цурганов, А. Ю. Штамм «Две России XX века. 1917–1993» (М., 2008, 592 с.).

Книга «Две России» впервые параллельно рассматривает историю России советской и России антисоветской. Не отрицая достижений народа в годы советской власти, авторы показывают как глубину пропасти — моральной, демографической и экономической, в которую завела страну «великая эпоха», — так и упорство и успех сопротивления. Работа над книгой велась по решению Совета НТС при участии восьми его

членов. Представления книги прошли в двух столицах, а также в Новосибирске, Нижнем Новгороде, Симбирске, Воронеже и других городах.

Ретроспективные выставки издательства «Посев» были открыты в апреле 2010 г. в Праге, в Славянской библиотеке чешской Академии наук, и в ноябре в Санкт-Петербурге, в Музее политической истории России (бывшем Музее Октябрьской революции, ранее — особняке Кшесинской).

Если говорить о текущей политике, НТС в демонстрациях 2011–2012 гг. не участвовал, но прежде других выдвинул лозунг «За честные выборы».

В обращении к президенту Д. А. Медведеву «Модернизация сознания» в декабре 2009 г. (см. «Посев» № 12) Совет НТС писал: «Большую часть XX в. одновременно существовало две России: Россия советская и Россия антисоветская. Первая захватила власть в 1917 г. незаконным насилием и 70 лет подавляла вторую. Когда подавление прекратилось, советская Россия и рухнула. По логике вещей, нынешняя Россия есть наследница России антисоветской: её отношение к Церкви, к собственности, к деньгам, к внешней политике противоположно советскому. Поэтому антисоветскому прошлому и надо уделять должное внимание, а его деятелям и мученикам — должный почёт».

12. Ожидания и свершения

В заключение вернёмся коротко к истокам. Основатели кружка русской молодёжи на руднике Перник в Болгарии всего четыре года назад успешно наступали в Северной Таврии, авиацией разогнали конармию Жлобы. Теперь же, в 1924 г., увидели, что их противник надолго закрепился у власти. «Боль и стыд за родную страну, — писали они, — породили жгучее чувство личной ответственности». Но как её проявить — не было ясно.

Надо было объединяться, чтобы совместно искать ответ, и к 1931 г. он был найден: Национальная Революция в России. Не контрреволюция, не реставрация, а именно новая революция. Это закономерно. Сделав свои последние революционные шаги — в сторону социалистической индустрии и коллективного сельского хозяйства, большевики стали властью охранительной, берегущей эти устои. Новосозданный же Союз был устремлён вперед, в будущее:

*Мы не о прошлом и не о себе,
Мы о борьбе на родимой земле,
Мы о России, Россия одна,
Та, что родиться должна.*

Как это — тысячелетней стране родиться?! Но ожидание было верным: сегодня Российская Федерация — действительно новое образование, отличное и от СССР, и от Российской Империи. Не совсем, конечно, та Новая Россия, которой желали новопоколенцы в 1930-х гг., но с принятой ими терминологией, отличающей слова «россиянин» и «российский» от слова «русский». Сегодня пишут, что другие языки такого различия не допускают; это верно в отношении английского; работая же среди немцев после войны, НТС предлагал отличать russländisch от russisch. Правда, в составе российской нации он видел народы всего СССР, допуская выход в самостоятельное государство только на основе местного плебисцита после падения советской власти на всей территории страны. Распад её в 1991 г. стал неожиданностью.

Парадоксальным образом написанный не без немецкого влияния первый из 14 пунктов власовского манифеста оказался ближе к жизни. Он утверждал не только «равенство всех народов России», но и «действительное их право на государственную самостоятельность».

Зарождение НТС в среде белой военной молодёжи определило не только стремление сохранить единство России, но и видение Национальной Революции. В другой песне есть такие слова:

*...Под напором армии народной
Из Кремля уйдут большевики.
И тогда засветит солнце краше
Над Россией новой, трудовой.
Мы тебя, Россия, сердце наше,
Возвеличим славою мировой.*

Народная армия — это явно не совсем революция, хотя такое понятие бытовало одно время в представлениях НТС. И в самом деле, без армии не обошлось. Тот факт, что армия в Москву в августе 1991 г. вошла, с народом общалась и без единого выстрела ушла, сыграл решающую роль в падении власти КПСС. Гимн НТС, принятый в 1934 г., тоже полон военной лексики:

*Бьёт светлый час за Русь борьбы последней,
Нас не смущает ни свинец, ни сталь.
России зов всё громче, всё победней,
Идем вперёд, нам ничего не жаль.*

*Вперёд идет оплот России новой,
Смелее в бой, страны родной мы разобьём оковы,
Сомкнём ряды наперекор тиранам.
На штурм, бойцы, стремительным тараном!*

*За новый строй, за жизнь и честь народа,
За вольный труд, за мир родным полям,
Плечом к плечу, сквозь мрак и непогоду
Прямым путём, на гибель палачам!*

*Смерть не страшна, когда зовёт Россия.
Мы не одни, восстанет вся страна,
И, отдавая жизни молодые,
Мы знаем: нам победа суждена!*

Эту песню стоя пели на собраниях долгие годы, и только когда светлый час действительно приблизился, почувствовали её неуместность и петь перестали. В России потом пели уже другую песню 1930-х гг.:

*В былом — источник вдохновенья,
В деяньях Сечи и Петра,
В грядущем братское служенье,
А в нашем нынешнем — борьба.
За тот народ, что всех народов
Для нас и ближе, и родней,
За край могучих новых всходов
Труда, уклада и людей.*

*И в этом свыше назначенье,
И в этом радость и почёт,
И будет наше поколеньё
Давать истории отчёт.*

*Так поклянемся вместе, братья,
Отдать все силы для страны
И пронесём свое заклатье
От Зарубежья до Москвы.*

*А путь осветят нам святые
Извечной доблести слова:
Да возвеличится Россия,
Да гибнут наши имена!*

Слова «смерть не страшна, когда зовёт Россия» отнюдь не были риторикой. Подытожив перечисленные ранее переходы границы, получим такую картину:

1932–1935: 11 переходов, 8 человек погибло на границе, 3 расстреляны после ареста внутри страны;

1938–1940: 21 переход, 4 человека погибли на границе, 12 расстреляны после ареста внутри страны, 1 ушёл на сторону противника, 4 выполнили задачи, избежав ареста.

Сталинский НКВД работал в первом случае на 100%, во втором — на 80% эффективно. Так что большинство переходов стало актами самопожертвования, а не борьбы. В эти страшные годы НТС в лице своих ходоков был именно со своим народом, «там, где мой народ, к несчастью, был». Может встать вопрос: а не было ли менее опасного пути в страну — например, притвориться советским патриотом и официально стать возвращенцем? Но такого притворства не допускали ни кодекс чести, ни существовавшая в Зарубежье поляризация между антикоммунистами и совпатриотами. К тому же при Сталине расстреливали и искренних советских патриотов. Безболезненные поездки стали возможны лишь после XX съезда КПСС, когда наладился иностранный туризм. С 1960 по 1990 г. 677 курьеров НТС побывали в СССР в общем 1087 раз, без потерь.

Не были риторикой и заявления 1938 г. о борьбе на два фронта в предстоящей войне. Если подсчитать только упомянутых в этой статье погибших (список далеко не полный!), то получится, что 84 человека погибли от руки советской власти, а 49 — от руки нацистов. Это ли не борьба на два фронта?!

Работа на Россию в 1950-х гг. аккуратно следовала «молекулярной теории» В. Д. Поремского. Большого отклика она вызвать не могла

по техническим и психологическим причинам, но Поремский счёл её успешной: она привлекла к работе кадры и средства. А сотни ругательных статей в советской прессе создали НТС известность.

После XX съезда КПСС Совет НТС в июльской резолюции 1956 г. верно определил сценарий последующего развития и крушения советского режима: деление правящего слоя на три крыла, смычка радикального крыла с независимой общественностью на конечном этапе. На пути к нему были верно предвидены (за пять-десять лет) и открытые выступления, и правозащитное движение, и подготовка перехода к рынку. Только никто не думал, что всё это займёт ещё 35 лет.

Впрочем, мало кто вообще об этом думал. Западные учёные считали мысли о свержении советской власти наивными, всерьёз о нем заговорил лишь президент США Рейган в 1980-е гг. А в СССР даже многие служители Церкви полагали, что власть коммунистов продлится до конца времён.

После 1956 г. посыпались новые инициативы НТС: тамиздат, Гаагский конгресс за права, поездки курьеров под видом туристов. Освоить этот опыт было поручено комиссии Совета в 1970–1972 гг. Комиссия выпустила брошюру «Стратегические проблемы освободительной борьбы» с описанием разных вариантов конца режима. Когда у автора брошюры, Р. Н. Редлиха, спросили, в чем же её вывод, он ответил: «Вывод прост. Если режим всерьёз пойдет на либерализацию, он рухнет. К этому и надо готовиться».

Эти слова были подобны иголке, воткнутой в воздушный шар. НТС рассматривал себя как инструмент свержения режима, а тут вдруг — режим рухнет сам. Зачем тогда нужны мы? Совет НТС поспешил в том же 1972 г. издать задающую скромный тон резолюцию: «Главная задача НТС — участие в устройстве российского будущего на основах права, свободы и солидарности». Заключительный же вариант революции будет выбран историческими силами, НТС неподвластными. Е. Р. Островский обронил провидческие слова: «Революция из кабинета секретаря обкома». Но каким бы ни оказался этот вариант, НТС должен в революции участвовать, а для этого надо иметь свою организацию в стране.

Термин «Национальная Революция» не прижился в России. Во-первых, в советском языке не было слова «нация». Было слово «национальность», обозначающее часть нации. Целое же называлось «советский народ». НТС стал называть революцию народно-

освободительной, что не звучало. Во-вторых, и это главное, в народном сознании слово «революция» ассоциируется с кровопролитием и ужасами всего периода 1917–1922 гг., повторение которых крайне нежелательно. Объяснения НТС, что революция — это не более чем быстрая и коренная перемена, народную память изменить не могли. Так и остались 1917 г. революционным, а 1991 г. — безмянным. Лишь в узких кругах события августа 1991 г. называют Преображенской революцией, так как 19 августа Церковь празднует Преображение Господне.

Возможно, именно народная память о страшном 1917 г. и последующих годах сделала конец самой кровавой диктатуры XX в. на редкость бескровным: три жертвы несчастного случая на дороге и три самоубийства в руководстве КПСС. Сам режим как бы покончил самоубийством, организовав ГКЧП, против которого объединились все. И не революционеры, а Верховный Совет СССР прекратил деятельность КПСС. Революция прошла под знаком легитимности. Мягкий исход не был бесплатным, за него пришлось платить тем, что никакой декоммунизации не состоялось, на влиятельных постах остались партийные кадры, в народном сознании — партийные штампы, а у городов и улиц — советские названия. За мягкий исход пришлось платить и мятежом Верховного Совета, к борьбе с которым Ельцина призывал едва ли не один только НТС.

Предвидел НТС многое, но не всё. И то, что именно он не предвидел, тоже характерно. Он не предвидел, где возникнет второй полюс власти. Во время Февральской революции вторым полюсом власти стала Государственная Дума, во время Октябрьской — Съезд Советов. В 1991 г. вторым полюсом власти стало правительство РСФСР, чего НТС не видел ясно до самого последнего момента. Хотя автору этих строк ещё в сентябре 1989 г. в Москве было сказано: «Через два года Ельцин будет президентом России», смысл этих слов не дошёл. В Советском Союзе в 1980-е гг. РСФСР стали называть Россией, но в Зарубежье внутрисоветских границ никто всерьёз не принимал, и русский сепаратизм там казался столь же абсурдным, как украинский или грузинский.

Не предвидел НТС и своекорыстных интересов советской элиты. Когда в конце 1980-х гг. приехавший в США новейший эмигрант предложил прочесть для «Посева» доклад о том, что наиболее реальный вариант революции — это сдача номенклатурой власти в обмен

на собственность, из Франкфурта последовал звонок: мол, в таком докладе мы не заинтересованы. Не хотели портить образ «конструктивных сил в правящем слое». И никак себе не представляли, что для перехода к рынку надо создавать олигархов-сверхбогачей. Солидаристические по сути экономики Германии, Швеции, Тайваня успешно обходятся без них.

Мягкий характер революции привёл к тому, что и в России, и в эмиграции нашлись люди, отрицавшие сам её факт. «Начальство осталось всё то же, я ему налогов платить не намерен», «страна осталась советской, я туда возвращаться не собираюсь» — таковы были мотивы. И с возвращением эмиграции связаны парадоксы. Поскольку многим в России НТС виделся организацией эмигрантской, то некоторые вступали в неё не для того, чтобы строить Новую Россию, а чтобы из неё уехать. Таких в итоге набралось больше, чем членов НТС, приехавших из-за границы. При этом вне какой-либо связи с НТС в Москве в 1990-х гг. возник Клуб иностранцев русского происхождения — более сотни человек. Они работали в финансах и торговле, некоторые имели свои предприятия (например, сеть закусочных Ордовского-Танаевского). Жертвовали немного денег скаутам, которыми, вероятно, в юности были, на Масленицу устраивали блины и между собой общались в группах, говоривших по-испански, по-французски или по-английски. Более долгосрочное влияние оказало возвращение библиотек и архивов через Дом Русского Зарубежья имени Солженицына, комитет «Книги для России» и прочих.

За 20 лет (с 1988 г.) в России в НТС вступили около 1000 человек, но текучесть состава была большой, а рост численности остановился ещё до IV съезда Союза в 1996 г. Значительную долю членов Союза поначалу составляли люди физического труда: слесари, машинисты, шахтёры. Они стояли не только за свержение советской власти, но и за создание свободных профсоюзов, что в условиях избытка рабочей силы оказалось непросто. Происходило «второе чудо выхода из коммунизма», которое до сих пор не оценено по достоинству. Западные эксперты полагали, что в связи с переходом к рынку треть населения останется без работы, пойдут массовые забастовки и голодные бунты. Ничего этого не случилось. Выход нашли чисто русский: людям перестали платить, а они продолжали работать. Но вопрос выживания в таких условиях стал на первое место, и интерес к политической самодеятельности угас.

Документ НТС «Путь к будущей России» предусматривал пять условий выхода из тоталитаризма:

1. Множественность источников инициативы в обществе.
2. Договорные, а не директивные цены в народном хозяйстве.
3. Разделение властей и независимость контрольных органов.
4. Отказ от построения мирового социализма.
5. Автономия духовных ценностей.

В период с 1987 по 1993 г. шаги по всем этим направлениям были сделаны: КПСС и Госплан упразднили; вводились рыночные цены и частная собственность; разделение властей и свобода слова были провозглашены Конституцией; мировой социализм, равно как и вмешательство государства в дела Церкви, отверг ещё Горбачёв. Предстояла огромная работа по совершенствованию государственных учреждений, наметки которой даны в «Пути...», но это дело Думы и государственных ведомств, от которых группы НТС на местах были далеки. Они часто не могли найти себе применения. А научная и издательская работа требовала иных форм организации, которые по ходу дела и складывались.

С правительством Ельцина у НТС поначалу сложились дружеские отношения, госсекретарь Г. Э. Бурбулис регулярно приглашал руководителей Союза вместе с другими общественными деятелями на свои «капустники». Но парадоксальным образом НТС вскоре попал под колёса своих же идей народной солидарности и социального мира, превратно применённых. Искоренение коммунистического наследия требовало усилий, к которым Ельцин не был готов. Он не решился удалить Ленина из мавзолея, чтобы не вызвать конфликт, и выступал решительно против «нового агитпропа» — антикоммунистического. Объявив в 1994 г. политику «согласия и примирения», он желал встроить коммунистов в ткань демократического государства и не спорить с ними. Его преемник эту политику усилил, мелодия сталинского гимна вернулась, Великая Отечественная война сделалась центральным событием нашей истории, а избавление от коммунизма — еле заметным примечанием к «катастрофе» распада СССР. Для равновесия слышны положительные оценки Столыпина, Колчака, Деникина.

При таком раскладе НТС мог показаться нарушителем спокойствия. На самом же деле он — реальный свидетель того, что все годы

советской власти в стране и в Зарубежье жила «иная Россия». Его история — история тонкой нити, держащей связь времён, а нынешняя задача — помочь стране преодолеть советское сознание и обрести своё подлинное национальное лицо.

В числе основателей НТС были участники юнкерского восстания в Петрограде в ноябре 1917 г. В числе добровольцев, помогавших подавить большевицкий мятеж в Москве в октябре 1993 г., были члены Московской группы НТС. Эти события можно считать началом и концом Гражданской войны. Вступая в Союз в 1977 г., Александр Галич так объяснил свой шаг: «Надо сохранить преемственность борьбы». И её сохранили. При появлении на свет НТС был анонсирован как Союз нового поколения. Но суждено ему было стать Союзом по меньшей мере четырёх поколений. К поколению 1895 г. и последующих лет относятся отцы-основатели НТС; поколение около 1920 г. рождения в основном поехало в оккупированную Россию во время войны; послевоенное поколение 1945 г. и следующих лет несло главную нагрузку конспиративной работы в 1970-х гг.; поколение 1970-х гг. переняло работу в России в начале нового века.

Полная история Союза написана не будет, даже когда откроются все архивы, потому что множество информации о его работе вместе с её носителями ушло в мир иной. Этому способствовали и конспиративные навыки, и личные настроения: «Надо делать, а не писать историю» (Б. Б. Мартино); «Нельзя писать историю живого дела» (Е. Р. Островский); «Да возвеличится Россия, да гибнут наши имена» (слова из песни). И всё же со временем некоторые воспоминания были записаны. Сборник «От Зарубежья до Москвы» в значительной мере состоит из таких текстов. Их сюжеты довольно случайны — как в осколочной мозаике. Для восполнения картины приведено несколько официальных документов Союза.

ИСТОКИ

Юрий Изместьев

КАК Я ПРИШЁЛ В НТС⁷

Начало

Принадлежа к военно-интеллигентской среде, я был воспитан в российско-патриотическом духе. Когда началась война 1914 г., меня и моих товарищей захватила волна патриотизма, мы болезненно переживали поражения нашей армии и радовались её победам. Революция и последовавший за ней развал армии и страны вызвали у нас резко отрицательное отношение к любым революционным вождям — от Керенского до Ленина. Наши симпатии оставались на стороне тех, кто старался восстановить порядок и привести страну к победе. Генерал Корнилов стал нашим кумиром.

После захвата власти большевиками до нас стали доходить сведения о зарождении Добровольческой армии, и все наши помыслы

⁷ Юрий Владимирович Изместьев (1905–1991) по окончании Русского кадетского корпуса поступил в Загребский университет в Югославии и получил диплом инженера-экономиста. Работал по специальности, совмещая работу с деятельностью в НТС. Эта деятельность стала для него основной в годы Второй мировой войны: по поручению организации он вёл нелегальную политическую работу на оккупированной немцами территории СССР. После войны, поселившись в США, долгие годы преподавал историю в Свято-Сергиевской гимназии в Нью-Йорке и писал книгу «Россия в XX веке» (1990, изд-во «Переключка»). Последние месяцы жизни посвятил распространению её в России.

См.: <http://www.dorogadomj.com/dr60/dr60izm0.html>.

обратились к ней. К сожалению, возраст (мне было тогда 13 лет) не давал нам возможности вступить в её ряды.

Весной 1919 г. Одессу, где я жил в то время, захватили красные — атаман Григорьев. Я и мои друзья Витя (15 лет) и Алеша (16 лет) волею судеб остались под их властью. Никто из нас троих не имел понятия ни о марксизме, ни о программе большевицкой партии, но мы знали, что большевики, разрушив армию и страну, заключили позорный для России Брест-Литовский мир, и стали свидетелями творимых ими насилий и бесчинств, террора и голода. Поэтому мы были непримиримыми врагами этой власти и искали возможности начать с ней борьбу. Вскоре для этого представился случай: в Одессу пришёл пароход с солдатами, сражавшимися на Салоникском фронте. Они группами бродили по городу, ожидая решения своей участи. Несмотря на грозившую нам опасность, мы, встречая такие группы, вели среди них антибольшевицкую пропаганду. Продолжалось это недолго — дня через два-три эти солдаты исчезли. Тогда мы решили действовать иначе.

Побег

Мы собрались бежать в Белую армию. По ходившим в городе слухам, добровольческие части, не нашедшие при эвакуации места на кораблях, отступили к Румынии; румыны переправили их на Дон. Основываясь на этих слухах, мы решили бежать на Дон тем же путём.

Никому ничего не сказав, мы отправились к морю, взяли напрокат лодку и отплыли настолько, чтобы видеть лишь очертания берега (в то время удаляться от берега разрешалось не более чем на 200 метров). Повернув на запад, мы двинулись к намеченной цели. Ночью, утомившись от гребли, подошли к берегу; отдохнули несколько часов и с рассветом продолжили путь.

Отправляясь в плаванье, мы не взяли с собою никакой еды: брать было нечего. По карточкам выдавали по 100–150 граммов хлеба, на базаре продавались лишь кабачки. К полудню нам так захотелось есть, что мы решили подойти к берегу и поискать в какой-нибудь деревне еду. Не имея понятия, что находимся в километре или двух от Днестра, мы приблизились к берегу и... попали в руки пограничной береговой заставы.

Захватившие нас красноармейцы постановили тут же нас ликвидировать как шпионов. Спасло нас то, что какой-то начальник, наблюдавший всю эту картину из домика на пригорке, решил нас перед расстрелом допросить. После допроса он отправил нас в тюрьму в Овидиополь. Так как мы не предвидели, что можем попасть в руки большевиков, то заранее ни о чём не договорились. Лишь в последнюю минуту перед арестом решили говорить, что отправились из голодной Одессы искать, где можно купить хлеба.

В Овидиополе нас сразу же поодиночке подверг допросу какой-то молодой еврей в студенческой фуражке. Обвинены мы были в контрреволюции, шпионаже и юдофобии (тогда термин «антисемитизм» ещё не вошёл в моду). Единственной уликой служило наше появление в море в 70–75 километрах от нашего местожительства.

Допрашивали нас несколько дней и ночей. Допросы оказались для нас тяжёлыми. Проходили они, правда, без физического воздействия, но с постоянными угрозами расстрела как нас, так и наших родителей, братьев, сестёр и друзей. Для психологического давления использовался лежащий на столе следователя наган, которым он то и дело начинал играть перед нашим носом, а также надпись над столом: «Клянёмся за одного красного расстрелять 1000 белых!»

Не добившись никаких признаний, через неделю нас отвезли в Одессу и сдали в ЧК. Здесь обстановка оказалась намного хуже. Камера переполнена, паёк до крайности скудный: утром чай с кусочком сахара и кусочком хлеба; днём — баланда и полселёдки; вечером то же, что и утром. На следующий день в нашу камеру привели моего отца и брата одного из нашей тройки. К нам посадили провокатора; отношение следователей было ещё более неприязненным, допросы — более изнурительными. Касались они исключительно отношения — нашего и наших родных и знакомых — к евреям. (Надо иметь в виду, что в это время, главным образом в подвластных украинским националистам местах, шли погромы и массовые убийства евреев. — *Прим. ред.*) А все следователи, с которыми нам пришлось иметь дело, и вся караульная команда состояли исключительно из евреев.

В связи с этим упомяну об одном деле. Среди караульных нашёлся один, который оказал нам помощь. Узнав мой адрес, он явился к моей матери и предложил ей переправлять нам передачи (официально они не допускались) и записки от неё нам и обратно. Когда мать спросила, почему он решил помогать людям, которых считает врагами,

он совершенно откровенно ответил: «Сегодня власть наша, а завтра, может быть, она будет ваша. Если я сегодня помогу вам, то завтра вы поможете мне». Его предвидение сбылось. Когда через несколько месяцев я был уже в Добровольческой армии и находился в Тирасполе, меня вызвали в комендатуру и спросили, знаю ли я такого-то и что могу о нём сказать. Оказалось, я должен дать сведения о том самом конвоире-еврее, который оказывал нам помощь. Подтвердив, что он действительно работал в ЧК, я дал о нём самый лучший отзыв, и, как стало мне известно позже, он был освобождён.

От неминуемой смерти моего отца и меня спас сын нашего соседа Митя. Он собрал более ста подписей видных евреев, которые утверждали, что ни мой отец, ни я не только никогда не были врагами евреев, но были всегда их друзьями. Получив это заявление, следовательно на другой же день нас освободил. Таким же приблизительно образом удалось освободиться и моим друзьям.

В Белой армии

10 августа 1919 г. Добровольческая армия освободила Одессу, и наша тройка вступила в её ряды. Старший из нас, Алёша, поступил в какую-то воинскую часть, и мы потеряли его из виду; мы же с Виктором держались вместе — служили в одном полку. В конце года я был ранен и эвакуирован в Одессу. Вскоре туда же привезли с фронта больного сыпным тифом Виктора. Эвакуация нас разлучила: Виктор, прикованный болезнью, остался в Одессе, я очутился в Югославии.

Первые годы эмиграции

Первые три года прошли в навёрстывании заброшенных в годы Гражданской войны наук, однако в атмосфере сугубо патриотической (кадетский корпус), в ожидании весеннего похода.

Хотя и нищенская, но привольная студенческая жизнь не убила в нас ностальгии и русского самосознания, но отодвинула их как бы на второй план. Этому содействовала и потеря веры в возможность возвращения домой. Когда меня стали уговаривать вступить в Корпус императорской армии и флота, я поверил, что это начинание может привести к

освобождению России от большевизма, и дал подписку служить верой и правдой императору Кириллу Владимировичу и его наследнику.

Очень скоро мне стало ясно, что организация эта мертворождённая: никто ничего не делает и не собирается ничего делать. Я не ошибся. За несколько лет деятельность организации выразилась в том, что один раз её члены получили анкеты с вопросами (1. Какой район России вы лучше всего знаете? 2. Какой административный пост вы могли бы занять в России?) и один раз был прочитан доклад об убийстве Столыпина. Ни к какой работе никто не пытался нас привлекать. А тем временем стали возникать кружки русской молодёжи. В их деятельности я увидел что-то живое, нужное, и меня потянуло к ним. Однако вступить в такой кружок я не считал возможным из-за данной мною подписки. Так продолжалось до 1931 г.

Работа в Союзе

В 1931 г. приехал из России А. Р. Трушнович. Его доклад о коллективизации и вообще о положении в России произвёл на меня потрясающее впечатление. Я почувствовал, что ограничивать свою жизнь рамками личных и семейных интересов постыдно и подло. Зная, что происходит на родине, нельзя сидеть сложа руки, нужно что-то делать для спасения нашего народа. Моя покойная ныне жена всецело разделяла мои взгляды.

После некоторой внутренней борьбы я решил пойти на известную сделку со своей совестью: не вступая в Союз формально, посвятить всё свободное от работы время делу Союза.

Живя в глухой провинции (в Черногории), мы с женой не могли развить широкой деятельности, делали то, что возможно: путём личных контактов внедряли идеи Союза, собирали деньги на его работу, распространяли его газету, время от времени устраивали открытые собрания. Но главной задачей для нас была внутренняя работа (изучение «зелёных романов» и техническая подготовка) и «русификация» русской молодёжи. В нашем городе проживало около 40 русских детей. Трое из них свободно говорили по-русски, пять-шесть понимали русскую речь, остальные не имели понятия о русском языке. Через три года все эти дети — одни лучше, другие хуже — заговорили по-русски и стали считать себя русскими.

Война

То, что в течение двадцати лет казалось несбыточным мечтанием, вдруг стало реальностью. В первых числах октября 1941 г. пришёл ко мне один из наших союзников и спросил, хочу ли я поехать в Россию. На мой вопрос: «Когда?» он ответил: «Завтра». В то время мы с женой жили уже под Белградом. Оказалось, что в Белград приехал представитель Организации Тодта⁸ и вербует желающих ехать на работу в Россию, на постройку дороги Киев — Астрахань.

Ехала нас довольно большая группа. В нее кроме союзников вошли и члены организации генерала Туркула. Из Вены мы должны были двинуться в Киев, но после суточной задержки нас повезли в Берлин. Там завербовавший нас представитель Организации Тодта заявил нам: «Россия не для русских! Вы можете вернуться домой или искать себе работу здесь». Все союзники остались в Берлине и поступили на разные работы.

Через несколько дней мне пришлось вновь убедиться, что Россия не для русских. Узнав, что Дрезденский банк, намеревающийся открыть своё отделение в Одессе, ищет служащего, знающего русский язык, я явился по указанному адресу. Услышав, что я высший чиновник югославского госбанка, знаю русский язык и город Одессу (я там учился и жил), директор банка сказал, что лучшего кандидата на это вакантное место он не может себе представить и что он принимает меня на работу. Оформление займёт два-три дня, а я должен подготовиться к отъезду. Я пришёл в восторг и благодарил судьбу, что не состоялась наша поездка в Киев, где я никогда не бывал.

Прошло несколько дней. Звонок из банка — вызов. Являюсь. Какой-то служащий, возвращая мои бумаги, заявляет, что я не принят. Все попытки устроиться на работу, которая дала бы возможность побывать на оккупированной немцами русской территории, терпели неудачу. Я недоумевал. Наконец дело разъяснилось. Какая-то фирма, созданная для торговли с Востоком (не помню её названия), искала бухгалтера, знающего русский язык. Когда я туда явился и отрекомендовался, мне сказали, что именно такой человек им нужен, что я сразу буду принят. Когда же началась процедура оформления и выяснилось, что я русский эмигрант, мне заявили, что принять меня не могут. На

⁸ Военно-строительная организация, действовавшая в Германии во времена Третьего рейха. Своё название получила по имени возглавившего её Фрица Тодта.

мой вопрос, почему, мне ответили, что всех русских немцы делят на эмигрантов — людей порядочных, своих друзей, и советских — своих врагов, подлежащих уничтожению. Раньше они посылали на оккупированную территорию эмигрантов, но неожиданно выяснили, что они, попав на русскую территорию, объединяются с этими... (не помню сказанного им слова) против немцев. Поэтому теперь пускать туда русских эмигрантов запрещено.

Впоследствии от нескольких немцев мне пришлось слышать другой вариант: русские националисты для Германии опаснее, чем русские коммунисты. Коммунизм явление временное, Россия же — вечна.

Первые встречи с советскими гражданами

Итак, вместо поездки в Россию пришлось больше чем на год застрять в Берлине. Сперва работал я уборщиком в типографии «Кён», где печатались русские газеты и листовки. Работа была грязная и очень тяжёлая. К счастью, через четыре месяца С. А. Левицкий помог мне устроиться в «Винету» — филиал министерства пропаганды, где я принимал и печатал сводки советского информбюро.

В этот период удалось завести знакомство с группой молодых остов, находившихся в одном из украинских лагерей Берлина. Ребята были русские, но вывезли их с Украины, поэтому немцы считали лагерь украинским. В то время у нас было достаточно теоретических знаний, но не было опыта — мы не умели разговаривать с подсоветскими людьми. Поэтому мои посещения этого лагеря закончились довольно печально. После четвёртого или пятого раза ко мне на квартиру явился один из парнишек и посоветовал мне больше к ним не приходиться, так как меня считают немецким провокатором. Я внял совету и в лагерь больше не ездил. А вскоре мы с женой покинули Берлин.

Зондерштаб «Р»

В середине февраля 1943 г. я неожиданно был уволен из «Винеты» и Заприев предложил нам с женой интересную, по его словам, работу в Варшаве. Мы согласились и через несколько дней после этого разговора получили вызов от какого-то врача. Придя в назначенное

время по указанному адресу, мы увидели на доме дощечку с фамилией нужного нам врача по внутренним болезням. На звонок дверь нам открыла сестра милосердия. Узнав наши фамилии, она пригласила нас в приёмную и попросила подождать. Через несколько минут в дверях кабинета появился доктор, пригласил нас зайти. Спросив меня, знаю ли я доктора Вюрглера, он сообщил, что по его рекомендации мы приняты на очень ответственную, строго секретную работу. Выдав нам проездные документы, доктор запретил нам говорить кому бы то ни было о нашей поездке. Даже немецкую полицию велел обмануть: мы должны были заявить, что уезжаем в глухую немецкую провинцию.

Соблюдая все правила конспирации, в первых числах марта 1943 г. мы с женой прибыли в Варшаву. На вокзале нас встретил и проводил до места новой работы С. Голубов. Мы тотчас же были приняты нашим новым начальником майором фон Регенау, своей осанкой и манерой говорить очень напомиавшим Муссолини (до революции он в чине поручика служил в одном из полков русской гвардии под фамилией Смысловский; в РОА ему был присвоен чин полковника). Познакомившись с нами, он изложил нам цель и задачи возглавляемого им нового учреждения — Зондерштаба «Р». «До сих пор советских партизан немцы расстреливали. Довольно проливать русскую кровь! — обратился он к нам. — Наша задача заключается в перевоспитании партизан. Мы должны создать из них бойцов Русской освободительной армии. Поэтому главным делом нашего штаба будет пропаганда. Главным отделом будет отдел пропаганды. Мы будем издавать свою газету и листовки».

Зондерштаб «Р» состоял из четырёх отделов: 1-го оперативного, возглавляемого полковником Шаповаловым; 2-го контрразведывательного, руководимого поручиком Бендеровским; 3-го пропагандного, руководимого Александром Эмильевичем Вюрглером; и 4-го административно-финансового, во главе которого стоял Плотников.

Полковник Шаповалов в начале войны со всей своей частью перешёл на сторону немцев. Они вначале думали поставить его во главе РОА, но потом, передумав, выдвинули на этот пост генерала Власова. После разгона Зондерштаба Шаповалов был произведён в генералы и назначен начальником 3-й дивизии РОА. В последние дни войны его вместе с другими офицерами на пути в Прагу захватили партизаны и 9 мая расстреляли в городе Пршибрам.

Бендеровский — личность тёмная. В конце войны он был убит одним из своих подчинённых.

Вюрглер — швейцарец, швейцарский подданный, лютеранин, в детстве попавший в Россию и ставший горячим русским патриотом. Когда создался наш Союз, он стал одним из главных его руководителей.

Плотников — член Союза, личность довольно бесцветная.

Моя жена была назначена радисткой в 3-й отдел, а я — на должность главного бухгалтера, в 4-й.

Почти все наши союзники работали в 1-м отделе; их посылали в разные города в качестве резидентов для наблюдения за партизанским движением. Один из них, Г. Я. Киверов, имел доступ к проездным бланкам (маршбейфели и военные железнодорожные билеты) и штабной печати. Это давало возможность ездить по оккупированной территории России не только по делам штаба, но и по союзным. Недаром штаб в нашей среде вскоре стал называться «райзебюро»⁹.

В первые же месяцы работы стало ясно, что никаким спасением и перевоспитанием партизан наш штаб не занимается и заниматься не собирается. Работа пропагандного отдела не только не расширилась, но и стала быстро сокращаться. В начале лета было объявлено, что штаб включён в состав РОА и подчинён непосредственно генералу Власову. Служащие штаба надели военное обмундирование с эмблемой РОА, все приказы мы стали получать за подписью Власова.

Вскоре я был командирован по какому-то делу в Берлин. Исполнив возложенное поручение, я зашёл к полковнику Кромиади, начальнику кадров РОА, чтобы передать ему привет от Вюрглера. Когда я сказал, что работаю в Варшаве в штабе РОА, он был удивлён: ни он, ни генерал Власов о существовании такого штаба не имели понятия.

Моя первая поездка в Россию

Летом 1943 г. Борис Коверда и я были командированы на Украину с целью пропаганды идеи РОА. Где мы переезжали границу, я не помню (дело происходило ночью). Вскоре поезд остановился и дальше не пошёл. В моей жизни настал долгожданный торжественный момент: после 23-летнего перерыва я вновь ступил на родную землю. Однако радостное настроение сохранялось недолго. Найдя поезд, идущий

⁹ Reisebüro (нем.) — бюро путешествий, туристско-экскурсионное бюро.

в Киев, в одном из его вагонов, занятых немецкими солдатами, мы нашли два свободных места и сели. Через несколько минут вошёл какой-то немец в полувоенной форме и потребовал наши документы. Прочитав их, он закричал: «Russische Schweine, raus!»¹⁰ За нас вступились солдаты. Поднялся шум, появился полевой жандарм. Проверив наши документы, он оставил нас на месте, а набросившегося на нас человека вывел из вагона. Этот случай помог нам почувствовать отношение русских людей к «освободителям».

В Киеве пробыли мы около недели. Наша пропаганда идей РОА не дала никаких результатов, что мы и предвидели. Когда кто-то заинтересовывался и спрашивал, где можно записаться в армию, мы, согласно данной нам инструкции, отвечали: «Вскоре узнаете». Такой ответ никого не удовлетворял, в нём люди чувствовали очередной немецкий обман, что соответствовало действительности. В Киеве мне удалось один раз побеседовать с группой молодых союзников, принятых уже кем-то из наших в Союз.

По дороге в Чернигов, воспользовавшись тем, что в поезде было совершенно темно и в купе мы находились только втроём, я в течение нескольких часов вёл вполне откровенную беседу с человеком, которого не видел. Слушая меня, он соглашался с большинством моих доводов и обещал действовать в нашем духе.

Больше интересных встреч у меня не было. После двухнедельной поездки мы возвратились в Варшаву.

Моя финансовая деятельность

В 1943 г. у руководителей Союза возникла мысль о необходимости создать материальную базу Союза. Работа в Sonderstab'e давала возможность осуществить это дело, чем я и решил воспользоваться. Официальный курс оккупационной немецкой марки в Польше равнялся двум злотым, а на чёрной бирже — четырём-пяти. Агенты нашего штаба, едучи на территорию оккупированной России, получали деньги в злотых, которые им при переезде границы обменивали на оккупационные марки. Я узнал, что этот обмен можно производить дважды: и на границе, и в Варшаве. На заработанные таким образом

¹⁰ «Русские свиньи, вон отсюда!» (нем.)

деньги покупались золотые монеты и разные золотые вещицы, которые переправлялись в наш центр в Берлине. Хранились они у казначея Гракова. Впоследствии я пересылал ему золото из Минска. Когда начались аресты членов Союза, Граков решил все ценности положить в сейф. В тот момент, когда он выходил с чемоданчиком с драгоценностями из дому, его арестовали, и все ценности попали в руки гестапо.

Убийство Вюрглера

Как я уже упомянул, работа пропагандного отдела Зондерштаба сокращалась. Кончилось это тем, что этот отдел был закрыт, а А. Э. Вюрглер уволен. Мы, союзники, почувствовали, что отношение начальства к нам изменилось. Вероятно, в то время (лето-осень 1943 г.) гестапо уже видело, что мы (вообще весь Союз) не трудимся на благо Германии, а стараемся использовать немецкие учреждения для своих, русских целей.

22 декабря 1943 г. вечером Александр Эмильевич зашёл ко мне и сказал, что у него очень трудное положение: его преследуют немецкие власти, поэтому ему придётся бросить союзную работу и уехать в Швейцарию. Войцеховский (предводитель русской эмиграции в оккупированной Польше. — *Прим. ред.*) уже предупреждал его о грозящей ему опасности. Александр Эмильевич упомянул также, что он просил Войцеховского помочь с отъездом, но тот до сих пор ничего не сделал. В завершение разговора Вюрглер сказал, что завтра он работает последний день, а потом три дня праздников, и у нас будет достаточно времени, чтобы поговорить подробно о делах.

23-го утром раздался телефонный звонок. В нашу комнату вбежала жена Александра Эмильевича со страшным криком: «Саша убит!» Мы с ней тотчас отправились на место преступления. Тело уже отвезли в морг.

В первый день католического Рождества вдова Вюрглера пригласила нас с женой на обед. Как раз в это время явился один из служащих штаба (фамилию не помню), чтобы от лица Войцеховского выразить соболезнование вдове. Он сказал, что Войцеховский несколько раз предупреждал Александра Эмильевича о грозящей ему опасности, но тот не придавал этому значения. Когда же я спросил, мол, если Войцеховский знал о готовящемся убийстве, то почему он не принял мер для его предотвращения, этот человек промолчал.

После убийства Вюрглера все союзники находились в подавленном настроении. Все мы были уверены, что это не последнее несчастье на наши головы. Вскоре нам объявили, что штаб переезжает в Пултуск. Пошли слухи, будто там для нас уже приготовлено место за проволокой. К счастью, всё закончилось благополучно. В середине января 1944 г. какой-то немецкий капитан собрал нас, чтобы объявить: штаб прекратил своё существование и каждый должен вернуться туда, откуда приехал.

Работа в Одессе

Из Варшавы в Одессу мы с Е. И. Мамуковым ехали семь или восемь дней. Приехав, мы застали целую группу союзников: Олега Полякова, Сергея Попова, Сергея Голубова, Олега Широбокова, Бориса Фомина, Бориса Боровского, Александра Ивановича Непомнящих, Пионтковского и Ваню (бывшего советского лейтенанта, фамилию которого я забыл).

Руководство работой взял на себя Е. И. Мамуков. Мне с Непомнящих предложили открыть буфет, который служил бы чем-то вроде штаб-квартиры, помог создать материальную базу, подкармливал бы наших ребят и способствовал установлению связей с местным населением, чтобы получать нужную нам информацию и вести пропаганду. Расчёты эти не оправдались. Русские если и посещали наше заведение, то в нём не задерживались. Выпив стакан или бутылку водки, они сразу уходили. Нашими клиентами были преимущественно немцы, едущие в отпуск: они закупали у нас продукты и везли их домой. Оборот нашего буфета был небольшим и прибыль, соответственно, минимальная. Её хватало лишь на собственный прокорм и подкармливание наших ребят. С первых же дней работы мы заметили, что за нами установлена слежка. Почти каждый день в буфет заходил какой-то человек, который заказывал стакан вина, брал газету и просиживал по три-четыре часа.

За время пребывания в Одессе нам удалось сколотить две группы и установить связь с советским подпольем. Это нужно было для того, чтобы желающие могли при приходе красных остаться в советском тылу и вести там союзную работу. В Одессе работа велась не под флагом НТС, а от лица Национально-революционной партии. В то время там находился один бывший союзник, перешедший советскую

границу. Вскоре его арестовали и предложили работать в НКВД либо становиться к стенке. Он выбрал первое. А при отступлении красных остался в Одессе и стал работать в «Сигуранце» (румынском гестапо). После всего пережитого он уже не считал себя человеком и готов был работать на кого угодно. Всё же к НТС у него сохранились какие-то чувства, и он оказывал нам посильную помощь. Во второй половине марта 1944 г. он предупредил, что Мамукову и Голубову грозит арест, и порекомендовал немедленно смываться; они так и сделали.

Уезжая, Мамуков назначил меня своим заместителем. Продолжать дальше оперативную работу оказалось невозможно: советские войска перешли в наступление и угрожали перерезать железнодорожное сообщение с Румынией. Нужно было думать об эвакуации наших людей. С трудом достали бланки проездных документов, но поставить на них печать не удалось. Изготовлением печати занялся О. Поляков. Где-то раздобыли и машинку, чтобы заполнить бланки. Всем старым союзникам удалось проскочить через Раздельную в Румынию. Борис Боровский ушёл в советское подполье, в каменоломни, дальнейшая его судьба неизвестна. Возможно, его там сразу же прикончили. В городе остались две не связанные между собой группы вновь принятых в Одессе союзников. Во главе одной из них остался некто Некрасов (я думаю, это псевдоним).

Я не поехал с другими союзниками, чтобы не отрываться далеко от родной земли и покинуть город в последнюю минуту. Две вступившие в Одессе в НТС дамы доверились мне и тоже остались. Когда фронт подошёл уже совсем близко, мне с одной из этих дам (другая в последнюю минуту решила остаться) удалось проникнуть в порт и погрузиться на буксир, которым командовал бывший русский морской офицер. После двухнедельных мытарств мы через Румынию и Венгрию за два дня до Пасхи попали в Вену.

В тюрьме и концлагере

В Вене я не смог найти комнату, поэтому мне не удалось прописаться и продлить свой паспорт; я продолжал жить по фальшивому маршбелю¹¹ у Веры Дмитриевны Вергун. Там жила моя жена, но прописать меня Вера Дмитриевна не могла, так как не разрешала хозяйка дома.

¹¹ Marschbefehl (нем.) — командировочное предписание.

Через несколько дней по приезде в Вену я получил от исполбюро приглашение в Берлин — доложить о проведённой работе в Одессе. Я поехал и на австрийско-чешской границе в поезде был арестован. После тяжёлого допроса с пристрастием, всю ночь продолжавшегося на вокзале, меня отвели в тюрьму и заключили в одиночку; через некоторое время перевели в венскую тюрьму, где я просидел около недели. Большинство моих сокамерников оказалось урками. Однако нашлось и четверо приличных человек, арестованных по политическим причинам. С ними у меня начались сначала осторожные, а потом вполне откровенные разговоры; рассказал я им и об НТС.

В один прекрасный день меня отвезли в штрафлагерь Ланцендорф, километрах в пятидесяти от Вены. Условия там оказались очень тяжёлыми. Я думал, что больше двух-трёх месяцев не выдержу. Но судьба опять была ко мне милостива. Приблизительно через неделю последовал неожиданный вызов «с вещами». Вернув золотые вещи и деньги, меня передали следователю гестапо; тот доставил меня в Вену и передал под расписку члену НТС Игорю Юнгу, который в ту же ночь повёз меня в Минск.

Как удалось меня освободить

Когда я уезжал из Вены в Берлин, меня провожал К. В. Болдырев, с которым мы условились встретиться через несколько дней. В Берлине Болдырев узнал, что я туда не добрался. В то же время в Берлин приехал Игорь Юнг — чтобы уговорить меня работать в его «строительной» фирме. Немецкие власти разрешили ему заниматься торговлей и спекуляцией, и он решил, что для этого дела я являюсь наиболее подходящей кандидатурой.

Болдырев начал меня разыскивать. Вместе с моей женой он отправился в венское гестапо. Когда там его спросили, какое отношение он имеет ко мне, Болдырев, не побоявшись ареста (ведь меня заподозрили в шпионаже), сказал, что я его лучший друг. Узнав моё местопребывание, в венское гестапо явился И. Юнг. Решив, что один шпион пришёл выручать другого, Юнга арестовали и послали о нём и обо мне запрос в Минск. Этот запрос попал в руки нашего союзника Г. Я. Киверова, который дал нам прекрасную с немецкой точки зрения характеристику. Получив её, венское гестапо сразу освободило Юнга и

под его гарантию — меня. Венская полиция продлила мне паспорт, и впредь я мог легально проживать на германской территории.

В тот же вечер в Минск без разрешения начальства с нами поехали бросившие работу К. Б. Болдырев и Люля (после войны она вышла замуж за Р. Редлиха).

Работа в Минске

В состав руководимой И. Юнгом строительной фирмы «Эрбауэр» входил бывший советский инженер (фамилию его я забыл), которому удалось построить на вокзале небольшой бункер. Это, кажется, единственная выполненная нашей фирмой строительная работа. Было в фирме двое или трое посторонних (не членов НТС), которые что-то делали. Все остальные служащие являлись членами НТС и под прикрытием фирмы занимались союзной работой, составляли, печатали и распространяли нашу литературу. Болдырев мотался по всему району, меня соль и спички на телят и превращая всё в золото. Корж Зайко оборудовал небольшой завод, где стал гнать самогон, который предполагалось продавать (первая партия его была готова накануне нашего бегства из Минска). Я делал очень мало, так как в минской обстановке не мог найти применения своим способностям.

В конце мая или начале июня гестапо разыскало Люлю и потребовало её возвращения на прежнюю работу. Так как за проявленное ею самовольство она могла подвергнуться суровому наказанию, Болдырев решил её сопровождать, чтобы в случае необходимости оказать помощь.

Сосновицы — Вена — Берг — Нордхаузен

В конце июня советская армия начала интенсивное наступление на центральном фронте и стала подкатываться к Минску. Так как железнодорожный путь к западу от города был прерван партизанами, нам пришлось удирать через Вильно и Вержболово. Довезли нас до Сосновиц, высадили и поместили в здании школы, где спать пришлось вповалку на полу. Через несколько дней туда прибыла группа (четыре-пять человек) наших союзников, сидевших в минской тюрьме и освобождённых в последнюю минуту. В этой группе был Анатолий Нератов, живший

в то время под фамилией Александров; потом он жил под фамилией Абрамов. Кто были остальные, не помню.

Через неделю, а может быть, две в Сосновицах появился К. В. Болдырев и предложил некоторым из нас ехать с ним в Вену, где ему удалось зарегистрировать фирму «Эрбауэр» и получить подряд в местечке Берг, около Братиславы.

Так как для персонала нашей фирмы не было помещения, нам поручили построить бараки. Сделать это не удалось, поскольку вскоре фронт стал приближаться к Вене и нашей фирме пришлось эвакуироваться. Новый подряд был получен в местечке Нидерзаксверфен, в нескольких километрах от Нордхаузена (Тюрингия). Там повторилась та же история, что и в Берге: мы должны были строить себе бараки. Пока шло строительство (оно продолжалось до конца войны), мы жили у подножия гор, в которых находились заводы, производившие «Фау-2». Нам это было неизвестно. На наше счастье, видимо, этого не знали и американцы. Иначе они, несомненно, подвергли бы весь район жесточайшей бомбардировке и в живых из нас остались бы немногие.

По окончании войны

С приходом американцев Болдырев был назначен начальником всех иностранных лагерей района. Наш лагерь стал убежищем для русских, желающих избежать насильственной репатриации. Руководство НТС в это время занялось главным образом спасением людей от грозившей им со стороны СМЕРШа-НКВД расправы.

В первые же дни по приходе американцев в нескольких километрах от нашего лагеря было обнаружено несколько барачков с больными тифом и брошенными на произвол судьбы русскими рабочими. Для их излечения мы устроили госпиталь. Если мне не изменяет память, никто из наших подопечных не умер.

Когда стало известно, что Тюрингию американцы уступают Советам, было решено оставить на её территории листовки для советской армии. Так как всякая антисоветская пропаганда строго запрещалась, то эту работу требовалось провести крайне секретно. Устройство тайной типографии и печатание листовок поручили мне и Олегу Воробью. Для исполнения задуманной операции на месте эвакуированного лагеря осталось пять человек: В. А. Коссовский, Георгий Попов,

Олег Ширококов, я и кто-то ещё. В благоприятный для нас момент задачу мы выполнили. Главную роль в этом деле играл В. А. Коссовский, остальные ему помогали.

Перед самым появлением советских войск за нами приехал К. В. Болдырев и отвёз нас в лагерь Менхегоф.

Георгий Околович

БЫТЬ С НАРОДОМ...

(интервью журналу «Посев»¹²)

— Георгий Сергеевич, вы родились в 1901 г. Следовательно, ваше детство и юность совпали с двумя войнами — Первой мировой и Гражданской. Может быть, вы расскажете подробнее об этом периоде вашей жизни?

— В Первой мировой войне участвовал пассивно: город Пернов в Прибалтике, где я жил, подвергся в 1915 г. бомбардировке с воздуха знаменитым тогда цеппелином. После этого нашу гимназию вместе с педагогами и их семьями эвакуировали в Муром, где мы и прожили до конца 1915 г. Затем были у знакомых в Крыму и в 1916 г. вернулись в Пернов, где гимназия возобновила работу. Мой отец был священником и преподавал в этой гимназии. В 1917 г., когда немцы приблизились к Риге, нашу гимназию снова эвакуировали: частично на Урал, а частично (в том числе и нашу семью) — на Северный Кавказ, в станицу Усть-Лабинскую.

Когда началась Гражданская война, я ушёл из седьмого класса гимназии в Добровольческую армию. Служил сперва на бронепоезде «Вперед за Родину» в Донбассе, затем нас перебросили на Царицынский фронт. После взятия Царицына бронепоезд был разбит в боях в направлении на Камышин и ушёл на ремонт. Вместе с командой я был отправлен на бронепоезд «Рабочий» (подарок Белой армии

¹² В «Посеве» № 7 за 1976 г. в связи с 75-летием мы поместили краткую биографию Г. С. Околовича, бывшего председателя Исполнительного бюро Совета НТС, впоследствии в течение нескольких лет руководившего издательством «Посев». Одновременно мы просили его дать нам интервью, рассказать о себе более подробно. Но он некоторое время болел и исполнил нашу просьбу только сейчас («Посев» № 2, февраль 1977 г.).

от рабочих города Царицына), однако заболел воспалением лёгких и был отпущен в отпуск — в Ейск, где находилась моя семья. Не оправившись окончательно, снова отправился в армию, так как красные уже взяли Ростов. Сперва попал в маршевую роту в Краснодаре. Вот где я повидал развал армии и массу офицеров в тылу, отлынивающих от борьбы с красными! Затем я снова попал на свой бронепоезд «Вперёд за Родину». Вскоре заболел возвратным тифом. Два раза меня отправляли в санитарные поезда, два раза персонал бросал больных, и всё-таки оба раза я выжил и возвращался на свой бронепоезд. И с тех пор верю в чудеса. Из Туапсе я эвакуировался в Крым к генералу Врангелю. Перед этим мы уничтожили, сбросив в море, свой бронепоезд.

Затем служил на бронепоезде «Севастополец» на направлении Мелитополь — Синельниково. При отступлении в Крым (не в мою смену) весь боевой состав бронепоезда погиб, команда же спаслась благодаря героическому поведению добровольца-еврея Левитана.

Хочу подчеркнуть, что я никогда подданным советской власти не был.

— *Куда вы эмигрировали и в каких странах жили в эмиграции?*

— Эмигрировал в 1920 г. из Севастополя в Югославию. Русским беженцам помогал король Александр. Спасибо ему! Не имевшие специальности получили возможность учиться.

Я был молод и без специальности. Сперва работал у сербского крестьянина, затем на лесоповале, потом учился на курсах — на строительного десятника. Получив специальность, лишился пособия — и правильно: человек должен поскорее стать на собственные ноги. Но устроиться было нелегко. Пришлось поработать на кухне русской столовой в Сараеве, затем кочегаром в здании почты. Не выдержал трудностей и с одним динаром в кармане отправился в Белград. Там сначала спал под открытым небом (летом 1921 г.) в трамвайном депо: предоставленное для беженцев, оно было переполнено. Устроился к русскому торговцу и продавал овощи на белградском базаре. Затем служил кухонным мужиком в русской столовой «Уютный уголок». Её владельцем был бывший генерал, и он же потом помог мне устроиться на строительство дороги Голубац — Добра, вдоль Дуная.

В начале 1923 г. удалось попасть в Панчево на курсы по подготовке на аттестат зрелости, открытые государственной комиссией короля Александра. В том же 1923 г. при белградской русской гимназии сдал экзамены и поступил в Белградский университет.

По семейным обстоятельствам в 1924 г. выехал во Францию под Лион, работать на заводе искусственного шёлка. Женится. Родился ребёнок. Поступил на заочные курсы в Париже. Жена заболела туберкулёзом, вернулась в Югославию к родителям. Я окончил учёбу, получил диплом электротехника и вскоре тоже уехал в Югославию, где до осени 1937 г. работал электротехником в различных фирмах.

— *Когда вы поступили в НТС? Что вас туда привлекло?*

— В 1931 г. жена моя умерла от туберкулёза, дочь жила у родных жены. У меня очень остро стоял вопрос о дальнейшей жизни и вообще о смысле моей жизни. Политикой я тогда не интересовался. Ещё в 1932 г. в переписке с матерью, которая осталась в СССР, я высказал желание вернуться домой. Но мать дала понять, что возвращаться нельзя.

Летом 1933 г. случайно попал в «Союзный клуб» НТС — он тогда назывался НСНП (Национальный Союз Нового Поколения). В НТС я и остался, но уже не случайно. Меня считали там старым и думали, что я скоро уйду. Но я не ушёл. Меня привлекали непосредственность, честность, дружеское отношение друг к другу. И люди. Незабываемые люди, такие как А. Неймирок, Ю. Герцог, Е. Дивнич и другие. До этого эмигрантские политические объединения, эмигрантские споры, политические партии и их взаимная грызня меня только отталкивали. Здесь же, в НТС, я почувствовал, что не одинок.

— *Чем вы занимались в НТС до войны?*

— «Героически» проходил учёбу по конспектам, крутил их на ротаторе, ходил на собрания, чистил помещение, дежурил в клубе. Это была нормальная работа нормального рядового члена нищей зарубежной организации. Но в Союзе я впервые более подробно узнал о том, что творится в СССР, и задумался об этом.

— *Какие цели ставил тогда перед собою НТС?*

— Как мы тогда понимали эти цели? Народ хочет освободиться от коммунистического гнёта. Мы должны участвовать в его тяжёлой борьбе. Мы считали, что народ не изменился и остался таким же, каким мы его знали и знаем. Коммунизм не смог его духовно сломить. Чтобы быть с народом, надо знать его жизнь, быт, заботы. Для этого Союз составлял и издавал соответствующие учебные пособия. Кроме того, надо было знать своего политического врага, знать, как с ним бороться. Для этого мы тоже издавали и изучали соответствующие конспекты, читали советскую прессу (остальная эмиграция этим не

занималась). На всё это приходилось тратить силы и время. К тому же надо было зарабатывать и на жизнь. Кроме того, что мы воспринимали всё происходящее рассудком, положение в России очень переживалось нами эмоционально. Особенно когда начались коллективизация и сталинский террор.

Мы все, почти поголовно, стремились в Россию, чтобы принять участие в борьбе против коммунистической власти и, если надо, погибнуть, давая пример идущей за нами молодёжи.

Впоследствии, когда наша идея вылилась в более конкретные формы солидаризма, в «Программу НТС», мы считали своим долгом донести их до России, посеять там эти идеи и тем исполнить свой долг.

Мы были воспитаны на том, что злом и убийством хорошего дела не построишь. Исключением для нас являлся Сталин, которого мы ненавидели и готовы были уничтожить. Правда, убивший его взял бы на свою душу грех убийства человека (какой бы он ни был), но на это был готов каждый союзник — во имя спасения тысяч и тысяч других людей. Так мы, во всяком случае большинство из нас, тогда думали.

— Можете ли вы рассказать о своём первом переходе через советскую границу? Почему вы шли в Россию, какие у вас были задачи?

— Это сложный и большой рассказ, полный сильных переживаний, хотя он и охватывает небольшой период: переход границы, пребывание в СССР, возвращение и переработка принесённого из СССР материала. Если не считать подготовку к переходу границы летом 1938 г., то всё это заняло время от августа до середины декабря 1938 г. (до прибытия следующей группы для перехода границы в 1939 г.).

Нас было шесть человек. Разделились на три части. Первая группа шла на южном участке польской границы — Бабкин и Спица (оба из Скопля) и Чупрунов (из Белграда). Вторая — на среднем участке, на Минск — Колков и я (оба из Белграда). На северном участке шёл один Гурский (из Скопля, если не ошибаюсь). Южная группа в первую же ночь натолкнулась на советский патруль. В перестрелке Бабкин и Спица были убиты; Чупрунову удалось уйти, и он вернулся в Польшу с большим трудом, с лишениями. Гурского при одной из днёвок в кустах у какой-то речки (стокилометровую приграничную полосу надо было проходить ночами, а днём пережидать) заметил пастух и доложил на заставу. Гурский был окружён и в перестрелке убит.

Что касается Колкова и меня, то мы переходили на Минск, где приграничная полоса сужалась до 30 километров. Кроме патрулей,

застав, секретов, погонь с собаками, прочёсывания местности с помощью местного населения, выстроенного цепью, и т. д. и т. п. она состояла из двухметрового забора из колючей проволоки (расстояние между рядами около 15 сантиметров); в некоторых местах был протянут сигнальный шнур. Дальше высился вал из сухих деревьев (комлями внутрь страны, ветвями наружу, к границе) и хвороста — больше человеческого роста, метра два. Преодолеть такое препятствие без шума невозможно. Ещё примерно через 200 метров — сигнальный шнур на высоте 15–20 сантиметров. Дальше — распаханная и заборонённая полоса: при переходе на ней остаются следы, указывающие на количество нарушителей и на направление; по полосе пускают собак. (Для преодоления этого препятствия существует особая техника.) Затем (на минском направлении через пять-шесть километров) — вторая граница с забором из колючей проволоки и патрулей или секретов.

Людей на расстоянии нескольких километров от границы не осталось — всех выселили. В поле они работали под охраной. И о каждом незнакомце обязаны были докладывать на заставу. Окна в сторону границы во всех домах держали затемнёнными.

При переходе погибал каждый второй член НТС. Переход был трудный, и в двух словах о нём не расскажешь. Задача для подавляющего большинства переходящих была одна: навсегда остаться в СССР, создать опорные точки для тех, кто прижжёт следом. Если возможно, подобрать сочувствующих или создать небольшую группу НТС.

Передо мной и Колковым задача стояла особая — изучить настроение населения, примерно через год вернуться в Польшу и сообщить руководству о своих наблюдениях. По некоторым обстоятельствам, от нас не зависящим, мы вернулись раньше. В СССР жили в разных городах, но больше кочевали по стране. Будучи по поддельным документам рабочими, мы мало сталкивались с интеллигенцией, имея дело с простыми людьми или с попутчиками (путь оказался очень длинным и охватил большие пространства).

— *Каковы же были ваши впечатления и выводы после возвращения?*

— Наши выводы и впечатления были просты и ясны: бороться необходимо, хотя это трудно и опасно. Мы обязаны бороться, если хотим быть вместе с народом. Общее впечатление: Боже, что сделала эта власть со страной за такой короткий срок! Мы знали Россию, хоть и были тогда мальчиками. Даже во время Гражданской войны Россия

оставалась цветущей и весёлой. Теперь мы увидели её облупленной, с обвалившейся штукатуркой, с перекошенными крестами на церквях, грязной, запущенной. А население мрачное, забитое, озлобленное. Даже новые здания, которыми власть так кичилась и которые так красиво выглядели на плакатах, были не лучше.

Мы видели транспорты с заключёнными в Орле, перевозку заключённых в автомашинах в Казани, мы были на октябрьских торжествах в Москве и видели хмурые лица демонстрантов, которые перед выходом на Красную площадь должны были держать друг друга под руки — чтобы не разбежались или чтобы не проник к ним какой-либо шпион. Мы ночевали в орловской гостинице, где на ночь отбирали паспорта и размещали по десять человек в «спальне». Ходили в Курске в баню, где не было горячей воды. Жили на квартирах в Орле, Курске, Краснодаре (один из нас работал там на железной дороге). Жили в Феодосии, знакомой ещё по довоенному времени — теперь запущенной, но с хорошими дачами, неизвестно кому сейчас принадлежащими. Питались на вокзалах, в столовках, на базарах; ели пельмени в Москве, чебуреки в Крыму. Мы ехали в вагоне с двумя детьми, мальчиком и девочкой 10–12 лет, которых конвоировал милиционер и единственным багажом которых была буханка чёрного хлеба. Но ехали также в одном купе с молодой женщиной-москвичкой, которая от нас впервые узнала, что в Москве трудно с молоком... Видели страх на лицах пассажиров «вольного» поезда при виде эшелона с заключёнными (кажется, это были женщины).

Беседы мы вели большей частью эзоповским языком. Бывали и откровенные разговоры, особенно в пути, но тогда мы не называли ни свои фамилии, ни места жительства. В Краснодаре разговаривали со спившимся и «обиженным» властью чекистом, который показывал нам свои документы и приглашал в гости. В общем, того, что мы видели, слышали и пережили, было достаточно, чтобы сделать заключение, которое указано выше.

— *Вы упомянули о другой группе НТС, переходившей границу. Когда это было?*

— В августе 1939 г. на юге Польши благополучно перешли Дурново, Колков и Чупрунов (последние два шли вторично). Чупрунова, когда началась война, взяли в советскую армию; он попал в плен и был задержан у немцев как переводчик; затем заболел туберкулёзом, был отправлен в тыл и связался с НТС в Варшаве. При эвакуации Польш-

ши уехал в санитарном поезде, который пропал в Пруссии. От других известий не поступало. Война всё перемешала.

Другая группа — Бржестовский и Берегулько — перешла границу и при первой днёвке была открыта. Завязалась перестрелка. Берегулько бросился прочь от границы внутрь страны. Это спасло его и не раз спасало других членов НТС: пограничники привыкли, что обнаруженные всегда пытаются вернуться назад, и на этом строили поиск. От Берегулько получили сигнал из Горького, затем связь прекратилась. Бржестовский через некоторое время вернулся в Польшу. На севере границу переходили Келлер, Конява-Фишер (член НТС из Чехии), а также О[льгский] — он живёт во Франкфурте и, если захочет, может сам рассказать о себе. Эта группа наткнулась на патруль. Коняву-Фишера ранили в позвонок. Он был старшим группы и приказал Келлеру и О[льгскому] отходить вглубь СССР. Прикрывая их отход, Конява-Фишер отстреливался до последнего патрона, а затем, как предполагают двое других, покончил с собой. Через несколько дней, когда на границе успокоилось, Келлер и О[льгский] вынуждены были вернуться в Польшу, так как во время отхода они долго пробыли в воде и документы их пришли в негодность. В Варшаве, перед самым отъездом на границу, умер от разрыва сердца (на самом деле покончил самоубийством. — Прим. ред.) Михаил Никоненко из Белграда, который должен был войти в группу с Бржестовским и Берегулько. Похоронен Никоненко на варшавском кладбище. В сентябре на Польшу предательски напали, с одной стороны — Сталин, с другой — Гитлер. Наша группа НТС (Бржестовский, Келлер, О[льгский] и я) ушла в Румынию. Впоследствии Бржестовский и Келлер уехали, а мы с О[льгским] остались.

— Что вы делали в Румынии?

— Руководство НТС вызвало меня в Белград. Обсудив положение, мы решили переброску людей в СССР продолжать через Румынию, и я туда вернулся. Кроме того, руководство НТС прислало нам в поддержку Прянишникова. В это время СССР как раз занимал Бессарабию. В Бухаресте была образована группа НТС для подготовки и отправки в СССР приезжавших из Белграда членов Союза.

Сперва отправка шла через Бессарабию, затем через Буковину, где уже давно существовали группы Союза. Они и стали опорными пунктами. В это время происходил обмен населения — румын и бессарабцев. Таким образом был обменен член Союза, белградец, имя которого не удержалось в моей памяти (я его до этого не знал). Он был

популяризатором наших философских и политических идей. Таким же путём отправлены были ещё Машута (Мария) Дурново и её второй муж Георгий Казнаков, затем переправились ещё Акулов и Потапов и другие.

— *Вскоре после этого Германия напала на СССР. Что вы делали во время Второй мировой войны?*

— После некоторого бездействия в Бухаресте в августе 1941 г. я был вызван руководителем НТС Байдалаковым в Берлин, куда он к этому времени перебрался из Белграда, и получил задание проникнуть в Варшаву, а затем в Смоленск. Из Германии в генерал-губернаторство, то есть в оккупированную Польшу, я переехал по фальшивым документам. В Варшаве явился к Вюрглеру. Обменял свои документы — в них значилась моя настоящая фамилия. Переход границы из генерал-губернаторства в СССР (её мы переходили нелегально с Брандом, редактором варшавской газеты «Мечь») не составил труда. Граница охранялась немцами кое-как.

В Смоленск уже пробралось некоторое количество членов Союза, так вот их я должен был возглавить. (Бранд умер в Смоленске от сыпного тифа 16 марта 1942 г.) В Вязьме тоже существовала группа Союза во главе с Георгием Жедилягиным, его братом и ещё одним членом Союза, имени которого не помню и который остался в СССР, уйдя в подполье; потом о нём приходили известия из советского концлагеря. В Орел пробрались Ширинкина и Тарасов (он устроился в местный театр). К сожалению, их вскоре арестовало гестапо.

В Смоленске, где обосновалась целая группа НТС, я пробыл до падения города осенью 1943 г. Что мы делали? Принимали беженцев — едущих, бегущих, идущих пешком на Запад из городов и сёл, занимаемых советской армией. Вели пропаганду НТС среди местного населения — иногда удачно, иногда неудачно. Помогали пленным как могли. Держали связь с центром НТС. Связь (непостоянная) осуществлялась через Минск, где у нас был опорный пункт, через Варшаву — с руководителем тамошней группы Вюрглера (впоследствии убитого на улице русскими агентами гестапо) и через него — с Берлином. Я сам по вызову Байдалакова дважды ездил в Берлин с поддельными пропусками.

Между прочим, ездил я из Смоленска в Катынь, когда немцы нашли там убитых НКВД польских офицеров. Это было жутко. Но не менее жуткую картину представлял сам катынский лес. Немцы, отыскивая убитых поляков, делали повсюду пробные раскопки. Если не обнару-

живали польских трупов, дальше не копали. Но трупы — со связанными назад руками и с простреленным черепом — попадались всегда, в каждой яме: это были расстрелянные русские. Убийство поляков было подлым и гнусным преступлением. Однако надо знать также, что вообще весь катынский лес рос на трупах расстрелянных людей...

— *На какой позиции стоял НТС в военные годы?*

— Наш лозунг был «Ни Сталин, ни Гитлер!». Мы печатали листовки с этим лозунгом и распространяли их. Было ли это наивно, как считали некоторые, я не знаю. Но во всяком случае это было опасно. Кроме того, мы пытались привлечь на свою сторону партизан. Ведь в начале войны они были настроены антикоммунистически и выступали именно против Сталина и Гитлера. Потом партизан прибрали к рукам специально присланные через фронт отряды и руководители, и наши переговоры прекратились. Вели эти переговоры, насколько помню, Шульгин-младший и Болдырев, а также Красовский и Бездежных. Но я в них не участвовал и могу что-то спутать.

К концу войны наше положение всё ухудшалось. В гестапо, которое и без того не жаловало НТС, проникли агенты НКВД. Нас стали преследовать особенно упорно.

— *Значит, обвинения, будто члены НТС состояли на службе у немцев, необоснованны?*

— Они смехотворны. В Смоленске мы всё время находились под наблюдением гестапо, о чём я уже говорил. В Орше, где у нас имелись свои люди в городском управлении, было легче. Немцы добивались порядка, пусть и в вымершем, пустом городе. Мы же считали своим долгом спасти остатки населения от голодной смерти. Разве это служба немцам? В Орше мы всё время жили под канонаду фронта и бомбёжку с воздуха и могли быть в любую минуту захвачены. Нам удавалось обманывать немцев, добывать разные документы и маршбефели. Некоторые члены НТС по указанию руководства Союза устраивались переводчиками, работниками городских управлений, чтобы иметь ту или иную возможность продолжать работу. На войне как на войне! Но судьба Ширинкиной, Тарасова, Молчанова, Кузьменко и других членов Союза, схваченных гестапо, показывает другую сторону: всё это делалось с трудом и вопреки воле немцев.

Через Катовицы мы попали в Берг под Веной; нас приняли служащими в специально созданную НТС строительную фирму «Эрбауэр», которую возглавляли Виноградов и Болдырев. Болдырев, кстати сказать,

был захвачен немцами в Югославии в горах с оружием в руках и потом с помощью английских военнопленных бежал в Германию — на работу НТС. В Берге я получил известие, что все руководство Союза арестовано и что принять его на себя должен я. Я выехал в Берлин, но вместе с Романовым попал под слежку: меня и Ольгского арестовали 13 августа 1944 г. и отправили в тюрьму на Александерплац.

— *Какие обвинения предъявляли вам немцы?*

— Допрашивали нас два немца и один русский. Мне хотели пришить сбор денег на работу НТС (это считалось уголовным преступлением). Другим — антинемецкую пропаганду среди военнопленных и антинемецкую деятельность. Об этом мог бы подробнее рассказать Поремский, он сидел там дольше меня. Кого-то обвиняли в обмане немцев, в подделке маршбеделей, в использовании служебных мест для целей НТС и т. п.

Если бы не конец войны и не хлопоты генералов власовской армии (членов НТС) и самого генерала Власова (который не был членом Союза), то дело для нас кончилось бы совсем плохо. Список для отправки в лагеря был составлен, и часть членов НТС уже туда отправили, например Г. Рара, Неймирка, доктора Сергеева (погиб), Позе (погиб в Берген-Бельзене), Тагезена (погиб около Линца), Родзевича, Бржестовского.

Мне кажется, что нажим на нас перешёл в аресты после покушения на Гитлера. Некоторые немцы, которые с самоо начала нам симпатизировали, были против политики Гитлера в России и участвовали в заговоре и покушении на него. Сегодня, после выхода книги Штрик-Штрикфельдта «Против Сталина и Гитлера»¹³, это более ясно.

Надо сказать следующее: очень много написано о зверствах немцев, и поэтому забывается, что не все немцы были такими. Например, как мне известно, Смоленск был буквально спасён от голода двумя зондерфюрерами, которые из кожи вон лезли, чтобы снабдить население едой. Они даже добывали говяжьи головы и ноги с немецких армейских боен для мясных блюд в городской столовке.

— *Как известно, в СССР и в эмиграции распространялись и распространяются слухи, будто НТС инфильтрирован КГБ. Что вы скажете в связи с этим?*

¹³ Штрик-Штрикфельдт В. К. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение / авт. пер. И. Баха и М. Рубцовой. 3-е изд. М.: Посев, 1993 (Strik-Strikfeldt W. Gegen Stalin und Hitler. Mainz: Verlag Hase-Koehler, 1970).

— Эти слухи инспирированы самим КГБ, и меня они не волнуют. Уже до войны к нам пытались засылать агентов, но их очень быстро вычисляли, так как каждая группа НТС была спаяна не только политически, но и личной дружбой. Каждый посторонний вскоре разоблачался и вытаскивался. Тогдашнее НКВД это быстро почувствовало и прекратило попытки.

Правда, после войны попытки возобновились, например с Хорунжим. Его арестовали немецкие власти. Просидел он недолго, затем его выпустили: он сидит во Франкфурте, числится врагом Союза — это всё. Есть три-четыре, так сказать, продавшихся за похлёбку бывших члена НТС. Они работают на КГБ, например, агитируют среди эмиграции за советскую власть, устраивают советские киносеансы. Одно время они вели интенсивную работу с советскими гражданами, ушедшими на Запад, уговаривая их возвратиться «домой». Иногда этот возврат осуществлялся силой. Но их попытки работать против НТС безнадёжны. Инфильтрация в руководстве Союза невозможна хотя бы уже потому, что там все друг друга хорошо и подолгу знают.

— *Расскажите о других мероприятиях КГБ. Ведь против НТС (в частности против вас) применялись и шантаж, и взрывы, и похищения, и убийства.*

— Этот вопрос уже успел наскучить, но чтобы быть вежливым, повторю. В 1951 г. четверо немцев прибыли в Рункель (около Лимбурга), где я жил, встретили меня и предложили проехать с ними на машине. Я отказался. Спустя какое-то время ко мне явились уже трое из этих немцев и признались, что у них было задание похитить меня и убить. Однако они поругались со своим шефом, который вернулся в ГДР, и просили, чтобы я помог им перейти на Запад. У одного из них дома, в восточном Берлине, под охраной осталась в залог дочка, и он просил перебросить её на Запад. Наша берлинская группа доставила девочку в ФРГ (от неё я недавно получил письмо). Мы помогли им легализоваться.

Ещё раньше какие-то русские на улице предлагали моей жене сесть в машину, чтобы доставить в больницу, куда меня якобы отвезли после автомобильной катастрофы. Это была попытка похитить мою жену.

К 1954 г. относится всем известное дело Н. Е. Хохлова, получившего задание убить меня, но вместо этого перешедшего на нашу сторону и вступившего в НТС¹⁴. К сожалению, в 1954 г. КГБ удалось похищение

¹⁴ См.: Хохлов Е. Право на совесть. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957.

А. Трушновича в Берлине, и о его судьбе известий до сих пор нет. Удалось им также похищение члена Союза Треммеля в Австрии: он отбыл срок, живёт в СССР. В 1955 г. состоялось неудавшееся покушение на жизнь Поремского. А сколько было ещё неудавшихся покушений, о которых мы и не знаем...

Подбрасывали нам и бомбы. Например, во двор издательства «Посев» в 1962 г., а затем под вновь строящееся здание «Посева» (эту бомбу удалось разрядить¹⁵). Был взорван дом в Лангене, где находился наш склад (к счастью, обошлось без жертв). Были обнаружены бомбы около радиостанции «Свободная Россия». В помещении склада с нашей литературой в Вене, во время молодёжного фестиваля, была брошена газовая бомба. В 1969 г. в «Посев» пришёл «заказчик» — шпион из ГДР с заданием найти место, куда удобнее всего заложить бомбу; его арестовали немецкие власти. И ещё один немец-инженер был завербован в ГДР с таким же заданием (тоже арестован немецкими властями). Многое мы узнаем, когда станут доступны архивы КГБ.

Вы спросили о шантаже. Это обширный вопрос, но ответу коротко: шантажу подвергались почти все члены НТС, которые могли быть объектом шантажа, то есть имели в СССР родственников и т. п.

Против НТС ведётся и настоящая бумажная война. Упомяну брошюру, направленную против Союза и от имени Дивнича выпущенную каким-то несуществующим издательством в США. Брошюру от имени Брунста — такого же содержания и с теми же целями. Бесконечные публикации в советских газетах и журналах с порочащими НТС или его руководство лживыми сообщениями. Советский листок для эмиграции «За родину», или как он там называется, специализировавшийся на шантаже и порочащих статьях об НТС. Всего и прочесть не успеваешь...

— *Вы были свидетелем трёх волн эмиграции. Первой — после Гражданской войны, второй — в результате Второй мировой войны, и сейчас — третьей волны. Что вы видите в них общего, чем они друг от друга отличаются?*

— Первая эмиграция — наиболее многочисленная из всех слоев российского общества, антикоммунистическая, бескомпромиссная, делящаяся на беженцев и политиков всех нюансов: от социалистов до монархистов. Военные были организованы в РОВС — Русский Общевоинский союз. Политически наиболее активными были «Братство

¹⁵ Разрядил бомбу Г. С. Околович.

Русской Правды», РОВС, «Крестьянская Россия». Кипучую деятельность вело тогда и НКВД: похищения руководства РОВСа, убийство Врангеля, провокация в «Братстве Русской Правды», в РОВСе, у младороссов и т. д. и т. п.

Вторую эмиграцию в основном составляли военные, казаки, преследуемые и насильно выдаваемые. Спасаящиеся от СМЕРШа, который свободно действовал в американской и английской и менее свободно во французской зонах Германии и Австрии. Это были затравленные люди, мужчины и женщины, отправляемые на смерть или в лучшем случае в концлагерь.

Третья эмиграция очень малочисленна. Это фактически отдельные люди. В неё не входят евреи, едущие в свое древнее и одновременно новое отечество. А из тех, кто не едет в Израиль, а расселяется в разных странах, только какая-то часть будет причислять себя к российской эмиграции. К третьей волне я бы отнёс тех, кто разными путями попал за границу после Второй мировой войны (невозвращенцы, нелегально ушедшие через границу, высланные, выпущенные властью по каким-то соображениям) и духовно причисляет себя к России. Это — самое важное. К сожалению, множество эмигрантов хотят бороться за Россию по своему собственному рецепту. Кто-то, в силу большего таланта и известности, может себе это позволить. Кто-то кроме очень ценной информации о современной России принёс, увы, и новые распри.

Что касается взаимоотношений с Западом, то он на первых порах живо интересовался и первой, и второй эмиграциями, как сегодня интересуется третьей. И первая, и вторая также пытались его учить, как сегодня — третья. А он забыл первую, забыл вторую, забудет и третью. Ценность политической эмиграции не в том, насколько она сможет «перевоспитать» Запад, а в том, насколько она, используя своё свободное положение на Западе, поможет освободительным процессам, идущим у нас на родине.

— *Считаете ли вы, что дело НТС, дело Союза, как вы сами называете вашу организацию, даст результаты?*

— Если исходить из тех задач, которые были поставлены в 1930 г. основателями НТС, то оно уже дало результаты. Мы ставили себе целью перебросить в Россию наши идеи — так, как бросают семена на ниву. И мы их перебросили. Какие-то всходы они дали.

Если же кто-то предполагает, что мы намеревались прославиться и возвеличить себя и организацию, то таких задач мы себе не ставили.

НТС родился под девизом «Да возвеличится Россия, да гибнут наши имена!». Люди, не согласные делать простую чёрную работу, желающие стать «фюрерами», к нам не приходили, а если приходили, то надолго не задерживались.

Что же касается других задач, то дело, начатое НТС, продолжается и будет продолжаться. Борьбу против диктатуры мы всегда считали своей первой задачей, но главная задача наша — служение России. Она не закончится с концом коммунистической власти.

В НТС есть молодое поколение, которое нас сменит. Правда, их здесь, за рубежом, меньше, чем было нас до войны. Но и обстановка в России иная, более благоприятная, и там у нас сейчас успехи. Кроме того, у НТС есть сегодня то, чего почти не было прежде (мы об этом тогда просто не думали), а именно — поддержка западной молодёжи. Нам помогают небольшие, но очень активные группы иностранцев. Они делают это по разным причинам: тут и симпатия к России, и сочувствие к её бедам; и понимание, что свобода неделима и что, помогая России, они помогают своей стране тоже; тут и просто свойственное молодёжи отвращение к несправедливости. В этом заложены большие перспективы для будущего России. Если, конечно, политика её нынешних правителей не приведёт к тому, что она распадётся на составные части.

В таком случае необходимо будет снова объединяться, но уже на других основах, и строить оставшуюся, все ещё громадную, хотя и сильно отставшую по вине этого режима, Русь. Во всяком случае, тем, кто останется после нас, тоже придётся нелегко. Дай им Бог счастья, уменья и ума. И пусть не забывают, что не в силе Бог, а в правде!

Михаил Бржестовский

СВИДАНИЕ С РОДИНОЙ¹⁶

Весной 1939 г. Виктор Михайлович Байдалаков, тогдашний председатель НТС, конфиденциально рассказал мне о новых возможностях переброски членов Союза для работы на родине — через польскую границу. И спросил меня, как я к этому отношусь. По нашим понятиям, вопрос о личном решении — согласен ты идти или нет — был ана-

¹⁶ Русская жизнь. 20.04.1989. Публикация в редакции Олега Полякова.

логичен вопросу, поставленному человеку во время войны: согласен ли он защищать свою родину или нет. Всё равно идти надо.

Прежде всего, в те времена мы воспринимали всякую борьбу с большевизмом как логическое и должное продолжение белой Гражданской войны, а она тогда была очень свежа в памяти и старшего, и нашего поколений. Второе: если ты сам, добровольно, по своим убеждениям стал членом Союза и принёс присягу, то в любых условиях, всеми средствами должен способствовать борьбе с большевизмом. Отказаться от борьбы — значит отказаться от присяги. Третье: меня лично разбирало любопытство. Хоть одним глазком взглянуть на тогдашнюю Россию; опять, после двадцати лет мечтаний и снов, оказаться среди родной природы и оставшихся там русских людей.

Итак, я дал Виктору Михайловичу своё согласие. Поздней весной 1939 г. мы с Мишей Никоненко сели в международный экспресс и направились в Польшу. Проезжали через нацистскую Германию. Немцы, наши спутники, были с нами любезны и старались нас развлекать, хотя мы почти ни слова по-немецки тогда ещё не понимали. Помню, когда поезд проходил среди гор между Зальцбургом и Мюнхеном, все пассажиры в одном месте повставали с мест и напряжённо, в бинокли и без, смотрели куда-то вдаль. Мы спросили, в чём дело, и нам, с благоговением и влажными глазами, объяснили: шлосс. (Гитлер-шлосс — Берхтесгаден, так мы первый раз услышали название этого чёртового замка.)

Приехали в Мюнхен к вечеру. Поразила тишина на главном вокзале. Десятки поездов, десятки перронов, быстродвигающаяся толпа пассажиров — а тихо. В чём дело? Я даже подумал, не умерло ли какое-то высокочтимое лицо. Потом, уже живя в Германии, привык. В Белграде на главной станции, да и везде в Югославии, все кричат: и взрослые, и дети, и селяки, и их куры, и петухи в мешках — во всё горло. А здесь дисциплина цивилизации.

В Мюнхене пересадка, ждать поезда на Берлин два часа. Пошли, по совету Михаила Александровича Георгиевского¹⁷, в простой, но сытный ресторан «Ашингер» вблизи вокзала. Сидели среди музыкантов духового оркестра, только что пришедших с парада. Все дебёлые баварцы, краснолицые и голосистые.

¹⁷ Профессор Михаил Александрович Георгиевский, секретарь Исполнительного Бюро НТС в предвоенные годы. В конце войны захвачен советскими войсками, погиб на Лубянке.

В Берлин приехали на следующий день в полдень. Наши спутники, муж с женой, были столь любезны, что, потратив собственное время, отвезли нас с «Анхальтербанхоф» подземкой на станцию «Цологишергартен», откуда мы поехали дальше в Варшаву. Поезд свободный, чистый и комфортабельный, от чего мы на Балканах уже отвыкли. Вспомнился блистательный экспресс «Петроград — Феодосия» с гигантским паровозом Сормовского завода, чистым, как игрушка, с высоченными красными колёсами и медными частями, сияющими, как золото. А просторный харьковский вокзальный ресторан! Кельнеры в чёрных костюмах и белых перчатках, белоснежные скатерти и пальмы. На перроне ветерок веет, запах мазута. Всё это было, помню, ещё в 1916 г., и всё это ушло, кроме запаха мазута...

Но вернёмся в год 1939-й. Мы с Мишей смотрели в окно на аккумуляторные поля, на игрушечные хутора и леса, а наши спутники с интересом наблюдали за нами и огромными Мишиными кулаками. К вечеру прибыли в Варшаву, на Двожец Глувны, усталые и слегка обалделые от путешествия. Пошли искать телефон, чтобы позвонить Жоржу — Георгию Сергеевичу Околовичу¹⁸. На наше счастье, он сразу отозвался; приехал, осмотрел нас и отвёз в гостиницу; там мы прожили два дня. За это время он нашёл нам меблированные комнаты. Я получил очень хорошую комнату напротив Политехникума на улице Пульна.

Так началась наша варшавская жизнь. Специальная школа, подготовка и учение для перехода «туда». Насколько помню сейчас, курсы эти продолжались месяца два — июнь и июль 1939 г. Помощь в переправке членов Союза в СССР оказывал в то время польский генеральный штаб. Большинство офицеров этого штаба были офицерами русской царской армии польского происхождения. Все (кроме одного), кого мне пришлось видеть во время обучения в школе и позже, произвели на меня хорошее впечатление: очень серьёзные, культурные, искренние и симпатичные люди.

Целью школы была передача максимального количества информации о жизни в СССР. Как себя вести, чтобы не быть опознанным, как прописываться на жительство; тренировка по заполнению бланков на прописку. География СССР, особо детально — приграничных районов с Польшей; изучение сети железных дорог в этих местах; где

¹⁸ Георгий Сергеевич Околович, руководитель закрытого сектора НТС, позже председатель ИБ НТС.

и как лучше искать себе ночёвку. Были уроки новой советской терминологии в быту. В большой степени помог конспект Г. С. Околовича со всевозможными ценными сведениями об условиях жизни в СССР (он составил конспект после перехода туда в 1938 г., о жизни там и возвращении обратно). Иногда лекции читал сам Околович, а иногда — член Союза из Земуна Александр Александрович Чупрунов (Сандро), бесстрашный корнет Белой армии. Был ещё специальный предмет — зашифровка и расшифровка корреспонденции, а также курс теоретической и практической фотографии и проявления плёнок. Его вёл Шура Колков, умерший впоследствии в Краснодаре. Был также курс по структуре партии и советского государственного аппарата. Помню, дал нам пару уроков один молодой поляк: как открывать запертые двери и замки. Он принёс с собой целый саквояж замков, ключей и отмычек. Но за пару уроков мы, конечно, всего запомнить не могли.

Особое внимание уделялось стрельбе из всякого рода револьверов и обращению с ними: разборка, сборка, смазка. Эти уроки проходили довольно часто, и мы их хорошо усвоили. Несколько раз нас водили в тир, и там мы тренировались.

По субботам и воскресеньям была практическая подготовка: нас тренировали для пешего похода на большие расстояния. Обычно мы отправлялись куда-либо в сторону от Варшавы в субботу в полдень, а возвращались в воскресенье поздно утром, делая туда и обратно по 60-70 километров. В это лето 1939 г. в Варшаве и окрестностях по субботам и воскресеньям шли дожди и гремели грозы, хотя с понедельника по пятницу погода обычно стояла прекрасная. «Что-то это не к добру», — поговаривали варшавяне, а мы возвращались промокшими и страшно уставшими. Раз, помню, в субботу после обеда мы вышли на север и к ночи добрались до какой-то крепости, окружённой в темноте оранжевыми огнями. Шёл дождь. Сандро сказал, что это знаменитая крепость: по-польски Модлин, а по-русски — Новогеоргиевск, и лучшее её нам обойти от греха подальше. Вторую половину ночи и до часов десяти утра, промокшие, мы шагали назад в Варшаву. Должен сказать, что такие жестокие переходы принесли большую пользу. Не будь их, я не смог бы дойти обратно до польской границы, когда утром 14 августа, пройдя 20 километров вглубь советской территории, мы наткнулись на советский пограничный патруль. Я и мои проводники то бежали, то шли, преследуемые советскими пограничниками, целый день и целую ночь почти без остановок.

Летом 1939 г. к переходу готовились девять человек. Двое из нас — Шура Колков и Сандро — уже побывали в СССР в 1938 г. (Сандро переходил даже два раза). Семь человек были новичками. Нас разделили на три группы. В одну группу входили М. Ольгский из Франции, молодой член Союза из Праги Владислав Коняво, погибший при переходе границы, и Олег Келлер, член Союза из Софии. В другую группу входили М. Никоненко и Бага Берегулько, а в третью — Василий Дурново и я. По конспиративным соображениям мы были строго изолированы друг от друга и распределены по местам классов и по времени уроков так, что никто не мог видеть учеников из другой группы.

Два месяца в варшавской школе прошли быстро. Из особых событий того времени — смерть Миши Никоненко, о которой я тогда и не знал. Мне всё рассказали уже после моего неудачного перехода. Вот чего я никак не ожидал! Помню Мишу по Союзу в Белграде. Мы вместе приехали в Варшаву. Он, правда, был не со мной в классе, но мой адрес знал и два раза заходил. Раз сидел он у меня, мы провели в разговорах два часа; особой подавленности я у него тогда не заметил. Затем с ним произошёл случай, о котором Г. Околович рассказал мне в Берлине.

Дело было так. Миша в одиночестве пошёл упражняться в искусстве фотографии. Нам тогда каждому дали по «Лейке» — на то время они считались лучшими аппаратами в мире. Нам советовали упражняться в парках и прочих невинных местах, избегая сомнительных объектов. Миша же пошёл на окраину города, где был какой-то военный объект, и стал его снимать. За этим занятием и сцапал его полицейский. Околовичу пришлось тогда хлопотать, чтобы Мишу вызволить. Как-то уже после этого случая Миша пришёл ко мне, а я уговорился со своей знакомой, родственницей моих хозяев, идти гулять. Вид у Миши был не совсем обычный. Лицо раскрасневшееся, настроение взвинченное; я предположил, что он уже заглянул в рюмку. Миша предложил мне пойти с ним в ресторан и хорошо кутнуть. Я сказал, что рад бы, да никак не могу, потому что уже договорился с одной девицей. Но он просил снова и снова, и в голосе его слышалась такая тоска, что я почувствовал: для него очень важно с кем-то побыть, посидеть, поговорить, выпить. Я тогда и в мыслях не мог допустить, что простой, физически сильный, с уравновешенными нервами человек мог дойти до такой степени душевной депрессии, чтобы повеситься. Я думал, ему просто скучно одному, и отказал, пообещав пойти вместе

в следующий раз. Если бы я знал о его действительном состоянии, я, конечно, отказался бы от встречи с Зосей и пошёл бы с ним. Может быть, он в ту ночь и повесился, не знаю, но до сих пор не могу забыть, каким видел его в последний раз. Царство ему Небесное.

Отдел разведки польского генштаба имел два отделения: «реферат всхуд» и «реферат захуд». «Реферат всхуд» работал на СССР, а «реферат захуд» — на запад от Польши, главным образом на Германию.

Раз к нам в класс пришёл начальник школы — шеф «реферат всхуд» и, кажется, инициатор сотрудничества с НТС, по фамилии, насколько сейчас помню, Врага¹⁹. Поздоровавшись с нами, сказал, как он рад, что традиционное русское сопротивление силе зла продолжается, что теперь представителей этого сопротивления он видит в НТС и в нас и что-то ещё в этом духе. Говорил искренне, не банально; сам был слегка взволнован, а мы и подавно. Он произвёл на меня впечатление человека сильного, умного и гуманного. С ним пришёл и другой офицер, в штатском, моложе, элегантен и светский. Во время эвакуации он должен был ехать с нами, но отстал, и мы встретились с ним в Белграде у Виктора Михайловича, пригласившего меня на встречу.

Преподавал в нашей школе ещё один польский офицер пограничной службы, раньше живший в России и говоривший по-русски лучше, чем по-польски (забыл его фамилию). Громадный, как медведь, с косматыми бровями, большой любитель выпить, мне он был несимпатичен. К сожалению, именно он чаще всего и появлялся в нашем классе. Учил без интереса, сбивчиво, монотонно, бледно.

В конце июля учению в Варшаве пришёл конец. Нас развезли группами в разные места, расположенные вблизи пунктов перехода границы. В нашу группу входили: начальник, то есть этот самый Медведь, Шура Козлов, Бага Берегулько, Дурново и я. Мы отправились в город Лунинец. Чтобы обмануть бдительность возможных советских агентов, «медведь» привёз рыболовные удочки, сачки и прочее: мол, любители рыбной ловли приехали...

Лунинец, собственно, большое село. Провели мы в нём около двух недель. За это время сделали несколько тренировочных походов. Около 10 августа Медведь, Берегулько и я переехали ещё ближе к границе,

¹⁹ Кажется, Врага имел чин полковника; на нашем союзном коде звался «Ирина». В сентябре во время эвакуации мы ехали вместе с его частью, он был комендантом поезда. Во время войны жил и работал в Англии, затем переехал в США и был профессором в каком-то университете под именем Ричард Врага. Умер в 1971 г.

в село Давид-Грудек. Здесь прожили пару дней, отдыхали и совершали небольшие прогулки, проводили последнюю подготовку к переходу.

12 августа вечером во двор, где мы жили, въехали запряжённые лошадей длинные деревенские дроги в сопровождении четырёх-пяти крестьян. С тремя из них мы познакомились. Они должны были быть нашими проводниками, и, когда настали сумерки, отправились к границе на восток. Дроги ехали через лес, просёлком, нагруженные нашими рюкзаками и ещё чем-то. За ними шла наша группа: Медведь, ещё один польский офицер пограничной службы, знакомый с этой местностью, Бага Берегулько и я. Пройдя километров 12–15, мы остановились на последний привал перед переходом, в полукилометре от границы. Закусив и поговорив с проводниками, улеглись спать на опушке леса. Следующий день провели в последних приготовлениях и распределении вещей. Сам переход был назначен на девять часов вечера.

Маршрут нас ждал следующий: от места пересечения границы (около 15 километров на юго-восток от Давид-Грудка) нам с Берегулько и тремя проводниками немедленно пройти пешком на восток (слегка к югу) лесами, мимо сёл Букча, Лельчицы и Словечно, к селу, лежащему у железной дороги, между станциями Калинковичи и Овруч. Не доходя до этого села, в лесу переодеться в штатскую одежду советского производства (мы несли её в рюкзаках), закопать на случай обратного перехода самые необходимые вещи, пистолет парабеллум и большую часть патронов, оставив у себя только браунинг калибра 7,35. Для дальнейшего путешествия у нас имелись советские документы и деньги в рублях (основную их часть мы прятали в пластиковом плоском поясе на теле под рубашкой). Вблизи Бережести проводники должны были распрощаться с нами и отправиться в обратный путь. Идти надлежало только ночами, обходя сёла, а днём отдыхать в укромных местах в лесу, в кустах. Длина целого пути составляла примерно 120–130 километров. Нагрузка получалась солидная: только рюкзак с вещами и провизией весил около 20 килограммов; оружие да ещё мешочек с сотней патронов мы несли в карманах. Во всех неожиданных ситуациях нам полагалось исполнять указания главного проводника, которого мы прозвали Атаманом. Наш Атаман и двое его коллег были крестьянами-белорусами; они родились в тех сёлах, мимо которых лежал наш путь, а позже перешли в Польшу и поселились вблизи советской границы, около Давид-Грудка. Там они занимались своими

обычными делами. Атаман имел небольшое хозяйство, другой был плотником, профессию третьего я забыл. Хорошо зная местность по ту сторону границы, они стали профессиональными проводниками и время от времени проводили туда разных людей.

В последний день перед переходом я разговорился с Атаманом, и он рассказал мне интересные эпизоды (теперь я уже многое забыл). Через границу, по его словам, проходили, как правило, люди молодые и средних лет (очевидно, ранее из Братства Русской Правды, позже — из Русского Общевоинского Союза). Раз в снежную вьюгу он проводил (а последнюю часть пути пронёс на спине) англичанина, уже старого человека, говорившего по-русски и одетого как советский обыватель.

Итак, настал последний день нашей жизни по эту сторону рубежа — факт, долженствующий вызвать много размышлений и соответствующее настроение. Но для эмоций просто не оставалось времени. Первую половину дня мы провели в осмотре и перекладке вещей, выслушали последние инструкции. Капитан пограничных войск (он говорил по-русски) и Атаман инструктировали нас, рассказывали о препятствиях, во множестве сооруженных советскими пограничниками.

Насколько сейчас помню, эти препятствия были следующие. Во-первых, так называемая вспаханная полоса. На определённом расстоянии от границы, параллельно ей, по советской территории извивалась, словно дорога, вспаханная и выровненная бороной полоса земли шириной в пять-семь метров. Диверсант, идущий вглубь страны, неминуемо должен был через неё перебраться, оставив следы, а советский патруль с собакой, обходя регулярно свой участок, эти следы заметить и поднять тревогу. Группа пограничников, следуя за собакой, должна преследовать диверсантов и забрать их. Но вспаханная полоса теоретически тянулась от Черного моря до Балтийского, а это тысячи километров; чтобы она оставалась в исправном состоянии, её надлежало часто перепахивать. На это требовалось громадное число колхозников и масса времени. Так что полоса далеко не везде была в порядке. На это обстоятельство мы и надеялись. То место в Пинских болотах, южнее реки Припяти, куда направлялись мы, считалось советчиками очень тяжёлым для перехода, и посему полосе там перепахивали редко. Этот же капитан рассказал нам, что в других местах проводники надевают на ноги широкие доски (как лыжи) и таким образом переходят. А по словам Атамана, при переходе свежевспаханной полосы они брали в каждую руку по посоху, на концы которых

надевали коровьи копыта, такие же копыта они прикрепляли себе на каблуки и таким образом переходили, а пройдя, снимали копыта с посов и каблуков, клали их в мешок и шли дальше. Советский патруль, видя коровьи следы, оставлял хитрецов без внимания.

Другой вид препятствия — вал из сухих деревьев, веток и палой листвы, высотой примерно три метра и шириной метров пять. Диверсант или целая группа, пробиваясь через такой вал, поднимали шум, слышимый на большом расстоянии, что давало патрулю шанс на поимку нарушителей границы.

Третий вариант: вдоль границы, на высоте 15–20 сантиметров над землёй, среди травы и кустов, протянут шнур защитного цвета с подвешенными на некотором расстоянии друг от друга колокольчиками.

Последним препятствием капитан назвал волчьи ямы.

После обеда, сваренного на костре проводниками, нам рекомендовали лечь спать, так как всю ночь придётся провести в переходе через высохшую болотистую местность, а идти по эластичным кочкам очень тяжело.

Я, лёжа на спине, никак не мог заснуть. Высоко надо мной сетка сосновых ветвей. Сквозь них видно небо с редкими белыми облаками — не то они движутся, не то я с землёй плыву куда-то через несмолкающий шум леса. Всё это укачивает, словно на корабле, голова тяжёлая, спать надо, а не спится. И птицы чирикают и каркают, и насекомые какие-то по шее и по рукам ползают. И мысль такая банальная: вот бы хоть на пару дней стать птицей — не страшны тогда ни вспаханные полосы, ни волчьи ямы, ни колокольчики, ни патрули, ни тяжёлый переход. А что сейчас в милом Белграде? Может быть, наши пошли купаться на Саву, на Шест Топола? Как-то они теперь там — Женька Дивнич, Машута, Серёжа Попов, Ара²⁰ и другие... Ворочался, не мог заснуть. Слышно, как капитан с Медведем вполголоса переговариваются, куда-то вдаль, на северо-восток всматриваются. Встал, подошёл. Они говорят: вон там, на советской стороне, горят леса, им теперь надо тушить два больших пожара. Это хорошо, они должны согнать туда все патрули, нам идти будет безопаснее. Не помню теперь, поспал я тогда или нет. Но вот уже время к девяти часам, надо идти. Помылись в ручье, закусили. Проверили ещё раз рюкзак с вещами и ружьё. Собрались, помолились, простились с капитаном и Медведем — и двинулись.

²⁰ Евгений Дивнич, Машута Дурново (погибла позже при переходе советской границы), Сергей Попов, Ариадна (Ара) Ширинкина — члены Союза в Белграде.

Было 13 августа, девять вечера, но ещё довольно светло. (Один проводник ворчал: плохое число 13, обождать бы надо до завтра.) Пошли лесом на восток, ещё по польской земле. Шли гуськом: Атаман, Берегулько, второй проводник и я; замыкал шествие третий проводник. Шли молодым перелеском минут пять; за ним открылся широкий луг с высокой, по пояс, густой, белёсой, выгоревшей травой — ковылём, шириной метров двести. Сразу за лугом опять нескончаемый лес с кустарником. Атаман говорит: пройдем луг — перейдем границу. Идем по открытому месту, у всех на виду. Ускорили шаг, входим в лес. Слава Богу, опять скрыты от недремлющего ока, идем дальше леском. Русская земля после стольких лет! Приподнятое настроение. Пока ни вспаханной полосы, ни бечёвок с колокольчиками. Минут через пятнадцать натываемся на вал из сухих веток. Пробуем обойти — нельзя: он тянется без конца на юг и на север. Уже совсем стемнело, еле видно. Стали пробиваться — тяжело очень, густо навалено. Шум подняли страшный. В поздней ночной тишине кажется, что слышно нас на километры. Но, слава Богу, как-то пролезли. Вал оказался единственным препятствием на нашем пути. Идем то кустарником, то лесом, поляны обходим. Идти всё тяжелее. Начались среди леса высохшие за лето болота; сплошь кочки высотой 10–15 сантиметров, мягкие и эластичные, как резина; через них приходилось постоянно перескакивать, а это значительно отягощало ходьбу.

Так мы шли на восток всю ночь и устали изрядно. Я иногда отстаю, Берегулько ворчит наставительно: «Ну, Мишка, не будь же ты гнилым интеллигентом, подтянись!» Атаман не даёт ни минуты отдыха. Говорит, за ночь надо пройти как можно больше. Приблизительно в двадцати километрах от границы параллельно ей идёт тракт (шоссе). Его желательно миновать ещё затемно, так как по нему едут грузовики и колхозные телеги, а дальше будет уже безопаснее: километра через два выберем чащу погуще, там заляжем на целый день, а к ночи двинемся дальше. Идем и идем. Тяжело поднимаются ноги. Где-то лают собаки. Светает уже, а тракта всё нет. Двадцать километров лесом можно пройти часов за пять, а мы идем уже восемь. Вот и первые красно-оранжевые лучи солнца стали блистать через листву. Утренним холодком потянуло. Кочки прекратились. Проходим через крупный лес с кустарником. Часто надо перешагивать через старые, опалённые, полусгнившие стволы деревьев. Продвигаемся к опушке, перед нами поляна, видно далеко вперед. Вон далеко впереди виден и тракт. Редкие

телеги ползут по нему. Атаман решает: выберем чашу погуще, закусим и спать на целый день. Так и сделали. Расположились в густом кустарнике, выпили воды, слегка закусили. Есть не хотелось, только пить. По правилу проводники дежурили посменно, чтобы случайно напавший на след пограничный патруль не застал нас врасплох. Первое дежурство взял Атаман. Берегулько и два других проводника сразу заснули.

Я сидел рядом с Атаманом и смотрел, как он гадает, пройдем мы или нет. Он положил перед собой две круглые буханки хлеба, так, что расстояние между ними составило сантиметров восемь. Достал из кармана иголку с вдетой ниткой. Конец нитки вставил себе в ухо и стал раскачивать иголку между буханками, так что она ударялась то об одну, то о другую. Атаман пояснил: если последнее движение иголки будет между буханками, мы пройдем благополучно, а если от буханки к буханке — не пройдем. Иголка двигалась неопределенно и судьбу нашу не решила. Поговорив с Атаманом еще пару минут, я улёгся спать, а он сидел, неся караул.

Поспать подольше мне не удалось. Было около шести часов утра, когда я внезапно проснулся от страшного выстрела над самым моим ухом. Подняв голову, не понимая, в чём дело, я увидел Атамана, стоящего на одном колене. Он судорожно перезарядил магазин винтовки и выстрелил ещё раз. Лицо его было ужасным, неузнаваемым, серобледным, глаза, окружённые коричнево-фиолетовыми пятнами, глубоко запали и выражали ужас и крайнее внутреннее напряжение. Двое других проводников тоже вскочили и стали куда-то стрелять. Хотя я ещё не очнулся от сна и голова была тяжёлая, тоже вытащил свой парабеллум и взглянул, куда наши стреляют. Метрах в 50-70 я заметил в зелёном пролеске какое-то шевеление и выстрелил. Оттуда тоже раздались выстрелы, и около нас просвистела пара пуль. Атаман крикнул: «Бежим!» Мы все вскочили и бросились за ним в сторону от выстрелов, на запад. Я задержался, надевая рюкзак на спину, но догнал их. Бежать было очень тяжело, постоянно попадались стволы упавших деревьев, через которые приходилось перепрыгивать, и кусты, которые приходилось огибать. Онемевшее тело болело, рюкзак казался невероятно тяжёлым. Оглядываться не было времени. Невидимые враги преследовали нас. Сзади раздавались частые выстрелы и мимо постоянно проносились пули. Улучив момент, я оглянулся по сторонам и меж кустов увидел лишь трёх бегущих проводников. Берегулько не было. Я крикнул Атаману: «Где приятель?» Он ответил:

«Забит» («убит» по-польски). Как и при каких обстоятельствах — не было возможности спросить. Так мы бежали ещё минут десять, потом выстрелы стали слышаться дальше и реже, враг явно отставал, но останавливаться ещё было нельзя. Внезапно сзади раздался взрыв, потом ещё несколько. Очевидно, пограничники подозревали, что мы засели в густом кустарнике, и бросили туда ручные гранаты. Прошло с полчаса от начала бегства. Мы совсем выдохлись и перешли на шаг. Я посмотрел на часы — около восьми утра.

На мой повторный вопрос о Берегулько Атаман ответил, что его убили в тот момент, когда он поднялся, чтобы бежать. Это же подтвердили и два других проводника. Убит он или ранен, точно заключить было нельзя. Позже, приехав в Варшаву, я описал Виктору Михайловичу Байдалакову обстоятельства нашего неудачного перехода, находясь в твёрдом убеждении, что Берегулько убит. Когда я вернулся в Белград, то подтвердил это ему устно. Но спустя месяц или немного позже, теперь уже не помню, Виктор Михайлович вызвал меня к себе в кабинет и сообщил, что от Берегулько получено зашифрованное письмо из СССР и что он жив и здоров. И тогда я высказал свои соображения о том, как могли развиваться события.

Первое. Когда мы вскочили и побежали, Берегулько бросился в другую сторону. Так как пограничники погнались за большей группой, он мог свободно уйти от места стычки и на свой риск продолжать переход к станции Бережесть. Затем благополучно сел в поезд и поехал дальше. Но этот вариант я считал маловероятным. Зачем бы проводникам говорить мне, что он убит? Кроме того, я был абсолютно уверен, что они говорят правду. Второе. Возможно, Берегулько был ранен и захвачен патрулём. Затем его вылечили и отвезли в Москву; там его допрашивали в НКВД и, обещая сохранить жизнь, вытянули всё, что он знал (возможно, важнейшее он и утаил). А зашифрованное письмо он писал в их присутствии...

Возвращаясь к нашему пограничному эпизоду. Итак, погоня стала отставать. Мы, до крайности выдохшиеся, перешли с галопа на быстрый шаг. Всё это происходило на моей родной земле, где я не был уже 19 лет. Пытаться идти на восток в другом месте мне казалось уже почти невозможным, но для очистки совести я всё-таки спросил Атамана, могут ли они провести меня на другую станцию. Он сказал, что не могут, так как на ближайших станциях будет введено усиленное наблюдение.

Итак, надо было возвращаться в Польшу. Выстрелы и взрывы мы слышали приблизительно до двух часов дня. Спали мы после утомительного ночного перехода всего каких-то полтора часа, так что нести рюкзак с провизией, одеждой и прочим стало невозможным. Переключать содержимое не было времени, мы его раскачали, держа за ремни, и забросили в удобном месте за кусты. Карта, оружие и яд оставались у меня в карманах. Возвращаться напрямиком на запад тоже было опасно, так как нас там, наверное, ждали. Поэтому Атаман решил идти на север, к Припяти, а уж потом повернуть на запад. Целый день мы шли на север быстрым шагом. По дороге встретили только двух людей. В одном месте в лесу нам повстречалась девочка лет семи-восьми. Она собирала грибы и, услышав наши шаги, выпрямилась, повернулась к нам и закричала диким голосом, закрыв рукавом глаза и присев на корточки. Взглянув на моих спутников, я понял ужас девочки. Выглядели они действительно ужасно, такое и в кино не увидишь. Осунувшиеся, дикие, напряжённые лица, воспалённые глаза — просто выходцы с того света, спешащие с винтовками в руках. Я, конечно, выглядел так же. Потом на перекрёстке лесных тропинок почти натолкнулись на колхозника с косой на плече. Он вздрогнул, слегка крикнул и пошёл своей дорогой, ускорив шаг. Потом дорогу нам пересёк канал, шириной метра четыре и глубиной по пояс. Мы прошли по воде с четверть километра, чтобы замести следы. Очень мы радовались каналу: он и от погони нас спас, и напоил вдоволь (воды у нас почти не оставалось).

К девяти часам стало темнеть, выстрелы прекратились, мы были вконец измучены. Атаман дал нам отдохнуть минут пятнадцать. Закусили, хотя есть и не хотелось, только пить и пить. Дали обещание купить икону в церковь Давид-Грудка, если Бог поможет добраться до польской земли. Встав, пошли на запад. Быстро идти уже не могли. На ходу вырезали посохи в каждую руку и так, опираясь на них, шли ещё целую ночь. Вода кончилась, жажда мучила изрядно. В двух местах в колеях лесной дороги увидели мутно-ржавую воду и, припав, пили её. (Ничего потом с нами не случилось, не заболели.) К полуночи я почувствовал, что дошёл до последнего предела человеческих возможностей, и уже собирался сказать Атаману, чтобы они шли дальше сами, а я пересплю в лесу и следующей ночью пойду один. Но тут один из проводников улёгся на краю тропы и высказал Атаману ту же идею. Атаман подошёл к проводнику и так посмотрел, что тот вскочил

и без слов поплёлся с нами. Я понял, что ещё не самый слабый; у меня откуда-то вдруг появились силы. Но всё-таки часа через два я тоже свалился. Атаман посмотрел на меня, и я понял: у них здесь свои законы, лесные. Встал, заковылял. Наконец свалился и Атаман. Мы его не поднимали, а тоже прилегли, но минут через пятнадцать поплелись дальше.

Стал чуть брезжить рассвет за спиной. Атаман сказал, что где-то здесь граница, и стал всматриваться в приметы. По обе стороны границы через лес проходят телеграфные линии. На советской стороне чашечки изоляторов на столбах белые, а на польской — зелёные. Мы уже не шли, а еле передвигались, согнувшись, как старцы, и опираясь на два посоха. Наткнись на нас советский патруль, мы смогли бы ещё стрелять, но бежать уже были бы не в силах. Атаман всё всматривается в чашечки: нет, ещё советская сторона. Вдруг перед нами открылась долина, вся в молочном тумане. Ещё с полчаса мы пробирались через него и тогда-то, очевидно, и пересекли границу. Вышли из тумана — уже светло, хотя солнце ещё не взошло. Видим, показался хутор. Гадали-гадали проводники, чей это может быть хутор, советский или польский. Леском подошли поближе. Атаман говорит: наш, польский, узнаю по стогам сена. Тут опять пошли телеграфные столбы, и Атаман узнал: чашечки польские! Показался и хозяин с вилами, собака залаяла. Мы пошли прямо к нему, и сразу выяснилось: мы уже в Польше.

Атаман спросил, где ближайший пограничный пост. Крестьянин с изумлением уставился на нашу компанию, потом, мотнув головой, сказал: идите тропой на север километра два, там пост. Откуда только у нас взялись силы?! Пять минут назад еле волочили ноги, а тут сразу пошли бодрым шагом и через полчаса добрались до поста. Там тишина, все спят. Мы залегли неподалёку. Атаман пошёл доложить о нас. Вышел с офицером пограничных войск. Офицер молоденький, розовый, заспанный, шинель накинута на бельё. Видно, подняли его из постели. Очень любезный, говорит немного по-русски. Сказал, что сам он не может разбирать и протоколировать наш случай, и вызвал поэтому телефоном из Лунинца старшего офицера погранвойск. Затем предложил мне пойти с ним в дом, а проводникам — в овин, отдохнуть на соломе, куда те немедленно и отправились. Мне он предложил кушетку. Напившись воды, я лёг и сразу погрузился в глубокий сон.

К полудню меня разбудили. Приехал вызванный офицер. Я поднялся, представился и, освежив холодной водой лицо, уселся с ним

за стол. По его просьбе я рассказал ему всю нашу историю. Он слушал, смотрел на карту и записывал мои показания. В конце опроса он сказал, что мы от момента перехода русской границы до прихода на этот пограничный пункт сделали около 110-120 километров, то есть за ночь, день и ночь.

Вечером он посадил меня и трёх проводников в свой автомобиль. Оставив их по дороге в Давид-Грудке, отвёз меня в Лунинец и сказал, что я могу отдохнуть здесь дня два, а потом меня доставят в Варшаву. Поместили меня в доме, похожем на европейский пансион того времени. При комнате была ванная, которую я немедленно с наслаждением использовал. Все эти два дня я спал глубоким сном. Несколько раз меня будила сестра милосердия, давала выпить бульон и какой-то сладкий напиток. Выпив, я снова и снова проваливался в небытие. На третий день я ожил и снова почувствовал бодрость. На столике лежало выстиранное и выглаженное бельё, брюки и куртка, изрядно побтрепавшиеся в походе. Ко мне пришёл молодой офицер, галантный и дружелюбный, хорошо говоривший по-русски. Он сказал, что вечером зайдёт за мной и мы поедем в Варшаву. До отъезда он повёл меня на склад, где мне дали брюки и пиджак по росту. Ехали мы в скором поезде, в вагоне второго класса, спали мало, много беседовали на жгучие политические темы. Около восьми утра поезд подошёл к Варшавскому вокзалу, я, попрощавшись и поблагодарив моего симпатичного опекуна, позвонил Георгию Сергеевичу Околовичу, и через час мы с ним встретились. Послушав рассказ о наших приключениях, он спросил, согласен ли я снова, уже в другом месте, переходить в СССР. Я дал согласие, и он сказал, что надо срочно изготовить новый советский паспорт...

НАКАНУНЕ

Виген Нерцессиан

ПЕРЕГОВОРЫ В БЕРЛИНЕ В 1938 ГОДУ²¹

Гитлеровские власти запретили НТС (в то время он назывался НТСНП — Национально-Трудовой Союз Нового Поколения) в начале 1938 г. Формально организация была распущена, но мы в Берлине продолжали работу, собирались, соблюдая некоторую осторожность, под видом вечеринок, именин и т. п.

Однажды в церкви во время литургии (это было месяца через три после запрещения и связанных с ним допросов) ко мне немец подходит и просит выйти для разговора. Думаю: опять гестапо... Чтобы проверить, прошу подождать до конца богослужения: гестаповец скорее всего отказался бы. Он соглашается. После службы всё же спрашиваю: «Гестапо?» — «О, нет, нет!» — и вытаскивает удостоверение военного министерства.

В кафе за столиком немец протягивает мне бумажку. Смотрю — листовка, которую мы за год до этого напечатали для распространения в России. Делаю вид, что ничего не знаю, разъясняю ему, что НТС давно распущен и т. д. «Это всё неважно, и не в этом дело, — говорит он. — Листовку эту наша разведка доставила нам из Москвы. Она служит доказательством того, что у вас есть возможность действовать в России, поскольку мы знаем, что листовка напечатана в Берлине, и знаем даже, где именно. Наше министерство может предоставить вам неограниченные финансовые и технические средства для расширения вашей работы. При одном условии: политическая информация — вам, военная — нам. Согласны?»

²¹ Посев. 1981. № 6.

Понимаю, что наше положение становится ещё более щекотливым; надо взвешивать каждое слово. Но прежде всего — выиграть время. «Вы сами понимаете, что лично я на такое предложение отвечать не уполномочен. И не знаю, возьмётся ли кто-либо из моих друзей в Германии дать на него ответ. Думаю, столь важный вопрос может быть решён только нашим центром в Белграде». — «Сколько для этого понадобится дней?» — «Два дня для письма туда, два дня на размышление, два дня на письмо с ответом и один день про запас. Мы, конечно, пошлём курьера, но дней семь всё же понадобится». Договорились встретиться на том же самом месте через семь дней. Я обо всем сообщил своим. В Белград было послано срочное письмо, а руководство берлинской группы начало спешно обсуждать создавшееся положение.

Мы знали, что в руководстве немецкой армии немало людей, презирающих Гитлера и не разделяющих идей национал-социализма. Однако незадолго до этого из типографии того же военного министерства нам удалось достать (через засекреченного члена НТС, который был там рабочим) экземпляр закрытой пока брошюры «Поведение немецкого солдата на Востоке». Она была подготовлена про запас на случай войны (тиражом полтора миллиона), и в ней говорилось о необходимости массовых жестоких мер, поскольку русские — «унтерменши»²², ещё не достигшие человеческого уровня. Таким образом, мы уже в 1938 г. узнали о существовании этого термина; немецкие же солдаты узнали его позже — брошюру им раздали в 1941 г., при отправке на восточный фронт. С этим документом раздавалась вторая глава книги Гитлера «Майн кампф», где сказано, что Россия должна стать удобрением для процветания немецкой расы. Теория начала приобретать уже не безумный и отвлечённый, а зловещий практический характер.

Подходил срок встречи; нам и без Белграда (откуда всё ещё не пришло ответа) было ясно, что следует ответить. Но как не поставить под удар всех наших людей? Пошли, как это неоднократно делали, советоваться к большому другу НТС профессору И. А. Ильину. Вместе с ним сформулировали ответ: «До тех пор, пока не внесено изменений во вторую главу “Майн кампф”, ни один русский, обладающий собственным достоинством, не сможет сотрудничать с национал-социалистической Германией».

²² Untermensch (нем.) — недочеловек.

За день до встречи с моим немцем мы, человек 15, по случаю дня рождения собрались у члена НТС Гефдинга (сына корреспондента швейцарской «Нойе цюрхер цейтунг»). В качестве «игры» предложили провести тайное голосование по вопросу: что бы вы ответили, если бы немцы предложили нам сотрудничество в работе на Россию? Только четверо знали, что это не игра; кое-кто, конечно, догадался, что вопрос поставлен неспроста, но виду не подал. Проголосовали: ни одного за, все против.

На следующий день встречаю моего немца, передаю наш ответ про невозможность сотрудничества и про «Майн кампф». Чувствую себя не очень уютно. А он вдруг вскакивает и жмёт мне руку: «Я вас очень хорошо понимаю! Тем не менее нам, военным, надо с вами договориться». Я отвечал, как умел, разошлись дружелюбно.

Через два дня вместо письма с ответом из Белграда прибыл член Исполнительного Бюро НТС профессор М. А. Георгиевский. Говорит: «ИБ хотело бы ознакомиться с вопросом на месте, прозондировать почву». Мы ему всё рассказали, показали злополучную брошюру. Он одобрил наш ответ: «Выходит, с любыми немецкими инстанциями нам не по пути». И добавил: «Но раз уж я попал в Берлин, то, не осмотрев Пергамского музея, домой не поеду». Вечером, после осмотра музея, возвращаемся усталые на квартиру Субботина, а у него сидят два вежливых офицера и «убедительно просят» нас явиться в генеральный штаб. С Георгиевским поехали Субботин и я. Так не по нашей инициативе начались переговоры с немецким генштабом, которые продолжались около двух недель. Пока продолжались переговоры, мы часто встречались у И. Ильина и советовались с ним.

Со стороны немцев бывало до 20 человек офицеров и экспертов, с нашей — главным образом Георгиевский и Субботин. Георгиевский вёл себя как полноправный представитель России, поражал немцев не только политическими, но и военными и экономическими знаниями. Он упорно отстаивал выработанную линию: наша страна должна освободиться от коммунизма собственными силами, и в этом направлении ей можно и нужно помочь, а в случае столкновения с СССР — искать союза с народом против Сталина; другая политика, в том числе попытка поработить наш народ, приведёт к трагическим последствиям. В этом ключе нами был выработан и меморандум.

В ходе переговоров мы узнали от немцев, что во время войны 1914–1918 гг. их потери на восточном фронте значительно превосходили

ожидания и намного превысили потери на западном фронте. Это обстоятельство и послужило одной из главных причин того, что немецкий генеральный штаб начал искать политическое решение нового конфликта на Востоке. А что конфликт произойдёт, в штабе не сомневались.

Меморандум был передан, Георгиевский вернулся в Белград. А нас, наиболее активных членов НТС в Германии, кое-кто из немецких штабных работников по-дружески предупредил: если референтом «по восточным делам» назначат Розенберга, то мы должны забыть и про переговоры, и про меморандум, закрыть нашу тайную типографию (так как её местонахождение известно) и за какое-то время до объявления мобилизации покинуть Германию.

Примерно через месяц мы узнали, что референтом назначен Розенберг, а следовательно, политического решения вопроса, о котором мы вели переговоры, ждать не приходилось. О том, какой будет позиция нацистов по отношению к России в случае войны, нам стало ясно уже тогда. Гефдинги перебрались в США, Субботин — в Голландию, кто-то перешёл на закрытое положение. Автор же этих строк 29 сентября 1938 г., то есть в день подписания Мюнхенского соглашения, занял место в купе скорого поезда Берлин — Париж²³.

Сергей Зезин

«ЛЪДИНА»²⁴

В конце 1936 г. Мюнхен посетил Михаил Александрович Георгиевский, секретарь Исполнительного Бюро НТС. В это время там была небольшая группа «нацмальчиков», в большинстве состоящая из студентов. В неё входили два брата Николаевские — Алексей и Николай, я с братом, Андрей Боровский, Григорий Мичков и баронесса Елизавета Михайловна Мюффлинг. Позже присоединились два брата Раунеры

²³ После занятия Франции гитлеровскими войсками Виген Арамович Нерцессиан принял активное участие в подпольной борьбе против оккупантов, в частности, скрывал сбитых союзных лётчиков и участвовал в акции по их переправке через Пиренеи в Испанию и дальше в Северную Африку. Награждён французским орденом Освобождения (L'Ordre de la Libération) за участие в движении Сопротивления.

²⁴ Австралия, 1990 г.

из Вены. Е. М. Мюффлинг (дочка графа Граббе, атамана всех казачьих войск за рубежом, генерала) имела большие связи в среде немецких военных организаций, в частности в «Стальном шлеме» (проживала она под Мюнхеном в Гаутинге).

М. А. Георгиевский надеялся на какое-то сотрудничество с немцами. Хотя он хорошо знал программу нацизма, и «Моя борьба» Гитлера тоже была ему известна, Михаилу Александровичу казалось, что на решение «восточного» вопроса можно оказать какое-то влияние, можно найти общую платформу для борьбы с коммунизмом. Мы, проживавшие в Германии, точно знали, что перемен в политике нацистов не произойдёт. Е. А. Мюффлинг тоже не разделяла этой надежды Георгиевского, но, тем не менее, согласилась, пользуясь своими связями, передать Гитлеру меморандум НТС. В Берхтесгадене была вилла в горах, куда Гитлер приезжал на пару дней отдохнуть. Хозяйствовала там его бывшая няня, пожилая дама, через неё и передали меморандум. Кончилась эта затея печально. Гитлер обругал свою бывшую няню, раскричался и запретил ей вмешиваться не в свои дела. Георгиевский уехал очень разочарованным. Но он был не из тех, кто теряет всякую надежду, потерпев неудачу. Через год он снова оказался в Германии и снова на обратном пути в Белград посетил Мюнхен.

Михаил Александрович спросил меня, согласился бы я переехать в Берлин на закрытую союзную работу. Я согласился и в конце 1937 г. получил вызов. Простившись с мюнхенской группой, которую я вёл, и передав руководство старшему Раунеру, я уехал в Берлин.

Пожив в Берлине ещё в 1930-х гг., я знал хорошо и город, и русскую колонию, особенно молодёжь. Сергея Александровича Субботина, руководителя берлинского отдела, я знал с тех времён, когда НТС ещё и не существовал. Он ввёл меня в курс предстоящей работы. Вскоре должны были приехать ещё два члена НТС — один из Белграда, другой из Парижа, оба по-немецки не говорят. Из нас троих будет состоять группа, которая поселится под Берлином для засекреченной работы. Надо устроить небольшую типографию для печатания наших листовок, перевезя туда всё оборудование. С. А. Субботин дал мне координаты, где и как раздобыть необходимое (сам он не мог посвящать этому делу полное время, так как был связан службой).

В Берлине проживал Лука Михайлович Попов (с ним меня познакомил С. А. Субботин), владелец небольшой типографии и писчебумажного магазина. Ещё до революции у него имелась типография

в Ялте; в 1920-х он эмигрировал в Турцию, оттуда переехал в Грецию, а уж потом обосновался в Германии. Я по образованию график, и типографское дело мне было в теории известно, но практически я в этой области не работал. Лука Михайлович, очень толковый и знающий своё дело человек, дал мне несколько нужных советов, так что я вполне мог справляться с механикой этого дела. Мы с ним отобрали небольшую «американку» — печатный станок, который работал ручную, небольшую гильотину, тоже ручную, две кассеты русского ручного набора и кое-что из мебели.

Как-то солнечным днём Субботин повёз меня в наше будущее жилище в Фалькензее: уютная вилла с небольшим садом на берегу небольшого озера. Сообщение только не очень удобное: до остановки Фалькензее шла электричка, но от станции Фалькензее до нашего домика приходилось идти двадцать минут пешком (иногда, правда, удачно попадали на автобус). При хорошей погоде дорога была вполне сносная, но при распутице, в сыкоть и дождь удовольствие мы получали небольшое.

Для доставки мебели и оборудования мы с Субботиным решили не нанимать посторонний транспорт, а дожидаться наших коллег, чтобы сообща всё перевезти. Первым приехал Александр Степанович Казанцев, а через неделю Борис Витальевич Прянишников. С. А. Субботин собрал нас всех вместе и посвятил в суть предстоящей работы. Оказывается, М. А. Георгиевский при содействии Е. М. Мюффлинг нашёл меценатов, которые согласились финансировать создание типографии и своего рода института по изучению Советского Союза на основании его периодики. Это оказались сотрудники японского посольства в Берлине. Они же предложили поставлять необходимый материал для изучения (более 25 различных газет и журналов СССР), а взамен просили сводки по советской прессе. И никакого контроля над нашей работой, никаких других требований; наоборот, меценаты предложили свои услуги по переброске наших будущих листовок в Польшу и на Дальний Восток.

Серёжа Субботин организовал лёгкий грузовик, на который мы погрузили всё наше оборудование, включая кровати, и кое-что из обстановки. Я поехал поездом с А. Казанцевым, а Субботин и Прянишников на грузовике. Рассчитали время так, чтобы прибыть на место с наступлением темноты, — боялись, что наш багаж вызовет интерес у соседей. Хотя вещи прятались под чехлами, форма их немецкому обывателю могла показаться необычной. Под вечер мы вчетвером

всё перетасили из машины. Сложно было с «американкой», тяжёлой и неудобной для обхвата, но под прикрытием темноты мы втянули её по ступенькам заднего входа. При домике имелся небольшой гараж, куда мы сложили наши запасы бумаги.

Сам дом был двухэтажный: две комнаты наверху (их заняли Прянишников и Казанцев) и две внизу: в одной установили типографское оборудование, другая предназначалась для меня и наших будущих архивов. Крытая терраса служила столовой; кроме того, была небольшая кухня с электрической плитой, ванная и под ванной «котельная», то есть печка на угле, которая отапливала весь дом.

Работа наша распределилась так. Раз в два дня один из нас ездил в Берлин забирать журналы и газеты. Обыкновенно ездили Казанцев или Прянишников (чаще Казанцев, так как у Прянишникова были не в порядке желудок и печень). На меня как единственного говорящего по-немецки легла главным образом вся хозяйственная часть, продовольственная и всё, что связано с типографией. Казанцев и Прянишников составляли для наших меценатов сводки советской прессы; писали статьи для нашей газеты «За Россию», которые мы пересылали в Берлин; составляли тексты для листовок, которые я набирал для печати.

Наша деятельность шла вразрез с установкой «фюрера» и потому была строго засекречена. Казанцев и Прянишников оказались в крайней изоляции, так как немецкого языка они не знали, а с русскими в Берлине им общаться запрещалось. Моё положение в этом отношении было лучше. Я общался с некоторыми членами берлинских групп, даже посещал собрания, которые проводились под видом вечеринок, так как наша организация официально в Германии не существовала. Одну из таких групп (философскую) я помню очень хорошо. Она состояла из братьев Гевдингов, Виктора Франка (сына великого философа) и Романа Редлиха. Другой группой — художественно-литературной — руководила почтенная дама, драматическая актриса (я забыл, как её звали); здесь проводились уроки русского языка и дикции. Так как я был сильно загружен нашими закрытыми делами, то мне нечасто удавалось посещать эти и другие группы.

Когда мы окончательно устроились в домике у озера, наши меценаты пожелали познакомиться с нашим хозяйством. В один из вечеров вместе с С. А. Субботиным к нам приехали два служащих японского посольства. Один в чине подполковника — Манаки, другой, постарше, — очевидно, его начальник; оба свободно говорили по-русски. Осмотрев

наше помещение, Манаки заметил, что у нас отсутствует радио, и попросил Субботина достать нам хороший приёмник. Через час, убедившись в том, что мы обеспечены всем необходимым, они уехали. У нас от этого визита осталось очень приятное впечатление. Культурные, образованные люди, хорошо понимают политическую обстановку, наши российские проблемы и наши стремления. В общем, меценатами мы остались довольны. Прянишников назвал их «бледнолицыми», и этот термин вошёл в наш обиход. Уже через неделю я привёз из Берлина прекрасный радиоприёмник. Мы установили его на веранде и теперь могли прослушивать все новости: Казанцев — белградские на сербском языке, Прянишников — парижские на французском, я — немецкие. Конечно, мы делились этими новостями и обсуждали их. Вечером втроём слушали «Радио Коминтерн» — русскую передачу. Эти годы, 1937–1938, гремели чистками и показательными процессами. Сталин расправлялся с оппозицией, и параллельно с этим сообщалось о «достижениях». Помню, мы с интересом следили за «папанинской эпопеей на льдине», слушали доклады О. Ю. Шмидта, Совсевморпути. Зима 1938 г. была полна всяких событий.

Дни проходили довольно однообразно. После завтрака каждый принимался за свои дела: Казанцев пыхтел трубкой и шелестел газетами, щёлкал на своей машинке, Прянишников в своей комнате вторил Казанцеву, и иногда они переговаривались по поводу какой-либо особо интересной статьи. Я обыкновенно был занят в типографии: то набирал новую листовку, то раскидывал по кассетам старую; делал приправу для будущей печати (машины приходилось держать в чистоте и хорошо смазывать, чтобы при работе не возникало большого шума); резал бумагу на нужный формат для печати. Затем наступало время идти в лавочку за провизией, готовить обед. Пару раз пришлось явиться в префектуру. Но по каким-то спецканалам что-то там стало известно, и нас оставили в покое. Раз явился полицейский — узнать, всё ли у нас в порядке и не нуждаемся ли мы в чём. Думаю, это была его частная инициатива и любопытство. Конечно, и жители не могли не заметить нашего присутствия. Что-то они про нас думали и между собой обсуждали. Для объяснения, кто мы такие и что делаем, существовала официальная версия: мы студенты разных национальностей, занимаемся научной работой и подготовкой диссертаций. Такое объяснение в какой-то мере удовлетворило любопытство, и вскоре на нас перестали обращать внимание.

Когда у меня выдавалось свободное время, я тоже погружался в советскую прессу и немного помогал Шуру Казанцеву, с которым очень подружился. А когда нужно было печатать, кто-нибудь из коллег оставлял газеты и шёл мне на помощь: пока один вертел маховое колесо, другой вынимал из машины отпечатанные листы и вставлял чистые. Колесо требовалось крутить равномерно, тогда хорошо держался ритм работы и продукция шла без помех. (Для Казанцева и Прянишникова этот моцион был даже полезен.) Конечно, при такой системе мы не могли выдавать миллионные тиражи, и тем не менее количество многих листовок исчислялось в тысячах; некоторые печатались про запас (когда у двоих из нашей команды было свободное время). Главным нашим потребителем была Польша. Оттуда приходили просьбы и заказы, например, печатать на водостойкой папиросной бумаге. Тут нам помог Лука Михайлович Попов. Он предложил бумагу, которая не переваривается в желудке; по его словам, если проглотить такую листовку, то её потом, прополоскав в воде, можно читать. Мы этот эксперимент не проделывали, поверили на слово. Бумага была действительно почти папиросная и чем-то импрегнированная, причём печатать на ней можно было только в очень медленном темпе. Эти листовки предназначались для сплава по Припяти. На некоторых листовках я рисовал карикатуры. Но так как это требовало специальных клише, а изображение занимало много места, делал я это редко. А вот некоторые статьи для газеты «За Россию» я всё-таки снабжал карикатурами. Тексты в основном писал Шура Казанцев, и они сильно обогатили нашу газету свежими данными по Советскому Союзу и политическими статьями. Материала было много и тем для статей тоже, а Шура был отменный журналист.

В начале 1938 г. подполковник Манаки сообщил, что его отзывают в Японию и вскоре прибудет новое начальство. Действительно, месяц спустя новое начальство изъявило желание познакомиться с нашей работой на месте. Как-то днём, заранее предупредив нас, Манаки привёз своих новых начальников — генерала Ошиму и капитана Нагату. Они тоже совершенно свободно говорили по-русски, а генерал Ошима к тому же оказался большим поклонником Достоевского. После осмотра нашего логовища мы долго ещё сидели на веранде за чаем и ликёром. Ошима явно не был приверженцем нацистского режима и не скрывал этого; нашей же работе очень симпатизировал. Под конец визита мы вышли в сад. Прогуливаясь до озера, Ошима вдруг сказал:

«Как это вы живёте рядом с озером и не имеете даже простой шлюпки? Очень прошу вас обзавестись лодкой — это мой вам подарок». Генерал потом несколько раз справлялся, купили мы себе лодку или нет, и не успокоился до тех пор, пока я не приобрёл лодочку у кого-то из соседей. Мы её сразу назвали «Льдина». А позже и всё наше законспирированное сидение стало называться «Льдиной». Летом мы по очереди, так как лодка была одноместная, катались по озеру.

В начале нашего «сидения» С. А. Субботин навещал нас раз в неделю, позже раз в месяц. Иногда, очень редко, я или Казанцев встречались с ним в Берлине. Всё, что мне требовалось для типографии, я получал от Л. М. Попова. Иногда Ошима и Нагата приглашали нас проветриться в ночное кабаре (за всё время это случилось трижды). Зато к нам приезжали гости из Польши — члены нашей организации. Были несколько раз А. Э. Вюрглер, В. В. Бранд, М. А. Георгиевский, однажды приехал В. М. Байдалаков. Конечно, такие дни становились для нас праздниками, и разговорам не было конца. Как-то проездом из Польши навестил нас Г. С. Околович-Муха. Он как раз возвращался из своей нелегальной поездки вглубь России. Трудно описать, с каким интересом мы слушали его рассказ! Как-то в приезд М. А. Георгиевского мы упросили его организовать прогулку по музеям. В Берлине в Музее кайзера Вильгельма имелись богатейшие коллекции древнеегипетской и ближневосточной живописи. Туда мы и отправились. Никогда не забуду этого посещения. Михаил Александрович в каждом зале дарил нам по лекции. И какой! Это было не только посещение музея, но и сплошной насыщенный доклад по египтологии и истории Древнего Востока.

Вспоминается курьёзный случай, связанный с нашими гостями. Как-то летом, в воскресенье, С. А. Субботин пригласил нас поехать на пляж в Крумме Ланке — это очень известное место под Берлином. Прянишников почему-то отказался, и мы поехали втроём. Было полно купающихся. Субботин сообщил, что ожидается приезд В. Д. Поремского²⁵ и что, возможно, он посетит и нашу «Льдину». Болтая, мы не заметили, как к нам подошёл Юра Трегубов, член нашей организации. Зная меня и Субботина, он, не стесняясь, подсел к нам. Произошло некоторое замешательство. Субботин недолго думая представил Трегубову Казанцева как В. Д. Поремского, благо Трегубов того никогда не

²⁵ Это тот самый Юрий Андреевич Трегубов, которого СМЕРШ выкрал из Берлина и который восемь лет просидел в советских лагерях. См. его книгу «Восемь лет во власти Лубянки» (Франкфурт, «Посев», 1956).

видел. Конечно, Трегубов живо заинтересовался жизнью Парижа и тамошних наших групп. Шура Казанцев по мере возможности что-то говорил, а Серёжа Субботин прервал разговор, сказав, что Владимир Дмитриевич будет читать доклад, вот там и ответит на все вопросы. Трегубов почувствовал, что что-то не так, и долго не обременял своим присутствием. (А Поремский так и не приехал — не дали визы.) Этот случай вовсе не означает, что мы не доверяли друг другу. Просто у нас была железная дисциплина относительно всяких закрытых работ, и мы строго держались правил конспирации.

Теперь несколько слов о нашей продукции. В среднем за два часа мы могли напечатать 500 листовок. Площадь для печати была примерно 30 на 30 сантиметров, листовки, как правило, имели размер 10 на 12 сантиметров, но бывали и побольше, и более короткие. Отпечатанные листы мы разрезали, паковали по 200 штук и отправляли.

С точки зрения содержания была одна основная листовка, которая долго оставалась в наборе; её мы печатали вместе с какой-либо другой. Эта основная содержала наши программные тезисы: «НТС борется за...» и т. д., затем короткие лозунги типа «Долой...» и «Да здравствует...». Листовки шли главным образом в Польшу, простой почтой или с оказией. Часть шла в Белград, в Париж, а также, через меценатов, на Дальний Восток.

Как-то Серёжа Субботин сообщил, что есть возможность достать нового типа печатную машину со специальным к ней набором. Не буду описывать устройство; набор для него делался тоже вручную, но особый метод позволял делать его быстрее и быстрее разбрасывать. Набор вставлялся в барабан, который вращался при помощи небольшого электрического мотора. Работала машина почти бесшумно и производила до 2000 оттисков в час на медленном ходу. При плотной бумаге на полном ходу она давала до 10 000 оттисков в час! При таких возможностях у нас родилась мысль издать что-то вроде брошюры; мы её выпустили под названием «Что делать».

В 1939 г. мировые события стали накаляться и встал вопрос о нашем переезде из Германии. За пару месяцев до перемещения «Льдины» я попросил С. Субботина найти мне замену, так как решил остаться в Германии. Вскоре из Белграда прибыл Д. С. Лукницкий, которого я ознакомил со всеми премудростями нашей типографии. Он быстро всё усвоил. В ноябре 1939 г. состоялся отъезд, и моя эпопея на «Льдине» закончилась.

Со сталинских времён нас, членов НТС, поносили в советской прессе: «изменники родины», «наймиты фашистов», «прислужники разведок» — по ленинскому завету: мажь грязью — что-то и прилипнет. В наших листовках того времени мы осуждали сталинскую диктатуру, чистки, террор, уничтожение крестьянства. Во время Перестройки то же самое стала трубить вся советская пресса. Но за пределами СССР всегда было достаточно здравомыслящих людей, прекрасно осведомлённых как о катастрофическом положении в нашей стране, так и о наших попытках спасти одну шестую часть земли от окончательной гибели, к которой её неуклонно вела КПСС. И ничего нет предосудительного в том, что они иногда предлагали нам помощь и что мы эту помощь с благодарностью принимали. Так обстояло дело и с нашими меценатами. Чтобы получать сводку советской прессы, им, свободно говорящим по-русски, не нужно было содержать где-то под Берлином виллу с тремя русскими, предоставляя им возможность печатать свои листовки, да ещё и пересылать их. Но они понимали, что мы на верном пути, и помогали нам.

Прошли годы, отгремела Вторая мировая. Издательство «Посев» обосновалось во Франкфурте. В 1973 г. я приехал туда, участвовал в посевской конференции, повидался с друзьями. Глеб Рар недавно вернулся из Японии. Он показывал фотографии православного храма в Токио и крупным планом — снимок настоятеля и нескольких прихожан. Среди них я сразу узнал «бледнолицых» меценатов «Льдины».

ЗА РОДИНУ! НА СТАЛИНА!=====

Олег Поляков

В РОССИЮ ЧЕРЕЗ ТРИ ГРАНИЦЫ²⁶

Вопреки моим ожиданиям в Берлине я задержался продолжительное время. После моего прибытия туда в первых числах октября 1941 г. в составе большой группы членов НТС я и несколько моих друзей были зачислены руководством в так называемую московскую группу, которую специально готовили для нелегальной переброски в Москву после её занятия немцами. Но Москва не была занята немцами.

Поражение немцев под Москвой наглядно показало: сбываются энтэсовские прогнозы о неизбежном поражении Германии, если она не привлечёт на свою сторону русские антисталинские силы как с одной, так и с другой стороны фронта. Мы надеялись, что поражение под Москвой образумит немцев и они как-то изменят свою политику. Но наши надежды оказались тщетными: в упоении от побед, в слепой вере в свою непобедимость немцы посчитали неуспех под Москвой случайной осечкой, временной заминкой, вызванной ошибками военного руководства. Главнокомандующий фельдмаршал Браухич был смещён, пост главнокомандующего занял сам Гитлер; были смещены и заменены командующие фронтами, многими армиями и армейскими корпусами. Замены эти прошли довольно безболезненно, во всяком случае внешне: случаев неповиновения со стороны армии не было. Правда, мне потом рассказывали старожилы-берлинцы, что в эти дни части СС заняли ключевые позиции в столице, но я ничего не заметил.

²⁶ Русская жизнь. 07.05.1987.

Немцы решили вести войну так, как вели её до сих пор, не считаясь с тем, что свой политический капитал — основанный на уверениях, будто они ведут войну не против России, а против коммунизма, против советской власти, против Сталина, — они уже растеряли. Почти одновременно с поражением под Москвой было объявлено об организации двух имперских комиссариатов, то есть о введении какой-то ограниченной формы немецкого гражданского управления на оккупированной территории: «Рейхскомиссариат Остланд» («Восточная земля»), куда вошли Белоруссия и Прибалтика, и «Рейхскомиссариат Украина». Немцы раскрыли свои намерения на Востоке. Если и шли какие-либо споры в этом отношении у немецких правителей, то окончились они полной победой Розенберга и его «Остминистерiums» («Восточного министерства»). А среди русских после этого очень мало кто продолжал верить в добрые намерения немцев.

Но, видимо, события зимы 1941/1942 гг. не прошли бесследно. И хотя изменение политики на Востоке оказалось неблагоприятным для русских национальных сил, у немцев остались сомнения относительно правильности взятого курса. Противники линии Розенберга и самого Гитлера получили веские аргументы в свою пользу (причём эти аргументы по мере ухудшения положения на фронтах становились всё весомее) и даже осмелились исподволь готовить изменение этой политики. Есть сведения, что фельдмаршал Браухич и его начальник штаба Гальдер требовали отвода немецких войск за Днепр и организации русского национального правительства и русской армии.

Постепенно мои друзья, вместе с которыми я приехал в Берлин, исчезали, чтобы через какое-то время вынырнуть где-нибудь в России, на оккупированной немцами территории. Давалось это нелегко, приходилось тайком пересекать две, а то и три границы: между собственно Германией (рейхом) и генеральным губернаторством (той частью бывшей Польши, которую немцы не включили в рейх); затем между генеральным губернаторством и одним из рейхскомиссариатов (примерно в районе бывшей польско-советской границы), а иногда и между рейхскомиссариатом и тыловой зоной немецкой армии.

При переходах первой границы основную помощь оказывали поляки — местные жители, часто занимавшиеся контрабандой. Они переводили через границу за деньги. Но были и наши друзья, польские патриоты, которые делали это бесплатно. Посредниками между поляками и теми, кто собирался переходить, выступали русские, из-

давна жившие в этих местах. Так, например, важным пунктом нелегальных переходов служил город Сосновицы на юге Польши. До Первой мировой войны там сходились границы трёх империй: Российской, Германской и Австро-Венгерской. В районе Сосновиц зимой 1941/1942 гг. переходил границу тогдашний руководитель русских скаутов-разведчиков в Европе Борис Борисович Мартино. Зима была многоснежная, холодная, Мартино при переходе простудился и заболел воспалением лёгких, которое вскоре обернулось туберкулёзным процессом. В результате он не попал в Россию и оставался в Варшаве до её эвакуации при приближении советских войск.

Переход через границу между генерал-губернаторством и каким-либо из комиссариатов также осуществляли местные, в основном русские, жившие у бывшей польско-советской границы в период между Первой и Второй мировыми войнами, многие — члены НТС. Они частично сумели скрыться от советских властей, частично бежали на Запад и вернулись с немецкими войсками. Эта граница практически не охранялась, но при неудачной попытке последствия оказывались суровыми. Впрочем, Бог миловал и переходы, хоть и не без неудач и заминок, жертв за собой не повлекли. Важным пунктом, через который люди направлялись на Восток, был Брест (ранее Брест-Литовск).

Переход из какого-нибудь комиссариата в тыловую зону действующей армии не представлял трудностей. Единственное, что создавало препятствия, — устройство на месте и получение документов, которые бы позволяли жить. Но это касалось также и генерал-губернаторства, и оккупированных районов России. В генерал-губернаторстве первое время большую помощь оказывал Сергей Львович Войцеховский, глава немецкого «Руссише Фертрауэнсштелле» (центра, ведавшего делами русских эмигрантов). Нелегально прибывающим в Варшаву членам НТС он выдавал удостоверения, что они русские эмигранты, постоянно живущие в Польше, и пропуска на поездки по генерал-губернаторству, обеспечивал их продуктовыми карточками. Вообще, в предвоенный период он симпатизировал НТС, хотя членом его не был. К сожалению, в дальнейшем у него постоянно возникали трения как с членами НТС, так и со скаутами-разведчиками, в частности с Борисом Мартино, которого он отстранил от официальной работы с молодёжью по пустяковому поводу. Но кульминацией вражды между Войцеховским и Союзом стала гибель начальника польского отдела

НТС и руководителя всей работой на оккупированной территории Александра Эмильевича Вюрглера. В декабре 1943 г. он был убит на улице Варшавы неизвестным, чья личность так и осталась неустановленной. По официальной версии, его убили польские подпольщики, что абсолютно неприемлемо, так как у НТС, в частности у того же Вюрглера, были прочные связи с польским национальным подпольем. Убил его, конечно, немецкий агент. Многие были уверены, что это дело рук Войцеховского; настолько уверены, что самые горячие головы намеревались в отместку убить его. Руководство НТС это решительно запретило, не в последнюю очередь потому, что такой акт вызвал бы никому не нужные репрессии со стороны немцев.

Достоверно известно лишь то²⁷, что Вюрглер знал о грозящей ему опасности: накануне своей смерти он посетил Войцеховского и просил выдать ему разрешение на выезд в Швейцарию (гражданином которой он был). Но Войцеховский отказал. Кроме того, я очень удивился, когда много лет спустя прочёл книгу Войцеховского «Эпизоды» и ничего не нашёл в ней об убийстве Вюрглера. Это не тот эпизод, который можно забыть. Позже появились сведения, что Вюрглер убит людьми из второго отдела «Зондерштаба Р» — немецкой контрразведывательной организации, руководимой фон Регенау²⁸. Впрочем, утверждать ничего нельзя, я только передаю то, что тогда говорили и думали. Сам я считаю, что и Войцеховский, и Регенау знали о судьбе, уготованной Вюрглеру, но сделать ничего не могли.

Однако мы отвлеклись от нашей основной темы и забежали немного вперёд. Если в первое время благодаря помощи Войцеховского не возникало затруднений с получением документов, обеспечивающих безопасное пребывание в Варшаве и вообще в генерал-губернаторстве, то на оккупированных территориях положение было значительно хуже. Многие члены НТС, благополучно перебравшиеся через все границы, были арестованы немцами и провели значительное время в ужасных условиях немецких тюрем; несколько человек умерли от болезней и истощения, несколько человек — расстреляны немцами. Позднее, когда членам НТС удалось внедриться в некоторые местные управления или найти там друзей и помощников, положение улучшилось.

²⁷ Это рассказывал человек, в то время живший вместе с Вюрглером.

²⁸ Он же генерал Хольмстон, настоящая фамилия Смысловский — он был русским по национальности.

Моя личная судьба сложилась иначе. Так как немцам не удалось занять Москву, нашу специальную «московскую» группу распустили и постепенно её участники были переброшены в Россию. Пока шла эта подготовка, я начал активно работать в Национальной организации русской молодёжи (НОРМ — единственной разрешённой в то время организации русской молодёжи в Германии) и завоевал там прочное положение. По просьбе Б. Б. Мартино руководство НТС решило меня не трогать и предоставить возможность продолжать работу с молодёжью в Берлине. Решение это меня огорчило, но тогда не полагалось спорить: НТС находился на мобилизационном положении. Работой в НТС я практически перестал заниматься, одно время состоял при Исполнительном Бюро, как бы человеком по особым поручениям. В основном я встречал на берлинских вокзалах людей, приезжающих из разных стран, а также с оккупированной территории для встреч с руководителями НТС. Их надо было отвезти на предназначенную им квартиру, а потом на место встречи; иногда приходилось обеспечивать внешнюю охрану. Но такая деятельность продолжалась недолго: меня освободили от неё, чтобы не компрометировать меня (а значит, и НОРМ) перед немецкими властями. Нужно сказать, что у многих приезжающих документы были весьма сомнительного качества, иногда попросту липовые.

Какой-либо другой энтээсовской работой я в то время не занимался. Завидовал тем, кто уезжал на Восток²⁹; завидовал тем, кто во

²⁹ Олег Поляков всё же попал в Киев весной 1943 г., ему в это время был 21 год. Далее он и Сергей Бевад были направлены в Кировоград (прежде Елизаветград) как связные НТС при формировавшихся там летом 1943 г. казачьих частях. Бевад погиб при невыясненных обстоятельствах, а Поляков впоследствии занимался работой НТС в Одессе. Уходя оттуда в 1944 г. через Румынию в Югославию, он был арестован смершевцами, отправлен в Москву и осуждён по статье 58 УК РСФСР на 25 лет. Отбывал срок сначала в Ныроблаге на севере Пермской области, затем в Озерлаге в Иркутской области, где работал чертёжником. Оттуда его возили на допрос в Москву, в Ижевск и на очные ставки с другими членами НТС (Б. Фоминым, М. Чипиженко, Ю. Луценко) в Винницу. В 1955 г. О. Поляков был амнистирован как гражданин Югославии и направлен в лагерь для репатриантов, но затем амнистия была в отношении него отменена, и в 1956 г. он очутился в системе «Дубровлага» в посёлке Явас (Мордовия). На Явасе в это время собралась значительная группа членов Союза. Все они в 1956 г. были освобождены, отбыв более 10 лет заключения (Поляков — более 12 лет). Евгений Дивнич, Борис Оксюз, Клавдий Цыганов и другие создали здесь Всероссийский Национально-Трудовой Союз (ВНТС), по делу которого в 1959 г. состоялся первый послесталинский политический процесс. Олег Поляков к этому времени женился на бывшей политзаключённой и уехал в Тверь (тогда Калинин), а позже в Москву, где работал в Институте технической информации. По еврейской визе своей жены он с ней и двумя детьми в конце 1981 г. выехал в США,

второй половине 1942 г. включился в новую работу — отбор в лагерях военнопленных людей для школы в Вустрау. Немцы хотели создавать там кадры для будущих подвластных им территорий на Востоке, но члены НТС превратили школу в рассадник своих идей и место привлечения новых членов из числа бывших подсоветских граждан.

Все мои усилия были направлены на работу с молодёжью...

Дмитрий Ежов

НА ВСТРЕЧУ С ПАРТИЗАНАМИ (отрывки из воспоминаний)

Партизан в Слуцке много. И в лесах, которые начинаются в пяти километрах от города, и прямо на улицах — может быть, прямо под окном, около которого я работаю. Партизанские отряды пёстрого состава. Там есть и правоверные коммунисты, и патриоты советской формации, и бежавшие из немецкого плена, и скрывающиеся от так называемой добровольной гражданской мобилизации, и просто любители пограбить... Там есть и просто русские патриоты — они представляют предмет особого нашего внимания. Мы их ещё не нашли, но стараемся...

Гриша связался с одним из отрядов, и в ответ было получено письмо, адресованное Игорю:

Зная вас как порядочного человека и честного сына своей родины, мы хотели бы поговорить с вами, чтобы обменяться мнениями и выяснить возможности сотрудничества. Мы уверены, что таковы же и ваши желания, и поэтому предлагаем вам встретиться на еврейском кладбище 12 ноября в два часа дня по немецкому времени. Вам надле-

где быстро включился в жизнь русской эмиграции в Нью-Йорке: помогал о. Александру Киселёву по делам Свято-Серафимовского фонда, встречался со скаутами, помогал готовить политические конференции «Посева» (1986 и 1987 гг.). В 1987 г. О. Поляков начал писать свои воспоминания (текст, приведённый выше), но затем стал готовить конференцию в честь 1000-летия христианства на Руси, состоявшуюся летом 1988 г. в зале «Отрада» под Нью-Йорком. Осенью у него обнаружился рак, и в феврале 1989 г. он скончался.

Более подробные сведения по его биографии содержатся в «За Россию», (№ 53 (385), июнь — август 2009 г.).

жит иметь завязанным на левой руке указательный палец. К вам подойдёт человек и скажет: «Где ваша родина?» Вы должны ответить: «Я русский человек». После этого вы можете с ним разговаривать совершенно открыто. Мы уверены, что интересы родины вам так же близки, как и нам, и что вы придёте. Если что-либо помешает вам прийти, сообщите нам через вашего связного.

*Командир партизанского отряда имени Островского
Иван Шпаковский.
Грецкие леса, Суворовская бригада.*

Договорились на 7 декабря. Партизаны предложили встретиться в деревне Гороховка, это километров четырнадцать от Слуцка, в лесу, в партизанском районе.

Мы (Игорь, Гриша и другие) свернули с шоссе Слуцк — Стармо. Километрах в двух перед нами деревушка Василинки. В ней должен быть немецкий пост. Идём минут десять. Навстречу женщина.

— Эй, тётка, немцы в деревне есть?

— А с час уже, как все уехали, — отвечает она и торопливо проходит мимо.

Везёт.

На всякий случай обходим Василинки задворками. Нигде ни души. Василинки позади. Спускаемся к маленькой и полузамёрзшей речке. Чтобы не провалить льда, переходим её по одному берегу и поднимаемся на другой. Вдали ещё деревня — это Михейки. Нам известно, что немцы там бывают только наездами и только днём. За Михейками в трёх километрах начинается лес. И когда ночь вступает в свои права, из этого леса по направлению к деревне движутся молчаливые тени. Одна, ещё одна. Много... Скользят вдоль хат, отмечаясь тёмным пятном на более светлом фоне стены, пропадают около плетня и замирают так же бесшумно, как и появились, за кочкой или кустом за околицей.

К этим теням мы идём сегодня. В ушах назойливо звучит: «Что день грядущий нам готовит?» Подходим к Михейкам. На окраине несколько сожжённых хат. Это свидетели немецких карательных экспедиций.

У немцев своеобразный способ бороться с партизанами. Они собирают большие силы: пехоту, танки, артиллерию. Не подходя слишком близко к караемой деревне, открывают огонь. Что при этом страдают жители, которых они пришли «освободить», этого не способны понять современные немецкие мыслители с Розенбергом во главе. Впрочем,

жители обыкновенно не дожидаются: при первом выстреле разбегаются кто куда... И покаранными бывают пустые хаты... Постреляв в своё удовольствие, немцы иногда грабят «освобождённую» деревню, а иногда уходят восвояси. Если же встречаются кого-либо из жителей, то часто расстреливают на месте, ибо раз бежал, то, значит, боялся немцев, значит, совесть нечиста, значит, связан с партизанами. На обратном пути немцы, бывает, попадают в засаду. Бои из засады «накоротко». Артиллерия бессильна, танки плохо видят и бьют куда попало. Партизаны стреляют с заранее выбранных и прекрасно замаскированных позиций. Кажется, что их губительный огонь вырывается прямо из-под земли. Немцы несут большие потери. И в бессильной злобе хватают заложниками тех, кто поближе: стариков, женщин, детей.

Мы выходим на главную улицу Михеек. Снова нигде ни души. Но всем кажется, что чьи-то глаза так и впиваются в нас. Вот определённо мелькнула чья-то голова. Вот кто-то прильнул лицом к стеклу и быстро отпрянул. В этом безлюдье чувствуется пульс жизни. Пульс напряжённый, настороженный... Я понимаю, в чём дело. По нашей внешности нас, очевидно, принимают за партизан. Папахи, полушубки, сапоги, идут без оружия, не скрываясь — точно начальство. А раз начальство, то и прятаться надо так же, как от немецких фельдфебелей, ибо, увы, партизаны приходят карать всё то же несчастное население за гостеприимство, якобы оказанное немцам.

Михейки кончаются. Последняя хата. Из неё выходит человек.

— Товарищ начальник, — обращается он к Игорю, — за что же вы моих коней забрали?

На его лице блуждает робкая улыбка... Видимо, трудно было решиться спросить. Сначала мы несколько растерянно переглядываемся. Потом Игорь делает начальственное лицо и говорит:

— Каких коней, сколько?

— Пару, последние мои...

— Кто забрал? Зачем?

— А вчерась утром, как раненого несли, так у меня остановились. Вон кровь ещё видна... А потом сказали, чтоб коней с возом дал, чтобы везти его, значит... Обещались вечером назад прислать, а вот всё ещё нет... Товарищ начальник, прикажите, чтобы назад пригнали. Работать нечем.

— Сказали, какого отряда?

Человек называет отряд.

— Это не наш отряд. Мы Островского. Ну вот что! Ты не бойся за своих коней. Я им передам, чтобы прислали.

Мы идём дальше, провожаемые громкими словами благодарности. Мы идём, а посередине дороги всё тянется, капля за каплей, кровавый след, пока дорога не теряется в начавшейся поруби. Некоторое время идём этой порубью. Кругом болотца, иногда мы прыгаем с пенька на пенёк.

Справа виднеется разбитый танк. Советский.

Лес уже недалеко. Вон он вырастает сплошной молчаливой стеной. Порубь становится суше. Вот какое-то подобие тропинки или дороги. Видны две колеи, ведущие к лесу. Мы останавливаемся на опушке. Надо вздохнуть. Скручиваем по махорке и смотрим назад. Вдали в морозной дымке видны две фабричные трубы. Это — Слуцк.

Таким далёким кажется с этой опушки весь тот мир, в котором жили мы до сих пор, годы эмиграции, два года войны и даже сама жизнь в Слуцке, где в серых чужих мундирах всё же так сильно чувствуется заграница...

И я понял: если здесь и правит, может быть, сволочь, то своя.

Найдём ли мы, что ищем? Встретит ли нас родина, как блудных детей своих, в радости одевающая в лучшие одежды свои и сзывающая на весёлый пир? Или она встретит нас, как злая мачеха встречает пасынка своего?

Мы стоим перед лесом и ждём, чтобы он ответил. Но не можем прочесть никакого ответа в сумрачно глядящих деревьях. Задерживаться нельзя. Свидание назначено на полдень. Мы уже опаздываем... Ещё одна глубокая затыжка, ещё один взгляд на «тот» мир, ещё один затаённый привет своим близким...

Мы поворачиваемся к лесу и входим в него...

Владимир Кашников

В России 1941–1944 годов³⁰

Во время событий, о которых пойдёт речь, я был ещё очень молод, и потому стоит вначале немного рассказать о моей семье. Родители моего отца были старожилами Ярославской губернии, владельцами

³⁰ Грани. 1991. Октябрь — декабрь. № 162.

небольшого имения под Рыбинском. Они умерли ещё до Первой мировой войны, оставив шестерых сыновей и одну дочь. В имении молодые разводили рыбу для метания икры; любимым же их занятием было разведение и дрессировка собак-волкодавов. Затем дочь осталась вести хозяйство, а сыновья поступили в разные военные училища. Самый младший, мой отец, — во Владимирское пехотное училище в Петербурге. После революции он попал в чине поручика в Третью армию генерала Врангеля, которая вместе с поляками воевала против Красной армии. По окончании войны поляки интернировали военнослужащих Белой армии в лагере «Щалково» под Познанью.

Мать родилась в Николаеве Херсонской губернии, где её отец был начальником станции на железной дороге. Он тоже рано умер, оставив двух сыновей и четырёх дочерей. Мать окончила Рукодельное училище, кажется, в Одессе. Но работать ей долго не пришлось — с началом Гражданской войны она поступила добровольцем в Белую армию, на канцелярскую должность. Когда поляки заключили мир с красными, она из южной Польши попала в тот же лагерь Щалково, где мои будущие родители познакомились, повенчались и где в 1923 г. родился я.

Со временем поляки отпустили мужчин из лагеря на заработки. Отец с группой офицеров организовал хор-оркестр; они ездили по городам Польши, давая концерты. Потом жителям лагеря выдали так называемые нансеновские паспорта бесподданных; с ними они могли уехать на постоянное жительство в любую страну, состоявшую в Лиге Наций. Мой отец принадлежал к оптимистам, которые были уверены в том, что коммунизм в России долго не продержится, и остались в Польше с надеждой вскоре вернуться домой. Все они жили форменным образом на чемоданах.

Отец переехал в Быдгощ и там научился делать всякого рода корочки: для лекарств, для обуви, бонбоньерки для шоколада. Со временем он устроился заведующим коробочной фабрикой, одновременно учась заочно в Варшавской духовной семинарии, чтобы в будущей России стать священником. Когда началась война Германии с СССР, он сдал экзамены и нелегально, так же как и я, отправился в Россию; в Минске владыка Филофей рукоположил его в сан священника.

Пять братьев отца после революции пропали без вести; настоячивые попытки хоть как-то найти их след оказались безрезультатными. Бабушка со стороны матери умерла от голода в Николаеве

в 1933 г. Я же стал учиться в польской гимназии в Варшаве и вступил в русскую скаутскую организацию.

Осенью 1939 г., после раздела Польши между Германией и СССР, в Варшаву нахлынуло много русских из занятых Красной армией восточных областей, и жизнь местной русской колонии сильно оживилась. Начался прилив новых членов в Русский комитет в Варшаве (организацию, официально признанную немцами) в скауты-разведчики (они работали «неформально» под прикрытием так называемой Национальной организации русской молодёжи) и в НТС, который официально вообще не существовал. Его местным отделом руководил член Совета НТС Александр Эмильевич Вюрглер, который в 1939 г. принял в НТС меня. Среди других руководителей помню Кишковского, Кузьминского, супругов Виноградовых. Они тоже энергично привлекали — а то и просто набирали — новых членов в НТС. Все мы тогда были очень молоды — недаром нас звали нацмальчиками, и все мы горячо стремились в Россию. К сожалению, в нашей подготовке было слишком много теории и мало практического обучения. Молодёжь, мне кажется, во все времена больше привлекают конкретные дела, нежели философия. Это важно помнить и для сегодняшней работы НТС в России.

В июне 1941 г., когда началась война Германии с Советским Союзом, НТС призвал создать первую группу добровольцев-квартирьеров. Им была поставлена задача: найти квартиры, где смогли бы останавливаться следующие за ними в Россию группы НТС. Добровольцами стали: Николай Алфёрчик, старший группы, 26 лет; Владимир Кашников, переводчик, 18 лет; Георгий Соловьёв, член группы, 17 лет. В это время в Свидре под Варшавой был летний лагерь скаутов-разведчиков, и нам устроили там торжественные проводы. На них присутствовали возглавитель НТС в Польше Александр Эмильевич Вюрглер, председатель Русского комитета Сергей Львович Войцеховский и скаутские руководители из НТС, в том числе Борис Борисович Марино, Евгений Евгеньевич Поздеев, Ростислав Владимирович Полчанинов. После речей спели гимн НТС «Бьёт светлый час...», затем прощание, слёзы, большой подъём. Многие ребята кричали: «Я тоже хочу, я тоже хочу!»

После прощального вечера на середину июля 1941 г. назначили отъезд группы. Документы у нас были очень простые — Fremdenpass (немецкий паспорт для иностранцев) и удостоверение личности от Русского комитета в Варшаве (оно впоследствии особенно пригодилось). Первый этап, Варшава — Брест, мы ехали поездом, без препятствий.

Брест прошли незамеченными: там только-только организовывалась граница между польским генерал-губернаторством и оккупированной Россией и никакого досмотра не было. Ночевали мы в Бресте в семье членов Союза Монтвиловых, поели и поговорили. Отец Митрофан Звонко, у которого потом долгие годы был приход в Си-Клиффе под Нью-Йорком, отслужил напутственный молебен. Монтвиловы предлагали нам ехать дальше не поездом, а на попутных грузовиках.

Мы не послушались и пошли на восточную окраину города — выяснять, как лучше добраться в Минск. Нам посоветовали стать у железной дороги и прыгать в идущий товарный состав, пока он набирает скорость, выйдя со станции. Поезда шли часто; некоторые быстро, а некоторые достаточно медленно. Встал вопрос, кто из нас лучший спортсмен. Выбор пал на меня: я занял первое место на нашей молодёжной олимпиаде. Дождавшись подходящего момента, я побежал за пустым вагоном и запрыгнул. У каждого из нас был с собой рюкзак и один чемодан, их тоже бросили в вагон. Затем в него без промаха прыгнули Алфёрчик и Соловьев. Так мы доехали до Барановичей.

Вдруг поезд останавливают. Мы немного перепугались. Удирать опасно: могут пристрелить. Решили сидеть в вагоне. Появляются немецкие жандармы, с бляхами на груди, трое, идут от вагона к вагону и заглядывают. Мы сидим, вроде как ни в чём не бывало, опираясь на пустые ящики. Подходят к нам: «Куда?» Мы говорим: «В Смоленск». Просят документы. Показываем наши Fremdenpass'ы и удостоверения Войцеховского, что мы «белые русские». Ни то ни другое не производит впечатления. Нас задерживают и ведут в полевую комендатуру тут же, на вокзале.

Мы вошли, там сидит капитан. Спрашивает, куда едем, откуда и кто мы такие. Я перевожу: мы белые русские, едем в Россию помогать в борьбе с коммунизмом. Он переспрашивает: «Так откуда вы едете?» Я говорю: «Из Варшавы». — «Так вы поляки?» — «Нет, — говорю, — белые русские».

Так как по документам все мы родились в Польше, объяснить капитану, что мы русские, было очень трудно. Но в конце концов он понял. Подумал, посмотрел на нас и говорит: «А вы что-нибудь для борьбы с коммунизмом везёте?» Я говорю: «У нас литературы много». Открыл чемодан и показываю. Литературы у нас, к сожалению, имелось жалкое количество, с литературой дело было поставлено слабо. Капитан смеётся: «И этими брошюрками вы думаете бороться с коммунизмом?» Я говорю: «Ничего, приедем на место, там печатать

будем». Капитан покачал головой, подумал и говорит: «Ну так и быть, валяйте!» Я спрашиваю, не даст ли он нам какую-нибудь справку, что он нас пропустил. Нет, отвечает, никакой справки дать не может и по правилам должен был бы отправить нас под стражей обратно в Варшаву: «Смывайтесь, я вас не видел!»

Поезд тем временем ушёл, и мы пошли расспрашивать у местных жителей, как ехать дальше. Нам посоветовали стать на шоссе и дожидаться попутной машины. Один порожний грузовик нас в конце концов взял. В пути выяснилось, что он свернёт с дороги в семи километрах от Минска. Мы решили, что семь километров пройдем пешком. Пока мы шли, наступила темнота. Видим — маленькое селенье, несколько домов, в одном из них горит свет. Мы постучали. Не открывая двери, отвечает какая-то бабка, белоруска. Мы спрашиваем, нельзя ли переночевать. «Ой, нет, что вы, если я вас пушу ночевать, придёт немецкий контроль и меня расстреляют». Напуганная бабка была: сколько ни просили — никак. Мы стали перед домом, закурили. Вдруг слышим, дверь открывается, она выходит. Внутри видно — чистая, простая хата, уборная во дворе. Мы снова её начинаем уговаривать: мол, мы хорошие люди, а ночь холодная, мы на дворе простудимся. В конце концов она согласилась, что мы «славны хлопци», и пустила нас. Только, говорит, покушать у меня, кроме картошки, ничего нет. Мы говорим: «Зато, бабка, у нас сало есть». Отрезали каждому по куску солонины, она сварила картошку, и мы поужинали. Уложила она нас на русскую печь, на перину и сверху положила перину — спать было невыносимо жарко. Утром встаём — наши портянки и носки постираны, вещи аккуратно сложены. Бабка даёт нам сало с картошкой, а себе — нет. «А ты, бабушка?» — «Да нет, спасибо, вы далеко едете, вам надо, а я уж как-нибудь картошечки покушаю, мне хватит». Мы всё же ей солонину оставили.

На третий день пришли в Минск. Первая задача — найти квартиру; сделать это оказалось нелегко, так как город был сильно разрушен. На улице мы неожиданно встретили владыку Филофея. Я с ним знаком с детства, он тогда еще был архимандритом и преподавал у нас в Варшаве Закон Божий. После начала войны многие из эмигрантского духовенства из Польши и Прибалтики отправились в Россию — восстанавливать разрушенную советскими гонениями церковную жизнь. Одним из первых поехал владыка Филофей, ставший епископом Минским и Белорусским. Из других помню епископа Дмитрия Черниговского, о. Игнатия в Лепеле, о. Г. Соловьёва под

Слуцком. Мой отец, о. Николай Кашников, поехал в Слуцк; из Риги поехала целая миссия, 15 священников.

Владыка Филофей сразу пригласил нас к себе и предложил нам помочь с мытьём покоев монастыря при бывшем архиерейском доме. Мы с радостью согласились, получив заодно место для ночлега там же, на полу. Помогли мы и храм убирать, который находился в очень запущенном виде: на стенах виднелись лишь остатки росписи.

Владыка готовился к первой архиерейской службе 26 сентября — всенощной накануне праздника Воздвижения Креста — и попросил нас помочь оповестить население о предстоящем событии. Мы тем временем познакомились с местными девушками, которые где-то раздобыли бумагу и краски и нарисовали плакаты. Мы просили их привести на службу как можно больше молодёжи. Служба обещала быть очень торжественной. Сам владыка — красавец, жгучий брюнет; где-то нашлись великолепные облачения; к тому же в Минске в момент оккупации застряла московская опера, так что весь хор состоял из профессионалов. Народу начало прибывать очень много. Перед службой протодиакон, оперный артист с густым басом, подаёт мне стихарь иподиакона, чтобы я шёл с ним под благословение к владыке. А я раньше хоть и прислуживал в церкви, но никогда не иподьяконствовал. Стал ему это объяснять, но владыка услышал и говорит мне: «Ничего, всё будет в порядке». Служба началась — церковь полна-полнёхонька! Один хор чего стоил! Потом я больше такого хора не слышал. В момент, когда воздвигают крест и «Господи, помилуй, Господи, помилуй» звучит то тише, тише, тише, то громче, громче, громче, сплошной плач стоял в церкви. После службы владыка благословлял всех и давал крестики, целый мешок которых он привёз с собой из Варшавы. Люди подходили и к нам, иподиаконам, и просили: «Батюшка, благослови». Мы с трудом объясняли, что никакие мы не батюшки и благословлять нам не положено.

Как ни хорошо нам жилось при церкви, пора было ехать дальше; я рвался в Москву. Квартиру для союзных нужд мы с помощью наших знакомых девушек нашли. Она была не очень хорошая, наши позже нашли лучше, на Вокзальной улице, которая, можно сказать, вошла в историю Союза: там все побывали. К концу сентября на найденную нами квартиру прибыла следующая группа НТС, довольно большая. Познакомив их с положением в городе, в начале октября мы двинулись в Смоленск. Техника поездок — на поезде или грузовике — нам уже была знакома; доехали за два дня без препятствий, правда, немного поголодали.

В первый же день в Смоленске Алфёрчик нашёл квартиру — на улице Декабристов, 24. Она оставалась за НТС вплоть до последнего дня перед приходом советских войск. Обосновавшись на новом месте, мы отправились посетить собор. Там служил местный священник. У него даже не было подрясника, и мы нашли группу людей, которые взялись его сшить. В соборе — великолепном, хотя тоже в запущенном состоянии — при советской власти был музей, где хранились знамёна наполеоновских времён. Немцы собор портили, отламывая себе на память куски резьбы с иконостаса.

В Смоленске мы предприняли рискованный, но удачный визит в местную немецкую полевую комендатуру. Отсутствие проездных документов всё время висело над нами угрозой, без маршбефеля нас могли арестовать за любой пустяк. Решили обратиться к местному армейскому коменданту, чтобы объяснить ему наше положение. Мы прямо сказали: мы — дети белых офицеров, хотим продолжать дело их борьбы политическими средствами, чтобы избавить Россию от коммунизма, и нам нужны проездные документы. Надо сказать, что открытый и вежливый разговор на немцев производил впечатление. На наше счастье, полковник, к которому мы попали, оказался не только порядочным человеком, сочувствующим русскому делу, но и весьма образованным. Он был в России во время Первой мировой войны, знал историю нашей Гражданской войны куда лучше нас и со знанием дела расспрашивал про наших отцов. В конце разговора он спросил, куда мы хотим ехать. Мы говорим: «В Москву!» Он повторил слова капитана из Барановичей, что по правилам обязан отправить нас обратно в Варшаву. Затем сказал, что движение его частей на Москву не предусмотрено, но что в том направлении будут двигаться части его друга, тоже полковника, которые стоят в Брянске. И выдал нам маршбефель через Брянск... в Москву!

В Брянск мы поехали уже без Алфёрчика. История с ним была такая. В Варшаву он приехал из Пинска, где оставалась его семья. Алфёрчика наскоро приняли в Союз — ни он нашими идеями не успел проникнуться, ни мы его как следует не раскусили. Прибыв с нами в Минск, он съездил в свои родные места. В Пинске не нашёл ни брата, ни матери — их большевики вывезли. И Алфёрчик стал без разбору мстить за их гибель. В Минске связался с белорусскими националистами-самостийниками Космовичем и Витушко. Эти двое, вопреки телефильму Д. Бирюкова³¹,

³¹ «Камера смотрит в мир» (Первый канал ЦТ, 30 июля и 8 августа 1987 г.).

будучи самостийниками, никак в НТС состоять не могли, но действительно пользовались дурной славой за сотрудничество с гестапо. Поведение Алфёрчика нам явно вредило, создавая Союзу плохую репутацию. Мы ему в Смоленске сказали: «Хочешь идти этим путём — дело твоё, но это не наш путь», — и порвали с ним. Сам он с Союзом тоже связь прекратил.

В конце октября 1941 г. к нам в Смоленск прибыло пополнение: члены Союза Валентин Хасапов, Николай Кавдин с братом и Олег Лопуховский — все из Чехословакии. Я съездил в Вязьму (город в некоторых местах ещё догорал после боёв), но ничего интересного там не нашёл³². Через три дня вернулся в Смоленск. Оттуда мы втроем — Соловьев, Лопуховский и я — в начале ноября 1941 г. отправились на попутках в Брянск. Тут нам очень пригодилась рекомендация от смоленского коменданта: я с ней отправился к местному коменданту, который меня очень хорошо принял и обещал нам помогать так же, как и его друг в Смоленске. Всё это были боевые армейские офицеры, которые смотрели на нас совершенно иначе, чем СС или гестапо.

Не прошло и двух недель, как в Брянске к нам присоединились Хасапов и братья Кандины. Мы нашли старушку, которая занимала довольно большой домик, к счастью, не разрушенный. Она поселила нас всех у себя; варила нам, стирала, штопала. Мы же старались снабжать её продовольствием, мыли посуду и рубили дрова, собранные в обгорелых домах. Доброта и забота этой старушки нас всех поражала. У неё три сына воевали на фронте в Советской армии, и она говорила, что им, наверное, кто-то делает добро, потому и она должна платить тем же.

В ожидании падения Москвы мы в Брянске временно устроились на работу. Хасапов стал заведующим городским хозяйством в городской управе, Н. Кандин — заведующим городской столовой, а я — переводчиком при городской управе и конференсье при организовывавшемся театре. От местного полевого коменданта я получил разрешение посещать военнопленных и отбирать из них актёров для театра и специалистов, нужных для городского управления. Сами же мы думали о том, чтобы пополнить ряды НТС.

Приступая к работе в театре, я первым делом познакомился с его директором Николаем Гусем (это был тенор, певец оперетки). Ба-

³² Позже там была создана группа НТС. См.: Жедиягин Ю. НТС в Вязьме 1941–1942 // Посев. 1984. № 7.

летмейстер Ольга Мышьякова стояла неподалёку, и он познакомил меня с ней, сказав: «Вот у нас будет теперь конферансье». Начались обычные расспросы: кто вы, откуда. Этот последний вопрос задавали всегда; мы, приезжие, всё-таки сильно выделялись среди местного населения. Зачем приехали? Я отвечал открыто, что хочу помочь своему народу освободиться от коммунизма и строить новую Россию. Это лишь повышало интерес. Вечером после спектакля (в этот день я ещё не выступал) Мышьякова пригласила Гуся и меня к себе на ужин; там была и её дочь, балерина. Беседа продолжалась до поздней ночи. Я оставил им на несколько дней имевшуюся у меня литературу, в частности брошюрку НТС 1940 г. «За новый строй».

Мы устраивали ужины в том же составе почти через день. Со временем я открыл, что я — член НТС. В итоге первой вызвалась оказывать нам помощь Ольга Мышьякова. Она знала, что у нас слабо обстоит дело с размножением литературы, и подала идею писать тексты на больших листах бумаги и расклеивать их в городе, а также в районе — там, где уже начинало организовываться партизанское движение. Для размножения плакатов она привлекла своих балерин, служащих городской управы и других добровольцев. После этого я предложил ей вступить в Союз; она и её дочка сразу согласились. Николай Гусь повременил недели две, а потом сам предложил свои услуги.

Валя Хасапов принял в Союз очень ценного человека из бывших военнопленных. Мы его взяли в театр как пианиста, но на самом деле он был врачом. Валя с ним подружился, и оба занялись привлечением в Союз людей из оставшейся в городе интеллигенции. Доктор также стал организовывать студенческие кружки, чтобы студенты, не окончившие вузов, сами пополняли своё образование. Я достал ему разрешение на посещение военнопленных, и среди них он подбирал студентов. Таким образом ему многих удалось освободить. Он же занялся составлением текстов для наших плакатов; это у него получалось очень удачно.

Изначально тексты плакатов составляли выдержки и лозунги из брошюр типа «За новый строй». Там говорилось, чем плох коммунизм и какой должна быть свободная Россия. О немцах прямо не говорилось ничего — ни хорошего, ни плохого, а лишь подчёркивалось, что никто за нас нашего русского дела не сделает. Но вскоре этого стало мало, так как обстановка менялась. Накипало возмущение немецкими зверствами, и нам надо было чётко показать, что мы не на стороне Германии, что мы — самостоятельная русская сила.

Очень эффективным оказалось опровержение немецких листовок, которые миллионами сбрасывались на занятые территории. Листовки были двух типов. Одни — для городского населения: в них предлагалось добровольно и на заманчивых условиях ехать в Германию на работы. Другие — для Красной армии: в них предлагалось переходить на немецкую сторону, чтобы вместе с армией Германии бороться против коммунизма. На наших плакатах мы писали, в какие условия русские рабочие попадают в Германии на самом деле и как немцы морят голодом попавших в плен, вместо того чтобы искать среди них союзников. Отсюда мы делали вывод: победить коммунизм может лишь независимая русская сила. Копии плакатов я отправлял по нашему союзному адресу в Варшаве Кишковскому или Родзевичу (Алёша Родзевич в то время находился в Варшаве, потом появился в Минске). Конверты нам переправляли знакомые немцы.

На короткое время я выезжал в Курск и Орёл, но никаких полезных знакомств там не завёл. В общей сложности в Брянске я провёл больше года. В начале 1943 г. мне неожиданно представилась возможность съездить в Варшаву: из Брянска шёл грузовик туда и обратно. Всей группой мы приняли решение эту возможность использовать, чтобы доложить о нашей работе. Ехали дня четыре; стояли ещё сильные морозы. Проехав Смоленск, мы хотели посмотреть Катынский лес, но нас туда не пустили. (Раскопки могил польских офицеров начались в марте.)

В Варшаве я сделал доклад председателю НТС В. М. Байдалакову и А. Э. Вюрглера, выступил перед членами Русского Комитета и его председателем С. Л. Войцеховским, а также в кружке русской молодёжи, которым руководил Борис Мартино. Но, по просьбе Вюрглера, в Брянск я не вернулся.

В ноябре 1942 г. Совет Союза принял программный документ «Схема НТС», где говорилось, что для осуществления национальной революции в России необходимо «создание мощного Освободительного народного движения, оформленного в политическую организацию и опирающегося на вооружённую силу». Основу для такой вооружённой силы следовало искать среди уже существующих отрядов, в частности партизанских и антипартизанских. Идея эта не была фантастической: «зелёные» партизаны, независимые от коммунистов, существовали как во время войны, так и после нее в Литве и на Украине. Однако проникнуть в районы партизанской деятельности было непросто.

С конца 1942 г. у руководства Союза появилась возможность доставать проездные документы и обеспечивать ими членов Союза в районах партизанской деятельности, используя так называемый *Sonderstab R*. Это секретная немецкая организация с центром в Варшаве, созданная для наблюдения за партизанским движением. Пользуясь своими связями в этом штабе, А. Э. Вюрглер (который сам был швейцарским гражданином) посоветовал направить меня в маленький городок Лепель, в середину треугольника Борисов — Витебск — Полоцк. Там Союз стремился распространить свое влияние и среди русских добровольческих отрядов, так называемых *OD* (*Ordnungsdienst*), и среди самих партизан. Направление в Лепель мне дал полковник Шаповалов, из бывших советских офицеров, служивший в *Sonderstab'e*. Он вручил мне наган, большой пакет точных географических карт и добавил: «Вот тебе маршбефель, вот тебе *Verpflegung* (талоны на пропитание), а в остальном действуй по собственному усмотрению». В помощники мне полковник Шаповалов назначил Сергея Зубарева, новоиспечённого члена Союза из Варшавы. Племянник генерала Ерогина, он был моим старым другом. Сергей смотрел за хозяйством, помогал поддерживать связь и охранял меня.

Поездка в Лепель в марте 1943 г. оказалась трудной. Весь район контролировали партизаны, и единственный путь лежал через Витебск и Бешенковичи. Двигаться по этой дороге разрешалось только колоннами, под охраной небольших броневиков.

В Витебске я и Сергей Зубарев познакомились с сержантом *OD* Ильёй Лобутиным, из бывших военнопленных, который нам в будущем очень помог³³. Он устроил нам ночлег и ужин, и мы проговорили почти всю ночь о судьбах России, о возможных исходах войны; я рассказал, сколько мог, о Союзе. Он был в восторге, сразу перешёл на «ты», обещал со мной работать и в самом деле оказался человеком на редкость верным и бесстрашным. На следующее утро мы двинулись в путь. Один из грузовиков в нашей колонне подорвался на mine, был один тяжело раненый, но остальные доехали благополучно.

В Лепеле Лобутин устроил нам ночлег у своих друзей. А на следующий день мы через городскую управу получили деревянный домик из одной комнаты с прихожей, но без кухни и с уборной на улице; один из соседей соорудил нам небольшую каменную плиту. В этом домике

³³ Не путать с Лобутиным из Эстонии, о котором говорится в книге Жадана.

мы с Зубаревым обосновались. Пошли в церковь, очень благоустроенную, познакомились с местным священником о. Игнатием — как и мой отец, он был в прошлом офицером Белой армии и тоже приехал из Польши. Он помогал нам продовольствием, но, к сожалению, с местными жителями был груб и популярностью не пользовался. В церкви мы познакомились с дочкой начальника области Лидой Плюско. Она тут же после литургии пригласила нас на обед. Познакомились с её отцом Александром Павловичем Плюско и матерью Еленой. Семья была очень интеллигентная, из Ленинграда; в Лепель они попали случайно. Александр Павлович и Лида заинтересовались моей жизнью в эмиграции и целью приезда в Россию. Я сказал им всю правду и на следующий день принес привезённую из Варшавы союзную литературу, а также несколько плакатов из Брянска. А. Л. Плюско пригласил меня в управу и познакомил со своими сослуживцами, там мы беседовали около часа. Вечером они с дочерью пригласили меня на ужин и спросили, чем могут быть полезны нашей организации. Я сказал, что он мог бы подыскивать единомышленников в городской управе; Лида загорелась идеей размножения плакатов. Я их обоих принял в Союз.

Лида была девушкой требовательной, с крутым характером, но работала усердно и привлекла к работе двух подруг — Клёну и Маю. Плакаты они размножали действительно в «массовом» порядке. Илья Лобутин тем временем вёл активную союзную работу среди персонала ОД. Все эти добровольцы были настроены крайне антинемецки, начинали думать о том, чтобы мины подкладывать под немецкие машины и т. п., и их приходилось тормозить, чтобы они под флагом НТС не перешли к вооружённым действиям против немцев. Такие действия привели бы лишь к разгрому нашей организации, и мы себе этого позволить не могли.

В середине мая 1943 г. я отправился на несколько дней в Оршу. Там познакомился со старшиной городской управы Ивановым. Он пригласил меня к себе на обед и познакомил со своей дочерью Ниной и её подругой Валею. За обедом выпили по несколько рюмок очень вкусного самогона. Я им рассказывал про Союз, и на следующий же день все трое дали обещание членов НТС. Девушки взялись за размножение плакатов, сам Иванов — за распространение идей Союза среди сослуживцев. Надо сказать, что война поставила русских людей перед невозможным выбором: помогать Сталину сохранить власть коммунистов над Россией или помогать Гитлеру завоевать власть над Россией. Поэтому

когда русские люди узнавали о Союзе, который стремился установить русскую власть и писал на своих листовках «За Россию!» (или «Даёшь Россию!», как выражались ребята Ильи Лобутина), мы договаривались с ними легко. Важно было одно: говорить честно, уважая собеседника. Большинство членов Союза с этой задачей справилось; в Варшаву из России поспешил вернуться лишь Юра Саватюк, «не найдя общего языка» с народом. Впрочем, он среди ребят всегда слыл «пижоном».

Другая моя поездка из Лепеля была в Слуцк 19 ноября 1943 г., на свадьбу сестры. Она выходила замуж за члена Союза Игоря Юнга, и венчал их мой отец. Присутствовало много членов Союза: Зеленский (приехавший из Смоленска), Родзевич, Неуронов, Серёжа Зубарев, Дмитрий Васильевич Шульгин (добрейшей души человек, друг моего отца, он вместе с Юнгом вёл союзную работу в Слуцке; позже, уже в США, преподавал в университете русский язык и женился на своей студентке — слепой американке).

Вернувшись в Лепель, я узнал о предстоящих переменах: об уходе немецких властей и приходе из Локтя (Брянской области) бригады Бронислава Владиславовича Каминского, так называемой РОНА (Русской Освободительной Народной Армии). В середине декабря 1943 г. я отправился в Варшаву с докладом о положении в Лепеле. Вюрглер меня выслушал и посоветовал связаться с Каминским, чтобы выяснить возможности его объединения с Власовым. Через два дня, 23 декабря 1943 г., Александр Эмильевич был убит на улице Варшавы.

После похорон А. Э. Вюрглера я возвратился в Лепель, куда начали прибывать первые части бригады Каминского. Я сразу к нему отправился — представиться. На встрече присутствовал начальник бригадной разведки капитан Капкаев. Изложив свою официальную версию (что я от *Sonderstab'a* в Варшаве), я заговорил с Каминским о партизанах, чтобы выяснить, чем он дышит и что собирается делать. Из его ответа стало ясно, что он вовсе не намерен привлекать партизан на свою сторону (к чему стремились мы), а хочет их просто истреблять. Я попытался образумить его и добавил, что большим авторитетом и популярностью пользуется Андрей Андреевич Власов и что ему, Каминскому, следовало бы к Власову присоединиться, чтобы создать единую русскую антикоммунистическую армию. «Я воюю здесь, кровь проливаю, а он там сидит в Далеме³⁴, пьет и с бабами возится!

³⁴ Предместье Берлина, где немцы держали Власова под домашним арестом.

Пусть он мне подчиняется, а не я ему!» — заявил он. Я возразил: всё же Власов — популярная личность, настоящий генерал. Каминский же (этого я вслух не сказал) — инженер без военного образования и хам невероятный. По происхождению он был поляк и, вероятно, поэтому с поляками обращался особенно жестоко. На мой вопрос, почему он так ненавидит поляков, Каминский ответил матом. Как известно, впоследствии немцы его расстреляли. Но я, хотя и начал с того, что вступил с ним в спор, почему-то Каминскому понравился, и он стал регулярно приглашать меня к себе на ужин. Необходимость ежедневно в течение трёх месяцев выслушивать густой поток его матерщины меня тяготила, но отношений с ним портить не следовало, да и ужины у него были сытные. Мои уговоры примкнуть к Власову оставались тщетными; к ним скорее прислушивался начальник разведки Капкаев, человек политически более интересный, но скрытный.

Надо сказать, что в районе Лепеля у Каминского настоящих боёв с партизанами не происходило — просто потому, что партизаны были сильнее. Все его вылазки обычно кончались неудачей. Однажды советская авиация совершила налёт на Лепель и сильно разбомбила этот городок. Было несколько десятков убитых среди гражданского населения. Но бригада Каминского не пострадала, так как находилась в то время в лесах в поисках партизан.

Из немецких учреждений в Лепеле после прихода Каминского остались только гестапо и городская комендатура, которой подчинялись добровольческие части ОД. С патрулями ОД я часто ходил в партизанские районы; обычно они состояли из 11 человек. Шли пешком, у всех винтовки, только у того, что шёл сзади, — ППШ; редко у кого были десятистрелки; имелись и гранаты. Однако ни патрули никогда не вступали в бой с партизанами, ни партизаны с ними. Когда я ходил с патрулями, то прямо говорил, что вступать в бой запрещаю. Я не имел на это никакого права, но добровольцы считали меня как бы состоящим при них пропагандистом. Непосредственно же приказы им отдавал Лобутин.

Однажды весной 1944 г. мы с таким патрулём попали в деревню, куда приходили и партизаны. Почему-то местные жители в большом количестве вышли на улицу. Я набрался смелости и сказал: «Я знаю, что вы терпите невероятные тяготы, что вас всё время грабят — днём немцы, а ночью партизаны. Но если мы перетерпим, то вместе с партизанами сначала победим коммунизм, а потом победим и немцев». Они обрадовались, многие прослезилась: «Откуда вас Бог послал...»

Моя речь вызвала неожиданные последствия. Дня через два ко мне пришёл посланник от партизан. Я его знал: как-то раз меня вызвали в гестапо в качестве переводчика, когда он был арестован. Его тогда начали бить, и я сказал: если будут его бить, я ничего переводить не стану. Бить перестали, а потом выпустили. Теперь он пришёл ко мне и говорит: «Наш областной начальник товарищ Кислов хочет с вами побеседовать». Я расспросил подробнее, кто такой этот Кислов, и согласился. Еще через два дня он приносит мне пропуск, подписанный уполномоченным Витебского областного комиссариата Кисловым. В условленное время он приехал за мной на телеге и повёз в лес. Ехали довольно долго, часа полтора. Вдруг он останавливается и говорит: «Вот они». Смотрю — три человека лежат вокруг догоревшего костра, и рядом с каждым — ППШ. А у меня — наган. Спрыгнул с телеги, подхожу и рукой трогаю самого старшего. Тот просыпается, я представляюсь: «Кашников». «А, — он говорит и протягивает мне руку. — Кислов». Он в настоящей военной форме, другие двое — младшие чины, по-видимому, из студентов. «Садитесь, господин Кашников!» Угощает меня советскими папиросами «Теннис», я им предлагаю немецкие сигары. И они, и я закуриваем с удовольствием. Я сразу раздаю литературу НТС, оставшуюся у меня, и в частности песенник.

Затем Кислов начинает разговор: «А знаете, вас не должно бы уже быть на этом свете». — «Почему?» — спрашиваю. «Потому что когда вы выступали, я сидел в кустах и взял вас на прицел. Но потом у вас проскользнула такая фраза, что, победив коммунизм, мы вместе победим и немцев. Тогда я курок не спустил. И захотел выяснить, как вы себе это представляете». Я говорю: «Очень просто: посмотрите, что коммунизм сделал с Россией! Я родился за границей, но я русский всей душой. И мне жалко смотреть, до чего советская власть довела мою страну! Поезжайте за границу, посмотрите, как люди нормально живут. А у нас — как свиньи. Так вот, надо сначала избавиться от коммунизма, а тогда никакие немцы Россию не одолеют, слишком у нас большая страна. А сейчас вы партизаните и только собственное население грабите. Сами питаетесь, а их голодом морите!» Он отвечает: «Мы собственное население не грабим, это вам могут подтвердить. Мы получаем снабжение по воздуху или люди нам сами приносят; они это тоже делают ради России. А как вы себе представляете борьбу?» Я ему: «Лучший путь — это Власов!» — «Но ведь Власов с немцами идёт, против России!» — «Неправда, — говорю. —

Власов — патриот России, и именно поэтому немцы его боятся и не дают ему ходу. Но они вынуждены будут развязать ему руки, и тогда мы с вами сможем вокруг него объединиться. Тогда вся Россия за ним пойдёт!» — «Ну это тогда, а сейчас что?» Встал вопрос о Каминском. «Ну, к этой сволочи мы и подавно не пойдём!»

Тут пришел какой-то мужик и сказал, что обед готов. Кислов объяснил, что костер в лесу жечь нельзя, и мы отправились в хату, стоящую на опушке. Обед предложили простой, деревенский, но из свежей баранины, и водка была с «большой земли». Кислов и двое молодых стали мне задавать вопросы о том, как живётся за границей, об образовании, какие заработки, какие цены. Все трое оказались очень милыми людьми, ни малейшей грубости, которой я опасался, не было, а что касается советской власти, то «после войны мы обязательно добьёмся перемен». Я спрашиваю: «А может быть, мне с вами остаться?» — «Нет, — говорят, — вам лучше всё-таки не оставаться». Но предложили переночевать тут же, в хате. Я положил наган под подушку и от волнения долго не мог заснуть.

На следующий день они захотели показать мне весь округ. Предложили сесть на лошадь, но я верхом, особенно без седла, ездить не привык, так что мне снова дали телегу. Показали несколько деревень вокруг Лепеля, в одной из них работала их сапожная мастерская, точнее, небольшая фабрика. Тем временем снова стемнело, и они оставили меня у себя на вторую ночь. Выяснилось, что было две категории партизан. Первая — это настоящая армия, причем прекрасно обмундированная и обученная, заброшенная по воздуху. А вторая категория — перебежчики из вспомогательных частей, из ОД и других немецких служб, даже из гестапо. Например, переводчик гестапо в Лепеле Попов, которого я знал, и сам с женой и ребенком ушёл к партизанам, и караульного с собою увёл. Вот одна из трагедий прошлой войны: те, кто с самого начала пошли сотрудничать с немцами, потом «искупили свою вину» перед Сталиным, перейдя на сторону партизан; а тех, кто вместе с Власовым до самого конца ждал создания независимой русской силы, Сталин после войны расстреливал или морил в лагерях.

Лишь на третий день партизаны подвезли меня на той же телеге к Лепелю, и мы распрощались, по существу ни о чём не договорившись. Надо, конечно, принять во внимание мою молодость и то, что я к столь серьёзному разговору был мало подготовлен. Но в той обстановке, думаю, и более ответственный деятель НТС большего бы не

добился. Я радовался, что показал партизанам наше желание быть с ними, что не побоялся к ним пойти и что они мне как члену НТС оказали доверие. Правда, был и один практический результат: партизаны стали регулярно доставлять мне довольно свежие номера «Правды» и «Известий». Советская пресса с немецкой стороны фронта являлась тогда большой редкостью. Я знакомил с ней Лобутина и других друзей, а потом отправлял Родзевичу в Минск.

Через некоторое время я и сам поехал в Минск — доложить союзному руководству о моей встрече. По возвращении в Лепель меня ждали неприятные новости. Илья Лобутин арестован гестапо, Клёня и Мая — тоже. Оказывается, Илья так вдохновился моей речью про то, как мы, победив коммунизм, будем бить немцев, что начал её открыто повторять. На него донесли. Потом на допрос в гестапо вызвали меня. К счастью, не в связи с моей вылазкой, а в связи с какой-то книгой, которую Лобутин в моё отсутствие забыл у меня на кровати. Мне удалось убедить гестаповцев, что в книге этой ничего крамольного нет. Попутно они пытались склонить меня к сотрудничеству, но я им доказывал, что это не входит в мои обязанности. Меня отпустили; я видел Лобутина и двух девушек: они стояли во дворе гестапо под охраной. Увы, я ничего для них сделать не мог. Встретивший меня Сергей Зубарев сказал, что вторичного ареста мне не избежать. Он принёс мои вещи, чтобы немедленно ехать в Минск. Мы нашли место в первой же колонне, которая туда шла, и уехали.

К тому времени (после убийства А. Э. Вюрглера) Sonderstab R немцы расформировали, но нашим друзьям в Минске удалось создать на его месте другую «лавочку» подобного типа, новое «бюро путешествий», позволявшее доставать проездные документы в те места, куда без бумаг проникнуть было невозможно. Официальная задача этой организации, как и Sonderstab'a, — следить за движением партизан. На местах мы делали отметки на картах и посылали их в центр. Но сведения эти были полностью липовые, мы их брали с потолка. Партизанам мы таким образом не вредили, а немцев дезориентировали. Если же мы посылали реальные сведения (те, что немцы могли проверить), то они были бесполезными: например, о том, где найдены листовки, которые сами же немцы сбрасывали со своих самолётов. Получали мы за это только продовольствие и путёвки, обо всем остальном приходилось заботиться самим.

Игорь Юнг и Алёша Родзевич, узнав обо всём, что со мной произошло, направили меня из Минска в Молодечно. Поезд был набит битком, и я расположился в полупустом вагоне с надписью «только для

офицеров». Пришел контроль полевой жандармерии, всё с теми же бляхами. Мои проездные документы их удовлетворили, но поскольку я был штатским, то из вагона для офицеров меня выпроводили, на моё счастье. Не доезжая до Молодечно, раздался сильный взрыв, поезд остановился. На mine подорвался вагон «только для офицеров»...

Был июнь 1944 г., немецкое отступление — в полном разгаре. Спустя несколько дней через Молодечно прошёл поезд, в котором ехали почти все подлежащие эвакуации из Минска члены Союза с семьями. Их было много; они предлагали мне ехать с ними. Я отказался, хотел остаться. Ещё дня через два — советские танки подошли уже совсем близко — является ко мне Роман Редлих и говорит: «Ты что?!» Я отвечаю: «Роман Николаевич, я хочу здесь остаться». — «Никаких! Драпай!» Поскольку путь прямо на запад был уже отрезан, я двинулся на север — через Вильно до Кенигсберга и оттуда в Варшаву. Там я взял родителей и соединился с большой союзной группой около Сосновиц, в Силезии, в лагере «Kaltvorwerk». Оттуда нам вскоре пришлось пешком отступать в Бреславль, бросив все вещи. Погибли и дневники, которые я тщательно вёл в России.

Из Бреславля мы переехали в Австрию, в лагерь «Санкт-Йоханнам-Вальде», о котором написал П. В. Жадан в своей книге «Русская судьба». Там находилось около ста членов Союза, руководил лагерем Игорь Юнг. Его помощник Роман Тагезен по прозвищу Пыж погиб, причём напрасно. Нас там охраняли литовцы из СС — сволочь невероятная. Роман, подвыпивши (были не то его именины, не то день рождения), вытащил у одного из них пистолет, так, что тот не заметил. Поднялся скандал, Роман угодил в тюрьму и там был убит во время бомбёжки. Игорь Жедильягин тоже погиб во время бомбёжки: спрятался под цистерну, которая взорвалась, и он сгорел вместе с ней. Когда в марте 1945 г. немцы Санкт-Йоханн закрыли, одна группа членов Союза ушла через фронт на восток, примкнув к словацким партизанам. Большинство же попало в разные части сформировавшейся тогда Второй дивизии РОА. В последние два месяца войны во Второй дивизии у меня было много острых переживаний. Например, однажды мне пришлось поставить двух пулемётчиков и угрожать немецким железнодорожникам расстрелом, если они не подадут нам паровоз и не вывезут состав, в котором находились 1500 чинов дивизии, на запад. Но это уже отдельная тема³⁵.

³⁵ Об НТС во время войны на территории России см. также: Жадан П. В. Русская судьба. Посев, 1989; НТС: Мысль и дело. 1930–2000. М.: Посев, 2000.

* * *

В заключение несколько слов о дальнейших судьбах. Олег Лопуховский не был удовлетворён политической работой НТС. Он хотел сражаться с оружием в руках и, страдая от несчастной любви, мечтал умереть в бою. Он поступил добровольцем в ОД и был убит в стычке с партизанами под Лепелем. (Тогда же в бою с партизанами был убит Воскобойник, возглавитель «Лепельской республики», предшественник Каминского.) Георгий Соловьёв ушёл из Санкт-Йоханна на восток вместе с группой членов НТС, примкнувшей к словацким партизанам. Его брат Анатолий вернулся в Польшу позже. Оба сменили фамилии, под видом поляков получили высшее образование, женились; весть от них получила их мать, поступившая в монастырь под Парижем. Валентин Хасапов, бывший старшим группы в Брянске, коротко встретился со мной под Зальцбургом летом 1945 г. Он эмигрировал в Аргентину и в 1955 г. ушёл из НТС. Вместе с ним в Аргентину попал и один член брянской группы из советских граждан; но большинство последних, по-видимому, остались в России; точных сведений ни о ком-то из них, ни о братьях Кандиных нет.

Александра Павловича Плюско из Лепеля и его дочь я встретил после войны в беженском лагере под Мюнхеном; его жена умерла от рака во время эвакуации. Вероятно, Иванов из Орши тоже эвакуировался — немцы вывозили с собой большинство служащих городских управ. Но достоверных сведений ни про него, ни про Нину и Валю нет. О Лобутине, Клёне и Мае я после их ареста гестапо ничего не слышал; зная их характер, не исключаю, что немцы перед отступлением могли их расстрелять.

После войны, в 1945 г., я женился. Моя жена поступила работать переводчицей к чилийскому консулу в Зальцбурге. Таким образом моя семья, а также Алексей Родзевич, Олег Минаев, Борис Миллер, Сергей Зубарев, Игорь Юнг (за которого вышла замуж моя сестра) и другие члены Союза выехали в Чили, где открылись интересные возможности союзной работы. Так, преподавая русский язык (а заодно описывая жизнь при коммунизме), несколько членов НТС установили связи среди чилийского офицерства. Когда военные в Чили пришли к власти, наши в 1973 г. подали им идею обмена политических узников в СССР на арестованных чилийских коммунистов. После сложных переговоров в декабре 1976 г. состоялся обмен Владимира Буковского на Луиса Корвалана.

Однако к этому времени многие члены Союза из Чили уже разъехались. Миллер перебрался в Лондон и стал видным деятелем НТС по связям с советскими гражданами за границей. Родзевич еще в 1961 г. уехал в США и до 1976 г. являлся председателем Северо-Американской организации НТС. Я с семьёй уехал в США в 1965 г. и, продолжая работать в текстильной промышленности, был казначеем местной группы НТС в Нью-Джерси (до 1987 г.).

Юрий Жедиягин

НТС в Вязьме в 1941–1942 годах³⁶

В последнее время участились обвинения НТС в сотрудничестве с гитлеровцами во время войны 1941–1945 гг. Ни одна антиэнтээсовская статья в Советском Союзе не обходится без этого клеветнического штампа. В ряде статей упоминается и моё имя как «сотрудника гитлеровской контрразведки» в Вязьме, «предателя» и т. п., а об НТС сказано, что он был «создан фашистами». В Нью-Йорке в том же духе пишет В. Чалидзе, представляя своим читателям «русскую националистическую организацию НТС, которая активно сотрудничала с гитлеровским правительством во время войны против СССР и, несомненно, делит ответственность (по крайней мере моральную) за преследования евреев на оккупированных территориях».

Всю войну я действовал как член НТС на этих оккупированных территориях. Но у меня нет желания спорить с Пономарёвым, Грининым и Чалидзе и защищать честь НТС от их измышлений. Во-первых, потому, что спорить стоит лишь с людьми, искренне убеждёнными, чего тут я предположить не могу. Все указанные статьи, по моему мнению, преследуют цели, далёкие от установления истины. Во-вторых, честь НТС в этом отношении уже защищена многими документами, свидетельствами и даже судебными разбирательствами³⁷.

Я просто попробую вспомнить, чем занималась наша группа в Вязьме (раз уж именно о моем пребывании там пишут гэбисты), хотя

³⁶ Посев. 1984. № 7.

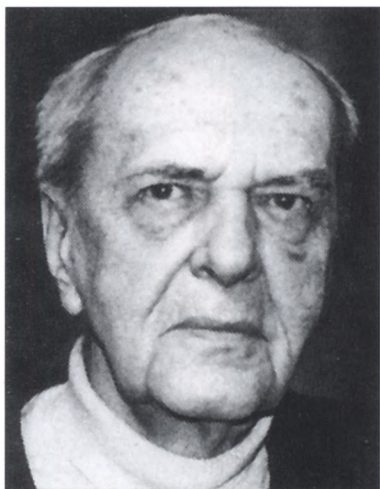
³⁷ См., например, сообщение в «Посеве» (№ 6, 1981) о суде в Париже, признавшем клеветой обвинения членов НТС в сотрудничестве с гитлеровским режимом.

Виктор Михайлович Байдалаков
(1900–1967), Председатель НТС
в 1934–1954 гг.

Михаил Александрович
Георгиевский (1888–1950)

Аркадий Петрович Столыпин
(1903–1990)

Кирилл Дмитриевич Вергун
(1907–1945)

Пётр Ирошников, первым
ушедший в Россию от НТС
по каналам РОВС и погибший
на румынской границе в 1933 г.

Михаил Алексеевич Меандров
(1894–1946), член НТС,
генерал-майор ВС КОНР

Александр Эмильевич Вюрглер, руководитель НТС
в Польше, возглавлявший переброску членов НТС
в Россию в 1941–1943 гг. Убит на улице Варшавы в 1943 г.

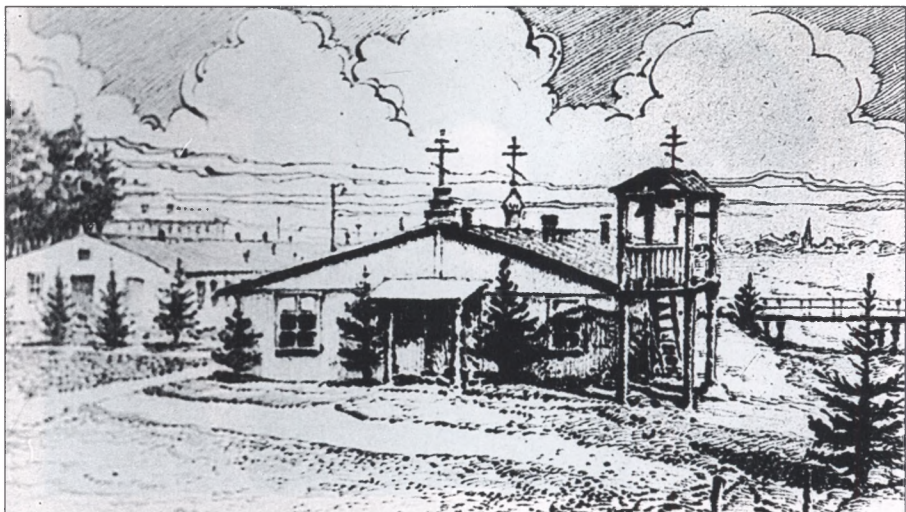
**Иннокентий Кобылкин, перешедший
маньчжурскую границу во главе группы из трёх членов
НТС, которые были расстреляны в 1935 г. в Иркутске**

**Фёдор Иванович Трухин
(1896–1946), член НТС,
генерал-майор ВС КОНР**

**Юрий Тимофеевич Галансков
(1939–1972)**

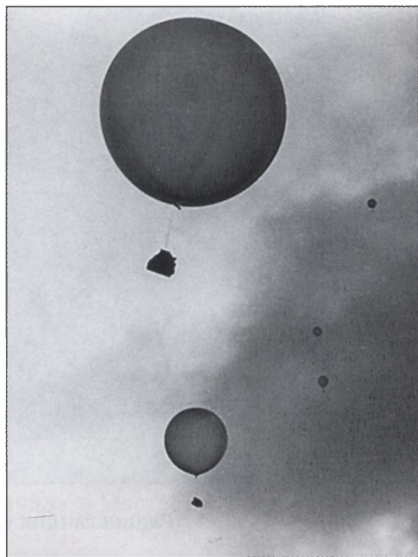
Лагерь Менхегоф под Касселем. На переднем плане — лагерьный храм

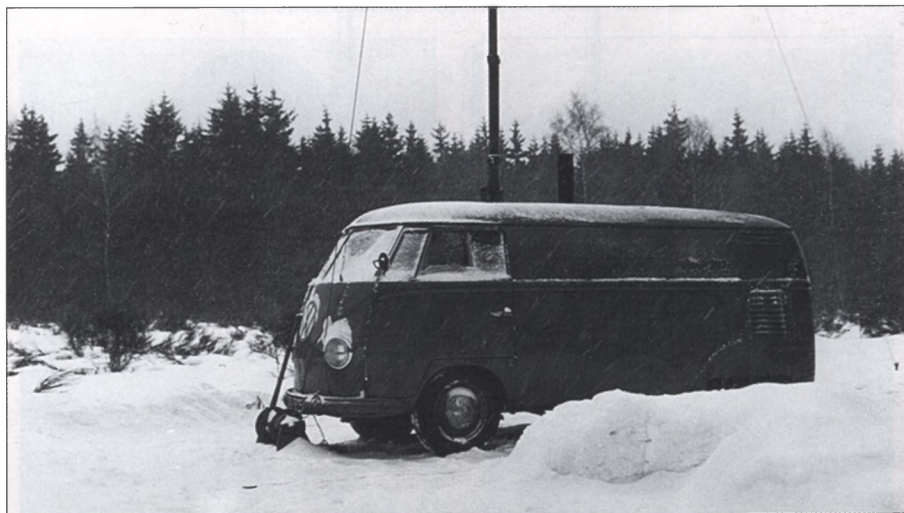
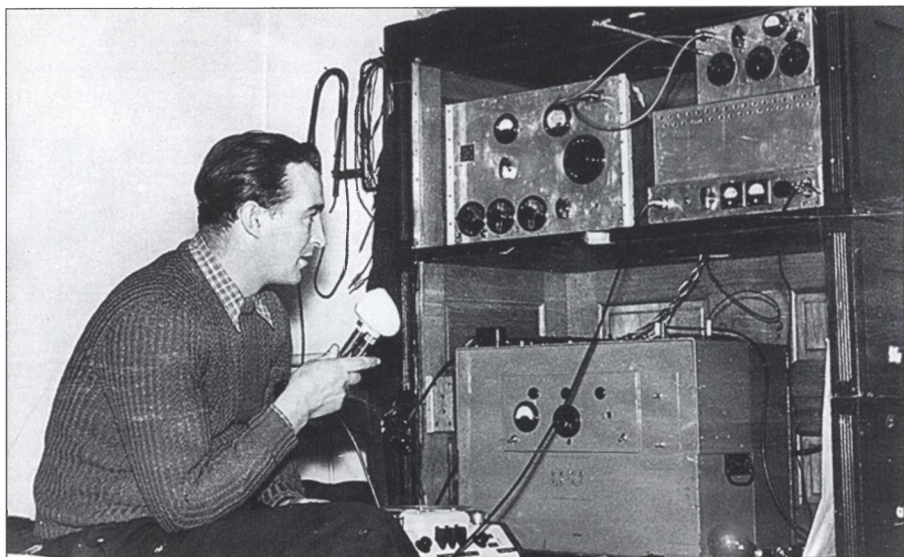
Одна из листовок НТС начала 1950-х гг.

«Вилы народного гнева» (упрощённый трезуб Союза)
на советском памятнике. Начало 1950-х гг.

Воздушные шары НТС: большой (слева) и малые, метеорологические (справа)

Радиостанция «Свободная Россия»

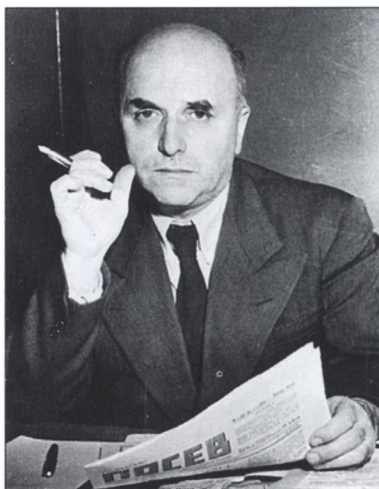
С. З. Горбунов, А. В. Лахно, А. Н. Маков, Д. Н. Ремига,
расстрелянные в мае 1953 г. в Москве

Капитан МВД СССР
Николай Евгеньевич Хохлов,
перешедший на сторону НТС в 1954 г.

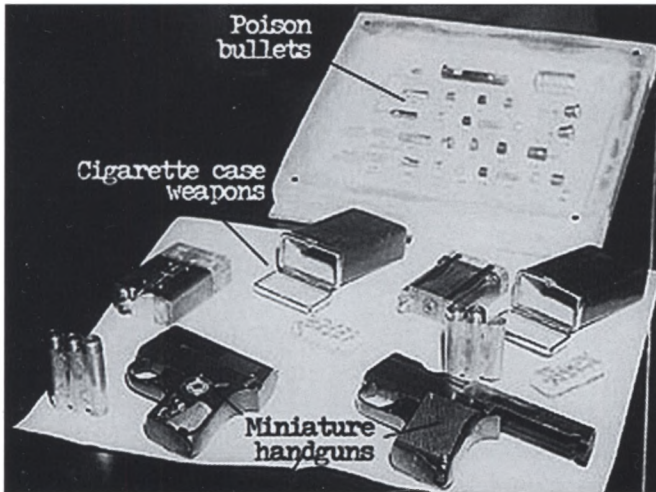
Александр Николаевич Артёмов
(1909–2002), Председатель НТС
в 1972–1984 гг.

Доктор Александр Рудольфович Трушнович
(1893–1954), убитый во время похищения
агентами КГБ в Берлине 13 апреля 1954 г.

Дом в Шпрендлингене, взорванный агентурой КГБ в июле 1958 г.

Орудия планировавшегося убийства Г. С. Околовича, показанные на пресс-конференции Н. Е. Хохлова 22 апреля 1954 г.

Май 1999 года. Москва

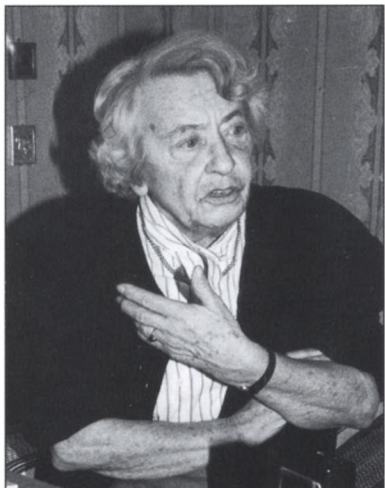
Совет НТС в 1957–1962 гг. Стоят (слева направо): В. Д. Поремский, Н. И. Бевад, Н. Н. Рутченко, А. Н. Неймирок, В. Я. Горачек, Л. А. Рар, А. П. Стольшин.
Сидят (слева направо): А. Н. Артёмов, Е. Р. Островский (Романов), Е. И. Гаранин, Р. Н. Редлих, В. Н. Рудин, М. Л. Ольгский, Г. С. Околович, С. Е. Крушель

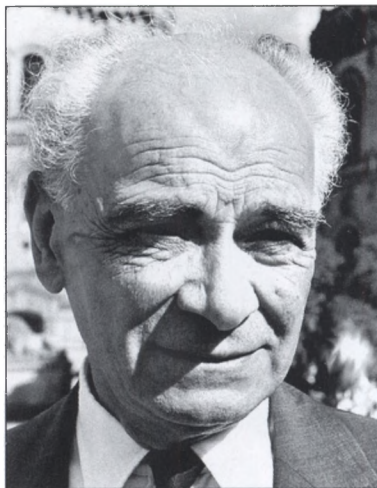
Гаага. 25–27 апреля 1957 г. Конгресс за права и свободу в России

Дом «Посева» во Франкфурте-на-Майне, построенный в 1971 г.

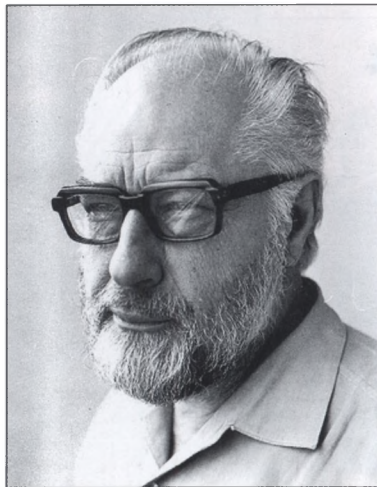
Елизавета Романовна Миркович
(урожд. баронесса Кнорринг;
1918–1994)

Владимир Дмитриевич
Поремский (1909–1997),
Председатель НТС в 1955–1972 гг.

Борис Георгиевич Миллер
(1929–1997)

Евгений Романович Островский
(Романов; 1914–2001),
Председатель НТС в 1984–1995 гг.

это была одна из многих групп НТС, действовавших в годы войны на оккупированной немцами территории нашей страны. Может быть, эти небольшие заметки послужат ещё одним источником кому-то, кто будет писать историю НТС. Но так как многие из моих друзей и знакомых того времени остались в СССР и, вероятно, живы, я назову имена лишь тех, кто находится на Западе, кто уже умер или погиб в те годы как от рук гитлеровцев, так и от рук советских карательных органов.

Переход в Россию

С первых же дней войны члены НТС устремились в Россию. С отходом коммунистической власти и приходом немцев на значительной части российской территории с населением в 70 миллионов человек образовалась политическая пустота. Эту пустоту необходимо было заполнить, утвердив патриотическую идею «Третьей силы» — как антигитлеровской, так и антикоммунистической. Немцы пропускали на оккупированные территории только тех русских эмигрантов, которые имели отношение к армии или к обслуживавшим её организациям, поэтому нам приходилось пробираться нелегально. К тому же НТС в гитлеровской Германии был запрещён, как и все политические организации.

До войны члены Союза, направлявшиеся в Россию, переходили одну-единственную границу, правда, границу на «сталинском замке». В военное же время появилось много искусственных границ, но их переход уже не представлял больших трудностей. Мой путь был классическим для того времени. Из оккупированной немцами Югославии я «уехал на работу» в Германию и прожил без прописки несколько дней у одного из членов НТС. Затем наша группа — Ариадна Ширинкина, Владимир Молчанов и я — села в поезд, отходивший в Силезию. Впрочем, Силезию как таковую немцы тогда разделили: Катовицы были присоединены к Германии, а Сосновицы входили в специально созданную область. В Катовицах нас встретили друзья, и, смешавшись с большой толпой рабочих, мы на трамвае переехали границу между двумя этими городами. После отдыха в Сосновицах двинулись в Варшаву к А. Э. Вюрглеру, руководителю Отдела НТС в Польше. Часть пути до Кракова была самой трудной, и мы её проделали с помощью членов подпольной организации польского Сопротивления. План предусматривал два этапа:

сначала ночью пешком через польско-немецкую границу, затем поездом до самого Кракова. Несмотря на ряд непредвиденных препятствий (в Кракове нас задержало гестапо, но поляки помогли нам бежать), мы доехали до Варшавы, выучив наизусть адрес явки, номер трамвая, стоимость билета и число остановок.

В Варшаве люди, в 1939 г. бежавшие от сталинского «освобождения» и теперь желавшие вернуться в родные места, получали от русского комитета документ, с которым немцы считались. А. Э. Вюрглер конфиденциально договорился с председателем Комитета о выдаче таких документов и членам НТС, пробиравшимся в Россию через Варшаву. Так мы получили почти легальную возможность попасть в Брест. Тамошние наши друзья пребывали тогда в особенно радостном настроении в связи с приездом двух членов нашей организации, освободившихся из минской тюрьмы. НКВД, отступая, расстреливал политических заключённых, но иногда, как в данном случае, не успевал это сделать.

В Минск мы намеревались добраться в товарном вагоне, но брестский вокзал охранялся немцами, и нам пришлось отказаться от этого плана. Тогда местные члены НТС, используя какие-то связи, умудрились достать для нас пропуск на дальнейший проезд на основании нашего варшавского документа. В столицу Белоруссии мы прибыли поздно и без ночного пропуска. Помогла женщина, севшая в поезд в Барановичах и имевшая групповой пропуск. Она же устроила нас у себя ночевать. Позже мы, к своему удивлению, узнали, что это жена начальника местной полиции (по фамилии, кажется, Потёмкин); впоследствии он был арестован немцами за связь с партизанами.

В Минске начались неприятности. В. Молчанов с И. Кузьменко отправились на несколько дней в деревню за продовольствием, там попали в облаву и были арестованы. В минской тюрьме, где они полгода оставались под следствием, им пришлось многое пережить. Вместе с другими арестованными они как партизаны бывали на опознании немецкими агентами; их выводили на расстрел и затем возвращали в камеру; при них расстреливали других заключённых в тюремном дворе; наконец, в тюрьме они заболели тифом и при проверках должны были притворяться здоровыми, так как гестапо боролось против распространения тифа, просто расстреливая больных.

Нам, остальным, нужно было пробираться в Смоленск, к руководителю НТС на оккупированной территории Г. С. Околовичу. Труд-

ность состояла в том, что в Борисове оккупированную территорию от военной зоны отделяла строго контролировавшаяся граница. А. Ширинкина первой добралась до Смоленска. Мой отъезд устроился самым неожиданным образом. Уборщиком в местной военной комендатуре был пленный советский офицер, ставший членом НТС; он сообщил руководителю нашей организации в Минске, что в Смоленск отправляется колонна немецких грузовиков; шофёрами будут поляки, но не все они имеют помощников. Он предложил вписать мое имя в путёвку к одному из шофёров, с которым предварительно договорятся. Так и сделали. На границе всё прошло благополучно, потому что немцы с доверием относились к официальным бумагам с печатями. Позже, при работе на оккупированной территории, мы проявляли большую изобретательность в добывании бумаг, пользуясь этой стороной немецкой организованности.

В Смоленске я встретил нескольких друзей из Белграда. Самая замечательная встреча была с Иннокентием Хлобыстовым. Мы вместе учились в русском кадетском корпусе в Югославии, но он был старше меня и окончил корпус раньше. Затем я его видел мельком в Белграде, в клубном помещении Союза, после чего он исчез. Оказалось, Хлобыстов ещё до войны благополучно прошёл в Россию по заданию НТС. Его дальнейшая судьба сложилась так: после отхода немцев он остался в России, был мобилизован в советскую армию, брал Берлин, служил в оккупационных войсках в Германии, откуда снова установил связь с НТС. После демобилизации продолжал вести работу НТС в стране, был захвачен КГБ и умер в тюрьме.

Г. С. Околович, учитывая мою молодость и неопытность, собирался направить меня в спокойный Могилёв. Но мне хотелось вперёд, в направлении Москвы, в Вязьму. Возможно, тут сыграла роль романтическая сторона революционной борьбы, ибо в Варшаве руководство дало мне заучить адрес члена НТС в Москве — на случай, если я туда попаду. В конце концов Георгий Сергеевич уступил. Мой переезд организовал энергичный Сергей Тарасов. Он нашёл немца, отвозившего доски в Вязьму, который за взятку — знаменитые «яйки» — согласился доставить меня туда. Немецким шофёрам запрещалось подвозить гражданских пассажиров, но они брали их за деньги и продукты, и начальство смотрело на это сквозь пальцы. Таким образом, путешествие не представляло серьёзного риска. Правда, оно оказалось неудобным: мне нельзя было сидеть в кабине шофёра, и я трясся на досках в кузове.

В Вязьме

Мы прибыли в Вязьму около четырёх часов дня, но на улицах уже были одни военные. В прифронтовой полосе комендантский час наступал рано, и горожане спешили заблаговременно вернуться домой. Поэтому я очень обрадовался, когда встретил женщину, объяснившую мне, как пройти на Юхновскую улицу. Там должны были жить два члена НТС, адрес которых я получил в Смоленске. Но встретивший меня там незнакомец сообщил, что те, кого я ищу, недавно арестованы немцами. Понимая моё безвыходное положение, он предложил мне временно остановиться в его доме. Этот человек оказался другом наших арестованных, хранившим их вещи и, в частности, запас нашей литературы. Благодаря ему уже под конец следующего дня у меня состоялась встреча и откровенный разговор с начальником городского управления Николаем Яковлевичем Шалдыкиным (позже он погиб в Белоруссии). Узнав, каким образом мне удалось добраться из Смоленска в Вязьму, он пообещал устроить мне документы, а пока пригласил к себе в гости на «вечер поэзии». Так я начал вяземскую жизнь.

Вечер у Шалдыкиных получился интересный. Там собрались не только местные жители, но и москвичи, главным образом из ополчения. В Москве было сформировано двенадцать ополченских дивизий по десять тысяч человек. Туда вошли учёные, музыканты, студенты, врачи и т. д.; большинство из них не было обучено военному делу и все были плохо вооружены. Попав в окружение, они, чтобы избежать плена, тут оседали — не без помощи Николая Яковлевича. Я был молод, и потому на меня произвело впечатление присутствие московского профессора и хирурга, оперировавшего в кремлёвской больнице. Впоследствии, когда приходилось принимать в НТС людей такого ранга и в таком возрасте, мы приглашали из Смоленска Г. С. Околовича.

Вскоре прибыло подкрепление. Из Югославии добрался Анатолий Супрунов, из Прибалтики — Авраамий Хохлов. Кроме того, при помощи человека, давшего мне приют, и Шалдыкина были восстановлены некоторые связи с людьми в Вязьме, которые о нас уже знали. А в людях мы очень нуждались: условия для расширения нашей организации и для утверждения идеи «Третьей силы» оказались очень благоприятными. У нас повсюду были друзья.

Редко удавалось встретить понимание только у людей, уезжавших на работу в Германию: привычка понимать утверждения советской

пропаганды строго наоборот привела их к слепой вере в немецкую пропаганду. В связи с этим руководители группы НТС в Вязьме приняли решение: Авраамий Хохлов и я поступим на биржу труда, через которую шла запись на работу, чтобы удерживать от поездки в Германию по крайней мере тех, кто покажется подходящим для нашего дела. Хохлов, знавший немецкий язык, попал туда легко. Я же языка не знал и потому смог устроиться только на временную работу для разборки картотеки. Но и это нас устраивало.

Признаться, нам мало кого удалось отговорить от отъезда в Германию. Люди пользовались возможностью выбирать и определять свою судьбу. И часто они принимали решение не потому, что считали его хорошим, а потому, что это был их самостоятельный выбор. Надо сказать, что из Вязьмы большинство людей уехало на работу в Германию добровольно. Мы не упрекали этих людей, а винили партийную власть, которая в течение десятилетий вбивала им в головы «классовое» сознание и тем способствовала формированию у них нигилистского мировосприятия, в отрыве от традиций и идеалов национальной культуры. Поэтому пробуждение национального самосознания тоже стало нашей заботой. Например, Н. Я. Шалдыкин, сам педагог, постоянно заботился о нормальном преподавании русской истории в школах. Это было трудно из-за отсутствия соответствующих учебников. Наши идеи, разумеется, кардинально отличались от сталинского «патриотизма».

Ставка — на гражданскую сознательность

В 1942–1943 гг. создалась противоречивая психологическая ситуация. Сталин «национальной» демагогией обманывал народ, Гитлер продолжал антирусскую политику, а мы старались распутать образовавшийся в душах и умах людей клубок чувств и мыслей, утверждая идею «Третьей силы». В нашем понимании это не было безнадёжным делом. Во время войны не только убивают, берут в плен и оккупируют территорию; во время войны испытывают потрясение и социальные структуры. Эта война потрясла коммунистическую систему, вынесла наружу подавлявшееся до тех пор русское национальное сознание. Оно, конечно, не вмещалось в доктринальное мышление партийных вождей, однако Сталин почувствовал движение русских национальных сил и решил, играя на них, сохранить политическую инициативу — ценой огромного риска. В самый разгар Сталинградской битвы,

в октябре 1942 г., был упразднён институт политических комиссаров; командиров превратили в офицеров, ввели погоны, как в царской армии; ещё позже Интернационал заменили государственным гимном, было допущено избрание патриарха...

Но мы ясно видели, что Сталин не упраздняет систему партократической диктатуры. И продолжали считать, что нужна «Третья сила», которая может победить, только опираясь на освобождённую гражданскую сознательность. Нельзя сказать, что народ поверил Сталину, но грубость примитивной политики нацистского победителя, которому в начале войны сдавались сотни тысяч и которого население встречало цветами, не столько пробуждала гражданскую сознательность, сколько вызывала ненависть обманутых и оскорблённых в своих лучших надеждах людей. Этими чувствами и питалась сталинская «патриотическая» идея.

В Вязьме в 1941 г. и до поздней осени 1942 г. никто не собирался долго жить под немцами, но никто и не ожидал победы Сталина. Все понимали: оккупация не может быть бесконечной, и, возможно, поэтому на оккупированной территории не произошло общенародного взрыва против немцев. Несмотря на то, что немецкое правительство не реагировало на всевозможные меморандумы, в которых ставился вопрос о создании русского правительства, люди — в тяжёлых условиях — энергично устраивали русскую общественную жизнь. Мы этому во многом способствовали. В Вязьме, находившейся почти у самого фронта, дети учились в школах, в больницах имелись медикаменты. Сельскохозяйственное управление защищало перед немцами интересы крестьян Вяземского района. Некто Чикмарёв открыл даже завод колбасных изделий, для чего скупал у немцев раненых лошадей: население надо было кормить.

В такой обстановке нам не приходилось ни вести антинемецкую пропаганду, ни доказывать, что коммунизм плох. И без нас всё было ясно. Наше дело — стимулировать гражданскую сознательность и отстаивать свою организацию как политическую альтернативу и немецкой колониальной политике, и сталинской диктатуре. Несмотря на трудности конспиративной работы, у нас доминировали товарищество и искренние человеческие отношения, а не заговорщицкий дух. Это способствовало расширению круга наших друзей, откуда и приходили люди в нашу организацию.

Мы, конечно, искали себе такую работу, которая могла бы оказаться полезной для нашего дела. В этом отношении интересен опыт

нашего проникновения в вяземское отделение немецкого «Торгового общества “Восток”». Эта фирма, копируя английские и французские колониальные предприятия прошлого века, намеревалась взять под свой контроль экономику в оккупированной части нашей страны. А оккупировали немцы тогда около двух миллионов квадратных километров; на этой территории добывалось более половины угля в стране и производилось не менее половины чугуна, стали, алюминия и сельскохозяйственной продукции. Но в прифронтовой полосе это общество «Восток» развернуться не могло.

Нас эта фирма заинтересовала по трём причинам. Во-первых, там работало много людей; во-вторых, она имела склады зерна и дефицитной тогда соли; в-третьих, обладала правом выдавать документы на разъезды и имела свой транспорт. Сначала на работу поступил Анатолий Супрунов, который благодаря приличному знанию немецкого языка и умению водить машину добился роли диспетчера. Затем он устроил туда и меня.

Возможность использовать фирму была вполне реальная. Немецкий персонал состоял из трёх человек, к тому же был мало вдохновлён своей работой. Один из этих немцев, по фамилии Пехе, носил форму военного интенданта и был начальником. Он, вопреки расистской доктрине, влюбился в русскую девушку Аню и выполнял её просьбы, не задумываясь, не становится ли он таким образом защитником русских интересов. Возможно, Пехе принадлежал к тем немцам, которые не оправдывали политику своего правительства в отношении России. Таких было немало; из их рядов вышли организаторы покушений на Гитлера. Во всяком случае, в фирме сложилась благоприятная психологическая атмосфера. Люди, там работавшие, не верили в освободительную роль немецкой армии, но и коммунистической агитации среди них не велось.

В сговоре с заведующим складом мы создали собственные резервы: при разгрузке вагонов часть товаров не регистрировалась и они шли в помощь нуждавшимся. Нам даже удавалось отправлять продовольствие в Смоленск.

Связь с партизанами

Получив возможность разъезжать, мы начали устраивать опорные пункты в деревнях, через которые шла связь с партизанами. Важнейшим таким пунктом служила мельница в Золоторёвке, официально

принадлежавшая немецкой фирме. Мельник Прохор был своим человеком, хотя и не входил в НТС. У него мы встречались с партизанами, которых он снабжал мукой и которые ему доверяли.

В первые месяцы войны партизанского движения не существовало. Но в конце 1941 г. как реакция на немецкие безобразия стали создаваться первые группы. К советской власти эти партизаны относились сдержанно, а то и просто отрицательно. Да и Сталин им не доверял. Он решил оседлать эти группы только после того, как ему не удалось создать собственные партизанские отряды с помощью членов партии, ушедших в глубокое подполье.

Патриотический пыл первоначально независимых партизан, стремившихся к самостоятельной борьбе, был далёк от политической реальности. Потому мы пытались договориться с ними об идейной направленности партизанского движения, прежде чем их поставит под свой контроль Сталин, который вместе с оружием, медикаментами и продуктами посылал партизанам и членов партии, и работников «особого отдела». Может быть, именно поэтому, а также из-за близости к Москве партизанское движение вокруг Вязьмы развивалось медленно. Но и обуздав партизанские отряды, коммунистическая власть по-прежнему им не доверяла. Позже, когда немцы ушли из Вяземского района, их отправили в тыл (на «переподготовку»), а не в регулярную армию.

Наши конспиративные встречи с партизанами организовывались просто. Группа молодых людей и девушек ехала в гости к Прохору, который устраивал ужин. Затем девушки шли спать, а мы оставались в мужской компании. Тогда и приходили двое-трое связных от партизан. Такие встречи служили не только для материальной взаимопомощи, для подготовки каких-то соглашений, совместных действий, но и для политических бесед. Они рассказывали кое-что о себе, а мы — об НТС и его идеях. Общим у нас был лозунг «Ни немцев, ни большевиков!». Правда, для того, чтобы отстроить в районе вторую власть, времени нам не хватало.

Однажды немцы арестовали Прохора, заподозрив его в связи с партизанами, но Пехе по нашей и Аниной просьбе поручился за своего мельника и добился его освобождения. Позже, перед уходом из Вязьмы, немцы снова его арестовали, и Пехе уже ничего не смог сделать — его самого куда-то услали. Прохора немцы расстреляли...

Гэбистские писаки, которые до сих пор клеветают на нашу деятельность в Вязьме, никогда ни слова не написали о Прохоре. А ведь он вёл

себя героически. Но для власти геройство может быть только в пользу партии, иначе в их представлении оно превращается в преступление. Мы подозревали, что немцам Прохора выдали люди из партийного подполья.

Однако больших провалов не было. И чем большую активность мы развивали, тем большую поддержку получали от населения: многие знали, что мы члены НТС, но никто не доносил. Правда, однажды на меня донёс человек, работавший у немцев переводчиком: он знал меня по Белграду. Меня арестовали и увезли, но я бежал и... вернулся. Всё прошло удачно, так как в Вязьме как раз сменился гарнизон.

Начальник городского управления Шалдыкин не только сочувствовал нам, но и сам стал членом НТС. Фактически вся местная общественная жизнь оказалась под нашим влиянием. О начальнике полиции Скоробогатом ходили слухи, что он не то бывший работник НКВД, не то крупный член партии. Нас интересовало лишь, какую он представляет опасность, находясь на своей должности. Шалдыкин, имевший с ним постоянное сношение по делам городского управления, зорко следил, чтобы тот ничего не предпринимал против нас. То, что немцы позже всё же арестовали и расстреляли Скоробогатого, заставляет думать, что он не был работником НКВД: их немецкая полиция обычно не уничтожала, а перевербовывала. Мы склонялись к версии, что он был евреем и немцы каким-то образом это раскрыли.

Членом НТС был и главный землемер (фамилию не помню); это он совершил покушение (неудачное) на коменданта города, но убил при этом начальника полиции, которого поставили на место Скоробогатого. Мы говорили землемеру, что такие действия пока ни к чему; раз ты член НТС — нужна дисциплина. Но он не удержался — горячий был человек, из кавказцев. Его сразу схватили и расстреляли. Как мы и ожидали, после покушения начались ужасные репрессии...

Но вообще потери НТС в Вязьме по сравнению с другими местами были невелики. Возможно, у нас не случалось больших провалов прежде всего потому, что мы, несмотря на значительный масштаб деятельности, не общались с немцами и не имели дела с партийным подпольем. Анатолий Супрунов, Авраамий Хохлов, молодой механик из Москвы Коля и я жили в небольшом доме на улочке, которая вела к мосту через речку Бебрю, приток Вязьмы. Там часто собиралась молодёжь. Мы крутили патефон, пели, беседовали, и никто из непосвящённых не подозревал, что тут — центр НТС.

История с сыном Жданова

В этом доме мы чуть не приняли в НТС Валентина Жданова, сына сталинского заместителя в Ленинграде от его первой жены. Ни в советской прессе, ни в мемуарной литературе никаких сведений о нём не появлялось. Правда, в сталинское время вообще мало что становилось известно о семьях партийных вождей.

Валентин был блондином и чертами лица напоминал отца. Он хорошо отзывался о своей мачехе, о матери же не говорил вообще, и мы не считали себя вправе касаться этой явно болезненной темы. Отца он недолюбливал; из рассказов сына о нём я запомнил лишь одну деталь: у Жданова имелась шкатулка с коллекцией часов.

Валентин Жданов был военным врачом и в начале войны оказался среди частей, бродивших по лесам после Вяземского окружения. Когда его часть установила связь с Москвой, ему удалось вернуться в Ленинград. Там Валентин встретил новый, 1942, год и затем был снова направлен в окружённые части. То ли его сбросили не туда, куда надо, то ли вообще от этих окружённых частей ничего не осталось, но он попал в плен. В вяземском лагере его кто-то узнал и сообщил немцам. (Надо сказать, что доносы населения немцам на членов партии были частым явлением.) После допроса Валентина направили в отделение лагеря для «знатных» пленных: немцы признали в нём сына Жданова. Со временем ему даже разрешали выходить в город; такое разрешение мало кому давалось.

Однажды в дом Зотовых, куда мы часто ходили в гости, явился Валентин в форме немецкого лейтенанта и сообщил, что отправляется в Берлин — выступать по радио. Прощаясь, он плакал — то ли потому, что покидал друзей и уходил в чужой лагерь, то ли предчувствовал недоброе. До Берлина Жданов не доехал. Нам сообщили из Ярцева, что партизаны остановили поезд и убили из всех пассажиров его одного. Какие это были партизаны — мы так и не узнали...

Но наш вяземский период продлился недолго. Перед отступлением немцев к нам приехал Г. С. Околович — проверить нашу организацию и дать дополнительные указания, в частности, кому нельзя оставаться в городе. Что касалось москвичей, то они собирались возвращаться к себе в столицу, понимая, однако, что Сталин может по-разному оценить их «вяземское сидение».

Как и во многих других городах, в Вязьме мы оставили подпольную организацию НТС с центральной группой для руководства остальными

ми, не связанными между собою группами. Позже мы получили от них весточку, что приход советской армии прошёл благополучно.

Меня Г. С. Околович направил после этого в Мстиславль, отсюда — в Рославль. Затем я оказался в Борисове, где находилась очень большая группа членов Союза, а неподалеку Д. Шульгин, сын В. В. Шульгина, и К. Болдырев успешно наладили сотрудничество НТС с партизанами. Много у нас было и потерь: из моих вяземских друзей позже погибли от рук немцев А. Супрунов, А. Хохлов, Коля Тёмкин (он был из Прибалтики)...

Юрий Луценко

«НРП — ТРЕТЬЯ СИЛА»

Мы в то лето 1942 г. месяц были в селе — на уборке урожая от института. По приезде отметили с горечью: как же быстро умирал наш Киев!

Людей стало совсем мало, особенно мальчишек. Кто-то сбежал в деревню, в лес, кого-то вывезли в Германию... А многих просто уже убили — просто так или как заложников за бесчинства «партизан».

Нам, студентам, предложили ехать в Германию добровольно. За неповиновение объявили террор. Ловили на улицах, в квартирах, во дворах. Сидеть дома было опасно: у них списки с адресами, родители в заложниках. Когда мы уходили из дому, мама, вытирая слёзы, крестила нас, меня — особенно. А когда мы с мамой уходили на обмен продуктов по сёлам, через леса вокруг, крестил нас на дорогу отец, считавший себя безбожником... Прощались, как насовсем.

Прежняя вера в счастье, в удачу растаяла. Когда и двоюродного брата увезли в Германию, и группу друзей расстреляли, да и сам я в последнее мгновение увернулся от гибели, в голове укрепилась мысль: если уж умирать, то не как телок на бойне, а по своему сценарию. Согласовал решение с Игорем — единственным из оставшихся друзей (у него положение было ещё сложнее моего).

Но тут, словно помощь свыше, в один из самых тяжёлых, напряжённых дней к нам приехал гость — более двадцати лет живший за «железным занавесом» крестник моей мамы, а мой двоюродный брат

Шура, Александр Иванович Кишковский. За одну ночь в темноте и без сна он сумел вернуть меня к жизни, вселить надежду и сделать меня совсем иным человеком. И ввёл меня в круг своих друзей, почти сверстников, из эмиграции, бойцов передового отряда посланников Народно-Трудового Союза.

Глеб Рар в своей книге «И будет наше поколение давать истории отчёт»³⁸ написал следующее.

Когда началась война 1941 г. Германии с СССР, первой мыслью каждого члена Союза (НТС) из стран Европы было попасть на родную землю, слиться со своим народом, найти с ним не только общий язык, но и единое биение сердца, вместе с ним идти навстречу всем превратностям войны. К этому звала совесть и сердце.

Первые члены Союза перешли границу буквально через несколько часов после начала военных действий.

Они были на это заранее нацелены своим воспитанием.

В Киеве к лету 1942 г. подобралась уже довольно большая группа членов НТС во главе с Николаем Федоровичем Шитцом — официальным переводчиком коменданта города. С фирмой «Эрбауэр» прибыли электрики: Борис Александрович Фомин, Мирослав Алексеевич Чипиженко, Олег Сергеевич Поляков, Клавдий Цыганов и Малик Ибрагимович Мулич (боснийский мусульманин, примкнувший к НТС). Ребята рвались к нам навстречу. Внешне — по поведению, привычкам — почти не отличающиеся от наших, «подсоветских», они были более сильными, дисциплинированными, тренированными... А кроме того, очень истосковались по Родине, которую никогда не видели.

* Из Варшавы с помощью Александра Эмильевича Вюрглера, руководителя польского отдела НТС, одновременно работающего и в Зондерштабе «Р», на юг Украины проездом прибыли Дмитрий Васильевич Брунст, Александр Иванович Кишковский и Сергей Иванович Бевад.

Вот они-то, используя свои родственные связи, и заложили основу нескольких молодёжных групп, подключив к ним меня, Игоря Николаевича Белоусова, Нину Семёновну Стратиенко, Ирину Владимировну Брунст, Светлану Сергеевну Томилину, Лидию Ивановну Еремееву, Игоря Лещенко. Я тогда, как за спасательный круг, ухватился за Народно-Трудовой Союз и навсегда связал с ним свою судьбу. Со временем ко мне присоединилась и 15-летняя сестра Нина.

³⁸ Рар Г. А. И будет наше поколение давать истории отчёт. Воспоминания. М.: Русский Путь, 2011.

А. Кишковский и С. Бевад очень рационально использовали время своей командировки. Они успели организовать несколько групп «союзников» и в других городах южной Украины. В Днепропетровске, например, они привлекли будущего председателя Совета НТС Евгения Романовича Островского (Романова). Несколько позже в Киеве появились Борис Иванович Оксюз и Александр Ипполитович Данилов. Город часто посещал и Евстафий Игнатьевич Мамуков, руководивший всей деятельностью НТС на Украине³⁹.

С приездом Данилова — не только хорошего организатора, но и прекрасного мастера липы с печатными делами — в городе интенсивно заработало подпольное ротаторное издательство. Нас с Игорем они сразу защитили от преследования полиции — обеспечили фиктивными справками о принадлежности к какой-то таинственной организации «неприкасаемых».

Но всё-таки работа в подпольной организации, основанная на политической учёбе, в то время как каждый день гибли наши мальчишки, а также односторонняя политическая агитация (исключительно против коммунистов, без выступлений против оккупантов) были мало понятны местным жителям, неактуальны в «подсоветской» среде. Во всём Украинском отделе НТС назрела острая необходимость корректировки политики. Чтобы, по словам Г. Рара, «почувствовать себя своими и слиться с народом оккупированной зоны».

И в феврале 1943 г. Н. Ф. Шитц с А. И. Даниловым съездили в Берлин для конспиративной встречи с руководителями НТС. Они неожиданно легко и быстро получили необходимое разрешение Председателя Совета НТС Виктора Михайловича Байдалакова на реорганизацию украинского отдела Союза, хотя это и было связано с огромной опасностью и ответственностью для обеих сторон.

К перестройке приступили с воодушевлением и сразу. Была образована новая политическая организация — «Народно-Революционная Партия (НРП) — Третья сила». Это уже давало возможность, не подвергая опасности основу всего движения НТС, привести в действие могучий рычаг — полномасштабную агитацию как против коммунистов, так и против немецких оккупантов.

А в связи с особой опасностью нового политического курса и для соблюдения тайны родственной связи с НТС (от этого зависели свобода

³⁹ Конечно, я перечислил только известных мне членов НТС из находившихся тогда на Украине.

действий и сама жизнь нескольких сот активных членов Союза в Берлине и в местах формирования частей армии Власова) был установлен и более высокий уровень конспирации. Пришлось также предусматривать особые меры, вплоть до добровольного ухода из жизни при угрозе провала.

Была принята краткая программа организации «НРП — Третья сила»: демократической направленности, без всякой зависимости от дружбы с «Великой Германией». Флагом был признан трёхцветный, русский, а отличительным знаком — цифра и буква — «ЗС» на фоне меча и флага.

При строгой секретности, с персонального согласия каждого из членов с большим энтузиазмом был совершён перевод региональных групп НТС в НРП. Сколько человек переоформили свой переход в НРП, трудно сказать, но не менее тридцати.

Винница. Расцвет деятельности НРП

А уже весной 1943 г., с приближением фронта к Киеву, центральной группе НРП (12–15 человек) пришлось перебазироваться из горящего города в областной центр на западе Украины, в Винницу. При том что город этот был переполнен эвакуированными и беженцами, а кроме того, там был введён особый режим из-за построенных вблизи подземных штабных бункеров Гитлера и Геббельса.

Штаб НРП с общежитием и ротаторную типографию пытались разместить на разных частных квартирах. (Мои родители даже пригласили в арендованный ими дом Данилова, Мулича, Фомина и Чипиженко. Некоторое время мы довольно весело жили все вместе цыганским табором, но это было очень опасно.) Наконец для этой цели нашли заброшенный склад металлолома в железнодорожном тупике. С новой базы начался и новый этап ещё более успешного и интенсивного «челночного» разъезда представителей НРП по регионам. При оперативном подсчёте к концу лета 1943 г. участки Организации имелись не менее чем в 50 городах и населённых пунктах.

Этому успеху способствовала волна народного возмущения. Её вызвала широкая, на всю Европу, немецкая пропаганда раскопок могил почти десяти тысяч местных жителей, казнённых коммунистами в 1937–1938 гг. Местные жители, ожидавшие своих близких из заклю-

чения, отыскивали их документы и трупы, извлечённые из братских могил. Торжественное перезахоронение происходило в присутствии народа. Руководители подпольного обкома коммунистической партии, сразу лишившиеся поддержки соотечественников, были немецкими спецслужбами выявлены и уничтожены.

Организаторам нового состава советского подполья пришлось признать факт незаконных расстрелов и начать корректировку своей политики — уже в согласии с линией НРП. И они оказали нам очень ценную помощь по связи с партизанами, по доставке в леса и населённые пункты области литературы «Третьей Силы». Помогали они и через «своих людей», печатая в городской типографии небольшие партии наших листовок. Ненависть к большевикам росла и в других регионах. Лозунги «Третьей Силы» были так понятны и близки народу, что листовки распространялись самостоятельно, без непосредственного участия «челноков» НРП.

Сильные, в несколько звеньев, региональные группы были созданы в Знаменке, Умани, Днепропетровске, Кировограде, Одессе; в Крыму — среди мусульман (при содействии Малика Мулича) и среди казаков (под руководством Сергея Бевада, с помощью связного Олега Полякова). Цыганов с тем же Поляковым создали группу НРП в Локотской самостоятельной республике. Борис Оксюз осуществлял постоянную связь с отрядами партизан, а Мирослав Чипиженко с моей помощью наводил контакт с коммунистическим подпольем в самой Виннице. Только в 1944 г., уже во Львове, я познакомился с работавшими в мою пору в Виннице Давиденко (из Знаменки), Сусанной (позднее она стала женой Данилова), Алексеем Исаевым и Сергеем Куприяновым. Были и другие, оставшиеся мне неизвестными, деятели, каждый со своей активной политической линией.

К середине 1943 г., несмотря на активные действия усиленного гарнизона немецких спецслужб (из-за строительства около Винницы штабного бункера Гитлера и частых посещений города самим фюрером), создалась очень благоприятная обстановка для объединения масс народа с политическими организациями. По оперативным подсчётам штаба, в активе Организации насчитывалось уже (в основном на территории Украины) около 130 активных групп с более чем 500 членами НРП. Лозунг «Третьей Силы» был настолько актуальным на оккупированной территории, что появлялись и группы совсем автономные, не имеющие связи с Организацией.

Кроме того, от советских подпольщиков пришло известие о расколе партизан на севере области: от крупного отряда под знаменем «Третьей Силы» отпочковались двенадцать человек. Но отыскать их так и не удалось.

Организация питания, быта, «челночных» командировок

Если в Польше и Западной Украине немцы вели себя более или менее цивилизованно (несмотря на войну с польской Армией Крайовой, бойцы которой бились за сохранение своих городов и архитектурных ценностей), то в Восточной Украине всё происходило иначе. Советские партизаны и подпольщики, выполняя приказ Сталина, взрывали дома, жгли всё, что могло гореть, совсем не считаясь с жертвами среди мирных жителей. Оккупанты, называвшие территорию «основного» СССР «страной дикарей», проводили политику ответного террора. В городах люди голодали; магазины и столовые не открывались, транспорт обслуживал только немцев, не было ни воды, ни электричества.

Ненависть к оккупантам росла с каждым днём. Возникла необходимость особых мер и в организации подпольной деятельности. Они были смоделированы общими усилиями: в центре Организации постоянно находится один человек, руководитель — А. И. Данилов (Некрасов), и регулярно сменяющиеся два-три члена из мобильного состава.

Во время передышек между поездками «челноки» приводили себя в порядок, обменивались информацией, готовили запас агитационного материала. Данилов был больше советником и носителем информации, нежели начальником и командиром в общем понимании. «Челноки», советуясь с ним, чувствовали большую ответственность и сами определяли и направление своих поездок, и их длительность. Данилову приходилось также производить техническое обслуживание и ремонт ротаторов, заботиться о запасе бумаги, организовывать заготовку оттисков текста на восковках. Ещё он вполне квалифицированно готовил комплекты фальшивых проездных документов, так как был ко всему прочему талантливым художником. Во всех поездках, обеспечив себя соответствующими документами, Данилов возил с собой компактные пишущие машинки с немецким и русским шрифтом. Техническую работу машинистки в Киеве, в Виннице и даже одно время во Львове обеспечивала тогда 15–17-летняя Нина Стратиенко.

В 1943 г. ненавязчивое, но действенное прикрытие членам Организации, а также связь с Центром НТС осуществлял Евстафий Игнатьевич Мамуков, бывший руководитель одного из центров Зондерштаба «Р». С ним я встречался (но, по закону конспирации, не знакомился) на базе подпольщиков в Виннице.

Командировочные удостоверения (маршбefeли) в немецкой армии считались документом очень широкого значения. Они давали право бесплатного проезда на любом виде транспорта, служили основанием для выдачи продуктового пайка, предоставляли места в солдатской гостинице, заменяли талон в баню и на санитарную обработку. Это было очень удобно для подпольщиков. Отметки об использовании коммунальных услуг с питанием в дороге придавали липовому листку дополнительную достоверность. А «удостоверение» с формулировкой «ещё один (два-три) человек», как принято было в немецкой армии, давало возможность не только не голодать, но и создавать некоторый продовольственный запас и даже подкармливать друзей в регионах.

Невзирая на нелёгкие условия «челночных» поездок, все члены НПП очень тщательно следили за своим внешним видом: были бодры, опрятны, чисто выбриты, даже с запахом одеколona — выше «офицерского» уровня. А ведь приключались и с ними неприятности и болезни, духовные срывы и травмы. Бывало и просто плохое настроение, и страх перед опасностью. Однако опыт, закалка, дружба, взаимная поддержка помогали держать себя на должном уровне. Главные черты всех участников Организации — целеустремлённость и огромная энергия борьбы.

Закат НПП

Несмотря на усиленное внимание немецких спецслужб в этом регионе и активность Центра НПП, провалов в конспирации её членов в ту пору не случалось. Печальными исключениями стали два события. В августе местная полиция Умани задержала по доносу Б. Фомина с листовками «Третьей Силы». Его выручил Е. И. Мамуков, используя свой авторитет и удостоверение центра Зондерштаба «Р». А в октябре 1943 г. кто-то с листовками НПП устроил провокацию отряда казаков в Проскурове. В вооружённом конфликте гестаповцев с казаками при невыясненных обстоятельствах тогда погиб С. И. Бевад.

Мы знали, что немецкие спецслужбы уже накопили достаточно улик и скоро выйдут на нас. Из предосторожности ядро НРП пришлось перебазировать в Одессу, город в румынской оккупационной зоне. Руководство организацией там принял на себя Е. И. Мамуков. Подпольщики арендовали помещение и зарегистрировали кафе на одной из центральных улиц. «Челночные» выезды ещё продолжались, включая и установление связей с «дикими» (без коммунистов) партизанскими отрядами. Но и в Одессе становилось всё более опасно: к надзору за кафе кроме румынской «сигуранцы» пристроились ещё и коммунисты. И Данилову (в Одессе он жил под фамилией Некрасов) со штабом НРП в декабре 1943 г. пришлось срочно перебраться во Львов. Восточная Украина вместе с группами и ячейками Организации оставалась за линией фронта. Во Львове на улице Зелёной в арендованном помещении протезной мастерской собиралось человек по 12–15 подпольщиков НРП. «Челночные» выезды сузились до городов Самбор, Жешув, Стрый. Там из военнопленных, находящихся в клинике при мединституте, и из эвакуированных было создано несколько подпольных групп «Третьей Силы».

Пришло время менять тактику и основную борьбу вести против коммунистов. Начали искать способ, как единым отрядом перебазироваться за линию фронта, в глубокий советский тыл.

Первая попытка перехода фронта

Возможность представилась подозрительно быстро. Дело в том, что в начале 1944 г. некоторым немецким разведшколам, размещённым на оккупированной территории, по причине отсутствия кандидатов в диверсанты грозила полная ликвидация с отправкой на фронт обслуживающего персонала. И полковник — начальник такой школы в городе Жешув — через посредников предложил забросить в советский тыл отряд без регистрации его членов и даже без выяснения их политической направленности. Но первая же попытка совершить операцию поставила оставшуюся группу Организации на грань провала.

В начале апреля Данилов во главе отряда (всего 11 человек) прибыл в Жешув. (Малика Мулича с нами уже не было: его как иностранца Данилов отправил в школу РОА в селе Дабендорф в Германии.) Всё, казалось бы, шло удачно, в соответствии с договорённостью. Но тут руководители разведшколы что-то между собой не поделили. И ка-

питан, помощник полковника, неожиданно заявил в гестапо о нарушении установленных правил. Трое суток мы провели на их базе под домашним арестом и под угрозой полного нашего разоблачения и «самоликвидации». По счастью, полковнику, которому тоже пришлось бы держать ответ за незаконную операцию, удалось за несколько часов до прибытия гестаповцев услатить нас за Краков, в рабочий лагерь.

В машине Олег Поляков и Мирослав Чипиженко обвинили Данилова в грубой ошибке, приведшей к риску для всего состава оставшейся команды НРП. Чипиженко отказался ехать дальше на запад, спрыгнул на ходу и отправился в сторону фронта — искать своих друзей среди партизан. Семерых из нас сопровождавший команду фельдфебель поместил в рабочий лагерь при строящемся аэродроме около села Могила. Данилов же с женой и Олег Поляков отправились в Краков — искать новые возможности для нашей борьбы. Ехать на запад никто из нас не хотел, все были настроены на любой вариант движения, но «только домой» — только на восток.

В июне 1944 г. наших старших, опытных бойцов (Фомина и Цыганова) из лагеря отозвали. Они в составе отряда Локотской республики под командой Георгия Ефимовича Хомутова, оснащённые литературой «Третьей Силы», перешли фронт и двинулись вглубь территории. Однако вскоре на лесной дороге попали в засаду советской контрразведки — СМЕРШ. В перестрелке Г. Е. Хомутов погиб, остальные были взяты в плен.

Только в сентябре 1944 г. мы смогли начать в разведшколе подготовку для переброски в тыл советской армии. А в декабре отряд молодых бойцов НРП из последнего резерва (Ю. Луценко, И. Белоусов, П. Иванов — Павел Павлович), пополненный добровольцами из военнопленных, на самолете от Краковской разведшколы был переброшен через фронт и выброшен с парашютами.

Мы прекрасно понимали, насколько рискованна эта операция. Знали (больше других) о своей неподготовленности, о природных условиях в зимнее время, о несоответствии нашей одежды. Не надеялись на высадку в лесном районе, на встречу с дезертирами или отрядами «зелёных» партизан. Но мы возвращались к себе домой. И другого времени для этого у нас просто уже не было. Мы не знали только, что нас там уже ждут... В лесу Брянской области отряд попал в капкан, расставленный контрразведкой СМЕРШ, правда, совсем не для нас, а для другой диверсионной группы. Аркадий Серафимович,

наш радист, работая уже под контролем чекистов, ценой своей жизни сумел сообщить Данилову, который был готов сразу следовать за нами, что наша группа погибла...

Еще одна группа из пяти человек (Е. Манохина, С. Яковлев, Н. Угрюмов и братья Соловьёвы) была высажена — и тоже неудачно — в Чехословакии. В живых осталась одна Елена Георгиевна, остальные погибли при перестрелке.

Сам Данилов с несколькими оставшимися бойцами, так и не открыв свою принадлежность к НРП, ушёл на территорию Западной Германии.

Так завершилась первая часть истории «НРП — Третья сила», программа которой практически соответствовала краткому изложению Конституции РФ 1993 г.

А во второй части всё уже так мало зависело от нашей воли... Началось противостояние в одиночку всему следственному аппарату СМЕРШ и КГБ... Борьба за выживание в отдалённых углах ГУЛАГа, где каждого из нас ожидали «особые» условия, по решениям Особого Сопещения при МВД СССР.

Как ни парадоксально это сейчас звучит, но нам, согласно развёрнутой программе НРП (по словам Г. Рара), ценой жизни удалось слиться со своим народом, найти с ним не только общий язык, но и единое биение сердец, вместе с ним идти навстречу всем превратностям судьбы. К этому звала совесть и сердце.

* * *

«Если враг не сдаётся, его уничтожают» — постоянно в качестве аргумента напоминали нам слова Горького. Сдаваться на милость победителя мы не хотели, сопротивлялись, как только могли, часто — для себя самих — проявляя героизм и мужество. Из-за отказа «сотрудничать со следствием» в личном деле каждого из моих товарищей кроме официальных приговоров Особого Сопещения имелась ещё и так называемая чёрная метка — особое мнение следователя, означавшая не только заключение в самых тяжёлых условиях, но и особое внимание властей в последующие периоды жизни.

Всех нас, оставшихся в живых, независимо от приговоров освободили по амнистии в 1956 г., после отбытия 11–12-летнего срока. Но в продолжение расчётов с КГБ у нас оставались ещё ссылки в необжитые места, «закрепление за производством» и дальнейшее существо-

вание с отметкой в паспорте, под постоянным контролем «органов», в окружении соглядатаев, сексотов и провокаторов.

В моём варианте это 11 лет лагерей и тюрем (из них 7 лет штрафных и строгорежимных) и 8 лет (из постоянного проживания) ссылки в Томскую область.

А значительно больше того — 8 лет отдалённых лагерей и 8 лет ссылки сестре и 17 лет ссылки родителям...

Мы с товарищами утратили всякую связь друг другом, но свято оберегали даже от самых близких все секреты конспирации НРП.

* * *

В 1953 г. мне представилась возможность ещё раз увидеть своих товарищей.

Нас, оставшихся к тому времени в живых, чекисты свезли, словно на торжественный съезд, из самых дальних лагерей в Винницу. Поместили в отремонтированные, чистые камеры внутреннего корпуса тюрьмы. Мне через щель в оконном щите удалось тогда увидеть своих: Олега Полякова, Бориса Фомина и Мирослава Чипиженко — они гуляли во дворике под самыми нашими окнами. А в коридоре я услышал, как специально для сигнализации повышенными голосами называли по фамилиям Бориса Оксюза и Клавдия Цыганова.

Восемь месяцев нас кормили как в санатории (после скудной пищи отдалённого Севера), своевременно водили на прогулки и в баню, еженедельно меняли нам постель. Иногда, точно для развлечения, вежливые, молодые следователи вели с нами душещипательные беседы... А в конце лета 1954 г., так и не предъявив никаких обвинений и ничего не объяснив, отправили нас всех врозь (чтобы, не дай Бог, не встретились) опять по своим отдалённым лагерям. Зачем?

Старый бендеровец, сотоварищ по обратной дороге, предложил ответ на этот вопрос. Мол, чекисты в ответ на критику из-за «железно-го занавеса» расстрелов 1937–1938 гг. запланировали в Виннице показательный процесс. Нас вкуче с бендеровцами и полицией собирались обвинить в расстрелах десяти тысяч раскопанных жертв, сместив это событие на три года (с 1938-го на 1941-й). Внезапная смерть Сталина и Берии поломала их расчёты, и начальник Винницкого НКВД со своим аппаратом уже сидели тогда в Киевской внутренней тюрьме.

Если это так (а я в этом уверен), то намеченное зло Господь Бог преобразил в добро — для восстановления духа и здоровья десятков страдальцев.

Константин Болдырев⁴⁰

ОРГАНИЗОВАТЬ РУССКИЙ КУЛАК...

В Союз я поступил в 1932 г., после Второго съезда, благодаря моему брату Василию, жившему в Софии. Активный молодёжный деятель, он был членом центрального правления НТС в Болгарии, но скончался в 1933 г. в возрасте 25 лет. Живя в югославской провинции, я поддерживал связь с центром НТС в Белграде, но сам там бывал редко. Я работал инженером на рудниках — то на Капелонике, то на Крупне. Рудники эти принадлежали английской компании «Consolidated Mines». Перед началом войны директор бежал, и на меня взвалили всю ответственность; главную контору рудников я перенёс в Белград. Тут у меня с руководством Союза наладилась более тесная связь, однако немцы меня скоро арестовали. Дело в том, что рудники наши добывали стратегически важный металл — сурьму (антимон). Ещё до начала войны, когда Югославия была нейтральной, немцы сильно давили, чтобы поставки шли им, а не англичанам. Югославы создали государственный комиссариат «за руды и металл», который старался удовлетворить и тех и других. Но заявки на закупки должны были делаться по ценам британской биржи, немцы на этом часто проигрывали, и на меня точили зуб. В довершение всего, когда начались военные действия, я приказал остановить на наших рудниках насосы.

⁴⁰ Интервью взял Б. С. Пушкарёв.

Константин Васильевич Болдырев (26 июля 1909 г., г. Гатчина Петербургской губ. — 15 июля 1995 г., Валлей-Коттедж, Нью-Йорк, США). Инженер-строитель, общественно-политический деятель. Отец, генерал-лейтенант Василий Болдырев, командовал силами Уфимской директории в 1918 г., служил у Колчака, расстрелян в СССР в 1932 г. Сын с 1922 г. в эмиграции, жил в Шанхае, затем в Югославии. Окончил Русский кадетский корпус в Белой Церкви, строительный факультет Белградского университета. Работал в управлении горнорудной компании. В 1942 г. открыл филиал строительной фирмы «Erbauer», работавший в Белоруссии. После конца Второй мировой войны вывез русских из лагеря в Нидерзаксверфен с территории, отходившей под советскую оккупацию, в американскую зону оккупации. Там создал лагерь «Ди-Пи» (перемещённых лиц) в Менхегофе. Спасал пленных русских от выдачи советским властям, в частности, отправляя их на работу в Марокко. Для их трудоустройства в 1947 г. в Касабланке создал геодезическую фирму. С 1948 г. проживал в США, преподавал в Джорджтаунском университете. Был председателем Северо-Американского отдела Народно-Трудового Союза (НТС), членом Совета НТС с 1955 по 1982 г. Его дочь Елена (Дёка, в замужестве Семлер) была женой американского дипломата, много лет работавшего в Москве.

Здесь можно упомянуть, что короткое время я служил добровольцем в Югославянской армии. После первой бомбёжки Белграда Кирилл Вергун, Алик Шармазанов и я очутились в одном из пригородов Белграда и пошли регистрироваться в местное военное управление. Кирилл и Алик были югославянскими подданными, приписанными по месту жительства к военным округам в Белграде и Мариборе, куда их и направили. Меня же, как бесподданного, приняли на месте, и я попал в седьмой Гвоздени плк (Железный полк). Там была целая группа русских — и военнообязанных, и добровольцев, как я. Мы прошли всё отступление от Белграда пешком, под постоянными бомбёжками, по-над рекой Савой. Были у нас старые винтовки и одна-единственная лошадь. При первой встрече с разъездом немецких броневиков стало очевидно: сопротивление бессмысленно. Я сказал нашему полковнику, что готов воевать за Югославию, но в плен идти не готов. И он меня и ещё группу русских отпустил; мы пришли на мой рудник, где я раздал рабочим винтовки, а сам переоделся в гражданское.

Когда я вернулся в Белград, за столом в моей конторе уже сидел немецкий комиссар из компании «Preussag». Насосы на наших рудниках справлялись с нормальным притоком воды, однако они не работали больше трёх недель, и когда немец вступил в свои права, рудники оказались залиты. Как только я явился в контору, меня обвинили в саботаже, и гестапо посадило меня в тюрьму.

Без официальных бумаг членам НТС в оккупированной России приходилось всё труднее: росло партизанское движение, и немцы усиливали контроль. Наши изыскивали самые разные прикрытия. В частности, возникла мысль создать собственную строительную фирму. С этой целью Мамуков достал мне бумаги, и летом 1943 г. я отправился из Вены в Варшаву. Там на квартире у Ивана Ивановича Виноградова я провёл недели две. Он вспомнил, что в Брест-Литовске живёт полковник Ермолов, который ещё при поляках держал небольшую строительную фирму. Кадровый офицер в Белой армии Юденича, в конце Первой мировой войны он был назначен связным с немцами. И на этой должности познакомился с одним молодым тогда немецким офицером, который впоследствии сделал большую карьеру. Когда началась Вторая мировая война и немцы заняли Польшу, Ермолов встретился со своим давнишним знакомым, и тот устроил ему немецкий патент на фирму «Erbauer» («Строитель»). Фирма занималась ремонтом разных гражданских сооружений в польском генерал-губер-

наторстве. Ермолов, хорошо относившийся к Союзу, согласился взять меня в качестве совладельца, с тем чтобы я открыл филиал «Erbauer» в Белоруссии.

Ермолов благодаря своим связям раздобыл для меня нужные бумаги, с которыми я приехал в Минск. И явился к Георгию Сергеевичу Околовичу, который оттуда руководил союзной работой в Центральной и Северной России. Околович создание фирмы, естественно, приветствовал и попросил Игоря Юнга помочь мне уладить необходимые формальности. Фирма должна была работать на восстановление города, и таким образом я вошёл в контакт с местным городским управлением; фактически я стал подрядчиком городского управления (с немцами мне редко приходилось иметь дело). Первое время мы налаживали работу: чинили водопровод, копали канавы, клали новые трубы, занимались мелким ремонтом зданий. Техническим директором я назначил Павлика Зеленского, давнего члена Союза из Люблины, а Иван Иванович Виноградов, смелый, энергичный человек, стал административным директором; работал у меня и Коссовский — мы нашу липу давали многим членам Союза, чтобы как-то их легализовать.

Осмотревшись и наладив дело, я решил заняться тем, что меня больше всего интересовало: разъездами, встречами с людьми и знакомствами. Сперва я на поезде отправился в Слуцк, там в городском управлении работала некая Анюта. У неё была большая старорежимная семья, муж на фронте. Мы легко нашли общий язык, и отсюда у меня пошла целая цепочка знакомств в разных местах. Так, я познакомился с одним советским инженером. У него был газик, на который он поставил газогенератор, работавший на древесных чурках (как принято было на гражданском транспорте в то время). Инженера я тоже принял в свою фирму и оформил бумаги на его грузовичок, дававший право ездить на нём в соседние города. Это было гораздо удобнее, чем на поезде, а кроме того, позволяло добираться в сёла. Там меня интересовала молодёжь, у которой, в частности, могли быть связи с партизанами. Шофёром на газике работал Федя — хороший, верный парень, хотя и не член Союза. Его дядя жил в селе, где не хватало соли. Я решил, что лучше всего налаживать отношения на коммерческих началах: в городе соль раздобыть не составляло труда.

Ехать к Фединому дяде надо было по шоссе на Борисов и, не доезжая до него километров десять, свернуть на просёлочную дорогу. Время уже началось нервное — 1943 год; шоссе патрулировали немцы на машинах

или мотоциклетах, проверяли бумаги; каждые 10–15 километров стояли немецкие форты, где и жили патрульные. На ночь они там запирались, но по ночам ездить вообще запрещалось. Я мог бы оправдать поездку в Борисов, но причин для поездки в деревню у меня как будто не было. Поэтому из Минска мы старались выезжать так, чтобы около Борисова оказаться к вечеру, когда начинало смеркаться. Подъехав к повороту на боковую дорогу, делали вид, что у нас какая-то поломка — колесо менять надо или газогенератор барахлит. Если подъезжал немецкий патруль, мы объясняли: мол, такой вот рещ (невезение), скоро починим. Немцы предупреждали: опасность, партизаны, скоро комендантский час. Когда их патруль скрывался за холмом, мы сворачивали с шоссе и ехали в Смолевичи, где немцы появлялись очень редко.

На окраине этого довольно большого посёлка и жил Федин дядя, Фёдор Степанович Старченко — человек пожилой, невысокого роста, коренастый, с карими глазами и седеющей бородой. Он был солдатом в Первую мировую войну и хорошо помнил дореволюционные времена, когда у него имелось сравнительно зажиточное хозяйство. Он любил землю и хотел ею владеть. Фёдор Степанович сильно пострадал во время коллективизации, но потом оправился, даже вошёл в сельсовет. Он надеялся, что с приходом немцев землю крестьянам вернут, и был сильно озлоблен и против советского режима, и против немцев. Но колхозы всё-таки стали уже не те, что при Советах: контроль ослабел и крестьяне, в общем-то, делали что хотели. Хотя условия были очень трудные: при отступлении Советы в этих местах перебили почти весь скот. При первой встрече я Фёдору Степановичу оставил соль, которую он с удовольствием взял. Мы поговорили на общие темы, я упомянул, что я эмигрант, хотел бы познакомиться с местной молодёжью; мы друг к другу прониклись доверием и у нас завязались хорошие отношения.

В нескольких километрах от дома Фёдора Степановича была другая деревня, небольшая, прямо под лесом, в неё немцы вообще никогда не заглядывали. Туда приходили ребята, которые скрывались в лесу: не потому, что они выступали за советскую власть, а потому, что не хотели ехать на работы в Германию. Среди таких скрывавшихся от немцев были и внуки Фёдора Степановича. Во второй мой приезд он мне с этими ребятами устроил встречу. На этот раз я уже с собой привёз литературу НТС и соль снова привёз — в лесу она ценилась ещё больше, чем в деревне. Беседа прошла очень хорошо и искренне, мы договорились встречаться и впредь. На второй или третий раз они привели с собой

одного человека из партизан, который у них был как бы старшим. Он старался защищать советскую власть, хотя и утверждал, что после войны колхозы отменят. Он видел нашу литературу, знал, кто я, и разговор наш закончился как-то нейтрально-двусмысленно. Но с молодыми ребятами мои встречи продолжались.

На ночь я оставлял газик в сарае у Фёдора Степановича; всю ночь мы вели беседы, а чуть свет я направлялся в Борисов, чтобы официально оправдать свою поездку. Мешки с солью мы обычно везли на дне грузовика, засыпав их древесными чурками, а поверх уложив доски или строительный инвентарь. Иногда через Смолевичи я ездил в Бобруйск, где городским головой был Гандзюк, член НТС из Чехословакии, фигура в какой-то мере карикатурная, но в целом человек добрый и покладистый. Фактически я в Минске проводил меньше времени, чем в разъездах. Помимо молодёжной группы около Смолевичей у меня возникло много разных контактов, главным образом через Анюту из Слуцка.

В начале июня 1944 г. стало ясно, что немецкий фронт не удержится, и встал вопрос, как тех из наших людей, кто не мог оставаться на месте, в подполье, эвакуировать на запад. В Минск съехалось много союзников из соседних городов, всего с членами семейств и детьми человек 150. Они, конечно, могли бежать кто как мог — на поездах, пешком, на волах. Но важно было сохранить эту группу, вывезти её целиком.

Мне пришла в голову мысль везти всех в Вену. Там у меня был старый знакомый, полковник Манакин из Загреба. Он работал в хорватской фирме, которая возводила алюминиевый завод «Leichtmetall» под Веной. Строительство это считалось в какой-то мере *kriegswichtig* (важным в военном отношении), но не первой категории, поэтому рабочую силу для него искали на свободном рынке. Рабочими шли преимущественно хорваты, приехавшие добровольно. Но когда произошла высадка в Нормандии и участились бомбардировки Вены, хорваты эти стали разбегаться по домам. Дирекция пришла в отчаяние: остановка строительства означала, что их всех призовут в армию.

Административным директором на заводе был Маркс, здоровый, тучный немец, щеголявший не простым партийным значком, а с золотой каёмкой — крупный номенклатурный работник. Я отправился к нему через Манакина и объяснил, что у меня фирма «Egbaueg», что фирма эта венская (я на бланках ставил свой венский адрес) и что работы в Минске у нас кончаются. Он очень заинтересовался.

Я же внутренне сжался. Что будет, когда я привезу ему «рвань Петра Амьенского»: 150 жён, детей, каких-то интеллигентиков, один лишь Георгий Сергеевич за рабочего сойдёт? Но делать нечего... Я сказал, что мне нужны маршбедели (путёвки) и чтобы военные власти выдали нам необходимый транспорт, правда, точно имён и фамилий я указать не могу. Связи у Маркса были громадные, и он мне всю документацию быстро обеспечил. Вместе со мной в Вену приехал Иван Иванович Виноградов. С ним мы и тронулись в обратный путь через Варшаву. Меня продолжала терзать мысль: а где же я всё-таки возьму настоящих рабочих? В Варшаве первая жена Ивана Ивановича (очень милый человек, подруга Ирины Сергеевны Гараниной) подала нам мысль: около Лодзи есть лагерь «Утрата», для бывших немецких легионеров, инвалидов и выздоравливающих. Я послал Ивана Ивановича в Минск организовывать отpravку, а сам отправился в Лодзь.

Приехал я в «Утрату», а там пропагандистом от школы РОА в Дабендорфе оказался наш член Союза Евгений Иванович Гаранин (Арбенин). Мы видели друг друга в первый раз, но сразу сдружились. Его начальнику, симпатичному балтийскому немцу, я изложил обстоятельства дела. Он согласился созвать общее собрание лагеря, перед которым я выступил. Вечером объявили запись. Был там такой русский немец, Дубин, из Поволжья, очень энергичный, он взялся мне помогать. Приходили всякие — один косою, другой хромою, но человек 75 набралось. Вдруг — приказ: остановить запись. Пришла телеграмма: «Alles, was Beine hat, nach Herman Goering-Werke!» («Все, у кого целы ноги, на заводы имени Германа Геринга!»). Я в панике к начальнику лагеря: «Позвольте, ведь у меня уже выписаны маршбедели, как я могу этих людей отпустить?» Он сказал: «Ладно. Чтобы завтра утром никого из них здесь не было!» На рассвете Дубин отвёл мою команду на вокзал Литцманштадт (Лодзь), и я представил свои документы начальнику станции. Тот кричит: «Что вы, ни о каких вагонах и речи быть не может! Могу запросить через пару дней...» Но ребята рассыпались по перрону и, когда подошёл нужный нам поезд на Вену, взяли его штурмом, несмотря на крики протестующей публики. Впрочем, все они были в военной форме, у многих — знаки отличия за ранения, а того, что они русские, на них не написано, так что люди в набитых битком вагонах потеснились, и мы доехали благополучно. В строительный лагерь Дубин ввёл всю команду строем, и бараки им тоже пришлось занимать явочным порядком. Но Маркс был доволен

и недели через две, когда пришёл наш транспорт союзных семей из Минска и Варшавы, не удивился ни женщинам, ни детям. Всего нас в лагере под Веной собралось человек триста, и те, кто был трудоспособен, начали работать на стройке «Leichtmetall».

Тут до нас докатилась весть: 24 июня в Берлине всё руководство НТС — Байдалаков, Брунст, Вергун, Поремский и многие другие — арестовано гестапо. Георгий Сергеевич Околович состоял членом запасного центра и рвался в Берлин. Я его уговаривал ни в коем случае не ехать, а создавать запасной центр в Вене, но безуспешно. К нему присоединился Ольгский, и 14 сентября оба, вместе с жившим тогда в Берлине Евгением Романовичем Островским из Днепропетровска, тоже были арестованы.

У нас в лагере «Берг» жила Вера Вергун, жена Кирилла. Она во что бы то ни стало тоже стремилась в Берлин, на свидание с мужем. Я решил поехать с ней. Мне нужно было повидать генерала Трухина: завязать контакт, чтобы обеспечить нашему лагерю прикрытие со стороны Власовского движения, которое после двух лет бесплодных переговоров наконец поднималось на поверхность. В Берлине мы остановились у Геккеров. Я с Верой пробрался в тюрьму на Alexanderplatz, видел Кирилла Вергуна, Брунста, Поремского и Байдалакова. Надо сказать, что у них оказался приличный следователь (он после войны во Франкфурте жил), мы могли между собой поговорить и обсудить наши дела. Потом я от их имени отправился к Трухину. Он сказал, что его интересует в основном армия. Я отвечал, что есть много людей, которые для армии непригодны, и важно организовать русский кулак не только из военных. В принципе, он к этой идее отнёсся положительно, познакомил меня с Власовым. Затем мы с Верой вернулись в Вену.

В сентябре 1944 г. через Австрию стали проходить эшелоны казачков. Они двигались в Италию, вёл их атаман Даманов. Он был хороший человек, не то что Краснов, и стремился к объединению с Власовым. При казачьих частях было много гражданских лиц, и мне хотелось их тоже привлечь в наш лагерь. Я встречался с атаманом Дамановым, делился с ним своими соображениями насчёт общего кулака, удивлялся: зачем вам в Италию, надо к Власову идти! Он объяснил, что находится под командой немецкого генерала фон Паннвица и ограничен в своих решениях, но обещал поддерживать с Власовым тесный контакт — и действительно старался это делать. Часть его обо- за влилась в наш лагерь.

При штабе Даманова я наблюдал много колоритных картин. Стоят бородачи, старики, георгиевские кавалеры, в бескозырках, в лампасах — прямо с картинки «Казак Кузьма Крючков». Пахло старой Россией. Некий Семёнов (он потом около Чикаго поселился и стал богатым фермером) привёз с собой человек 15 на арбах с Кубани. Они прошли всю Россию и приехали в наш лагерь под Веной.

Поздней осенью 1944 г. стало очевидно, что и Балканский фронт трещит и что из Вены пора уезжать. Что делать? Я к Трухину: помогите мне перевезти людей. Он отвечает: этого мы не можем. Между тем я в Праге познакомился с инженером Губиным (у него, кстати, работал Шишка Горачек). Его инженерная фирма работала в Нидерзаксверфене, в Саксонии, где строились подземные заводы, выпускавшие баллистические ракеты V-2. Там неподалёку находился концентрационный лагерь «Дора», но рабочих рук все равно не хватало. Я его спрашиваю: «Нельзя ли нам как-нибудь перебраться к вам в Саксонию?» Он говорит: «Я вам пришлю оберштурмфюрера Бруно, который этим делом заведует». Приехал этот Бруно в Вену; мы ему устроили попойку на шикарной квартире одного отставного генерала, в которой жил Борис Барский. Как он туда попал — не помню, но факт тот, что он дома носил генеральскую шинель вместо ночного халата. На следующий день Бруно явился в «Leichtmetall» и учинил им скандал: мол, разве можно, чтобы русские тут устраивали себе собственную вотчину, я их забираю к себе в Саксонию.

Сначала я туда поехал — обследовать положение. Обстановка мрачная, приемлемых жилых помещений нет (их надо было сначала самим построить), а уже поздняя осень, начинаются холода. Но цель перед нами стояла простая: как можно дальше продвинуться на запад, и выбора у нас не оставалось. Нам, НТС, как русской организации, доверились сотни русских людей, и мы не могли бросить их на произвол судьбы. Лагерь начали переводить поэтапно: пока одни строили бараки, остальные оставались под Веной. Бруно обеспечил нас строительными материалами, а управление объединённых инженерных фирм, работавших в этом районе, содействовало при постройке барakov.

Пока велись переговоры о переезде, прошло 14 ноября и в Праге был провозглашён Власовский манифест. Я на собрании в Пражском замке тоже присутствовал. Событие это вызвало большой эмоциональный подъём. Рассуждая трезво, все понимали: исход войны решён, и шансов на победу у Власова нет. Иначе бы мы не стремились переезжать в Нидерзаксверфен. Но такие трезвые мысли все мы тогда

старались загонять в подсознание, слишком сильной была надежда: а вдруг действительно всё переменится, Власов начнет разворачивать свои дивизии, фронт откроется, начнётся триумфальный поход, и все мы в это дело вольёмся...

Алексей Кулыгин

От ДАБЕНДОРФА ДО ВОРКУТЫ⁴¹

О себе

Родился я, Алексей Маркович Кулыгин, в семье крестьянина села Николаевка Алтайского края в 1924 г. Образования не закончил, был призван в армию и в июле 1941 г. оказался на фронте, вторым номером у «Максима». Детей в СССР с раннего возраста приучали к войне. ГТО и прочие программы сделали своё дело, я владел стрелковым оружием, и мне сразу доверили пулемёт.

Осенью 1941 г. армия попала в окружение под Киевом, и я в числе многих выбрался из него. В сентябре мне присвоили звание сержанта, а в 1942 г. после месячных курсов младшего лейтенанта и я был назначен в свой же 334-й полк 47-й стрелковой дивизии, где оставался, пока летом 1942 г. не попал в окружение под Харьковом. Я находился в окопе, рядом разорвалась бомба, засыпав меня землёй. Товарищи заметили мою руку и откопали меня. Вокруг уже стояли немецкие автоматчики и нас взяли в плен.

Начались «хождения» по лагерям военнопленных. Харьков, Владимир-Волынский, Брест, Ченстохова, Хаммельбург, Регенсбург, Нюрнберг, Хаммерштайн и, наконец, Норвегия. Особых мук в плену я не испытал: голода, холода, нужды я нахлебался под завязку ещё мальчишкой в годы коллективизации. В Бресте перед отправкой в Германию нас тщательно осматривали — мой вес составлял 48 килограмм при росте 170 сантиметров. Но к этому времени арийцы перестали нас морить голодом. Им стали нужны рабы, которых всё-таки надо кормить.

⁴¹ Волгоград, 7 декабря 2012 г.

В Хаммельбурге были рядовые, командиры и даже дюжина генералов — впору сформировать целую армию. Этим и стал заниматься полковник Боярский. Добровольцев он набрал немного. Мне в ту пору даже малая мысль не приходила решиться на такой шаг.

Первый труд на благо великой Германии мы, человек 500, совершили в городе Регенсбурге, где строились шестимоторные самолёты для снабжения окруженной в Сталинграде армии Паулюса. Построено их было с десяток, вскоре надобность в них отпала, и нас бросили спасать Нюрнберг после американских налётов.

Осенью 1943 г. нас, 1500 командиров Красной Армии, загнали на каменоломни Норвегии: в Берген, Тронхейм и Нарвик. Здесь представился случай, и я совершил побег. Но неудачно. От расстрела спас капитан армии Власова, приехавший в Норвегию вербовать в РОА. Враждебное отношение к сталинской тирании у меня уже вызрело. Случай с побегом подтолкнул к действию. В декабре 1944 г. я стал добровольцем в РОА. Потом — школа в Дабендорфе. В феврале 1945 г. я — подпоручик (потом поручик), пропагандист артполка 2-й дивизии РОА.

Знакомство с Манифестом КОНР

В лагере военнопленных в Норвегии нам представили грузного латыша, который на русском языке объявил, что будет мостом между нами и немцами. Именно он в конце 1944 г. прочёл нам Манифест Комитета Освобождения Народов России (КОНР). Этот текст возымел своё действие! Многие уже более двух лет отсидели в плену и своими глазами увидели, как живут народы других стран. Даже Польша — уже не Россия. А Германия?! На исходе пяти лет войны немцы жили, по нашим меркам, нормальной жизнью. Они не голодали, не ходили в обносках — они ходили в кино и рестораны. Немного позже, уже в 1945 г., мы, курсанты Дабендорфа, тоже захаживали и в кино, и в некий ресторанчик, а бывалые ездили в Берлин! Ещё больше удивила нас оккупированная Дания: ухоженная, со стадами тучных коров, с картинно разрисованными полями. А когда я, уже будучи свободным, ехал из Норвегии в Дабендорф, я побывал в датских магазинах. Можно жить и в оккупации... И ещё я узнал: немец, едучи из Дании, мог купить определённый — не больше! — набор продуктов. Да и сама оккупированная Норвегия — сравнима ли с нашими нищими

городами и сёлами! «Всё для фронта!» А фронт оставался голодным и безоружным. Возникал вопрос: почему же мы вечно нищие? А сталинское определение: «Пленные — это изменники!» Вот многие и задумались: куда идти? И были согласны с Манифестом.

Манифест нам обещал, что мы не идём на службу к нашему врагу, хотя были такие, кто на службу к нему шёл и даже становился палачом. Одного из них, чеченца Юру, печально известного своими зверствами по лагерю военнопленных Замостье, расстреляли в апреле 1945 г. в блиндаже Мюнзингена по решению военного суда 2-й дивизии РОА. Манифест в корне изменил настроения военнопленных: в конце декабря 1944 г. в норвежском городе Лиллехаммер собрались более 500 добровольцев. Затем в Осло нас встретили представители Русской Православной Церкви Заграницей и благословили на борьбу против большевизма. В Дании в наш поезд посадили ещё партию добровольцев и повезли в Германию. Проезжая Гамбург, мы увидели улицы сплошь в руинах. Не лучше дела обстояли и в Берлине. Страны уже не было...

Больше того, что мне уже было известно о сталинизме, я в Дабендорфе почти не узнал. В плену старшие офицеры Красной Армии просветили нас, молодых, основательно. Да и эмигрантские газеты, книги генерала Краснова нас тоже просвещали. А кроме того, мы на себе испытали и колхозы, и раскулачивание, и голод, и нищету, и произвол НКВД. Ненависть к немцам сменилась неприязнью: всё-таки союзники!

Состав курсантов Дабена, как мы его называли, да всей РОА, был разнороден: от честных борцов со Сталиным до мародёров и грабителей из дивизии СС Каминского. Курсанты были голодны, воровали на полях из буртов картофеля, одевались в немецкие обноски. В феврале 1945 г. Дабен посетил А. А. Власов. Стоя на сцене клуба, ростом он был под потолок. И, помню, рассказывал байку об Иване Маленьком и Иване Большом, видевшем дальше Малого. Но оказалось, что видел он не так уж далеко...

В марте я прибыл в артиллерийский полк 2-й дивизии. Через неделю офицеры полка собрали деньги, дали мне двух автоматчиков, обеспечили документами, и я поехал в Констанцу покупать обмундирование офицерам.

Потом снова плен, уже американский. По издевательствам над военнопленными он был схож с немецким. А что творилось при «продаже» нас Сталину! По событиям тех дней до сих пор сужу об американской порядочности. (И в 1990-х они хотели свалить коммуны, а дальнейшая судьба России им была до фени.)

Галлиполи в 1945 году

До весны 1945 г. я не знал о существовании НТС. В Дабендорфе НТС свил себе гнездо, но оно было невидимым, и открыто Союз заявил о себе только в лагере пленённых армией США остатков РОА. Это было второе Галлиполи.

Разница в том, что в первом Галлиполи находилась армия, обременённая женщинами и детьми. Врангелю было о чём думать. К тому же французы и англичане всё-таки помогали врангелевцам. Галлиполи 1945 г. состоял из тех, кто повидал и голод, и неволю. Эти люди терзались одним вопросом: что делать дальше? Тогда как англичане и американцы прикидывали, как бы подороже продать их Сталину. Пленённые чувствовали, что добром дело не кончится. И НТС стал своего рода спасательным кругом для тех, кто искал коллективного спасения. (Многие пытались спастись самостоятельно, ориентируясь по обстановке. А она была сложная, неопределённая.)

Приток солдат и офицеров в НТС был активным. Несколько экземпляров программы Союза, отпечатанные на машинке, ходили по рукам. Мне предложил вступить в Союз майор Романов — эрудированный, интеллигентный и общительный. (За давностью лет я не могу сказать, кто он был.) На вторую встречу с ним я пришёл уже с пятью товарищами, а каждый из пяти имел своих товарищей. Народ мы были не робкий и особенно не конспирировались. Собирались большими группами, вели непринуждённые беседы. Выход из сложившегося положения мы связывали всё-таки с англо-американцами. Откуда-то доходили слухи, что в Пассау большое участие в судьбе армии КОНР принимает жена президента Рузвельта. Основным её противником считался премьер-министр из Лондона.

Многие члены НТС высказывались за то, чтобы, пока не поздно, уходить из лагеря. В Платлинге выйти можно было только через проволоку, а вот в Пассау такая возможность имелась: охраны — почти никакой. Требовался документ, удостоверяющий личность, лучше всего — удостоверение остарбайтера. Романов, по согласию руководства НТС, находившегося на территории Германии, получил бланки пропусков на выход из лагеря; их передали мне для вручения членам НТС. Кому предоставить право на выход, определял комитет НТС; причиной считалась работа членов НТС за зоной, а также личные и семейные обстоятельства.

Из активных членов НТС в Платлинге я помню своих друзей И. А. Жадана, В. Г. Прокопенко, Л. И. Вигуро, В. В. Смолина, А. С. Захаренко, С. П. Симоняна, В. И. Цонева (Цонев из Платтлинга удачно бежал и впоследствии работал в «Голосе Америки». — *Прим. ред.*). Национальный состав был разнообразный: русские, украинцы, белорусы, армяне, казахи. Все — воины РОА, благодаря сохранявшемуся интернациональному духу Красной Армии никакой национальной розни не возникало. А сплочённость в НТС была следствием неопределённости положения остатков РОА. В начале 1945 г. никто не думал, что западные державы давно, ещё на «Ялтинской тройке», продали Сталину сотни тысяч, а то и миллионы людей. Очевидным это стало в конце 1945 г., когда бывших участников Движения насильно начали отправлять Советам. Возвращение проходило с кровью и самоубийствами. Мы услышали о судьбе своих собратьев из лагеря Дахау уже в Платлинге.

Условия в этом лагере оказались хуже, чем в немецком плену 1943–1945 гг. Летние бараки не отапливались; на всё помещение, где размещалось 50–70 человек, одна «буржуйка». Окна оставались незастеклёнными, их заделывали пропитанной парафином бумагой от продпакетов. Люди спали на голом полу; одеты были в летнее обмундирование. После протестов от американцев удалось добиться кое-чего из одежды, обуви, постели. Меня назначили руководителем вещевого снабжения; этим и занимался вплоть до начала выдачи советским органам. В Платлинге единой организации НТС не существовало. Идеологическую работу вели Жадан и я. Выпускался рукописный журнал «Посев»; в его редактировании участвовали В. В. Смолин и я, а большую часть текстов писал И. Жадан. В. Цонев держал связь с членами НТС, находившимися на воле. Оттуда шла посильная помощь продовольствием, так как кормили нас очень плохо.

Честно сказать, неясное будущее участников РОА и подлое отношение к нам со стороны армии США в конце концов породили в нашей среде дух безысходности. А завершилось всё предательской выдчей 23 февраля 1946 г. Думаю, что американцы передали Советам и все добытые сведения об участниках РОА, потому что смершевцы сразу знали, кто есть кто. Видимо, они рассудили так: красноармейцы могли пойти в РОА, спасаясь от голода в плену, от ужасов в лагерях; кое-кто мог соблазниться лёгкой жизнью на службе в вермах-

те. Все эти категории теперь не опасны. А вот НТС — это народец, решивший и после войны бороться с советской властью! Это враг, опасный надолго! Так что первым делом на допросы вызывали членов НТС.

В течение семи месяцев энтээсовцев перевозили от СМЕРШа к СМЕРШу, от заштатного Дорфа до Дрездена и Потсдама. Одни и те же глупые вопросы, очные ставки людей, никогда прежде не встречавшихся. Два месяца я сидел в одиночке, без прогулок, с ночными допросами. А что, собственно, у меня выяснять? В условиях плена у американцев что мог совершить член НТС? Прочсть текст, уложившийся в несколько машинописных страниц?

В Потсдаме смершевцы состряпали организацию из десяти человек (причем половину из них первичная пятёрка до этого в глаза не видела). И вот наша «организация» предстала перед трибуналом советских оккупационных войск в Германии 5–6 сентября 1946 г. (председатель трибунала Стерин и три члена). Трое наших были приговорены к расстрелу (какова их судьба — я до сих пор не знаю), остальные — к десяти годам ИТЛ. Я по молодости попал в семёрку. А далее маршрут по назначению — ГУЛАГ.

На пересылке в «Каргопольлаге» досталось блатным-самозванцам: несколько человек были заколоты ворами в законе. Я и не подозревал, что здесь, за колючей проволокой, свои жёсткие правила. Но мы, власовцы, тоже знали свои права, в обиду себя не давали, и ворьё нас боялось; сталинский СССР и был рабством. А то, что я работал на это государство, — так меня принудили. Я был голоден, но в душе оставался свободным человеком. И окружающие меня товарищи были раскрепощены. Я тоже считал тогда, что мне с моими мыслями самое место в тюрьме. Раньше или позже я оказался бы здесь. И считаю, что в тюрьме я был свободен! Мыслить мне запретить никто не мог. Да и высказывались мы в своём кругу свободно. Никогда я не боялся стукачей: чекистам было известно, кто я и за что здесь сижу.

А голод и холод существовали и по другую сторону колючей проволоки. И там жили рабы. И участь «вольняшек», работавших с нами, была не лучше нашей: голодные, раздетые, карточки, рабский труд. Женщины приносили в зону молоко, обменивали его на наши пайки (200 граммов хлеба — пол-литра молока) и этот кусок хлеба несли своим голодным детям. Я им не завидовал. Потому и не тяготился лагерной жизнью. Больше того: духовно наша жизнь была богаче!

Избавленные от житейских забот («обо мне думает начальник»), мы в свободное время читали, спорили, даже писали сочинения⁴². И лагеря я вспоминаю как общество свободных граждан, объединённых борьбой со сталинизмом. Дружба помогала нам выжить.

Воркута

ГУЛАГ никак не мог определиться, куда загнать 58-ю статью УК РСФСР, на какую каторгу уечь «предателей и изменников», чтобы и от голода не умерли, и вкалывали до изнеможения...

Лесоповал для 58-й был курортом. Уже выходила из моды лучковая пила, от которой вальщик находил себе под сосной могилу. Лучок заменила электропила. ГУЛАГ закупил мобильные электростанции «Макларен», способные питать десятки электропил. Кировский завод снабжал лесоповал трелёвочными тракторами «КТ-14», которые за десятки километров тащили «хлысты» на лесобиржу, где их электропилами разделявали на брёвна. От лесобирж до железнодорожной станции брёвна везли лесовозы «ЗИС-Уралы», работавшие на газочурке. Они заменили собой заезженных лошадок. Для лесовозов прокладывали «лежнёвки» — высланные брусом дороги.

В общем, лесоповал уже не был гибельной каторгой для лесорубов. К тому же с 1947 г. им начали платить деньги, что позволяло покупать в зоне дополнительные продукты. Конечно, в ГУЛАГе сочли работы в лесу для 58-й благом. А посему к 1950 г. всех «фашистов» загнать в шахты!

Зимой 1949 г. из «Каргопольлага» этапировали в Воркуту. Нет радости рассказывать, как заключённых перевозили в теплушках. Холод, голод, жажда. Чтобы утолить жажду, слизывали снег с промёрзших болтов. Было совершенно всё равно, куда везут, лишь бы скорее выбраться из вагона. Чем ближе к Воркуте, тем короче становился световой день. В Ухте в два часа уже темень. А в Инте уже началась полярная ночь. Сумрак вагона пробивал свет керосинового фонаря, чтобы можно было найти парашу.

⁴² Мой друг Петя Горбунов, родом из города Арзамаса, писал воспоминания и давал мне их читать. Поручик из штаба Ф. И. Трухина, Петя был влюблён в своего начальника! Фёдор Иванович, интеллигент, умница, был его кумиром. (След Пети я потерял.)

В Воркуту приехали не то днём, не то ночью. Было темно, завывала пурга, пронизывая холодом ватники. Блики фонарей на столбах, ругань «мухобоев» да лай овчарок — всё подтверждало, что это не преисподняя, а ГУЛАГ. И только когда ооченевшая толпа ввалилась в большой барак, появилась уверенность, что это пока ещё жизнь. В большом бараке со сплошными нарами было тепло. Тусклые электролампы высвечивали людей, сползающих с нар. Оказывается, уже утро. Посреди барака на верхних нарах сидел гитарист, не похожий на доходягу. Он неплохо перебирал струны, аккомпанируя певцу, который с кавказским акцентом напевал нехитрый лагерный романс:

*Воркута не хуже Сочи,
На-ни-на, на-ни-на,
Солнце светит днём и ночью,
На-ни-на, на-ни-на.
Здесь цветут под снегом розы,
На-ни-на, на-ни-на,
Даже в крепкие морозы,
На-ни-на, на-ни-на...*

Шайку приклатнённых подонков лагерные надзиратели держали на пересылках ради своей корысти. Зэк имел право пользоваться тёплыми вещами: свитером, шарфом, рубашкой, которые надзиратель не имел права отбирать. Их у зэков отбирали блатняки и продавали надзирателям за табак, водку, продукты. Так что зэк на пересылке оставался в самых последних обносках лагерной одежды. Вновь приехавшие были одеты в тёплую стёганую одежду и валенки, и блатняки решили разжиться на грабеже. Но не на тех напали. Бывшие лесорубы — в основном власовцы и бандеровцы — народ не робкий, дружный, отсидевший по пять лет в лагерях. И вору устроили такую встречу, что они из барака бежали.

На пересылках в места назначения зэков не держали. Нас, лесорубов, почти всех без задержки отправили на шахту № 7 «Северная», где ширилась разработка и требовалось всё больше людей. Переобучение лесорубов в шахтёры шло быстро: две недели, а то и неделя на освоение техники эксплуатации и техники безопасности — и в шахту. Прелести Воркуты были в полном наборе: сорокаградусный мороз, пурга. Лагерь угадывался по вышкам охраны и крышам барakov.

Проходы в зоне — глубокие траншеи, прорытые в снегу. Хозбригады перелопачивают снег и день, и ночь.

Выдали «паспорта» — заплатки с номером на спину бушлата и на лоб головного убора. Пришивали самостоятельно. Однако иголку, как острорежущий инструмент, держать при себе не разрешалось, так что приходилось обращаться в ремонтную мастерскую. Интересная инструкция в хлеборезке висела на видном месте: «Весы — 1 шт., гири 500 г — 2 шт., 100–200 г — 3 шт., нож — 1 шт.». Банно-прачечная в зоне работала днём, там была и парикмахерская. Душевые на шахте работали круглосуточно для всех смен. Бельё сдавалось в стирку, где и получалось по графику. Заведением ведал наш поручик Захаренко. Вообще, наши получили неплохие назначения: В. Прокопенко стал аптекарем, Л. Вигуро — маркшейдером, М. Захаров — медбратом, В. Капитанов — механиком в шахте. Одним словом, наш НТС не оправдал надежды чекистов, не пропал «во глубине сибирских руд». И главное — мы дружили и проповедовали свои идеи среди эзков.

В первые же дни я попал в забой. И сразу решил, что отсюда надо выбираться. С раннего детства приученный к труду тяжёлому, непосильному, я был испытан нуждой, голодом, терпением. За свою жизнь до Воркуты я и пахал, и сеял, и косил, и молотил, и в каменоломнях Норвегии надрывался, и лес в тайге валил, утопая в снегу. Но, попав в шахту, решил выбраться на поверхность во что бы то ни стало. Стать электрослесарем, на ходу учась управляться с шахтным оборудованием.

Обживаясь в новой каторге, я вскоре нашёл и надежду на выживание — занялся клубной самодеятельностью. Рядом было немало «артистов» по «Каргопольягу». Если чекисты старались как можно больше мучить ээка, то производственная администрация (у неё план!) старалась как-то его поощрить. И вопреки чекистам создавала ээку-работяге бытовые условия. Начальник шахты посылно помог ээкам построить клуб. Для этого нам отдали барак — в нём надо было сделать зрительный зал и сцену, а ещё приобрести бутафорию и музыкальные инструменты.

Из какого-то лагеря к нам перевели для любых дел способного, пробивного ээка — некоего Костю Зумбило. В оккупированной Одессе он держал всю табачную торговлю. Костя ладил и с лагерной администрацией, и с руководством шахты. Так что через три месяца клуб был готов: зрительный зал с амфитеатром, центральная и боковые ложи, большая сцена и гримёрные. В шахтном посёлке имелся только

киноклуб, и зрителями на нашей премьере (это был «Лес» Островского) помимо эзков стала и вся лагерная челядь.

Со временем клуб рос: появились духовой и инструментальный оркестр, драматическая секция, хоровой ансамбль. Почему я так много пишу о нём? Потому что концерты и спектакли на короткое время погружали ээка в лучший мир, убеждая его: он не только раб, он человек. Герои пьес поддерживали в нём надежду на лучшее. Клуб нёс культуру, просвещение; для многих эти спектакли и концерты оказались первым посещением театра. В самодеятельности участвовали настоящие мастера культуры, такие как В. Боголюбский, В. М. Забродин — артист Харбинского театра, Ю. Калпашиков — талантливый музыкант. Это позволяло ставить «Свадьбу Кречинского», «Собаку на сене», «Слугу двух господ», «Свадьбу», где женские роли успешно исполняли мужчины. Когда шахтёрам стали платить деньги, они щедро давали их клубу, что позволяло шить в лагерной мастерской костюмы и создавать декорации.

Я умышленно не рассказываю о тяготах лагерной жизни, о том, как ээк, просыпаясь утром, думал о еде, ложась спать, думал о том же. Конечно, Воркута — уже не Колыма 1930-х гг., покойников возами не вывозили, но ещё и не послезабастовочный лагерь, где появилась столовая для заказа блюд.

Медицинское обслуживание эзков до 1953 г... Можно сказать, его и не было вовсе. Тяжелобольных клали в «стационар» — барак госпитального типа. Лекарств никаких, и врач ничем не мог помочь пациенту, разве только освободить от работы. Но питание было такое, что при первой возможности больной спешил покинуть стационар и шёл на работу, чтобы получить рабочую пайку. (Однако такова судьба не только больных эзков. Примерно то же положение было на войне у раненых: они скорее бежали из госпиталей на фронт, надеясь на более сытую жизнь.) И вот при такой медицинской бедности находились врачи, совершавшие невозможное. В лагере было два хирурга, которые делали сложные операции, даже по удалению язвы желудка. Помню их: Кароль, белорус, и его молодой коллега из Киева Сергей Балашов. С помощью шахтных специалистов оборудовали хирургический стол. Часть инструментов помог найти начальник шахты, а остальное (от освещения до скальпелей) — дело «левшей». Я нажил язву двенадцатиперстной кишки в 1950 г. Лечиться было нечем, и Балашов предложил мне оперироваться. Я отказался по совету своего друга поручика РОА В. Г. Прокопенко. Он был аптекарем в лагере и спасал меня

содой, рыбьим жиром и отваром шиповника. Периодически язва рубцевалась — до следующего обострения. Ожил я в 1953 г., когда стало возможным покупать диетическое питание.

Не меньше, чем голод и работа в забое, мучений в зоне добавляли надзиратели. В шахте ээк как бы свободен: никто на него не давит, он делает порученное дело. А в зоне надзиратели умышленно отягощали его судьбу: бесконечные проверки-поверки, ежедневные «шмоны»-обыски не позволяли увлечься книгой или шахматами, просто отдохнуть.

Я уже врос в лагерную жизнь. Срок наказания воспринимал с христианским терпением, как частицу своей судьбы. Большевизм был моим врагом, я не только выступил против него словесно, но и принял от временного союзника — гитлеризма — оружие для борьбы со сталинизмом. Попав в лапы СМЕРШа, я ничего другого и не ждал, кроме срока в 25 лет, а то и вышки, как трое моих товарищей по РОА и НТС: Игорь Жадан, Владимир Смолин, Евгений Васильев, осуждённые к расстрелу. А уже отбывая срок и наблюдая за жизнью в стране, я убедился: раньше ли, позже ли, но я всё равно попал бы сюда за свои политические взгляды. Поэтому дарованную мне Господом жизнь старался прожить достойно, во благо себе и своим товарищам по судьбе.

Не успев до войны получить образование, я восполнял его книгами и общением со старшими — интеллигентными, образованными, жаждущими передать свои знания молодым. Я тоже старался быть полезным своим товарищам. Активно участвуя в постановках русской драмы на сцене нашего клуба, я также наладил связь с администрацией поселкового клуба и брал в зону напрокат фильмы. Кинопроектор для лагеря купил начальник шахты, а я в сопровождении конвоира после вечерних сеансов шёл за коробками с фильмами и всю ночь сам крутил по два-три сеанса шахтёрам дневных смен. Это приносило клубу хорошую выручку. Это помогало выжить ээкам в голоде и лютом холоде Воркутинского ГУЛАГа.

Народ в лагере был со всего света. Основной контингент — власовцы и бандеровцы. Много прибалтов, «лесных братьев», коих вылавливали до 1950-х гг. А ещё немцы, венгры, поляки, евреи и даже греки. С греками получился курьёз. Коммунисты после разгрома бежали из Греции в Югославию; Тито почему-то отправил их в Москву. Там они, познакомившись с советским коммунизмом, стали его критиковать. Москва поступила привычно и просто: загнала всех в ГУЛАГ, где они

и «успокоились». Но при таком многоязычии в лагере царило скорее единство, нежели рознь: враг общий и цель борьбы, которую вели эти люди, общая — свержение большевизма.

Забастовка

В июле 1953 г. все шахты Воркуты объединились для забастовки. Я никогда не слышал единого мнения по поводу того, кто забастовкой руководил. Но причин для неё хватало: голод, унижения, заплатки с номерами, мерзкая одежда, обувь ещё хуже — бахилы из автопокрышек. И плюс к этому издевательства охраны и надзирателей.

Первыми не вышли на работу шахтёры рудника основной шахты. Диспетчерами были эки, и они неофициально держали связь между шахтами. Через день о забастовке заговорили на нашей шахте № 7 посёлка Северный. Стихийно создали комитет. В него вошли те, кто когда-то был активен в борьбе. Из русских — члены НТС и старшие офицеры РОА; своих активистов выдвинули также УПА и прибалты. Вместе со мной забастовкой руководили члены НТС Александр Семёнович Захаренко, Валентин Григорьевич Прокопенко, Пётр Павлович Капитанов, Лев Иванович Вигуро. Как и всюду, на шахте № 7 решили: службы живучести — электрослужба, вентиляция и водоотлив, горноспасатели — должны работать; не работают забой и отгрузка. Забастовка проходила без каких-либо эксцессов. Ежедневно в лагерь приезжали представители угольного комбината, «Речлага» и местных властей. Им были вручены требования бастующих, касающиеся режима, рабочего дня, бытовых условий, питания и лечения. Стало известно, что из Москвы приехала комиссия во главе с генералом Масляником. Переговоры длились более недели. Однажды всех эзков вывели из лагеря в тундру, за посёлок. За расставленными столами сидели гражданские и чекисты. Каждому персонально зачитывали его дело и предлагали ответить, так или не так обстоит дело в действительности. После этого всех вернули в зону, отделив пять или шесть человек; кого и зачем, никто толком не знал.

За это время на шахте № 30 случилась трагедия. Будто бы толпа эзков двинулась к воротам, не выполнив требований охраны, и с вышек был открыт пулемётный огонь по зоне. С шахты № 7 на шахту № 30 отправили гражданских и заключённых медиков для оказания помощи. Вернувшиеся рассказывали о большом количестве убитых и раненых. Открыть огонь приказал сам генерал Масляник.

Вскоре в лагерь № 7 прибыли гражданские и гулаговские чиновники, обещали, что будет создана комиссия Верховного Совета. Заключённых убедили, что Москва будет принимать решения по требованиям забастовочного комитета. В этом же году комиссия начала работу. Снижали сроки; ввели пропуска на бесконвойное хождение, вывод на поселение после двух третей отбытого срока, снабжение поселенцев сухим пайком, замену одежды и обуви на более удобную (вместо бахил ботинки и валенки), денежную выплату по должности или по нормам выработки (часть денег шла на лицевой счёт и часть — на руки). Устроили коммерческую столовую, где можно было заказать приличное блюдо, и открыли магазин продпромтоваров, в котором продавались приличные вещи (обувь и одежда) и качественные продукты, как в магазинах посёлка. От лагеря до шахты построили коридор для свободного хождения на работу и обратно, избавив эзков от длительных построений и пересчётов. Поменяли начальников служб, назначив на эти должности порядочных офицеров. (Важная деталь: после «падения империи ГУЛАГа» бывшие работники администрации лагерей остались жить в посёлке, не опасаясь мести бывших эзков. Те же, у кого были палаческие дела, исчезли из Воркуты, боясь расплаты, что порой происходило.) Культурно-воспитательную часть (КВЧ) возглавили грамотные начальники, улучшавшие досуг эзков. В помощь клубу прикрепили двух солдат срочной службы. Они помогли приобретению театрального инвентаря, а также книг для библиотеки, где работал наш неизменный «архивариус» Пётр Якир, отбывая свой второй срок.

Меня в 1954 г. расконвоировали, и я смог уйти из шахты в контору Печоршахтостроя электромонтажником с хорошей оплатой: к освобождению я приобрёл одежду, обувь и даже часы «Молния». Жена моя, получившая срок 20 лет КТР, 12 лет отбыла на шахте № 5. Реабилитирована, но не советской властью, а правительством Украины, и получила небольшую компенсацию. Освободился я 30 апреля 1955 г. и 1 мая — свой день рождения — справлял в кругу друзей, товарищей по НТС и РОА. Затем я, уже с семьёй, прожил в Воркуте десять лет. Немало поохотничал и порыбачил, полюбовался весенней тундрой.

В 1966 г. нам разрешили зарегистрировать брак, сняли с нас ссылку, и мы смогли поехать в Кемерово, к матери жены. Она после ареста своей дочери и её сестры была выслана с малым сыном в Прокопьевск, где также работала на шахте. Сестра жены получила срок 20 лет КТР и отбывала его в Норильске. Она рассказала нам о тамошнем восстании эзков.

В ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ РЕЙХА

Владимир Быкадоров

ГЕСТАПО ПРОТИВ НТС⁴³

— Владимир Исаакович, как вы попали в НТС?

— Познакомился я с НТС лет 14-15, в Нормандии, где было отделение Союза. Во главе его тогда стоял Михаил Леонидович Ольгский. А вступил в НТС в Берлине в июле 1942 г. (мне ещё не исполнилось 18). Моим поручителем был доктор Николай Митрофанович Сергеев — мы оба состояли в одной и той же молодёжной организации. Причём тогда для вступления в НТС требовалось не только иметь поручителя, но и пройти курс политической подготовки — знаменитые «зелёные романы». Члены Союза через Берлин перебрасывались на оккупированные территории России.

— Каким было ваше первое задание?

— Быть помощником при издании материалов Исполнительного Бюро. Тиражи печатали маленькие, на ротаторах. Ротаторов было несколько, в разных местах Берлина, и при каждом — секретарша, которая печатала на матрицах. Благодаря моей исполнительности меня назначили заведовать этой системой.

— С 1938 г. берлинская группа НТС официально была распущена, и Союз работал в подполье. Каковы были правила конспирации?

— Сегодня многое кажется наивным. Будь правила иными, может быть, мы и не попались бы. Главное правило конспирации состояло

⁴³ Беседавал Андрей Окулов. Сокращённый текст интервью опубликован в журнале «Посев» № 8 за 1999 г.

в том, что мы друг в друга верили, были одного воспитания. В Союз входили либо молодые участники Белого движения, либо их дети, все — из колоний русской эмиграции из разных стран: Франции, Чехии, Югославии. Прочность характера проверялась только событиями. Конечно, полной картины я не знаю. Часто в Берлине у нас не хватало рук — самые деятельные отправлялись в Россию, некоторые застревали в Польше. Работать приходилось за двоих, за троих. Кроме печати я занимался ещё распределением литературы через людей, которых мне представляли как Ваню или Петю. Дальше, словно по паутине, литература распределялась по группам, главным образом — в Россию. В 1943 г. я стал секретарём Председателя организации. Каждый вечер после службы я звонил и, если было нужно, приезжал к нему на квартиру за дополнительными заданиями. Я был не столько секретарём, сколько адъютантом — деятельность организации можно вполне сравнить с военной.

В конце 1943 г. был убит Александр Эмильевич Вюрглер. Тогда приняли решение охранять членов руководства НТС, и я стал также телохранителем Виктора Михайловича Байдалакова. Вы можете спросить: как можно в военном Берлине охранять главу запрещённой организации? Носить при себе оружие стало бы самоубийством. Защищать нужно было собой. Я всегда следовал за Виктором Михайловичем и становился между ним и любым незнакомым человеком. Учился на ходу — никаких директив мне не давали, так и сказали: «Догадывайся сам». Инцидентов не случалось, если не считать, что арестовали нас обоих: его — в начале июня 1944 г., меня — 11 июля.

— Как это произошло?

— Я снимал комнату у одной 85-летней старушки: она ютилась в кухне, сдавала обе спальни, на что и жила. Другой её жилец был мобилизован в армию и там практически не бывал. В комнате этого немца мне удалось перед арестом кое-что спрятать. Ко мне пришёл человек и сказал, что от меня требуются некоторые объяснения. Во время первого обыска нашли значки Национальной организации русских скаутов (НОРС) — здесь мне не повезло. Следователь Ротцолль, который вел энтээсовское дело, задавал мне о ней множество вопросов.

— Следователей было трое: Ротцолль, Фритце — а кто третий?

— Мы его называли Гаврик. Фритце меня допрашивал лишь один раз. Гаврик — бывший энкавэдист, и с ним играть было трудно. Ротцолль мне удавалось обводить вокруг пальца. Он немножко говорил

по-русски, а я по-немецки тогда уже говорил свободно, но притворялся, будто не понимаю, и просил его перевести. Пока он переводил, у меня было время подумать. Помогло также, что я научился читать вверх ногами. Весь список вопросов, с немецкой пунктуальностью составленный заранее, лежал перед следователем, и пока он печатал мой ответ, я успевал прочесть следующий вопрос и подготовиться.

— *Какие конкретные обвинения гестапо предъявляло НТС?*

— Я убедил их в том, что я — очень мелкая сошка, мальчик на побегушках. На многие вопросы просто отвечал, что не знаю, а часто ссылался на доктора Сергеева, о смерти которого в концлагере уже знал. Дело в том, что в изоляторе смертников мне дали книгу, чтобы я записал свои данные. Напротив фамилий погибших ставился чёрный крест. Там я и нашел имя Сергеева с крестом напротив него. (Потом я узнал, что генерал Трухин на допросах, чтобы спасти А. Н. Артёмова, приписывал его деятельность покойному Сергееву.)

О следователе гестапо по фамилии Гаврик я читал в записках Николая Федоровича Шитца.

— *Самое непонятное — как он из НКВД попал в гестапо...*

— Могу сказать лишь то, что слышал. Говорили, он был не то полицейским у немцев, не то следователем в Киеве. Потом немцы перевели его в гестапо. Там были и другие следователи, главным образом украинцы, которые допрашивали в основном криминальный элемент из остовцев. Я помню, Кирилл Вергун или Виктор Михайлович рассказывали, что Гаврик говорил им: «Война заканчивается — советы уже в Кестрине. Представляете, что вам предстоит? А что предстоит мне?!» Каждый из нас думал: «То, что ты заслуживаешь!» Потом появились слухи, что его расстреляли немцы.

— *Об этом я читал у Шитца, но он утверждает, будто немцы узнали, что Гаврик был засланным агентом НКВД.*

— Мне был 21 год, выглядел я ещё моложе и прикинулся, что не очень умён — не то чтобы дурак, но совершенно не разбираюсь в вещах, о которых меня спрашивают. Ротцолль сам был недалёк, невысокой сохи. Узнав про значки НОРС, он решил, что это — возможность обнаружить новую организацию и сделать карьеру. Мне были известны адреса членов НОРС: и Бориса Мартино, и Полчанинова — всё шло через мои руки. Я не выдал никого. Тогда он меня и послал туда, куда Макар телят не гонял... Кроме меня такое пережил только Неймирок. Сначала я попал в «Arbeitserziehungslager» («Лагерь трудового

перевоспитания»). «Гросс Верен» — лагерь для непокорных, волю которых не удалось сломить в других лагерях. Перевоспитание и состояло в том, чтобы сломить волю людей.

— *Каким образом их «перевоспитывали»?*

— Работали от зари до зари. Нужно было сократить поворот железной дороги: копали землю, таскали камни, загружали вагонетки и везли на крутую гору. Одежда — куртка, штаны и колодки на деревянной подошве. Воды давали один стакан в день; 100–150 граммов хлеба и литр похлёбки. Подъём — в 3.30. В 5 пересчитывали заключённых. Затем приходил майор СД с двумя овчарками и принимал рапорт. После этого выдавали чашку желудёвого кофе и ломоть хлеба — до вечера больше никакой еды не полагалось. Потом — сто человек в одну теплушку, и час-полтора везли до места работы. Во время работы — получасовой перерыв и стакан воды. Оскорбления со стороны охранников: «проклятый иностранец», «свинья», крики «лос, лос»⁴⁴... Мозоли лопаются, перевязать нечем. Слышу, как сосед, русский парнишка, говорит: «Если я выйду отсюда, пол-Берлина сожгу!» Ненависть нашу описать трудно. Вечером, перед тем как получить свою похлёбку, запускают в уборную. Там — корыто для умывания. Но вместо умывания опускаешься, как скот, и пьёшь, пьёшь из этого корыта — организм был совершенно обезвожен. Даже плюнуть на измазанные глиной руки нечем: вокруг рта — белая соль.

Пытка продолжалась и днём, и ночью. С нар были сняты все доски и все матрасы, вместо этого — сетка из двухмиллиметровой проволоки: утром — синие полосы по всему телу. Поперечная доска у головы и ног. Вместо подушки под голову клали свои колодки. Если среди ночи они падали со второго яруса на спящего внизу, среди голодных, озлобленных людей разыгрывались неопишуемые сцены...

Утром врываются капо⁴⁵ с палками и устраивают подъём. Несколько раз в неделю читался рапорт. Если кто-то во время конвоирования на место работы сорвал колосок или травинку, это считалось покушением на немецкую собственность. Наказание за такое воровство — 25 или 50 «горячих». Палачом был высокий, метр девяносто, белорус. Растягивали человека на табуретке, снимали штаны. Били резиновой палкой, с оттяжкой. Кожа лопалась после первого удара. Это было даже

⁴⁴ «Los, los!» (нем.) — «Давай, давай!».

⁴⁵ Капо (нем.) — надзиратель из числа заключённых (в концлагерях нацистской Германии).

слышно. Самый сильный человек в нашем лагере выдержал 17 ударов, потом потерял сознание. Если приговаривали к 50 ударам, то в один день давали только 25, остальные — когда раны заживут. Считалось везением, если ни один удар не попадал по почкам.

— *Сколько времени вы провели в этом лагере?*

— Максимальный срок пребывания в этом лагере — восемь недель: эсэсовские врачи считали, что дольше там выжить невозможно. Меня вытащили оттуда для дальнейших допросов на половине этого срока. Допросы начинались с НТС. Пять минут передышки, потом в машинку вставлялся новый лист бумаги, и следовали вопросы о НОРС. После нескольких допросов, на которых следователь ничего не добился, меня отправили в концлагерь Заксенхаузен, в изолятор смертников. До сих пор не знаю, был ли я приговорён к смертной казни.

Пятьдесят дней я провёл в группе приговорённых. Все — с красной полоской смертников. Из этой группы каждый день кого-то выбирали и вешали на наших глазах. Люди из СД, подходя для отбора, любили поиздеваться. Говорят: «Выходи!» Потом: «Я пошутил, возвращайся!» Вы стоите во время отбора и думаете: «Слава Богу, что не меня!» А потом становится стыдно за эти мысли. Все друг другу исповедовались. Мы многое знали из того, чего не говорили на допросах.

В Заксенхаузене я встретился с очень интересными людьми. В первую очередь с полковником Бушмановым из РОА. С Косаревичем-Косаренко — идеологом Бендеры. Был там один караим — один из лучших фальшивомонетчиков. Когда его арестовали, немцы заставили его подделывать американские доллары и английские фунты. Фунты он подделал столь блестяще, что англичанам во время войны пришлось переходить на деньги нового образца: немцы запускали фальшивки через нейтральные страны. Сидел там и мэр Кёльна — социал-демократ; были немецкие офицеры с рыцарскими крестами, арестованные за какую-то мелочь. Один советский капитан дважды бежал из лагерей военнопленных и был приговорен за это к смертной казни. Когда подошла его очередь, он сказал: «У меня нет никакого оружия. Но я им покажу, как русские умеют умирать!» К виселице он пошёл парадным шагом. Повешение у немцев отличалось от того, как вешали конокрадов в XVIII веке (человек падал с высоты в несколько метров и сразу ломал себе шею). Немцы выбивали из-под ног узника табуретку, и мы видели, как он 10-15 минут мучается в петле, тщетно борясь за жизнь. Такое не забывается.

— Когда вы оттуда вышли и каким образом?

— За мной пришли и перевели в тюрьму на Александерплац — для перекрёстных допросов. Запасное Исполнительное Бюро уже было арестовано: Ольгский, Околович... Из лагеря меня забрал Ротцолль; он обманул меня, сказав, будто везёт меня в Берлин, чтобы освободить, — боялся, что я вздумаю бежать. Ротцолль привёз меня на мою квартиру и провёл второй обыск, во время которого нашёл фотоаппарат. Тут я вспомнил, что многое успел подчистить, но про плёнку забыл. Ведь кроме союзной деятельности я еще помогал остовцам бежать и подделывал для них бумаги. Я научился делать печати при помощи картошки и желатина, но фотографии требовались настоящие — они-то и оставались на вставленной в фотоаппарат плёнке. Если её проявят — новые допросы. Тут я спрашиваю Ротцолля: «У вас сын есть?» Он говорит: «Да, приблизительно вашего возраста, моряк». — «Могу я сделать ему подарок? Зачем фотоаппарат будет валяться на складе? Вашему сыну может пригодиться. Я сейчас покажу, как его заряжать». С этими словами я вытянул ленту и засветил её. Он всё понял, но виду не подал — всё же я сделал ему какое-то одолжение. Допросы после этого лучше не стали.

На Александерплац я сидел в одиночке несколько месяцев. В начале 1945 г., когда немцы отступали из Франции, Бельгии, части Голландии и Польши, большую часть пленных в этих странах они расстреливали, а самых главных брали с собой при отступлении — на всякий случай, для возможного обмена. В один прекрасный день в мою камеру поместили премьер-министра Греции, а меня перевели в другую, где уже сидело семь человек. Вот однажды в камеру заходит полицейский. (Полиция там была городская; гестапо занимало лишь одно крыло здания, и собственной тюрьмы у него не было: своих заключённых держали в общей.) Этот старый полицейский явно был из деревни — читал плохо. Видит русскую фамилию, но прочесть её не может. Смотрит на возраст, тычет в меня пальцем: «Ты кто?» — «Я русский». — «Тогда пошли». Приводит меня в канцелярию; фельдфебель, продолжая разговаривать по телефону, спрашивает, что надо. Тот отвечает, мол, привёл, кого просили. Тот, по-прежнему разговаривая, требует, чтобы я продиктовал свою фамилию. Поняв ситуацию, я назвал фамилию того, кто сидел в этой камере до меня и был освобождён. Фельдфебель одной рукой выписал мне бумажку, и по ней я вышел на волю — «за того парня».

Три дня я прожил в Берлине. Карточек получить не могу: в моих документах значилось, что я остовец и должен жить в лагере. На третий день пришел к Ротцоллю и сказал, что раз уж я на свободе, то должен получить бумагу на своё имя. Он ответил, что ничего об этом не знает, что моё освобождение — ошибка. «Но всё равно всё катится к чертям, поэтому бумаги я тебе дам, но напишу на них, что они подлежат уничтожению, а ты сиди в Берлине и не рыпайся». И выписал мне две бумажки: для работы и для продовольственных карточек. Пока он выходил в соседнюю комнату ставить печать, я ещё одну необходимую бумажку засунул себе в карман. Таким образом, я в нужном месте показывал нужную бумажку — до сих пор все три у меня хранятся.

5 марта 1945 г. я выехал из Берлина с заданием от генерала Меандрова и генерала Трухина: установить контакт с союзниками. 21 апреля мы с капитаном Лапиным перешли фронт — просто засели в одном селе у города Нордлинген и дождались, пока фронт через него перекатился. Затем явились к союзникам и заявили, что у нас задание: попасть к Эйзенхауэру. Нас перевозили из батальона в полк, из полка — в 7-ю армию. В контрразведке 7-й армии мы осветили четыре пункта, предложенные руководством армии Власова, — основу переговоров. Главное — не считать остовцев, военнопленных и власовцев врагами и не выдавать их Советам. В случае согласия американцев на эти условия меня должны были забросить с парашютом в районе расположения штаба РОА — договариваться о встрече руководства РОА с американцами.

Но этого не случилось. Война закончилась, и из парламентёров мы превратились в военнопленных. Нас поместили в лагерь, где американцы содержали самых значительных представителей немецкой армии, правительства, партии, научного мира. Забавно было мне, молодому русскому, слышать от пожилого немецкого фельдмаршала: «Скажите, почему мы проиграли войну?»

— Когда вас освободили из этого лагеря?

— 23 июля 1946 г. Меня не освободили — меня везли на выдачу Советам. Майор, который меня вёз, спросил: «О чём задумался?» Я сказал ему, что я из первой эмиграции, что войну выиграла не власть, а русский народ. Тогда он остановил машину, пошёл куда-то позвонить, вернулся и отвёз меня в лагерь для перемещённых лиц⁴⁶.

⁴⁶ Судьба капитана Н. Ф. Лапина, тоже члена НТС и к тому же еврея, сложилась не так счастливо. 20 мая 1946 г. американцы выдали его советским властям. В январе 1947 г. он был осуждён на 20 лет исправительно-трудовых лагерей, отбывал

Семья моя жила в Нормандии (как раз там, где произошла высадка союзников), и немцы их всех выселили. Только из газет я узнал, что мой брат стал известным футболистом — голкипером. Благодаря этому мне удалось найти родных.

Владимир Масалитинов

ДВА ГОДА В НЕМЕЦКИХ КОНЦЛАГЕРЯХ⁴⁷

Во Франции я работал слесарем на большом заводе. Все шло хорошо до мая 1940 г., когда началось немецкое наступление. В июне немцы вошли в Париж, и Франция капитулировала. Немецкие войска заняли север и запад страны, оставив южную часть французскому правительству в Виши. Мы жили на юге, в Марселе, который немцы заняли лишь в ноябре 1942 г., когда нас там уже не было. Но и на юге положение ухудшилось вскоре после капитуляции. Многие французские предприятия закрывались и люди оставались без работы.

Тогда немцы открыли бюро по найму рабочих в Германию. Условия, казалось бы, предлагали хорошие, но французы им не доверяли, надеясь найти работу на месте. Немцы приняли крутые меры — стали закрывать предприятия, не нужные для военных целей. Число безработных росло, люди проживали свои последние сбережения и вынуждены были записываться на работу в Германии. Среди них оказался и я.

заключение в Коми АССР, затем в «Дубровлаг» в посёлке Явас. Освобождён в декабре 1955 г. Позже жил и работал в Новосибирской области, дав о себе знать НТС в Париж.

Подобным образом сложилась судьба и другой делегации членов НТС, отправленных командованием КОНР к англичанам. В. Д. Поремского они год держали в заключении, а полковника М. К. Мелешкевича выдали советским властям: он был приговорён к расстрелу, но расстрел заменили длительным сроком заключения. Выйдя из лагеря в 1955 г., М. К. Мелешкевич вскоре умер.

⁴⁷ Новый Журнал. № 266. Март 2012.

Воспоминания Дмитрия Прохоровича Масалитинова написаны в 1948 г. Они повествуют о судьбе четырёх из более чем 150 арестованных гестапо в 1943–1944 гг. членов НТС. Автор — участник Белого движения, член Отдела НТС во Франции, родился в 1888 г. в Курской губернии. После эмиграции в США (1947 г.) он посвятил себя Церкви: принял сан диакона и служил в Сан-Франциско, где и скончался.

Нас отправили на химический завод в Людвигсхафене-на-Рейне, и 9 марта 1942 г. началась наша жизнь в Германии. С первых же дней каждый иностранный рабочий оказывался под строгим наблюдением немцев. Дошло до того, что мы не имели права пользоваться уборной, которая была отведена для немцев, за это грозил штраф. При каждой ошибке в работе иностранца могли обвинить в саботаже.

Кормили нас плохо и в первый же день отделили от наших жён и семей. Мужчин поместили в один барак, женщин и детей — в другой; мы не имели права посещать друг друга. Только через два месяца нам разрешили навещать наших жён в определённые часы.

В мае 1942 г. в Людвигсхафен прибыл первый эшелон рабочих из советской России, преимущественно из Полтавской, Харьковской и Киевской областей. Хотя мы были 20 лет разлучены, встретились мы с ними как с близкими. В тот день, когда они прибыли в лагерь, мы подходили к ним поближе, хотелось лучше рассмотреть каждого. Народ наш не изменился: такой же приветливый, с таким же добрым, отзывчивым русским сердцем. С первых дней они попали в худшие условия, чем мы, эмигранты. Мы свободно могли ходить в город и возвращаться в лагерь в любой час ночи — им же было запрещено выходить из лагеря, и нарушение этого правила считалось побегом. За работу им платили крайне мало; считалось, что они получают стол и кров. Официально они назывались *ostarbeiter*, то есть рабочие с востока, и должны были носить на груди знак — в голубом квадрате белыми буквами «OST». В просторечии их и называли остами. Мы, эмигранты, считали своим долгом им помочь, кто чем мог. Я приносил своим товарищам по работе всё, что мог достать без карточек из зелени и овощей; то же делала моя жена. Так у нас завязались знакомства среди русских.

В это время я был церковным старостой. Однажды я пошёл к коменданту лагеря с переводчиком (это был молодой человек, сын давнего эмигранта) — просить разрешения русским посещать по воскресеньям православный храм в Людвигсхафене; комендант согласился. Потом в этот лагерь поступило ещё несколько русских переводчиков из молодёжи старой эмиграции. Они выхлопотали остам свободный выход по воскресеньям, но в сопровождении переводчика. И началось настоящее паломничество. По воскресеньям церковь была полна. И как горячо, с каким умилением наши люди молились, стоя перед образами на коленях, со слезами на глазах! У входа в храм

был свечной ящик, там же у старосты поминальные записки «О здравии» и «За упокой». Сколько их подавали те самые люди, из которых в течение четверти века старались искоренить христианскую веру! Они молились о своих родных, о Родине, страждущей под безбожной властью.

Благодаря моему участию в церковных делах и в помощи продуктами меня знал почти весь лагерь, более 5000 человек. Я счастлив, что есть и моя крупинка деятельности на пользу будущей, новой России.

Отработав срок, нужный для получения отпуска, с 28 июля 1943 г. я был свободен на 15 дней. Но пробыть в отпуске удалось лишь неделю: 5 июля 1943 г. меня арестовали. Было это в понедельник, в восемь часов утра, после утреннего кофе. Я оделся, чтобы идти к друзьям по делам НТС, как вдруг — стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошёл человек высокого роста, рыжий, глаза красные: «Ваша фамилия Масалитинов?» Получив утвердительный ответ, он показал мне акт о моём аресте и забрал всю русскую литературу, которая была в комнате. Когда жена спросила, надолго ли он меня уводит, последовал ответ: «На пару дней». Но уводил он меня на пару лет. Спускаясь по лестнице, я бросил острый взгляд одной даме, которая поднималась по лестнице ко мне — как раз от того друга, к которому я должен был идти. Я хотел предупредить её о случившемся. На улице нас ожидала легковая машина. Меня в неё посадили, предупредили, чтобы я не смотрел по сторонам. Через полчаса я был в гестапо. Там меня обыскали, отобрав 600 марок церковных денег и 200 моих собственных.

Я беспокоился за церковные деньги и как-то раз попросил тюремного надзирателя дать мне открытку. К удивлению, он мне её вручил, и я при нём написал несколько строк жене о месте своего пребывания, о своём здоровье и о том, что прошу нашего священника, отца Георгия, или кого-нибудь из церковного совета посетить меня. Но никто из них не пришёл, а явился прибалтийский немец Стимсон. Ему гестапо выдало все 800 марок, и деньги были благополучно переданы по принадлежности. Но кроме них я ничего не смог передать жене, так как чиновник гестапо ни на шаг не отходил от меня во время встречи, а в Стимсоне я не был уверен. Позже выяснилось, что он действительно сотрудничал с гестапо.

Жену не пускали ко мне на свидания, передачи происходили через охранника, причем передавать разрешалось только бельё. Я по-

лагал, что прихожан ко мне тоже не пускают, но священник-то ведь имел право навестить любого и спросить, не хочет ли он исповедаться и приобщиться. Шли бомбёжки, каждый должен был быть готов к смерти. Меня огорчало, что никто не пришел к заключённому. После войны отец Георгий встретил меня словами: «Я хотел вас навестить, но побоялся, что за это могут закрыть церковь...»

День после ареста прошел спокойно, но 7 июля в семь часов утра меня вызвали на допрос. Он продолжался до двенадцати дня. Потом перерыв на обед и снова допрос, с двух до половины седьмого вечера. И так каждый день, в течение десяти дней. Тюремный надзиратель передал меня тому самому гестаповцу, что меня арестовал, партийцу-следователю Ремме. Он привёл меня в низкую комнату, где стоял огромный стол. Вокруг было несколько стульев. На одном из них сидела девушка с пишущей машинкой для записи показаний. Рядом — следователь-переводчик Шефер, пожилой немец, получивший образование в Петербурге. Допрос начал Шефер, примерно так:

— Ты хочешь быть на свободе?

— Да, хочу.

— Тогда скажи всю правду: что тебя заставило вести политическую работу против существующего в Германии строя, против немецкого народа?

— Я политикой не занимаюсь, против немецкого народа не выступал.

— Мы лучше знаем, чем ты занимался. Расскажешь всё честно — будешь на свободе. А нет — сейчас военное положение, тебя и повесить могут. Расскажи, с кем ты занимался политической пропагандой?

— Я против Германии никакой пропаганды не вёл, это ложный донос!

— А зачем ты встречаешься с коммунистами в лагере «Остов»?

— Я с ними говорю не как с коммунистами, а как с русскими. Я оставил Россию много лет назад, и мне интересно, что творится на моей родине теперь. Это раз. А два — я оставил в России близких и родных, у них были дети, им тогда было по одному году, а сейчас им 24, и, разговаривая с каждым человеком из России, я думаю, что вижу в нём своего родного.

— Но ведь ты — белогвардеец, и по всему видно, что ты во Франции состоял в этом самом Национальном Союзе. Что тебя заставило иметь дело с коммунистами?

Они ошиблись в названии НТС — Национально-Трудового Союза, и я подумал, что донос к ним поступил недавно и они наше движение не успели еще изучить. Я повторил, что встречался с русскими и коммунисты здесь ни при чём.

— При том, что они борются против германского народа!

— Не знаю.

— Вот видишь, ты отказываешься говорить нам правду про свою работу среди остов. Ну что же, у нас в гестапо на допросах не бьют, как бьёт НКВД в Советском Союзе...

— Я в Советском Союзе не был.

— Скажи откровенно: каких ты убеждений?

— Я русский националист и придерживаюсь национально-трудового солидаризма.

— В этом мы не сомневаемся. А кто ещё из твоих друзей таких же убеждений?

— Мои друзья те, кто считает себя русскими.

— Ну а кому ты давал пропагандную литературу?

— Я уже говорил, что никакой пропагандой не занимался.

Следователь и переводчик посмотрели на меня иронически и рассмеялись. Порывшись в портфеле, следователь положил на стол брошюру:

— А это что?

Это была брошюра НТС «Что мы должны знать», экземпляр с оторванной обложкой, который я недели три назад дал почитать лейтенанту Н. А. Клименко из Ворошиловграда (Луганска). Один из тех материалов российского патриотического и антикоммунистического направления, которые мы распространяли среди остовской молодёжи, знакомя её с зарубежной печатью. Я понял, что гестаповцам многое известно и надо быть крайне осторожным. Я взвесил: где я нахожусь? По сути дела, в НКВД, разница лишь в том, что я в Германии и учреждение называется гестапо. А по существу это родственные предприятия.

С Клименко я познакомился недавно, он меня расспрашивал, как и многие другие, про жизнь за границей, про положение рабочих во Франции до войны. И, как часто бывало, после нескольких разговоров попросил дать ему что-нибудь почитать. Тут я и дал ему брошюру, предупредив, чтобы он был крайне осторожен и что она не должна попасть в руки гестапо. На следующий день он выразил восхищение этой брошюрой, попросил ещё два экземпляра, а заодно и талоны на

хлеб. Последние я дал ему с просьбой поделиться хлебом с двумя парнями, которые работали вместе с ним. Но парни хлеба не получили. Я начал сомневаться в порядочности Клименко; достал новые талоны и дал их ребятам при нём. Те были очень рады и, когда Клименко ушёл, предупредили меня, чтобы я с ним был осторожен: он часто по ночам, когда все уже лягут спать, бывает у коменданта лагеря.

Я решил проверить Клименко. Мой друг А. Десбах просил его вернуть две полученных им книжечки, на что Клименко ответил, что он их якобы передал в другой лагерь. Мы быстро установили, что ничего он туда не передал. Встретились мы с ним последний раз в ресторане в воскресенье вечером, накануне моего ареста. В это время остам уже разрешалось по выходным дням бывать в городе, в сопровождении переводчика. Народу в ресторане было много, обстановка шумная, многие осты уже подвыпили. Мы заняли столик у окна (нас было пять человек) и заказали по стакану шнапса. Вскоре мы заметили, что Клименко подаёт знаки какому-то человеку, который прогуливался за окном. Человек этот вошёл, заказал стакан пива, и хозяин кивнул ему на наш стол. Клименко упрашивал нас выпить ещё по одной, но я и Десбах распрощались и ушли. У нас не осталось сомнений, что Клименко не просто лейтенант из военнопленных, а чекист, выполняющий задание.

Но вернёмся к допросу. Посмотрев на брошюру, я сказал:

— Эта литература мне знакома: это литература о России.

— А зачем ты её давал в лагерь остам? Ведь ты знаешь, что запрещено распространять пропагандную литературу, тем более иностранную! За это ты можешь сесть в концлагерь. К твоему сведению, нам её принес Клименко в тот же вечер, как он её получил. Это ты ему дал?

— Да, я. Но, во-первых, если он вам передал её в тот же вечер, то, значит, никто больше её не видел. А во-вторых, речь идёт о русских людях, которые ни на каком другом языке не читают. Содержание этой литературы говорит только о России, о будущей новой России, и ни о каком другом государстве там ничего не сказано. Потрудитесь почитать эти книги, — я показал пальцем на грудку, которую тем временем выложили на стол, — и вы там ни слова не найдёте вообще о Германии, не говоря уже о её политическом строе. Я знаю, что пропаганда против государственного строя запрещена. Но тут такой пропаганды нет, поэтому я ни в чём не виновен. Если же вообще русскому нельзя с русскими говорить о России — то такого закона я не видел нигде.

— Ты уводишь нас в сторону. Ты ходил в лагерь номер 3?

(Это лагерь, где жили старые эмигранты.)

— Да, ходил.

— Сколько раз?

— Много раз, я там жил.

— Ты Сметанина знаешь?

— Знаю.

— Откуда ты его знаешь?

— По Франции, по городу Марселю, мы там жили 15 лет.

— А вот этих ты знаешь? — И следовательно достал лист картона с десятью наклеенными фотографиями: В. Ф. Сметанин, А. И. Некурящих, Д. П. Масалитинов, А. А. Десбах, П. С. Куриленко, В. А. Липкин, Б. П. Дробзяго, И. В. Данилов, П. Асетьян и Б. Ф. Дубровин.

— Да, знаю.

— Ты их всех знаешь по Франции?

— Нет, Десбаха, Асетьяна и Дубровина я узнал здесь, а остальных знал ещё по Марселю, мы все там жили.

— Скажи, во Франции был НТС?

— Да, был.

— А как вы там работали, тоже подпольно?

— Нет, во Франции мы работали совершенно открыто. Там мы имели право свободно говорить о будущем Национально-Трудовом Строе в России, там свободно продавались в киосках наши брошюры и газеты, там можно было свободно жить.

— Да, там свободно было вашему Союзу продолжать авантюры Деникина, Колчака и Врангеля. Ведь все эти авантюры были подстроены Англией и Францией, они содержали Деникина и Врангеля, а Колчак был ставленником Америки!

Такие оскорбления в адрес наших патриотов, вождей Белого движения, задели меня за живое. Уж они-то были истинно русскими людьми... Мы должны быть достойны их! Мы умрём, но оправдаем наш лозунг «За Россию!». Такая мысль промелькнула у меня и освежила голову...

— Сметанин был председателем НТС в Марселе; а ведь ты был его правой рукой? — продолжался допрос.

— Правой руки у него нет, и мне приходилось иногда помогать завязывать ему галстук...

— Так и хочется дать тебе по морде за то, что ты отказываешься отвечать!

— Разрешите вам напомнить ваши слова о том, что в гестапо не как в НКВД, на допросах не бьют. Вы, конечно, можете своё желание

осуществить, я человек подневольный. Но я всё равно не могу сказать того, чего не знаю.

Шефер сделал по направлению ко мне несколько быстрых шагов, держа в руке резиновую палку длиной с полметра. Я смотрел на него в упор.

— Ты это пробовал?

— Никогда.

— Ну так попробуешь!

— Воля ваша.

Переводчик, он же следователь, Шефер, остановился. Другой следователь, Ремме, который арестовывал меня, Сметанина, Дубровина и Асетьяна, шепнул ему несколько слов и сам взялся вести допрос:

— Сколько лет ты прожил во Франции?

— 18.

— Сколько лет ты прожил в Марселе?

— С 1930 по 1942 год.

— Значит, 12 лет. Так что Сметанина должен знать хорошо.

— Да.

— Он был председателем вашего Союза в Марселе?

— Да.

— Ты был его членом?

— Я был сотрудником, каких много среди эмиграции в Марселе и его окрестностях.

— Членские взносы платил? И по сколько? На какие нужды тратились эти деньги?

— Обязательных взносов у нас не было, давали, кто сколько мог. Каждый русский считал своим долгом делать взносы, чтобы помочь родине. Часть денег шла на газету «За Россию», которая напоминала русским людям о долге перед родиной, о том, что мы должны свергнуть большевизм и построить новую, свободную Россию. А часть шла на помощь старикам и инвалидам.

— А на пропаганду сколько шло?

— Нисколько, на пропаганде далеко не уедешь.

Тут Ремме сжал кулаки, выпучил свои красные глаза и заорал так, что от его внезапного озверения я оторопел:

— Ты еще смеешь мечтать о какой-то великой свободной России! Не будет этого, никогда!

Каждая фраза, которая оскорбляла Россию, вызывала во мне всё большую ненависть, и я стал отвечать дерзко. Я твёрдо решил: чему быть, того не миновать. Мне сделали замечание. В своё оправдание я сказал, что мы перешли на частный разговор, и извинился. Следователь продолжал язвить:

— А когда и как ты собираешься начать строить свою новую Россию? Пока ты сидишь в тюрьме, и сомнительно, удастся ли тебе вообще выйти отсюда!

— Я меньше всего думаю о том, выпустите ли вы меня на свободу. Россию будем строить не мы, а выдающиеся, умные люди, которые придут нам на смену. Наш долг — помочь им в общем деле.

— Так ты полагаешь, что у вас можно найти умных людей, которые смогут построить Россию?

Тут я взбесился и выпалил, намекая на то, что Гитлер не немец, а австриец:

— Что же, не найдём в России — поищем в Австрии!

К моему удивлению, следователь расхохотался и попросил переводчика еще раз повторить эту фразу — для машинистки. Затем он с «ты» перешёл на «вы».

— Вы убеждаете рабочих, будто они в России мучились потому, что там в 1917 году произошла революция, в которой виноваты немцы: они туда привезли в plombированном вагоне Ленина и шайку, они снабдили его огромным капиталом. Поскольку немцы виноваты в страдании русского народа, вы советуете рабочим как можно меньше работать, чтобы немцы проиграли войну. И ещё вы им внушаете, что иначе они никогда не вернуться домой, а останутся вечными рабами; что их единственное спасение — в вашей национальной революции, и потому они должны молить Господа Бога и ходить в церковь, где вы являетесь старостой! И во время обеденного перерыва, где бы вы ни сели, вас окружает толпа советских рабочих. Что вы скажете — разве это не так?

— А разве Ленин и 35 его единомышленников не были доставлены на Финляндский вокзал через Германию во время войны в plombированном вагоне? И разве они не были снабжены поначалу суммой в 70 миллионов золотых рублей? Это секрет только для такого чиновника, как вы, да для подсоветской молодёжи, которой категорически запрещено об этом знать! А что касается остальной пропаганды, которую вы думаете мне прицепить, и призыва к саботажу, так это

провокационный, ложный донос! Если у вас есть человек, свидетель, помимо шкурника Клименко, то приведите его на очную ставку!

Мне и правда хотелось увидеть такого мерзавца, но я не был уверен, что он существует.

— Еще зададим вам один вопрос. Такого-то числа вы были в таком-то ресторане с русскими, приехавшими с Украины. Сколько вас было? О чём вы говорили? Как вы сидели?

— Мой друг Десбах, я и трое подсоветских (один из которых Клименко, а фамилий двух других я не знаю) действительно ходили в ресторан, который по-русски называется «Раздельная». Выпили по шнапсу, говорить было трудно, стоял большой шум. Я и Десбах скоро ушли. Это было в воскресенье, в половине четвёртого, а как мы сидели, я не припомню.

— Вы сидели вот так, — стал разъяснять переводчик, достав из своего портфеля бумажку. — Это мне передал Клименко, которому вы так доверяли.

— Господин переводчик, чем упрекать меня, лучше признайтесь: зарисовку сделали вы, когда прогуливались за окном или когда стояли у стойки и пили пиво. Хотите, я нарисую стойку и ваше место за ней?

Переводчик заорал, что он по притонам не шляется, и стал сыпать красивыми словами насчёт виселицы, которая меня ожидает. В душе я был рад, что поставил его в неловкое положение.

Так продолжался допрос, изо дня в день. На стульях, расставленных вокруг большого стола, сидели ещё три немца. Они молча записывали в свои блокноты отдельные фразы, но в разговор вмешивались мало. Порой весь день топтались на одном и том же вопросе, выворачивая его наизнанку и подходя с разных концов. Это очень плохо действует на допрашиваемого: легко сбиться с первых показаний, и получается как бы ложь. Процедура эта порой приводит в такое уныние, что жить не хочется. Представьте себе картину: на вас одновременно уставилось пять пар глаз, вопросы сыплются со всех сторон, каждому надо ответить, и знать, что ответить. На седьмой день они сменили пластинку.

— Мы пришли сегодня для того, чтобы освободить вас. Но вы, с вашей стороны, будьте откровенны и скажите нам всю правду. Если вы что-то в прошедшие дни показали неверно, сейчас можете исправить. Завтра будет поздно. Итак, что вы нам можете сказать нового?

— Могу сказать, что вся эта музыка мне изрядно надоела. Нового я добавить ничего не могу, поправок никаких не вношу. Все обвинения,

будто я вёл пропаганду против немецкого народа, считаю вздорными, это провокационный донос, сделанный, чтобы ввести вас в заблуждение.

— Вы решили не выдавать сообщников по вашей преступной деятельности, которую вы вели среди иностранных рабочих против страны, в которой находитесь. В таком случае ваша участь решена. Остальных — этот преступный элемент — мы и сами найдём: мы знаем, кто они.

Прочитав по списку несколько фамилий, Шефер спросил:

— Вы знаете их?

— Да, мы работали на одном заводе.

— Вы вместе вели политическую работу?

— Нет, я их знаю только как русских.

— Вот видите, вы себя сами присуждаете к смертной казни или концлагерю. А рассказали бы, кто ещё причинял вред нашей стране, как это сделал Пётр Асетьян, и вышли бы на свободу, как он, да, пожалуй, и Дубровин.

На самом деле Дубровин на свободу не вышел. Мелькнула мысль: нет, это бы было малодушие, предательство. Боже, дай мне сил!

— Я сказал всё, что знаю. Добавить ничего не могу.

— Вы признаёте свою преступную деятельность?

— Нет, я ею не занимался.

— Вы вели политическую работу совместно с такими-то?

— Нет.

— Вы говорили русским рабочим: вместе с немцами мы уничтожим в России большевизм, а вместе с англичанами выгоним немцев из России?

— Нет.

— Вы говорили русским рабочим, что после разгрома Роммеля на африканском фронте такая же судьба постигнет немцев и на русском фронте?

— Я немецких газет не читаю и не в курсе ваших дел в Африке, — солгал я.

— Вы сами себе противоречите. На днях вы сказали: каждый националист считает, что его нация победит. Быть может, под влиянием таких настроений вы говорили и о русском фронте?

— Я от своих слов о националистах не отказываюсь. Но ваш фюрер сказал в начале войны, что он воюет не с русским народом, а с

Третьим Интернационалом, засевшим на русской территории. Мы, русские националисты, боремся с ним уже 25 лет. Победа нашей нации будет вашей победой. Кажется, вам не с чего считать нас врагами.

Переводчик улыбнулся и сказал:

— Вы ведёте национальную пропаганду среди тех, кто с нами воюет, кто, по-вашему, должен победить. И потому ваша участь будет печальной. На суд вас вызывать не будут, а осудят заочно. У нас, национал-социалистов, с такими, как вы, не церемонятся. Особенно в военное время.

Дознание закончилось 15 июля 1943 г. Следующие два дня меня ещё вызывали, но только чтобы внести поправки в записи. В общем, эти десять дней они писали, что хотели, лишь бы запутать человека в паутину, из которой он не сможет вернуться к жизни. Они, как и чекисты, на гибели других строили себе карьеру.

24 июля меня вызвали в криминальную полицию для оформления показаний. Снимали отпечатки пальцев, фотографировали. Так закончились нудные дела с гестапо. В этот день капитулировала итальянская армия маршала Бадوليو, и немцы были особенно злы. После полицейских формальностей меня провели в другую дверь, и в соседней комнате я случайно увидел В. Ф. Сметанина и Б. Ф. Дубровина.

Началось испытание неизвестностью. Сколько и где придётся сидеть, никто не знал. Единственным сообщением с друзьями в тюрьме служили алюминиевые тарелки, на нижней стороне которых мы писали гвоздём или иголкой. Узнать друзей можно было по почерку. И я, и Сметанин всегда обращались с воззваниями к русским: крепиться, не падать духом! Я подписывался «Пахарь Курский». Эту подпись знали те, кому было надо. Тарелки менялись каждый день, и за два месяца нашего сидения в тюрьме в Людвигсхафене надписи с бодрящими словами оказались почти на всех тарелках.

Многие русские заключённые мне отвечали, например: «Благодарю вас, Курский Пахарь, за ваши уверенные слова, в них столько русскости, они мне помогут многое перенести, надеясь на будущее величие Национальной России. Я знаю, кто вы, а я — Вова № 47». На другой тарелке я увидел знакомый почерк: «Дорогой друг! Наши дела затягиваются, о последствиях ничего не известно. Если узнаешь, напиши тем же способом. Твой друг-брат Крем-фреш»⁴⁸.

⁴⁸ Крем-фреш (фр. crème fraîche) — сметана.

Скука невыносимая сидеть одному: все политические сидели в одиночках. Размер камеры был четыре метра на два. В следующем месяце мне дали работу: клеить бумажные кульки для магазинов. Время пошло быстрее. Для работы выдавались большая доска, гуммиарабик, бумага и шаблон по размеру кульков. Я работал днём, а по ночам не мог заснуть: участились бомбардировки, здание тюрьмы ходуном ходит. Сидишь и думаешь: если загорится тюрьма, что делать? Я сидел на четвёртом этаже. В тюрьме не было бомбоубежища, и во время налётов арестанты оставались в камерах. До поры до времени всё заканчивалось благополучно.

В воскресенье, 6 сентября 1943 г., в час дня англичане, сделав два круга над Людвигсхафеном, улетели. Люди было успокоились. Но в 11 часов ночи загудели сирены, и через четверть часа посыпались разноцветные сигнальные огни и зажигательные бомбы. Наша тюрьма находилась рядом со зданием гестапо, в одном квартале от моста через Рейн, соединявшего Людвигсхафен с Мангеймом. Налёт был направлен на этот квартал. Надзиратели попрятались, кто где мог. А мы дрожали от страха: если здание загорится — сгорим живьём. Тюрьма содрогалась, стены тряслись. С помощью рабочей доски мне удалось подняться к окну. Я вцепился руками в решётку, подтянулся повыше и посмотрел: казалось, весь город объят огнём. В саду, метрах в ста от окна, стояли две зенитки; в одну из них на моих глазах попала бомба и от неё не осталось ничего, вторую опрокинуло и дуло отбросило в сторону. Следующая бомба разорвалась ближе, от этого в моей и в соседних камерах выбило стёкла, а я очутился на полу. Легко ушибся, стеклом мне порезало руки и лицо. Затем посыпались зажигательные бомбы. Камеры стали наполняться едким дымом, который ветер нёс с соседнего склада горючего. Мы не знали, что сверху тюрьма выгорела. Камер наших никто не открывал. Арестованные стали задыхаться, слышались вопли, крики о помощи. Я спасался водой — пил по одному глотку, а когда стало совсем невмочь, лёг на пол. Но и это мало помогало. Вопли женщин, сидевших на первом этаже, слышали пожарные. Как мы потом узнали, по их требованию стали открывать двери и выводить заключённых на двор. Многих выносили на носилках. Шесть человек так и не удалось привести в чувство.

Эта ночь оказалась праздником для тех, кто выжил, так как все заключённые оставались во дворе до шести часов утра. Все, кто должен был увидаться, увиделись и рассказали друг другу всё, что надо было.

Первым я увидел Василия Федоровича Сметанина. За ним сошёл по лестнице и Борис Филиппович Дубровин. Мы втроём собрались в тёмном углу. Электричество не действовало, кругом стоял дым, но для нас это оказалось к лучшему. Мы никогда так искренне, так по-братски не целовались, как в эту ночь в тюрьме, после двухмесячного заточения. Мы будто ожили, обменялись впечатлениями о прошедшем дознании: что у кого спрашивали и кто что отвечал. Выяснилось, что говорили мы почти одно и то же. Лишь однажды Борис Филиппович чуть не соблазнился обещанием выпустить его на свободу, но вовремя опомнился и никого не выдал. Когда он закончил свой рассказ, Сметанин обратился ко мне: «А в тебе, Дмитрий Прохорович, я никогда не сомневался. Нам, марсельцам (членам марсельской группы НТС. — Д. М.), выпала доля нести крест на Голгофу, и мы донесём его до Святой Руси». Я крепко его обнял и, обещав быть верным путником, подумал: «Да, крест нелёгкий, но нести его за Россию будет легко. Боже, Россию спаси!»

Наутро в понедельник, 7 сентября, нас погрузили в закрытые машины и отвезли во Франкенталь, так как в Людвигсхафене все было разбито. Во франкентальской тюрьме обстановка была такая же, с той лишь разницей, что выводили на прогулки во двор. Если замечали, что кто-то перемигивается друг с другом, ставили лицом к стене, и каждый проходящий заключённый должен был толкнуть их в спину. Тем не менее мы со Сметаниным и Дубровиным часто обменивались взглядами. Встречались и в бомбоубежище — в той тюрьме имелся хороший подвал. Но говорить больше было не о чем.

Однажды мы встретили в подвале инженера Льва Николаевича Филатова. Это был его второй день в тюрьме, на допросы его ещё не вызывали. Мы передали ему наши показания, и это, возможно, помогло ему освободиться.

Так тянулось время. Единственной радостью были открытки, которые посылала мне жена, Нина Яковлевна. В одной она писала, что друзья помогли ей. В другой — что самое близкое участие в моей судьбе принимают П. С. Куриленко и И. В. Данилов; но есть и такие, кто не только посещать, но и проходить мимо неё боится. Я, со своей стороны, писал жене успокоительные письма. Мне её было жалко до слёз.

Во франкентальской тюрьме я пробыл почти три месяца, до 29 декабря 1943 г., когда нас посадили в арестантский вагон и отправили в концлагерь Дахау. Прибыли мы туда в 11 часов ночи 31 декабря. Рано

утром на Новый год нас раздели, отобрали всё, взвесили каждого, сделали записи в книгах и выдали маленькие белые билетки. В них были указаны рост, вес и особые приметы; отмечено, кто за что посажен. Уголовникам, как правило, полагался срок от трёх до шести месяцев; политическим же ставили буквы SCH: это означало, что нам предстоит сидеть до конца войны. После совершения всех формальностей нас должны были погнать в баню, выкупать и одеть в полосатое. Однако полосатой одежды не хватало, и нас обрядили в штатское тряпье. Несколько слов о «бане»: от того места, где нас раздели, она находилась метрах в ста. Земля была покрыта снегом, мороз стоял градусов 15. Нас погнали в чём мать родила, причём бежать не разрешали — только идти размеренным шагом. Мыться мы должны были холодной водой, горячую пустили позже, на несколько минут, и тут же погнали в другой барак, опять голых. Только там мы получили бельё и одежду. Понятно, что после такой «бани» многие попали прямо в ревир (медпункт).

Это было нашим боевым крещением в Дахау на Новый, 1944, год. Я поздравил В. Ф. Сметанина с новым счастьем и получил взаимное поздравление. Но наш друг Б. Ф. Дубровин с этого момента почувствовал себя очень плохо. Я поддерживал его, чем мог, но в конце концов отвёл по его просьбе в ревир, где у него обнаружили туберкулёз.

Пока еще Дубровин был с нами, он порой задумывался и спрашивал: «Дмитрий Прохорович, а что с нами дальше-то будет?» — «Что Бог даст», — отвечал я, и мы шли к столу, где сидел Василий Фёдорович Сметанин. Я обращался к нему: «Вот Борис Филиппович хочет знать, что с нами будет дальше». Сметанин улыбался и отвечал: «А я вовсе об этом не думаю. Одно могу сказать: любить Россию, забыть себя!» Тогда мы вставали со своих мест и шли в угол, где собиралась подсоветская молодёжь. Там шли долгие беседы; мы слушали их рассказы, но чаще они нас просили рассказывать и слушали с большим вниманием. Правда, вначале некоторые слушать нас не желали, но постепенно втянулись в общий разговор. И порой даже записывали наши рассказы на клочках бумаги, найденных в мусоре.

Однако судьба преследовала нас и здесь: 31 января утром неожиданно вызвали всех инвалидов, в том числе Сметанина. Не прошло и часа, как нам пришлось с ним расстаться: инвалидов отправили в другой концлагерь, в Польшу, в город Люблин. Мы остались с Дубровиным вдвоём. Здоровье его становилось все хуже, и из ревира он уже не вышел. Туберкулёз там вылечивался только в крематории.

Я остался один. Вскоре меня назначили на рабочий транспорт в Судетскую область, в город Тешин на Эльбе. Там я пробыл всего 20 дней, и меня вернули в Дахау.

В это время разные лагеря из прифронтовой полосы стали свозить в Дахау. Наступил кошмар: на одну одиночную койку приходилось по четыре человека, а на полу лежать строжайше запрещалось. Как быть? Заключённые стали чередоваться. Двое спят до двенадцати ночи, а двое ждут своей очереди, сидя в ногах, ведь в пять утра надо вставать. Опоздаешь — тебя будут бить резиновой палкой, после пятнадцати ударов которой человек теряет сознание.

Пока в помещении идёт уборка, людей выгоняют во двор, но старое тряпье их не греет. Средство для самосогревания: собирается толпа до двухсот человек, все плотно прижимаются друг к другу и постепенно меняются местами: крайние становятся в середину, и наоборот. Если кто-то попытается спрятаться в коридоре, старший комнаты избьёт его до потери сознания. Или раздетого, и без того замёрзшего человека будут обливать холодной водой. Если ему удастся скрыться в толпе, то вся толпа принимает крещение холодной водой, да еще в наказание всех до обеда оставляют под открытым небом. Толпа терпит, своего не выдаёт. Потом всех гонят на один час на обед, после обеда — очистка двора от снега. Снег носили кто в чём: кто в своей шапке, кто в ведре. Выносили его за браму (лагерные ворота), рядом с которыми в жарко натопленной сторожке сидели эсмены (эсэсовцы). Проходя мимо них, хоть сто раз в день, каждый заключённый обязан был снимать шапку.

Наконец дождалась весны. Был назначен рабочий транспорт в Аугсбург, на который я попал. Я прошёл комиссию и был доволен: слава Богу, лишь бы не оставаться здесь! Думаю: если будут гонять на работу, может, удастся драпануть. Эта мысль меня не покидала. В Аугсбург нас привезли 5 мая 1944 г.; 4000 человек разместили на трёхэтажных койках в большом гараже возле полупустых казарм на окраине города.

Отсюда уже бежали шестеро русских, потому охрана была усиленной. Когда нас вели на работу, конвоиры шли не более чем в двадцати шагах друг от друга. Кроме того, всем русским (только русским) выбивали на голове полосу шириной в два сантиметра, от лба до затылка. Ее прозвали «дорога от Москвы на Берлин». У большинства на карточке имелась отметка «бессрочный».

Клеймом на голове немцы не ограничились. Они сократили паёк так, что, проработав месяц на авиационном заводе Мессершмитта, люди не только бежать не могли, но просто еле ходили. Работали по четырнадцать часов в сутки; подъем в полчетвёртого ночи, кофе сварен ещё с вечера, холодный, пол-литра, без хлеба, ибо весь хлеб съеден тоже ещё с вечера. Идти на работу — одиннадцать километров пешком. Летом терпимо, но наступила осень, с Альп потянуло свежим ветром, и незаметно подкралась зима. Зимой путь стал мучительным. Шли в той же арестантской одежде: полосатые куртки, такие же штаны и шапки. По дороге истощённые люди отставали от своей колонны, многие просто падали. На выбывших из строя напускали дрессированных собак. Перегрызёт такая лежащему в снегу человеку горло — он только взмахнет руками и умирает. А эсмен даёт собаке кусочек сахара и гладит её, благодарит за хорошую службу. По дороге на работу и с работы мы каждый день оставляли десятки трупов... Вставая утром, каждый думал: чья очередь сегодня?

Самая страшная гроза в лагере был капо, то есть старший в команде заключённых. Он мог лишить своего подчинённого пайка и отдать тому, кто постирает ему бельё. А человек, которого лишили пайка, вместо обеда и ужина только сидит и плачет...

Еще летом, в ночь с 22 на 23 июля 1944 г., во время воздушной тревоги из концлагеря «Аугсбург» бежали два советских лейтенанта, им было по 27 лет. Посадили их в концлагерь за попытку побега из лагеря военнопленных. Они пробыли здесь недолго и снова подготовили побег. Об этом знали почти все русские и помогли им: каждый из своего скудного пайка выделил по сухарику. Ребята говорили нам, что хотят бежать главным образом для того, чтобы оповестить мир о страданиях узников немецких лагерей, где люди истребляются, как ненужный хлам.

День их побега стал для всех пыткой — побои и наказания голодом. Но каждый молил Бога: помоги им! Ведь бежать из лагеря никто не решался — ни французы, ни югославы, ни испанцы, ни итальянцы. Русских же ничто не могло остановить. Если их ожидала верная смерть, то лучше уж пусть пристрелят где-нибудь на свободе.

Через неделю после их побега мы успокоились. Изредка только обменивались краткими фразами: «Слава Богу, значит, удалось». А по вечерам, когда эсмены отсутствовали, русские затягивали вполголоса, но довольно стройно известную песню сибирских ссыльных, с другими словами:

*Славные Альпы, густой Урогай!
Прими нас в объятие, смертью не пугай.
Гей, русачок, пошевеливай ноги,
Пока эсмены ещё вне тревоги...*

Песня начиналась так потому, что большинство побегов было через Альпы: в горах беглец чувствовал себя уже почти спасённым.

В начале января 1945 г., во время очередной бомбардировки, когда погас свет, снова бежали двое русских и поляк. Это обнаружили утром, во время проверки. О побеге доложили коменданту лагеря — немцу из Познани по фамилии Мауль. Его первый вопрос был: «Кто знал о побеге?» В ответ — гробовое молчание. «Ага, молчите? Скрываете?» Потом истерический смех: «Вы мне ещё скажете, русские свиньи, в котором часу и куда они бежали. Доставайте ваши порции хлеба!» Хлеба, конечно, ни у кого не осталось, его съели ещё вечером. Комендант видит, что никто хлеба не достаёт, и заявляет: «Значит, вы всё отдали им на дорогу, а ещё делаете вид, что не знаете», — и приказывает раздеться. Тут зашевелилась вся построенная шеренга, как волна наклонилась и опять поднялась: это каждый положил свой рябой лапсердак перед собой. И так мы стояли раздетые с шести утра до двенадцати дня. Затем прозвучала команда на обед, но русских и поляков оставили во дворе, всё так же без верхней одежды. Вышел комендант, подошёл к правофланговому и начал его безжалостно избивать резиновой палкой. Он совершенно озверел, избивал одного за другим до потери сознания. Избитого обливали водой, чтобы привести в чувство, и на морозе он превращался буквально в ледышку. Затем его отправляли в лагерный госпиталь, откуда прямой путь в крематорий. В этот январский день нас истязали с шести утра до двух часов дня; все отвели резины. В итоге мы недосчитались 182 наших русских братьев из общего числа 1400. Все были замучены комендантом.

А ведь Аугсбургский лагерь считался рабочим, заключённые задерживались там дольше года. И тем не менее на наших глазах исчезли сотни людей под разными предлогами: кто за попытку побега, кто за саботаж, кто за оскорбление эссовца. Хуже всего — если сочтут больным тифом или туберкулёзом: таких сжигали в крематории, порой не дожидаясь их смерти. Об этом один хорват из немецкой охраны поведал сидевшему с нами Ивану Еличу из Любляны, прежде чем застрелиться. Хорват этот попал в транспортную команду известного

крематория в Дахау, посмотрелся и на «газовый душ», и на то, как ещё живых на конвейере отправляли в печь. Хорвата преследовали слова людей, которых он вёз на грузовике в крематорий: «Мы не больные, мы просто голодные!» В охране аугсбургского лагеря он прослужил четыре месяца. Но его предсмертная исповедь стала широко известна, и многие за неё поплатились...

Поводом для уничтожения людей служили и налёты англо-американской авиации на Аугсбург. Во время дневных налётов убежищем для концлагерников служила огромная открытая яма, метра четыре в глубину, куда со всего города свозили мусор, смрад там стоял неимоверный. В яму помещалось до пяти тысяч человек. Как только завоет сирена, так построение заключённых — и в яму! До неё было около двух километров, и здесь начинался самый ужас. Тревоги случались почти как по заказу перед обедом. Все голодные, даже тихим шагом идти трудно, а людей начинают гнать: они падают, их избивают, напускают на них собак. С трудом те, кто покрепче, добираются до ямы. Дается команда: «Ложись!» Пока бежали, согрелись, теперь легли в своей ветхой одежде прямо в грязь. Снизу сыро, сверху дует зимний ветерок, и вот в таком состоянии лежи часа два. Потом многие не могут встать. Это готовый материал для крематория, в лагерь их не возвращают. Уцелевшие приходят в свой барак — голодные, холодные, в грязи, а обмыться нечем. Обед растянули или разграбили — неизвестно кто. Немцы меняли хлеб лагерников себе на табак и сигареты. (Табак и сигареты были только у французов и бельгийцев — им присылал посылки женеvский Красный Крест.) В общем, наше дело было ясное: доживай последние дни, голодай и работай, пока ноги носят.

В кацете и молиться можно было только в постели, укрывшись с головой одеялом, потому что и к молитве придирались и избивали. Молодые подсоветские приходили ко мне и просили записать молитвы. Я с большой радостью писал «Отче наш», «Царю небесный», «Под Твою милость прибегаем» и много других. Они где-то нашли карандаш, а бумагу им дал один старик-югослав. Всё это делалось с большим риском. Таких оторванных от семьи, от Родины юношей набралось свыше ста человек. В неволе, в беде они познали Бога всем сердцем, верили в Него, молились Ему. В свободное время я где-нибудь в уголке, как умел, говорил им о религии, о церкви. Они уверяли, что от этих бесед им легче на сердце. Нравились им и мои беседы о будущей жизни в национально-трудовом государстве, в нашей Святой Руси.

Однажды во время такой беседы около нас как из-под земли возник эсмен. Молодёжь бросилась во все стороны, сломав мою кровать. Меня и одного юношу, который спал рядом со мною, забрали в эсэсовский блок. Его стали допрашивать, что я им говорил такого интересного. Немногословный Миша, бывший беспризорник (почему-то его называли «прозорливый»), когда его стали избивать в моем присутствии, сказал: «Он нам говорил, как раньше, до революции, хорошо жилось в России; для нас это очень интересно, вот мы и собрались послушать бывалого человека». Затем принялись за меня. Ко мне подошёл невысокий урод, с кривыми ногами, одноглазый — немецкий уголовник, оставшийся после отсидки своего срока служить в охране, и завизжал: «Ты, старая свинья, кто ты?» — «Я русский!» — «Знаем мы вас! Ты собираешься бежать и уговариваешь других!» Он принялся безжалостно бить меня ручкой от лопаты. Я попытался закрыть голову рукой, но он завопил, что я хочу его ударить, и позвал второго. И они оба стали бить меня палками по голове, по лицу. Я уже ничего не видел, глаза были залиты кровью, я упал без памяти. Когда на меня вылили несколько вёдер холодной воды, я очнулся, но не мог вернуться от сильной боли. У меня была переломана левая ключица, однако меня так и гоняли на работу, пока всё не зажило само. Месяца через два я стал немного поднимать руку, и боль постепенно ослабела.

Чаще всего такие развлечения происходили по субботам. Этим славился концлагерь в Аугсбурге. Когда наступала суббота, каждый думал, не он ли сегодня будет избит, даже за «незаконно» полученные пол-литра супа. Запомнилась одна суббота осени 1944 г. 28 ноября к нам в лагерь пригнали группу из Чехии. Там были русские, поляки, евреи, французы, югославы, чехи, бельгийцы. В субботу утром некоторые наши заключённые их окружили и стали расспрашивать, как они сюда попали. Выяснилось, что они сделали 26-дневный переход пешком. Шли ночами, с пяти вечера до восьми утра, на обед получали по 300 граммов хлеба и воду с брюквой. Обувь по дороге сносилась, почти все остались босыми. Вышло их 2500 человек, а дошло всего 300. За этот рассказ 30 человек из вновь пришедших и 15 из слушавших забрали в эсэсовский блок. Их обвинили в выступлении против существующего строя, зверски избили и лишили двухдневного пайка. Никто из них не выжил.

Избиение это совершил взвод СС украинских западников под командой сержанта Емельяна Дубца, о чём в лагере стало широко

известно. Многие плакали от боли. Другие проклинали убийц. Сами убийцы попросили начальство о переводе в другой лагерь и вскоре отбыли в Бухенвальд.

Не успели мы успокоиться после этой субботы, как участились воздушные налёты, порой до нескольких раз в день. Но когда мы были на заводе, это нас уже не смущало, тревога стала для нас праздником: к этому времени почти всех мастеров-немцев взяли на фронт, а на их место поставили иностранцев из вольнонаёмных, обычно это были шведы или бельгийцы. К заключённым они относились хорошо. От них мы узнавали о наступлении американских войск. Они уговаривали нас не бежать, а дожидаться освобождения. Моим прямым начальником на работе был Рошель, мастер-бельгиец, с которым мы говорили по-французски. Благодаря его любезности я даже ухитрился передать весточку своей жене.

Настал 1945 год. Разговоров становилось всё больше, а немецких офицеров в охране всё меньше — их забирали на фронт. В январе мы узнали новость полугодовой давности — о покушении на Гитлера. Заключённый русский инженер-электрик вычитал её из старых газет, в которые были завернуты лампочки. Поделиться этой радостью ко мне пришли трое знакомых, с которыми я встречался уже полгода. Их посадили в наш кацет за побег из лагеря военнопленных, задержав на швейцарской границе. Это были лейтенанты Леонид Алексеев, Михаил Михайлович Баровский и Анатолий Ильич Борисов. Я изложил им все доводы бельгийца Рошеля: в районе Альп теперь сосредотачиваются отступающие немецкие войска; за бегство расстреливают на месте; приход американцев — близок. Они молча переглянулись, и Алексеев сказал: «А мы как раз на этой неделе хотели смыться...» Тут к нам подошёл Иван Елич из Любляны и рассказал, что в охранной роте идут разговоры: мол, если во время налёта будет спущен десант, то надо немедленно расстреливать всех заключённых, чтобы им не досталось американское оружие. Тут уж у всех поднялся дух, мысль о побеге отпала, и мы стали ждать дня, когда с самолётов спустят оружие и начнётся месть.

Я много говорил своим лейтенантам о традициях офицеров прежней русской армии. Офицер был и хозяином своей части, и отцом своих солдат; он шёл перед ними в бой и он за них отвечал. Всё это их очень интересовало, но более всего — мои беседы о будущей национально-трудовой России. Эти беседы, в том числе о частной собственности на землю, я вёл со многими русскими. С рабочими же говорил о правах

рабочих, в частности во Франции, которую знал хорошо. Объяснял я и то, почему другим помогает международный Красный Крест, а русским — никогда. Этот факт наших весьма возмущал, но никто не догадывался, что виною этому — Сталин. Напомнил я и о том, что когда в 1932–1933 гг. миллионы русских умирали от голода, в порт Марселя на моих глазах прибыли из СССР «Феликс Дзержинский» и два других корабля, гружённые свинными тушами. Французы думали, что это опровергает слухи о голоде в России.

Так, в тяжёлой обстановке, я приобрёл много друзей среди подсоветских ребят. Они меня уважали и при мне даже не ругались, хотя были на то большие мастера.

В конце марта к нам прибыло около тысячи человек из концлагеря в Ульме. Нас потеснили и одновременно урезали паёк, чтобы накормить прибывших. По их сведениям, американцы уже где-то перешли верховья Дуная и вот-вот займут Ульм, от которого до Аугсбурга — 72 километра. Слухи эти подтверждались тем, что начальство стало нервным и злым, а работали мы всё реже — больше времени проходило в воздушных тревогах. Затем прошёл слух, что 15–20 апреля наш лагерь эвакуируют, а если не успеют, то всех расстреляют. Такое случалось — в Дахау, по словам американской листовки, «под занавес» было убито 40 000 человек.

Неожиданно 23 и 24 апреля нас на работы не погнали, а заставили вытряхивать в лагере матрацы, разбирать койки и сваливать всё это во дворе в одну кучу. Две ночи мы провели сидя или лёжа, кто где приткнулся. На следующее утро к часу дня приказали выступить в поход. Брать с собой разрешили только два одеяла и хлеб. Началась смена декораций. Немцев, сидевших с нами в концлагере, комендант вызвал в эсэсовский блок. Они, равно как и охрана, были переодеты в штатское. Всех немцев вооружили и назначили их старшими команд, состоявших из 80–100 арестантов. Немцам-заключённым дали не только волю, но и грузовую машину, полную продуктов, коньяка и вина. Нам же — всем остальным — сухой хлеб на три дня, который, естественно, был съеден сразу же. Настроение у заключённых было подавленное, будто собрались хоронить друг друга. Только и слышалось: «Так ты не забудь мой адрес!»

Сам я был слаб и чувствовал, что в моём возрасте похода в неизвестность не вынесу. Случайно я встретил Николая Кирилловича Воронцова, русского врача из военнопленных. Он меня спрашивает:

«Вы знаете, что нас сегодня в три часа погонят пешим порядком? Распоряжение поступило такое. Если удастся пройти до Дахау, то в Дахау, а если нет, то погонят в Альпы. Слухи в толпе неважные. Дахау — газовый душ, Альпы — расстрел». Я обратился к нему за советом, что мне делать: я и так еле хожу. Он подал мне руку и говорит: «Приходите ко мне сию же минуту, я буду сопровождать больных и постараюсь вас устроить на грузовые машины». В это время раздалась команда: приготовиться к построению. Я поспешил к лазарету, но меня не пустили: уже поздно! Я побежал вокруг, чтобы пройти через заднюю дверь. Доктор здесь меня ждал и сходу начал ругать, мол, где я пропадаю. Он уже заготовил больничный лист, температура была записана 39°, и через пять минут я лежал на больничной койке. Лагерь тем временем был построен, по пять человек в ряд, и в четыре часа 25 апреля двинулся в путь.

Жаль, что в последнюю минуту не пришлось проститься с Захаром Филипповичем Грацюком, белорусом, пожилым профессором Московского университета, с которым я подружился ещё в Дахау. В госпитале же через одну койку от меня лежал другой мой знакомый, Гавриил Иванович Долгов, профессор Харьковского университета. Он много говорил о несправедливости советской власти и ни за что не хотел возвращаться в СССР, а «если — то только в Россию».

Выйдя из лагеря, колонны двинулись по шоссе в направлении Дахау. Но не прошли они и десяти километров, как был отдан приказ повернуть на юг, в Альпы. Нас же, больных, подняли на ноги и заставили чистить двор. Потом прибыли машины, и нас погрузили. Открытые грузовики были битком набиты стоящими в кузовах людьми. Те, кто оказались в середине, не страдали от ветра, но крайним пришлось очень плохо: одеты мы были во что попало. Заключённые сами навели порядок: стоявшие в середине сняли свои халаты и отдали их крайним.

В 11 часов вечера нас привезли в Ландсберг, к югу от Аутсбурга, в лагерь № 2. От холода в пути многие заболели, наутро несколько человек умерло. Все мы, больные, лежали на полу в землянках. Отсюда мы наблюдали построение в лагере больших колонн, до 10 000 человек. К 12 часам дня 26 апреля они покинули Ландсберг, но к часу появились новые: это были наши, вышедшие из Аутсбурга пешком почти сутки тому назад. Они рассказали, что эсмены остановились в двух километрах отсюда, в лесу. Настроение у них паническое. наших же

сопровождали переодетые заключённые-немцы. Колонну из Аугсбурга накормили, они переночевали и 27 апреля двинулись дальше.

В лагере № 2 в Ландсберге остались только больные, человек 800. На обед нам дали варёной брюквы, сказав, что тут были колонны, не входившие в расчёт, и больше еды не осталось. Затем нас вывели из землянок во двор, так как внутри шла уборка. Местный врач-чех объяснил нам, что ночью всех увезут грузовиками на станцию, к утру не останется никого. Грузиться надо в темноте, чтобы избежать налётов, а двигаться — подальше от фронта. Долгов спросил: «А разве фронт близко?» — «Судите сами по выстрелам», — ответил чех. Действительно, гул орудий был слышен. Пока мы с Долговым рассуждали, что на грузовики садиться опасно, могут отвезти и на расстрел, я увидел в разбитое окно, как постовой эсэсовец раздвинул рукой проволоку, пролез через неё, зашёл в одну из ещё не достроенных землянок, взял там новый матрац и вернулся тем же путём. Я глазам своим не поверил: значит, проволока не под током!

Мы сговорились: как только станет совсем темно, проберёмся по следу этого постового в новые землянки, а там будь что будет! Я перекрестился, стал на колени и вполголоса творил молитву. В десять часов вечера началась погрузка на машины первой партии больных, в двенадцать часов пригнали машины за второй. Нельзя было мешкать, чтобы при погрузке наш уход не заметили. Оставались только немногие действительно больные, кому уже всё было безразлично. Мы прошлись по землянке, убедились, что рядом никого нет, спросили у больных, нужна ли кому помощь, и, не получив ответа и набравшись смелости, вылезли в разбитое окно. Затем прижали проволоку, помогли друг другу перебраться на ту сторону, пошли быстрыми шагами к первой землянке... и застыли: по нашему следу в темноте бежала фигура. «Дмитрий Прохорович, мы пропали!» — воскликнул профессор Долгов. Но его испуг был напрасным: к нам подошёл русский парень, лет 16. Мы вскочили в землянку, наполненную матрацами. «Ты как сюда попал? Почему у тебя лицо в крови?» — обращаюсь я к нему. «Это я пролезал сквозь проволоку, она отпрыгнула и содрала мне морду. Ничего, заживёт!» Далее выяснилось, что его зовут Сенька, что он подслушал наш с Долговым разговор в больничной землянке и решил присоединиться. Он добавил: «Я тебя знаю ещё по Аугсбургу, мне говорили пацаны, что этот старый очень хороший, знает всё про Союз лучше нас и, главное, знает, что будет в России после коммунистов».

Он смотрел на меня умоляющими глазами и просил: «Не прогоняйте меня, возьмите с собою вместе». Я дал ему честное слово, что он всегда будет с нами, если того пожелает. Он вскоре заснул, и мы его накрыли матрацем — чтобы его не обнаружили, если найдут нас.

Вскоре со стороны госпитальных землянок послышались шум, крик, стоны больных — это их тащили поближе к воротам. Затем шум моторов и повелительный голос: «Fertig!»⁴⁹ Больных, полураздетых, два дня не видевших хлеба людей погрузили в машины, как дрова. (Это нам потом рассказал спасшийся от погрузки человек. Он упал в канаву и притворился мёртвым. На него бросили пару запачканных калом одеял и чьё-то мёртвое тело.)

Все машины ушли, а с ними и охрана. Я и Долгов, забившись в матрацы, слышали шум и разговоры. Потом вдруг стало тихо. Мы двое в эту ночь не сомкнули глаз, часы тянулись без конца. Утром решили вылезти на разведку. Но Сенька проснулся и опередил нас. Бежит сломя голову и кричит: «Дядя, дядя, за проволокой наши полосатые ходят!» Я ему пригрозил, чтобы он молчал, но он не унимался: «Вылезай, дядя, во двор, здесь никого нет!»

В восемь часов утра 28 апреля мы вышли из землянки на свет. Был солнечный день. По двору лагеря прогуливались люди, а наш Сенька бегал от одной группы к другой, делясь новостями. Концлагерники вылезали из всех конур, кто где умудрился скрыться. Причем каждый думал, что только ему одному это удалось. На самом деле уцелевших набралось 60 человек. Мы стояли на лагерной площади и слушали вдали артиллерийскую канонаду. Над головой пронеслись боевые американские самолеты: сначала 25, потом 100, потом не успевали считать. Мы махали им руками, шапками, плакали от радости, целовались. Позже появился одиночный самолёт, сделал над лагерем два низких круга и, сбросив какой-то предмет, удалился. Предмет оказался резиновым мешком, в котором находились коробки с хорошими, сладкими галетами. Не буду описывать, как на них набросились люди, ожидавшие голодной смерти...

Не успели мы съесть по несколько галет, как у ворот лагеря появился американский танк. Из него вышел офицер, осмотрел ворота, сбил выключатель, сел снова в танк, без труда выставил ворота и въехал в лагерь. Здесь он объявил: «Вы освобождены американской

⁴⁹ Готово! (нем.)

армией!» Заключённые бросились к его ногам с радостными криками: «Ура! Живиио! Вив!» Но некоторые так и не отходили от резиновой бомбы, жадно поглощая галеты. Офицер распорядился их забрать. Он оказался чехом, служившим в американской армии; хорошо говорил по-польски и немного по-русски. Он объяснил, что, наевшись с голоду галет, легко умереть, обещал прислать санитарный отряд и уехал.

Вскоре прибыла машина Красного Креста с врачом, двумя сёстрами и несколькими санитарями, а за ней грузовик с бельём и продуктами. Нас всех осмотрел врач. Нагрев в эсэсовских котлах воды, мы вымылись, надели чистое бельё, легли в чистые кровати. И сами себе не верили: правда ли это или сон? Ко мне подошёл Долгов, плача от радости: «Дмитрий Фёдорович, есть Бог, всемогущий и всемилостивый...» Нам дали три раза по полстакана молока. Заключённые роптали, что вроде как малым детям. Им объясняли, что от галет уже трое умерли, но люди сочли это случайностью. На второй день нам давали манную кашу, по маленькой порции каждый час, а на четвёртый день разрешили есть, кто сколько хочет. Два месяца мы оставались под надзором американского врача.

Наше самочувствие быстро улучшалось, и на четвёртый день врач отправил нас на прогулку. Мы группой вышли за лагерь, в лес. Прошли мимо большой ямы, куда сваливался мусор и ржавое железо. За ней была поляна под большими деревьями, с разрытой травой. Один из нашей компании спустился в этот лесок по надобности и оцепенел: из земли торчала нога в штанине нашего концлагерника. Мы сразу вернулись и доложили об этом американскому офицеру. Он осмотрел место и распорядился, чтобы из деревни прислали рабочих с лопатами и кирками. Начались раскопки. Ими руководил лейтенант Гесс. Оказалось, что могила здесь не одна, их много; в выкопанных трупах мы начали опознавать своих знакомых. Все убитые оказались теми больными, которых отправляли на грузовиках в ночь на 28 апреля, якобы на вокзал. Выкопали более 800 трупов. Это открытие всех очень взволновало. Кто-то нас, 60 человек, чудом спас, толкнул спрятаться в нежилых землянках!

Потом пошла нормальная жизнь. К нам добавили людей из вольных лагерей, по большей части русских. Они ожидали отправки, как сами говорили, домой. Одни были довольны, другие боялись: «Там нас ждёт тот же концлагерь». За неделю до отправки в СССР молодёжь притащила откуда-то бочонок спирта. Пригласили и меня на прощальный вечер.

Я пошёл к ним после ужина. В комнате собралось 12 человек, все молодые, от 16 до 23 лет, и все уже навеселе. Бочонок со спиртом прилажен на табурет возле стола. Меня посадили за стол и первым делом предложили выпить. Я сперва не отказался, но когда поднёс стакан ко рту, меня от одного запаха потянуло на рвоту. Пить это было нельзя. Тогда ребята дали мне стакан хорошего рейнского вина, которое я выпил с удовольствием. Поблагодарив их за внимание, я сказал: «Бросьте пить этот спирт, это настоящая отравка! Пейте красное рейнское вино, его у вас много». — «Да, знаете, отец, вино пьёшь как воду, и пьяным не будешь, а что за гулянка, если не напьёшься?» Я подумал: им это не в первый раз, возможно, они знают лучше меня. Проводы справляли всю ночь, но на утро все 12 человек были помещены в больницу с сильнейшим отравлением. Никакие меры не помогли, и уже к двум часам дня восемь человек умерли в муках. Четверо ослепли и умерли на следующий день. Среди погибших оказался и наш Сенька. Его было особенно жаль!

Все подсоветские получили распоряжение к 15 июня быть готовыми к отправке в СССР. Часть фальшиво славила отца народов, но уезжала со слезами на глазах. А часть просто разбежалась — кто куда. После 15-го в лагере остались только я и один старый эмигрант из Югославии.

В июле мы вдвоём тронулись в Людвигсхафен. До Ульма ехали на попутных машинах, потом удалось попасть на поезд. Там, где жила моя жена Нина, я увидел одни развалины, но 14 июля нашел её — через местного православного священника. Жена работала у немцев прислужкой. Она была в плохом состоянии, но после моего приезда начала поправляться. Я же стал лечиться у местного немецкого врача: как бывшему заключённому мне полагалась медицинская помощь. Когда окрепли мои ноги и перестало шалить сердце, я поступил на работу к американцам на склад Красного Креста и проработал там с декабря 1945 по апрель 1947 г. За это время мы связались с нашей дочерью Лидой, жившей в Сан-Франциско. Она сразу стала хлопотать о визах в США, и 17 июля 1947 г. мы приплыли в Америку. Мы счастливы, что снова вместе; дочь и её муж Владимир Владимирович нас балуют и уделяют нам много внимания.

Я человек религиозный, всегда верил в Господа нашего, Великого Защитника. И Господь не оставит тех, кто на него полагается. В итоге добро побеждает, зло уступает. Скоро и над Русью засияет солнце. Народ русский воспрянет, флаг трёхцветный водрузится над твердынями Руси.

*Смерть не страшна,
Когда зовёт Россия.
Мы не одни, восстанет вся страна.
И, отдавая жизни молодые,
Мы знаем: нам победа суждена!*

Владимир Быкадоров

ДОКТОР СЕРГЕЕВ⁵⁰

Для меня Коля Сергеев стал героем ещё в раннем детстве, когда мне было не больше пяти лет. В то далёкое время наши семьи жили в окрестностях Праги, в живописном, расположенном среди сосновых лесов селении Уезд. Коля оканчивал восьмой класс русской гимназии. Всю неделю он жил в гимназическом пансионе в Праге, а на воскресенье непременно приезжал домой.

Однажды Коля опоздал на вокзал. Долго не задумываясь, находчивый юноша сел в скорый поезд, идущий за границу. И вблизи своей станции, на повороте, когда мчащийся поезд слегка замедлил ход, бесстрашно выскочил из него. Домой Коля явился в порванной одежде, с разбитыми коленями и исцарапанным лицом. На протяжении нескольких недель проживающие в Уезде русские мамы охали и ахали. Все без исключения осуждали гимназиста за безумный поступок. В моих же глазах, несмотря на разумные рассуждения взрослых, Коля мгновенно вырос в живого, а не книжного, непревзойденного героя и кумира.

От старшего брата мне часто приходилось слышать о волшебном мире, в котором живут члены молодёжной организации «Витязи». Её центром и душой был всеми любимый и уважаемый старший руководитель Сергеев. Но по малолетству о вступлении в этот пленяющий меня мир я мог лишь мечтать. Затем наша семья переехала во Францию, и моя мечта осталась несбывшейся. Вскоре после переезда связь между нашими семьями, знакомыми ещё по России, прервалась...

Прошло более десяти лет. Наша очередная встреча с Николаем Сергеевым, уже доктором Сергеевым, произошла на квартире знакомых

⁵⁰ Новое русское слово. 23.09.1987.

в Берлине, в дни только что начавшейся войны. Доктор Сергеев отнёсся ко мне как к брату. Он подробно расспросил, как мне удалось устроиться с жильём, кем приходится работать, чем я интересуюсь. Я откровенно рассказал, насколько тяжело и скучно мне в чужом и неприветливом мире. И вскоре Николай ввёл меня в местную русскую юношескую организацию, предупредив, однако, что деятельность её находится под наблюдением местных властей.

Эту Национальную Организацию Русской Молодёжи (НОРМ) основали русские эмигранты взамен запрещённых нацистами скаутов. Во время войны из всех оккупированных стран Германия свозила на свои заводы рабочую силу, и в рядах этих «арбайтеров» было немало молодых людей из России. Их, очутившихся в Берлине, по понятным причинам тянуло к своим, в НОРМ. Воспитательная работа шла с большими затруднениями: каждому самоотверженному руководителю было ясно, что любое неосторожное слово или поступок поставят под вопрос не только его будущее, но и будущее всей организации. Сборы наши проходили в закрытом помещении. Песни мы пели вполголоса, чтобы соседи не пожаловались полиции. Когда же ходили в поход, форму не надевали. Где-нибудь за городом, на частном, принадлежащем русским людям участке ставили палатки, украдкой поднимали миниатюрный русский флаг...

Как только я попал в эту организацию, мне сразу бросилась в глаза сплочённая, на редкость дружная группа скаутских руководителей из Югославии. Со Славой Полчаниновым и Олегом Поляковым я сразу подружился. Разузнав мои тайные мысли, старший скаутский руководитель под строгим секретом рассказал мне о подпольной скаутской группе, действующей под прикрытием НОРМ. И тут же предложил вступить в её ряды. Я согласился. И вскоре на одном из занятий курса для руководителей в лекторе я узнал доктора Сергеева, к тому времени секретно соединившего пражских «Витязей» со скаутами из Югославии.

Как бы ни была интересна и увлекательна работа с молодёжью, многим из нас в эти роковые для нашей родины времена хотелось включиться в непосредственную политическую борьбу за освобождение России. Этот путь служения мне, а также многим другим подсказал тот же неутомимый, везде успевающий Николай Митрофанович Сергеев — член и один из руководителей Национально-Трудового Со-

юза. Благодаря его рекомендации я поступил на руководимые им подготовительные национально-политические курсы.

Официально служа в немецкой больнице, по ночам бесстрашный доктор, несмотря на строгий указ немцев, который запрещал эмигрантам любые контакты с советскими гражданами, проникает то в один, то в другой остовский лагерь. Многим больным он немедленно оказывает медицинскую помощь, когда необходимо, дарит с трудом доставшиеся ему лекарства; с особенно нуждающимися делится своими продовольственными карточками, деньгами и куревом. Для этих бесправных людей у доктора находятся слова утешения и надежды. С теми, кого волнует будущее родины, доктор делится своими убеждениями, знакомит с основами нашего политического мировоззрения, говорит о возможности лучшего, свободного и справедливого будущего, освобождённого от коммунистической диктатуры.

Много лет спустя мне привелось узнать, что вылазки бойца за будущее России не ограничивались окрестностями Берлина. Николаю Митрофановичу удавалось проникать и в лагеря остовцев, и в строго охраняемые лагеря военнопленных в нескольких сотнях километров от немецкой столицы. Везде, где ему удаётся побывать, зарождается надежда. После такого визита, как правило, находится способ регулярной переброски в лагерь русской антикоммунистической литературы.

Шли месяц за месяцем. Помимо нависшей над нашими головами опасности со стороны гестапо очень изнуряли бесконечные дневные и ночные воздушные бомбёжки. С ноября 1943 г. бомбы сыпались ковром, мгновенно уничтожая десятки кварталов. Мои встречи с Николаем Митрофановичем становились всё более редкими. Изредка мне удавалось навещать его мать, живущую в другом конце города. Коли дома никогда не было, и когда он вернётся, Мария Ивановна не знала. Однако Новый год нам всегда удавалось встречать вместе. В складчину мы умудрялись соорудить кое-какое угощение. Кто-нибудь выменивал где-нибудь бутылку вина. Пели новые патриотические, дошедшие с родины песни: «Землянку», «Жди меня», «Когда мы вернёмся домой». Декламировали стихи...

Особенно врезалась в память наша последняя встреча на Новый, 1944, год. Под утро, когда все умолкли, Николай Митрофанович, как будто предчувствуя, что видимся мы в последний раз, попросил:

— Ну а теперь, Володя, продекламируй моё любимое!

Он внимательно вслушивался в не раз слышанные стихи Константина Симонова, точно впитывая каждое слово. В них говорилось о художнике Верещагине, докторе Кохе и лётчике-герое Чкалове, погибших в расцвете сил, жертвенно служа человечеству. Последние строфы Коля, будучи полностью согласен с автором, произнёс вместе со мной:

*Нет, мне не жаль всех тех, кому свинец,
Огонь, вода, чумные карантинны
Вписали неожиданный конец
В их опыты, полёты и картины.
Мне жаль того живого мертвеца,
Который без волнений и терзаний
Ещё при жизни дожил до конца
Своих гроша не стоящих дерзаний.*

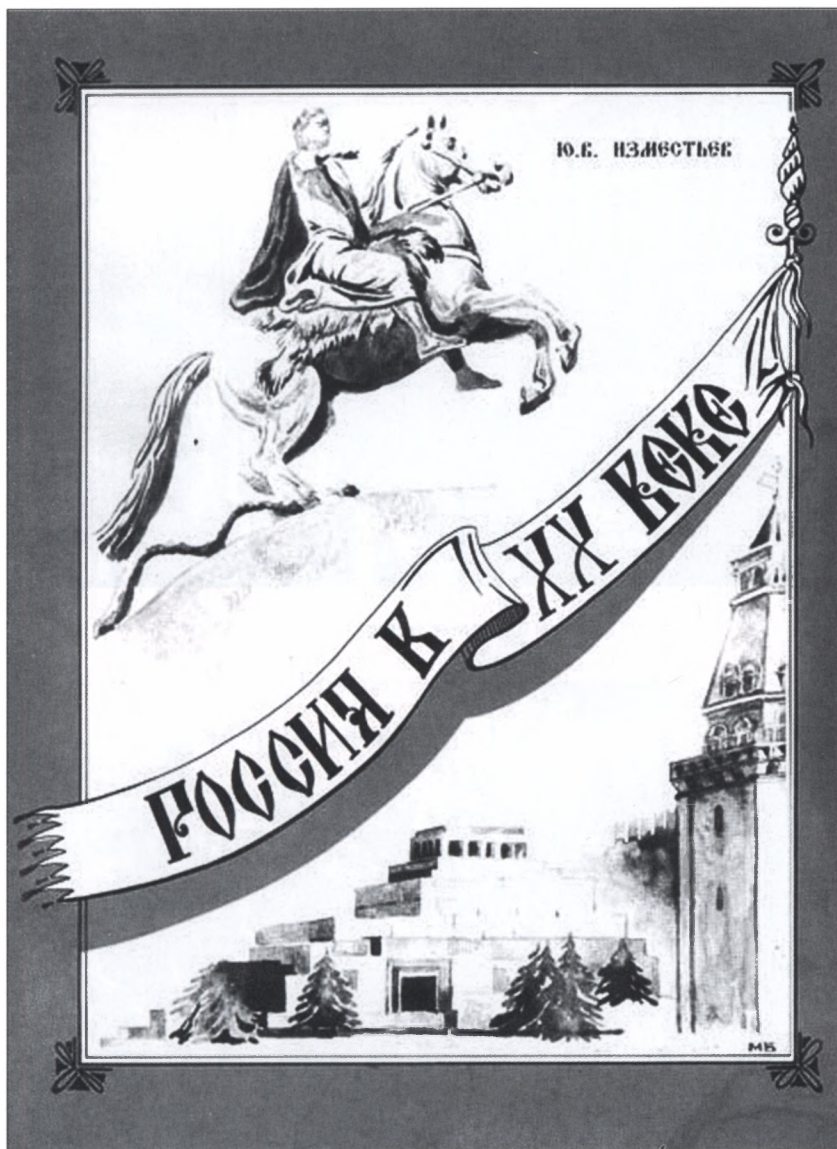
На этот раз взволнованный доктор Сергеев первым покинул встречу — тяжело вздохнув и кивком головы попрощавшись со всеми нами.

Несколько месяцев спустя до нашей организации дотянулись щупальца гестапо. После ареста, в карантине концлагеря «Заксенхаузен», мне удалось узнать о судьбе Николая Митрофановича.

После двухнедельного карантина Колю, привыкшего к физическому труду, но ослабевшего от недоедания и хронического недосыпа, направляют на самую трудную работу. Ежедневно, на протяжении десяти часов, при скудном питании ему приходится долбить мотыгой ссохшуюся, глинистую землю и грузить ею вагонетки. Потом, изнемогая от усталости, голода и жажды, толкать их на самый верх насыпи. Вскоре у доктора Сергеева на ноге образуется рана от деревянной колодки. Медицинской помощи арестантам не полагалось, забинтовать нечем. Через несколько дней начинается гангрена. При помощи старой, заржавевшей бритвы, без наркоза Коля пытается собственноручно предотвратить заражение, но гангрена продолжает распространяться.

В середине июля 1944 г. доктор Николай Митрофанович Сергеев в возрасте 33 лет навеки покидает этот мир, оставив будущим поколениям яркий пример бескорыстной службы людям и родине.

Я уверен: сотням русских рабов и военнопленным, соратникам по борьбе за освобождение родины от коммунизма, подпольной скаут-

Обложка книги Измestьeвa

Варшава довоенная

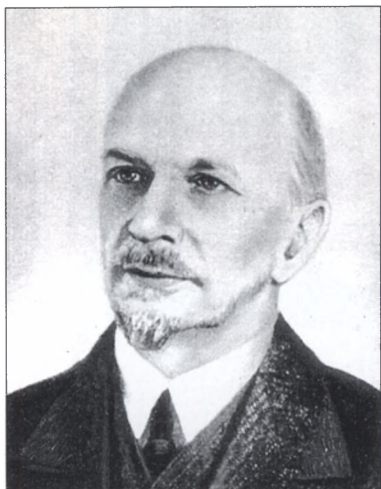
Вступление немецких войск в Польшу 1 сентября 1939 г. в 6 часов утра

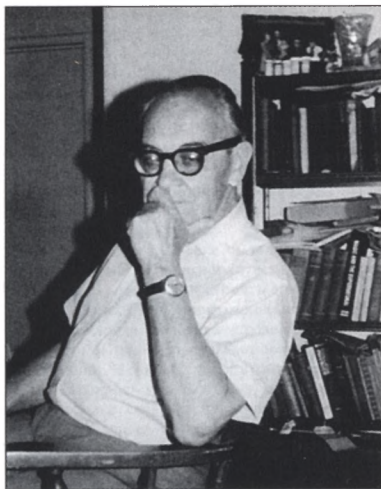
Изменение границ Польши

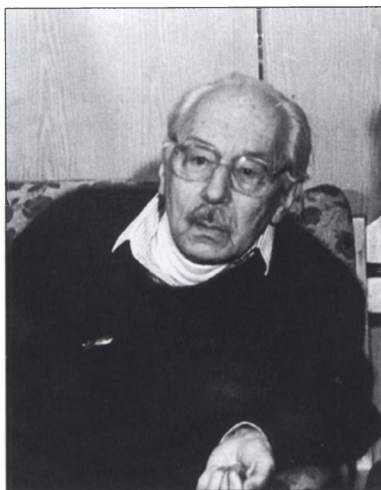
Генерал Власов среди соратников

И. А. Ильин

Ю. И. Измestъев

С. А. Зезин в 90-е гг.

Каргопольлаг

Партизанский рейд

Немецкие части вступают в Вязьму

Пленные красноармейцы

В Вязму входят советские части

Сергей Бевад

Сергей Яковлев

Сусанна Данилова

Юрий Луценко

Олег Поляков

Александр Данилов

Нина Стратиенко

Елена Манохина

Клавдий Цыганов

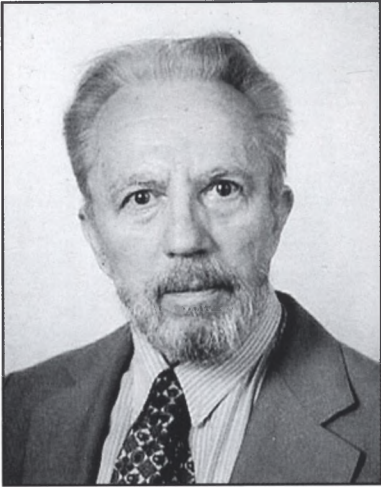
Малик Мулич

Борис Фомин

Игорь Белоусов

Юрий Жедилягин

Борис Оксюз

Мирослав Чипиженко

Константин Болдырев

Атаман Доманов

Листовка

ской молодёжи, всем попавшим в последующие годы под иго советской власти легче было нести невыносимую тяжесть существования оттого, что им выпало редкое счастье знать витязя земли русской — Колю Сергеева.

Глеб Рар

НАБАТ ЗА РЕШЁТКОЙ⁵¹

Полицейское управление в городе Бреслау (ныне Вроцлав) занимало целый квартал, во внутреннем дворе которого находилась тюрьма. Туда меня и посадили. Моим сокамерником оказался немец, белёсый, с длинной шевелюрой, чуть старше меня. Я представился: «Я русский антикоммунист». Он ответил: «А я немецкий коммунист». Он сидел уже девять месяцев. Был фанатичным приверженцем порядка. Камеру чистил и мыл так, что она считалась образцовой. И, несмотря на то что коммунист, как ариец немецких кровей и гражданин рейха пользовался некоторыми привилегиями. Например, ему было разрешено работать. Работа его заключалась в том, чтобы реставрировать конверты поступавших в полицию писем и пакетов. В его распоряжении были листки белой бумаги, ножницы и клей. Требовалось заклеить адреса первоначальных отправителя и получателя и приготовить конверт ко вторичному использованию. Каждые два-три дня ему приносили в камеру картон с конвертами разных форматов и забирали готовую продукцию. Таким образом, в камере у нас была бумага, правда, в основном грубая и толстая, коричневая. Карандашиком мой сокамерник давно уже обзавёлся через кальфакторов⁵² — разносчиков по камерам и раздатчиков баланды. Возможно, в обмен на ту же бумагу от конвертов.

Наличие бумаги и карандаша, а также установившиеся отношения с некоторыми давнишними кальфакторами позволили наладить переписку с Д. В. Хорватом и Жоржем Позе, находившимися в других камерах. Оказалось, что Жорж не только студент-филолог, но еще и поэт

⁵¹ Рар Г. Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции // По этапам Третьего Рейха. М.: Русский путь, 2006. С. 81–83.

⁵² Kalfaktor (нем.) — служитель, уборщик (б. ч. тюремный); доносчик, ябедник.

и под псевдонимом Георгий Полошкин (фамилия его матери) пишет стихи. Одно из них я «опубликовал» на страницах «Набата за решёткой», первый номер которого вышел в одном-единственном экземпляре на технической базе конвертов и бумажек моего сокамерника-коммуниста в сентябре 1944 г. Экземпляр этот я потом через маму (ее освободили 30 августа) передал на волю, и он сохранился. Вот это стихотворение Жоржа:

*Корку хлеба дали мне и воду
И сказали, что мой дом — тюрьма.
Здесь учусь ценить тоску свободы,
Здесь узнаю, что такое тьма.*

*По ночам — изорванное небо
Сквозь решетку льёт сырую грусть...
Я не знаю, был я или не был
В той стране, что называют «Русь».*

*Я не знаю, буду ль на свободе...
Только вера за стеной — сильна
В ту страну, где солнце не заходит,
В тех людей, что породит война.*

*Я не знаю, вырастут ли травы
В тех местах, где выжжена земля,
Но я верю, что бессмертной славой
Зазвонят родимые поля...*

*А пока — глухая ночь спустилась
И решётку месяц осветил...
Знаю я, что мне ещё не снились
Все преграды на моём пути.*

*Но когда подкрался сумрак серый
На заре к окошку моему —
Я увидел, как моею верой
Озарил рассвет мою тюрьму...*

Автор подписал это стихотворение так: «Сентябрь 1944. Тюрма».

В конце октября Жорж Позе-Полошкин, как и большинство из нас, был направлен в концентрационные лагеря. В какие именно, в какой последовательности — я не знаю. В конце войны он оказался в лагере «Берген-Бельзен», куда пришли англичане. Убрали колючую проволоку между мужским и женским лагерями, и в женском лагере Жорж встретил свою невесту Ирину Дубовскую и её мать А. Н. Хорват. Договорились встретиться на следующий день, 2 мая. Придя, они нашли Жоржа мёртвым. Он покоится в одной из братских могил-курганов лагеря «Берген-Бельзен» под покровом из пурпурно-фиолетового вереска.

За неделю до моего ареста, 6 июня, началась высадка союзников...

Мария Туманова

МОЕЙ РОДИНЕ Я НЕ ИЗМЕНЯЛА⁵³

Аттестат мне вручили 20 июня, а 22-го началась война. Вскоре, 6 июля, я ушла добровольно на фронт и попала на строительство военных укреплений на линии Брянск — Смоленск. Работали днём и ночью, спали мало, в шалашах из еловых лап, существовали впроголодь. Шли дожди, шалаша промокали насквозь, я заболела ишиасом и фурункулёзом. Немцы стремительно приближались. Никому до нас дела не было, и нас распустили по домам.

Я приехала в мой родной город Клинцы Брянской области 18 августа, а в ночь на 19-е город заняли немцы. Отца моего я застала при смерти, через месяц он умер. Хлеба тогда у нас не было, не было вообще никаких запасов. Мама доставала брюкву, её мы варили, и морковь, из которой пекли лепешки. Так мы после папиной смерти и жили: мама, 12-летний брат Володя и я. Старший брат Алексей был на фронте.

Немцы расклеили повсюду приказы об обязательной регистрации всех трудоспособных на бирже труда. Чтобы избежать насильственной отправки на работу в Германию, я стала преподавать немецкий язык в школе. В то же время писала на немецком листовки о зверствах фашистов над русскими военнопленными и евреями. Ходила в церковь, молилась об освобождении родины.

⁵³ Посев. 2000. № 7.

Летом 1942 г. к нам в Клинцы приехал Юрий Соловьёв, 18-летний русский эмигрант из Польши. Он привёз нам письмо от наших родственников из Брянска.

Наша семья старообрядческая, отец, мать и все родные — глубоко верующие; прадед мой был священником. У нас были киоты со старинными иконами, церковные книги. Никто из моих родственников в большевицкую партию не вступал. Соловьёв проникся ко мне доверием. О России он говорил с большой любовью; мы читали с ним стихи о родине, с неприязнью говорили о немцах, интересы которых оказались чисто захватническими. Юрий утверждал, что русский народ победы немцев не допустит. Я ему рассказывала об издевательствах над русскими военнопленными, эшелоны с которыми проходили мимо нашего города. Мы с моей двоюродной сестрой Валей Смирновой выносили к платформам варёную картошку, свёклу, брюкву. В каждого, кто осмеливался прыгнуть за едой, охранники стреляли. Рассказывала я и о невиданных и неслыханных зверствах немцев — о массовых убийствах ни в чём не повинных людей только за то, что они евреи.

Юрий видел, что я всей душой желаю скорейшего разгрома немцев и люблю Россию. И вскоре дал мне прочесть брошюру НТС, в которой говорилось, что России не быть немецкой колонией, и каждое слово свидетельствовало о русском патриотизме и национальной гордости. Эту брошюру я дала прочесть троим друзьям.

Вскоре я отправилась в Брянск, чтобы отвезти немного продуктов голодающим родственникам. Там я снова встретилась с Юрием Соловьёвым, и он познакомил меня со своими товарищами-эмигрантами Валентином Хасаповым, Николаем Кандиным и другими. От них я получила программу НТС. Этих людей я глубоко уважала: все они были патриотами России.

Вернувшись в Клинцы, я не возвратила пропуск, и за мной прислали нарочного. Он доставил меня в комендатуру, где я сдала пропуск. Поскольку я говорила по-немецки, мне приказали на время летних каникул приступить к работе младшей переводчицы на выдаче пропусков населению (их переводчица, «фольксдойче», ушла в отпуск по беременности).

Седьмое отделение комендатуры, где я временно работала, налаживало жизнь в городе: открывало школы, больницы, бани, производства — кожевенное, обувное, суконное и др. Возглавлял это отде-

ление военный советник, юрист, доктор Хейнц фон Марлингхауз. Его помощником был Гольке. Он помог освободить арестованного отца моей подруги Татьяны Бураковой. В мою задачу входило заполнение на немецком языке пропусков для передвижения русских людей по оккупированной территории. Доктор Марлингхауз подписывал пропуска не глядя, так что я могла выдавать их любому и старалась приносить побольше пользы людям.

Спустя некоторое время я познакомилась с военнопленным врачом-хирургом Константином Васильевичем Кошляковым. Он оперировал и лечил наших военнопленных в городе Сураже Брянской области. Поставил на ноги 53 человека. (После того, как он переехал к нам в Клинцы, большинство из этих людей ушло в партизаны.) В апреле 1943 г. я вышла за него замуж. Мне было девятнадцать, ему двадцать семь. После Сталинградского поражения немцев мы распространяли листовки на немецком языке «Тени под Сталинградом». Листовки сбросил в тылу немецкой армии наш самолёт, и мой брат Володя их нашёл. Дело в том, что от немцев в то время скрывали масштаб поражения.

После прихода немцев к нам в Клинцы перебралась из Минска Р. М. Шклярова и поступила на работу в тот же отдел комендатуры, где работала я. Она была на 15 лет старше меня и более опытна. Зная о её патриотическом настрое, я рассказала ей об НТС и его целях. Вскоре её арестовало местное гестапо по подозрению в том, что она еврейка. Я носила ей в тюрьму передачи, оставляя моих домашних голодными. Доказать, что Шклярова еврейка (для немцев она свои данные, конечно, изменила), не смогли, и через месяц её освободили. Я считаю, что тут помогло также ходатайство доктора фон Марлингхауза или Гольке, очень человечных по натуре.

В немецкой тюрьме

В июне 1943 г. Регину Моисеевну снова арестовали — на этот раз немецкая контрразведка из Гомеля. А 6 июня арестовали моего мужа, мою двоюродную сестру Валентину Смирнову, нашу подругу Татьяну Буракову и меня. Всех увезли в немецкую тюрьму в Гомель. Я была на втором месяце беременности. Меня поместили в камеру № 27, а через два дня туда втолкнули Шклярову. Она зарыдала, бросилась

передо мной на колени и сказала, что, не выдержав жестоких пыток, избиений и угроз расстрелом, назвала наши имена. Её обвиняли в том, что, будучи еврейкой, она осталась в оккупированных областях с заданием проникать в немецкие учреждения, и требовали назвать антинемецкие группировки. Шклярова осталась в живых: меня впоследствии допрашивали о ней уже советские следователи.

В немецкой тюрьме мы с мужем пробыли семь с половиной месяцев. Нас освободили в середине февраля 1944 г. из тюрьмы города Мозыря. Незадолго до этого начальника «Абвера-315»⁵⁴ Гартмана сменил обер-лейтенант Цинт, который дал распоряжение выпустить нас с мужем из тюрьмы. Правда, Гартман ещё в течение двух месяцев не возвращал нам документов, и мы оставались под домашним арестом. 2 марта 1944 г. у нас родилась дочь Ирина.

В немецкой тюрьме, добиваясь признания в принадлежности к антинемецкой организации, меня избивали палками, обкрученными проволокой. Тело покрылось гноящимися ранами, от голода я опухла, зубы крошились под пальцами, как мокрый сахар. Выводили меня и на «расстрел» — для «психологического воздействия».

«АЕ-824»

После отступления немцев я работала в Бресте медицинской сестрой на станции переливания крови; муж работал хирургом в брестской больнице. Там мы были арестованы органами УНКГБ: муж 6 января, я 23 января 1945 г., по обвинению в «принадлежности к антисоветской организации НТС», в работе переводчицей в комендатуре и сотрудницей «Абвер-группы 315». Последний пункт обвинения был подтасован следователем НКГБ Лозуновым (он же начальник НГТБ в Клинцах). Ознакомившись с делом, я отказалась подписать 206-ю статью, объявила в тюрьме голодовку, вызывала прокурора, писала заявления о неправильном ведении следствия. Но Лозунов только смеялся и говорил, что прокурор — его друг.

Меня приговорили к 15 годам ИТЛ по статье 58-1-а. В ГУЛАГе я была почти 11 лет, до 30 октября 1955 г. «Наказание» своё отбывала

⁵⁴ Abwehr (нем.) — орган военной разведки и контрразведки Германии в 1919–1944 гг., входил в состав Верховного командования вермахта.

на станции Тахтамыгда Читинской области, где у меня родилась вторая дочь. В лагере она пробыла со мной три года. Дети находились в бараке с нянькой-бытовичкой, а нас, матерей, гоняли на работу. Когда встал вопрос об отправке её в детдом, приехала моя мама и забрала её в Клинцы, где с ней уже жила моя старшая дочь. Не имея никаких средств к существованию, презируемые, они едва выжили.

В лагерях меня держали в чёрном теле, назначая на тяжёлые работы. Я работала в каменных карьерах, на строительстве железной дороги на БАМе (Дальстрой). Заключение гоняли по трапу тачки с камнями, работали на лесоповале, на себе выносили тяжёлые лиственницы из тайги к реке и штабелевали до весны. Морозы доходили до -56°C . Как ни закрывали лица платками с прорезями для глаз, кожа трескалась, раны сочились и снова замерзали. Лица покрывались чёрными струпьями. А летом мучил гнус, укусы которого вызывали невыносимый зуд и отёки. На БАМе я была на лагпунктах № 20, № 25, № 26 и др. Оттуда этапирована в Иркутскую область в особый закрытый режимный лагерь «Озерлаг», где снова работала на железной дороге и на лесоповале. В тайге спиленные деревья нередко зависали, цепляясь за рядом стоящие, которые тоже надо было спиливать. Сколько женщин погибло на моих глазах под упавшими деревьями! Сколько матерей не вернулось к детям! Конвой стрелял, если перешагнёшь в тайге за запретку — кол с фанерной дощечкой, на которой написано: «Запретная зона». Но надписи со временем темнели и были плохо видны...

Все заключённые носили номера, мой номер был АЕ-824. Держали нас на тюремном режиме: бараки на ночь запирались, ставилась параша, как в тюрьме, часто проводились обыски-шмоны. В любую погоду выгоняли на несколько часов под открытое небо, а надзиратели переворачивали в бараке всё вверх дном, даже разрезали матрацы; отбирали огрызок карандаша, клочок бумаги, фотографии близких.

Послевоенные годы

Советские конвоиры стреляли в меня дважды. В первый раз на лесоповале я не заметила запретку. Конвоир выстрелил, но промахнулся. Второй раз на строительстве железной дороги под Братском (в «Озерлаге») я на метр вышла за запретку, чтобы попросить вольных железнодорожников дать нам на время дрезину — подвезти

дёрн, которым мы выкладывали насыпи (нам приходилось издалека носить его на носилках). Конвоир крикнул: «Ложись!», я опустилась на рельсы, пуля просвистела над головой. Заключённые женщины прекратили работу, бросились к вышке, с которой он стрелял, раскачали её и чуть не повалили вместе с конвоиром. Начальство разбирало этот случай, но конвоир всегда прав — его лишь перевели в другое место.

В третий раз я могла погибнуть от пули, когда в пургу и страшный холод нас гнали на работу и конвоир пустил автоматную очередь по нашей колонне. Многие упали, раздались ужасные стоны и крики. Нас, не пострадавших, сразу отогнали, а упавшие оставались на снегу. Вечером, возвращаясь с работы, мы прошли по крови своих подруг. Кто из них убит, а кто только ранен, мы так и не узнали. Конвоира не судили: он, мол, споткнулся, упал и «случайно» пустил очередь в заключённых женщин... Его тоже перевели в другое место.

Последний мой лагерь – в Мордовской АССР, в Zubово-Полянском районе (Потьминские лагеря). Я была освобождена 30 октября 1955 г. в соответствии со статьёй 2 Указа президиума Верховного Совета СССР от 17.09.1955 со снятием судимости и поражения в правах. В сентябре 1963 г. меня реабилитировали. А моего мужа, который умер в лагере в 1947 г., реабилитировали посмертно...

В гестаповскую тюрьму я попала «за принадлежность к антигитлеровской организации НТС». В советскую тюрьму и лагеря — «за принадлежность к антисоветской организации НТС».

ТРЕТЬЯ ГРАЖДАНСКАЯ

«ВЕСТИ ДЕЛО ДАЛЬШЕ СПОКОЙНО И НЕПРЕКЛОННО»

(документ из архива)

*Исполнительное Бюро
для всех членов Национально-Трудового Союза
09.06.1951*

Информация

I. В силу того, что центральное руководство Союза и редакция «Посева» находятся в Лимбурге, естественно, внимание врага давно уже привлечено именно к этому пункту. Эпизодическое внешнее наблюдение, установленное за некоторыми членами Союза, проживающими в Лимбурге и его окрестностях, за домами, где они живут и работают, а также всякие иные следы действия вражеской агентуры не остались без внимания и с нашей стороны. Постепенно картина стала дополняться сведениями, получаемыми от наших друзей, имеющих соответствующие возможности в стане врага.

В силу всех этих причин имевшие доселе место попытки решительных действий со стороны большевицкой агентуры не приводили к успеху. Первая из этих попыток — увоз члена семьи одного из руководителей Союза — имела место уже в 1948 г. Эти неудачные попытки, вскрывшие стремления и приёмы большевиков по отношению к нам, не только увеличили нашу бдительность и заставили нас развить возможности получения информации из стана врага, но и помогли

нам привлечь внимание к проблеме нашей безопасности со стороны местных немецких и оккупационных властей.

Тем не менее в начале мая большевики решили бросать в дело более крупные силы. Из советской зоны были переброшены несколько групп со специальным заданием осуществить похищение некоторых из руководителей Союза.

Благодаря полученным нами своевременно информациям одна из этих групп была полностью раскрыта и после ряда драматических эпизодов передана в руки немецких, а затем и американских властей. Вторая же группа принуждена была прекратить подготовку покушения и скрыться. Первая группа состояла из четырёх человек — все немцы из советской зоны Германии. Одному из членов этой группы удалось ускользнуть. Переданные в руки властей трое дали подробные показания, из которых явствует, что вся группа была тщательно подготовлена и инструктирована в Карлхорсте офицерами МВД. Им были сообщены данные внешнего наблюдения из Лимбурга (кто и где живёт, когда приходит и уходит из дому и проч.). В их распоряжение были предоставлены большие суммы (десятки тысяч марок, в частности для осуществления ими покупки автомобиля), а также шприцы с сильным усыпляющим средством, действующим минимум десять часов. Увоз должен был быть произведён в результате нападения на улице. Жертва должна была быть втащена в автомобиль, лишена сознания при помощи шприца и доставлена в условленное место для переброски через границу — в советскую зону. Этот шприц также мог быть дан в ресторане, с тем чтобы упавшая в обморок жертва могла быть «побезно отвезена в больницу». Весь этот план был вовремя вскрыт и предотвращён.

К сожалению, преждевременно просочившиеся в прессу через немецкую полицию сведения помешали полному обнаружению второй группы и, несомненно, спугнули другие. Появилась также опасность провала одного из наших информаторов.

II. Извещая об этих фактах, мы просим Вас:

1) при всех сообщениях на сторону о случившемся точно придерживаться приведённого выше текста (пункт 1);

2) обратить внимание на тот факт, что все письма из Лимбурга при неосторожном с ними обращении могут послужить дополнительной информацией для врага. Чтобы избежать этого, мы убедительно просим Вас:

а) не указывать на положение в союзном аппарате тех или иных из наших друзей, за исключением, естественно, общеизвестных: членов ИБ и редактора и издателя «Посева»;

б) не давать посторонним лицам никаких частных адресов, за исключением редакции «Посева» и РИА;

в) не сообщать никому, за исключением тех, кому это надо знать по делу, о датах и о самом факте приезда или отъезда из Лимбурга тех или иных членов Союза.

Все эти меры не предотвращают просачивания сведений через частную переписку. Благодаря этому может создаваться впечатление, что мы скрываем уже известные широко факты. Этого не следует смущаться — для врага, конечно, важнее всего получение или подтверждение сведений из компетентных уст или из авторитетных писем. Именно таких форм просачивания и следует избегать в первую очередь.

III. По поводу всего происшедшего следует сказать: то, что произошло, не первый и не последний случай. Основные меры по самозащите могут быть приняты только на месте, то есть там, где находятся или будут находиться соответствующие органы или работники Союза. Заграничные кадры должны лишь помочь проведением указанных выше мероприятий и готовностью при всех условиях и что бы ни случилось спокойно и непреклонно дальше вести наше дело.

Глеб Рар

КОНЕЦ ВОЙНЫ⁵⁵

В начале 1949 года мне было поручено написать серию статей обо всём пережитом во время и сразу после войны — для выходящей в Шанхае «Русско-китайской газеты». Не знаю, доставила ли почта в то смутное время мои статьи по назначению. Не знаю, успела ли редакция напечатать их до падения Шанхая...

Из книги Г. А. Рара

«...И будет наше поколение давать истории отчёт»

⁵⁵ Статья даётся в сокращении.

«Тогда считать мы стали раны, товарищей считать...»

Фронт приближался. Грохот орудий раздавался уже со всех четырёх сторон. Снаряды рвались над лагерем. Около полудня в ближайшем городке протяжно завывли сирены. Это был уже не сигнал воздушной тревоги, а оповещение о непосредственном приближении неприятеля.

Все жались к полу барачков, боясь подходить к окнам. Улицы лагеря словно вымерли. Лишь изредка по ним на мотоциклетах проезжали вооружённые до зубов эсэсовцы, угрожающе поглядывая по сторонам. Все молчали. Мы знали, что три дня тому назад эсэсовцы увели из нашего лагеря на расстрел около 8000 заключённых, и имели все основания ожидать той же участи. Все наши мысли сосредоточились на одном: успеют ли американцы нас спасти? Над нами проносятся самолеты. Немецкие зенитки всё ещё яростно стреляют, но уже где-то вдали. Кругом становится тише. Неужели американцы отступили? Кое-кто осторожно тянется к окну: на сторожевых вышках по-прежнему неподвижно стоят эсэсовцы!

Вдруг в дальнем конце лагеря около главных ворот раздаётся неистовый крик. Чтó кричат — ещё не разобрать. Но гул нарастает. С криками люди выбегают из барачков, прыгают из окон, сметают все внутренние перегородки между бараками, отделяющие карантинные бараки от остальных. Мигом заполняются улицы серой толпой заключённых. «Американцы в лагере!» И гул голосов долго не смолкает. Их всего несколько десятков человек, этих американцев, узнавших о приказе Гимmlера уничтожить заключённых концлагеря Дахау и прорвавшихся к нам на выручку, имея против себя две эсэсовские дивизии. Нас предупреждают, что опасность ещё не миновала. Но мы знаем, что эти улыбающиеся американские мальчишки нас спасли и нам не грозит больше ничего. Это было 29 апреля 1945 г.

Несколько томительных недель в тифозном госпитале. Потом карантинный отдых в бывшем эсэсовском лазарете. Бесплодные поиски своих друзей в тридцатитысячной толпе выздоравливающих. Объяснение с американским комендантом по поводу отказа возвращаться в СССР. Наконец, выяснение американцами причин моего нахождения в концлагере, облачение в «штатское» и выдача документа об освобождении.

Начинается новая жизнь

Что делать? С чего начинать? Куда направляться? Где искать своих?

В те дни подобные вопросы приходилось решать не мне одному. Эти же вопросы стояли и перед теми, кого конец войны застал в полосатых лохмотьях концлагерника; и перед теми, кто ещё недавно носил мундир РОА, и перед бывшими остовцами и просто беженцами из СССР, перед русскими эмигрантами, ушедшими из Чехии или Югославии.

Первым делом надо разыскать своих родных, свою семью. Но что дальше? Наша борьба не может прекратиться, но формы её должны быть изменены в соответствии с новыми условиями. Прежде всего надо установить, кто же уцелел, каковы наши силы. Но как их найти? С друзьями за границей, адреса которых были твёрдо заучены наизусть, стало возможным связаться только впоследствии: ведь почта и по самой Германии не ходила, железные дороги бездействовали. Даже пешком передвигаться было сложно: мосты повсюду взорваны, везде стояли военные посты и заставы. Физическое состояние после концлагеря и перенесённого сыпняка не позволяло не только энергично двигаться, но и сколько-нибудь напряжённо думать. Самым тяжёлым оказалось одиночество. Я был один. Русских в Дахау осталось немного. Именно русских эсэсовцы главным образом расстреливали перед приходом американцев. А потом приехали советские офицеры из репатриационной миссии и в два счёта устроили внутри освобождённого Дахау новый небольшой концлагерь — для уцелевших советских граждан. Там царила строжайшая дисциплина: проверки, переклички по несколько раз на день, анкеты, допросы. Все были разбиты на батальоны, роты и взводы, и свежеспечённое начальство этих единиц стало выслуживаться.

Те, кому удалось открутиться от перевода в советский блок, делали большую петлю, чтобы не ходить мимо барачков, где находились «освобождённые» советские граждане.

Старые мои друзья, с которыми вместе мы боролись за жизнь в Бухенвальде, Заксенхаузене и, наконец, в Дахау, если и остались в живых, почти все попали в «советский» блок. Лишь немногие сумели подделаться под иностранцев или под эмигрантов-нансенистов; кому-то удалось убедить американцев, что у него на воле в Германии остались родственники, что он-де их разыщет, а потом непременно сам вместе с ними явится в советскую репатриационную миссию!

Друзей по подпольной работе я подрастерял давно. В бреславльской тюрьме нас было ещё около сорока. В концлагеря же нас отправляли небольшими группами, по пять-шесть человек. Впятером мы и попали в «Гросс-Розен», где всех разослали по разным рабочим командам. Вдвоём со старшим другом прошли мы несколько дальнейших этапов. Но он, уже в Бухенвальде, начал быстро сдавать, меня как здорового взяли на завод, его оставили умирать на самом голодном пайке.

Я ходил из барака в барак, вглядываясь в измождённые лица, но никого из своих не нашёл. Потом меня свалил тиф. А впоследствии выяснилось, что два члена Союза находились в соседнем со мной бараке...

Рождалось странное ощущение какой-то особой растерянности. Чувствовалось: надо что-то предпринять. Лихорадочно хотелось понять, что, собственно, происходит. Верилось, что с концом войны наша активная борьба против большевизма продолжится. Кипела обида за то, что в самый решительный момент мы обречены на бездействие. Но неужели все погибли? Неужели никто не попытался в последние дни войны совершить то, к чему мы готовились в течение долгих лет? Где же РОА? Скольких своих друзей я найду на свободе? Не придётся ли всё начинать с самого начала?

С этими мыслями я на попутной машине доехал до Нюрнберга и стал пробираться дальше на север. Где-то там, в маленькой деревушке, жил русский ветеринар, друг нашей семьи. Возможно, что туда при приближении Красной армии бежали мои родные.

Мои надежды сбылись: всех родных я там нашёл. Несколько недель отдыхал в деревне. Затем вместе с братом Львом мы отправились на разведку. Брату в своё время удалось избежать ареста, и он знал о перемещениях групп оставшихся на свободе членов Союза, но где теперь находится штаб — не знал.

Всего в 30 километрах от нас находился курортный городок Бад-Киссинген. Когда-то в нём лечились наши бабушки и дедушки, причём русских сезонных гостей там бывало больше, чем коренных жителей. Мы знали, что с тех блаженных времен в Киссингене существовала русская церковка. Надо было думать, что сейчас, когда вся Германия запружена русскими беженцами, вокруг неё возник некий центр, где отыщутся следы друзей.

Добравшись до Киссингена и разыскав церковь, мы убедились, что русских здесь немало. Шла всенощная — канун Рождества Иоанна Крестителя, дня Ивана Купалы. Служил целый сонм духовенства.

На клиросе стояли ещё несколько священников (для них, вероятно, не хватило облачений). Все они бежали от надвигавшейся «красной волны» — кто из-под Смоленска или Киева, кто из Польши или Прибалтики. По одежде и внешнему облику молящихся нетрудно было определить, что почти все они совсем недавно прибыли в «Европу».

После службы мы подошли к митрофорному протоиерею, очевидно, настоятелю. Рассказали, кто мы, спросили, не слышал ли он о наших друзьях. Вместо ответа священник нас обнял: оказалось, это о. Александр Богачёв, имя которого мы давно уже слышали. Будучи благочинным Познанского округа (западная часть Польши), он, несмотря на свой возраст и слабое здоровье, активно участвовал в нашей борьбе, помогал бесчисленным русским в оккупированной немцами Польше. Как член НТС о. Александр был арестован гестапо и освобождён лишь благодаря хлопотам высшего православного духовенства. Однако здоровье его так и не поправилось и он тихо скончался через год после нашей встречи.

Отец Александр рассказал нам, что всего за несколько дней до нашего приезда в Киссингене побывала странная автомашина. На её кузове красовались внушительные красные кресты и пугающая надпись «Typhus». Из машины вылезли совсем не тифозного вида люди — старые друзья о. Александра и наши. Они ехали на розыски очередной группы членов Союза, предположительно застрявших где-то на юге, повсюду оставляя опорные точки. Эту машину (за ней так и укоренилось название «тифус») помнят многие, кто оказался без крова, без языка, без доброго совета на дорогах Германии и Австрии и кому грозили облавы советских репатриаторов-энкавэdistов. Каждой встреченной группе русских сообщали, где находится ближайшая опорная точка. А там уже сидели старые эмигранты-нансенисты, которым репатриация не грозила. В английских, американских и французских коммандатурах они объясняли, в каком трагичном положении оказались русские с советскими паспортами. Стали образовываться первые русские лагеря невозвращенцев, куда стекались сотни и тысячи соотечественников. Но «тифус» мчался дальше; найдя какого-нибудь затерявшегося члена Союза, он привозил его под Кассель. С документами, для которых в русском языке существует лишь одно обозначение — липа, «тифус» беспрепятственно пересекал не только границы оккупационных корпусов и армий, но и зон. Неоднократно пробирался он даже в Австрию. Препятствий для него не существовало. Во французской

зоне, например, предъявлялись документы, свидетельствующие, что «тифус» едет чуть ли не по распоряжению самого Эйзенхауэра, в американской — наоборот, какого-нибудь англичанина или француза. А чтобы окончательно отбить у часовых охоту внимательно изучать бумаги, им предъявлялись документы тифозного госпиталя: мол, заразных больных везём. Часовые шарахались от кузова со страшной надписью как ошпаренные...

Как раз от команды «тифуса» о. Александр узнал, что часть руководящих работников Союза во главе с В. М. Байдалаковым, сидевших в концлагере Заксенхаузен под Берлином, благополучно вышла на свободу. Но узнал он также и длинный список имён тех друзей, в гибели которых не оставалось сомнений.

Трудно передать, с какой гордостью за Союз слушали мы слова о. Александра: несмотря на тяжёлые потери, центр Союза существует и работает; систематические рейсы неутомимого «тифуса» — лишь одно из проявлений его деятельности. Затем о. Александр рассказал, что знал о деятельности и местопребывании групп Союза после арестов лета и осени 1944 г. В частности о том, что значительная группа членов Союза под эгидой союзной строительной фирмы «Эрбауэр» переехала из-под Вены в Нидерзаксверфен в Тюрингии, а перед передачей этих мест под советскую оккупацию срочно перебралась в Менхегоф под Касселем, где сейчас и находится руководство Союза.

Недели через две, исколесив (на велосипедах. — *Прим. ред.*) окольными путями весь Гессен, мы с братом подходили к менхегофскому лагерю: низкие невзрачные бараки, частью деревянные, частью из какого-то искусственного прессованного камня, который как губка впитывал влагу. Во время войны здесь был лагерь пленных итальянцев («изменников» Германии) и французов. О царивших в нём санитарных и прочих нормах свидетельствовал длинный ряд могил непосредственно за лагерем. Освободив военнопленных, американцы отдали приказ сжечь дотла этот лагерь, не допуская даже мысли о дальнейшем его использовании в качестве человеческого жилья. Для выполнения этого приказа прибыли американские сапёры. Но оказалось, что лагерь уже не пустует: в бараках бешено мылись полы, стены, даже потолки. Устраивались примитивные санитарные удобства, строилась баня, рылись канавы для осушки непролазной грязи между бараками. На одном из самых чистых бараков уже высился большой восьмиконечный крест — здесь была церковь.

Накануне американский комендант Касселя отказался предоставить помещения для нескольких сот русских. Они прибыли из Нидерзакверфена на грузовиках, «самореквизированных» со складов немецкой военной добычи, которую американцы готовились передать советским властям. Комендант ссылаясь на отсутствие свободных помещений, и это была правда: Кассель почти весь лежал в развалинах. Сохранившиеся казармы, школы, даже гаражи и кинотеатры — битком набиты беженцами. Но русские не хотели ехать дальше: им надо было сгрузить первую партию и ехать за оставшимися, ведь подходила Красная армия. Вот они и захватили пустовавший Менхегоф. Узнав об этом, кассельский комендант поехал было наводить порядок, но убедился, что за несколько дней лагерь действительно стал неузнаваемым — чистым и почти благоустроенным; он махнул рукой на русских чудаков и уехал восвояси.

Дюжий, добродушный лагерный полицейский у шлагбаума нас не пропускает. В самом деле, мало ли всяких подозрительных личностей ходит по дорогам. К тому же мой туалет, наполовину состоящий из остовского обмундирования, выданного «на прощанье» в Дахау, вряд ли может внушить доверие. «Подождите, — говорит полицейский, — сейчас все обедать ушли, а после обеда приходите, провожу вас в комендатуру». Но не на тех напал! Мы просим известить о нашем прибытии друзей. Называем фамилии. Лицо стража становится приветливее, и он посылает одного из бегающих мальчишек в лагерь. Но нас всё ещё не пропускает. Наконец мальчишка возвращается и издали кричит: «В одиннадцатый барак, в одиннадцатый барак!» Шлагбаум поднимается, и мы вместе с полицейским направляемся в лагерь. Улицы между бараками оживлены. Только что начался перерыв, все спешат по домам обедать. Многие измазаны известкой: везде что-то ремонтируют, пристраивают, штукатурят. Множество ребят несётся с книжками из школы. Поднимают пыль грузовики, везущие людей с работы на американском аэродроме. На нас посматривают, но не то чтобы разинув рот: к таким явлениям природы здесь привыкли.

Зато мы внимательно смотрим по сторонам. Разве не чудо, что здесь, в 20 километрах от границы советской зоны оккупации, возникло это своеобразное «государство» из семи связанных общим управлением русских лагерей! Выборы здесь происходят без всякого МВД, без митингов советского типа, есть хороший театр в главном лагере (в самом Менхегофе), гимназия, две церкви (потом их стало

три), несколько начальных школ, скаутские дружины. И здесь идёт далеко ещё не безбедная и не беззаботная, но сытая трудовая жизнь тысяч русских людей!

Барак № 11 — на краю лагеря; половина его окон выходит в поле. Он ничем не отличается от остальных, таких же низких, длинных, как бы вросших в глинистую почву бараков. В дверях на нас смотрят улыбающиеся лица: знакомые по встречам в самых разных условиях и незнакомые, но тоже свои. Троекратно обнимаем друг друга, как на Пасху. Нас ведут в миниатюрный кабинет председателя Союза В. М. Байдалакова, который встречает нас, опираясь на палку: после освобождения из концлагеря он вместе с группой руководящих членов Союза попал под бомбардировку, был контужен и сломал ногу. В кабинете железная койка, покрытая армейским одеялом, над нею простенький образок. Рядом непомерно большой для этой комнатки письменный стол. Жёсткое, простое кресло, несколько некрашенных табуреток, такой же шкаф, в углу железная печурка.

Виктор Михайлович просит позвать ещё кое-кого из руководителей, усаживает всех, кого на табуретки, кого на свою койку, и сразу начинает «допрос». Он хочет знать, как мы оцениваем пройденный этап: в чём мы видим главнейшие ошибки и недостатки нашей работы. Нам трудно ответить, ведь мы как раз и ехали в Менхегоф, чтобы здесь получить ответы. Но Виктор Михайлович непреклонен: он хочет услышать наше мнение раньше, чем на нас успеют повлиять менхегофские «столичные» настроения.

Начинаем осторожно формулировать свои мысли. С уверенностью говорим о том, что общая политика Союза в годы войны была правильной. Но уверенность нас покидает, когда мы начинаем искать объяснения конечной неудачи. Ведь не на иностранцев же мы рассчитывали, поэтому одними их промахами всё объяснить нельзя. Вспоминаем отдельные ошибки, организационные неувязки, постоянную нехватку кадров там, где, казалось, они особенно были нужны. Всплывают в памяти случаи, когда мы сами неправильно оценивали людей, с которыми доводилось встречаться; случаи, когда мы, недостаточно уверенные в своих силах, не проявляли должной настойчивости и инициативы.

Мы смотрим на лица собравшихся друзей и чувствуем невольный прилив бодрости. Отставив воспоминания о недочётах, переходим к размышлениям о будущем: даже неудачи могут принести известную

пользу, если извлечь из них урок. И ведь даже в самые тяжёлые минуты у нас не возникало мысли о том, чтобы сдаться, прекратить нашу деятельность... Нам не приходилось сомневаться в правильности общего направления борьбы. Наши слушатели улыбаются: «Самое замечательное, — говорят они, — что мы все так думаем!»

За последние недели к нам приходят или приезжают на «тифусе» десятки членов Союза: освобождённые из концлагерей, бежавшие из американского плена, куда их привел власовский мундир, выбравшиеся из разных «медвежьих углов», где они скрывались от гестапо и иногда месяцами не имели никакого контакта с руководством Союза. Все говорят то же самое: наша политика и стратегический план были правильны. Наша программа, идея национально-трудовой России нашла широкий отклик в среде наших соотечественников. Но недостаточно сильной оказалась наша организация. Недостаточно сильной по сравнению с задачами, которые нам приходилось решать. Так или приблизительно так говорил В. М. Байдалаков в августе 1945 г.

Для Союза подготовка к войне означала прежде всего подготовку к перенесению работы на родную почву. Союз никогда не ощущал себя эмигрантской организацией и с момента своего зарождения руководствовался волеустремлением всего нашего 200-миллионного народа. Воспитанные на этой установке кадры Союза уклонялись от всякого участия в «эмигрантских делах» и склоках. В соответствии с этой установкой формулировались программные положения НТС. И естественно, что первой мыслью каждого члена Союза после начала войны было попасть на родную землю, слиться со своим народом.

Проходили недели, месяцы. Исполнительное бюро Союза постепенно устанавливало связь с заграничными центрами Союза: с Парижем, Нью-Йорком, Швейцарией, Скандинавией. И опять та же картина: везде одинаково расценивали прошлое, везде одинаково бодро смотрели в будущее. Даже те из наших друзей, кто в течение долгих лет был отделён от главной арены событий не только государственными границами и океанами, но и фронтами мировой войны, писали:

Наша идея и наша программа — выдержали экзамен. Недаром на них базировалось власовское движение. Но мы ещё не выдержали

экзамена как революционная организация. История нам дала переэкзаменовку, к которой мы и должны готовиться всеми силами, потому что такие переэкзаменовки даются только один раз...

«НЕСЁМ ТИРАНАМ СМЕРТЬ! НЕСЁМ ТРУДЯЩИМСЯ СВОБОДУ!»

Таковы были позывные радиостанции НТС

Осенью 1950 г. на старом автомобиле был смонтирован самодельный радиопередатчик; чтобы избежать пеленгации, он колесил по немецким лесам, так и возникла радиостанция. Радисты ежедневно забрасывали антенну на деревья и вступали в десятичасовой бой с глушилками, то и дело меняя длину волны. Другой передатчик работал из Берлина на частотах армейских раций. Потом дело наладилось основательней: в Германии появилась стационарная установка, филиалы радиостанции возникли в Азии. С Тайваня «Свободная Россия» вещала на Среднюю Сибирь, из Южной Кореи — на Дальний Восток. В разных регионах страны передачи слушали, записывали на плёнку. Такая плёнка стоила иногда десяти лет строгих политлагерей.

В 1972 г. левое правительство — под давлением СССР и под лозунгами «разрядки» — прекратило «официально не разрешённые, но неофициально терпимые» передачи «Свободной России» с территории ФРГ.

Из скриптов радиостанции «Свободная Россия»

Несём тиранам смерть!

Наш боевой лозунг — «Несём Тиранам Смерть! Несём Трудящимся Свободу!». Первая его часть — деструктивная, вторая — конструктивная. Без осуществления первой невозможно осуществление второй, ибо тираны преграждают путь к свободе. Большевизм несовместим со свободой, как свет несовместим с тьмой. Кто-то из них должен быть уничтожен в предстоящей решительной схватке этих двух противостоящих сил.

Старое евангельское изречение «Поднявший меч от него же и погибнет» и по сей день действует как закон природы, и большевистские

тираны погибнут такой же смертью, какой они заморили миллионы наших сестёр и братьев.

Но не месть и жажда реванша руководят нами. В светлый день Национальной Революции мы не должны поддаваться естественному человеческому порыву мстить. Национальная Революция не смеет стать очередным праздником на нашей улице. Она должна стать поворотным пунктом человеческих взаимоотношений не только у нас на родине, она должна стать примером разумности и гуманности для других народов мира.

Всем людям свойственно делать ошибки по неведению или другим причинам, и мы не смеем использовать Национальную Революцию для уничтожения тех, кто совершал трагические заблуждения, но кто может исправиться и стать на новый путь. Революция — не время для сведения личных счётов. Мы должны предоставить возможность всем бывшим врагам примириться с нами и зашагать по пути к новым идеалам.

Наказаны должны быть только те, которые виноваты в убийствах и мучениях наших соотечественников.

Нам придётся обезвредить тех, кто и после революции будет угрозой новорождённой свободе и новому строю.

Свободный русский суд справедливо разрешит все эти вопросы и воздаст каждому по заслугам.

НТС

Несём Трудящимся Свободу!

Товарищи, все мы знаем, что в СССР живётся несладко. Некоторые из нас живут совсем плохо, некоторые немного лучше, а в общем все мы мало видим хорошего от жизни.

Одному живётся плохо потому, что, несмотря на изнуряющий труд, он не может заработать на самое необходимое; другой чувствует себя несчастным из-за своего непролетарского происхождения, всю жизнь мешавшего ему; третий занимает хорошее положение, но по ночам не спит, боясь, что за ним придут; четвёртый страдает за своих близких, сосланных куда-нибудь в концлагерь, и т. д. Из этого соткана наша советская жизнь.

Нам, выросшим в условиях советского режима, часто трудно разобратся в первопричинах этого зла. Одни считают, что будь жив Ленин — всё было бы иначе, другие надеются, что со смертью Сталина всё изменится...

Многие примирились и покорились и считают, что на свете иначе и быть не может. В этом-то и скрывается весь ужас нашего положения. Мы должны были сразу понять, что все наши бедствия являются исключительно следствием политики насильственного насаждения коммунизма Сталиным и что если бы у него не было слепых слуг, то он не удержался бы у власти ни одного дня. Сталинский режим может держаться только там, где путём насилия полностью уничтожается свобода мышления и действий отдельных граждан. Свобода несовместима с большевизмом, как свет несовместим с тьмой. Но Сталину удалось вырастить миллионы людей, у которых полностью отсутствует всякое представление о свободе. А ничего нет страшнее раба, не сознающего своего рабства. Чем больше будет таких людей, тем прочнее будет положение Сталина. Но, к счастью, среди нас ещё не перевелись люди, у которых сохранилась вера в свободу, без которой человек — не человек.

Советская пропаганда пытается всячески отвлечь внимание советских граждан от отсутствия свободы у нас дома. Она постоянно верещит о капиталистических странах, в которых свобода якобы приводит к полному закабалению трудящихся кучкой зловредных магнатов и богачей. Но это наглая ложь, рассчитанная на неосведомлённых людей. Мы победили нацистскую Германию. Мы побывали на развалинах этой некогда капиталистической страны, из которой Гитлер, а затем Сталин высосали все соки.

И что же мы увидели? Мы увидели, что эти люди, ютящиеся зачастую в разбомблённых развалинах, живут свободнее и, следовательно, счастливее нас. Сталин ещё не успел окончательно их «освободить». Они не только не боятся думать по-своему, но иногда даже решаются говорить и действовать вразрез с генеральной линией.

В чём же дело? А дело в том, что даже в эпоху процветания безудержного капитализма (которая уже почти изжита во всём свободном мире) в западных странах жилось лучше, чем в СССР, потому что там была свобода. Были налицо силы зла: жадность, эксплуатация, но против них могли восставать силы добра: братство, справедливость, солидарность, которые в конечном итоге победили.

За последние несколько десятков лет свободное человечество ушло далеко вперёд, и этого капитализма, против которого выступал Маркс и всё ещё борются в своей пропаганде большевики, давно уже нет. Большевизм вместе со своим противником — капитализмом эпохи Маркса давно уже ушёл на свалку истории. Теперь мир стоит

на пороге новой эпохи, нового понимания свободы. В ней не будет свободы капиталистам душить рабочих, но и не будет диктатуры пролетариата. Маньякам типа Сталина не будет свободы действий. Это будет свобода, но свобода, ограниченная принципами справедливости, солидарности, благоразумия и общего блага. Свобода будет дана каждому — трудиться и жить, как он хочет, если его деятельность не ущемляет интересов другой личности и не идёт вразрез с интересами общества. В будущем обществе все люди будут свободны от проявлений злой воли отдельных личностей или группировок. Только при наличии этой конструктивной и ограничивающей зло свободы возможно процветание отдельных наций и всего человечества.

Там, где есть свобода мысли, слова, печати, там не может быть сумасшедшего идолопоклонства и массового дурмана, которые мы видим в СССР.

Там, где будет свобода выбора рода и места занятий, там, где будет свобода честного соревнования и инициативы, там никогда не будет нищеты.

Там, где будет свобода от насилия над массами со стороны проповедников ненависти, там, где люди смогут свободно избирать свои правительства, там никогда не будет войны и междоусобных кровопролитий. Во всех современных войнах с одной стороны всегда находится диктатура.

Крупная часть государств Западного мира уже встала на этот путь. Невозможно себе представить, например, войну между двумя демократиями, такими как Англия и США. Борясь против этого нового течения, большевизм, таким образом, становится в лагерь самой чёрной реакции.

Подумай об этом, товарищ. Если ты инженер, разве твоя работа не была бы более продуктивной, если бы ты не боялся, что за каждый пустяк тебе могут пришить саботаж, и если бы ты не боялся проявлять инициативу? Если ты крестьянин, разве твоя жизнь не была бы лучше, если бы ты мог свободно трудиться на собственной земле и если бы тебя никто не мог насильно загонять в колхозы и агрогорода, если бы у тебя не отнимали плодов твоего труда за гроши и если бы ты мог сам распоряжаться ими, продавая их на свободном рынке и платя только известные налоги? Если ты рабочий, разве ты не был бы счастливее, если бы тебе не приходилось судорожно упрашивать доктора выдать тебе справку о болезни, чтобы тебя не засудили за прогул

или не лишили работы? Разве бы ты не хотел иметь возможность сговариваться с работодателем об условиях труда и вознаграждения через свободные профсоюзы?

Разве бы мы все не были счастливы, если бы могли быть уверены, что никто не имеет права арестовать нас и расправиться с нами без доказательства нашей виновности?

Свобода — важное дело, и если мы сознаём, что наша задача — добиться её, то мы уже не рабы, а порабощённые. Рабы никогда сами не освобождались от своих угнетателей, а порабощённые всегда в конечном итоге побеждали. Лучше смерть героя, чем жизнь раба.

НТС

Ростислав Полчанинов

РАННИЕ ИЗДАНИЯ НТС 1945–1951 ГОДОВ⁵⁶

Когда в апреле 1945 г. к нам в Нидерзаксверфен пришли американцы, мы с инженером Иваном Антоновичем Николаюком стали выпускать на шапирографе (в 30 экземплярах — больше не получалось) «Лагерную информацию». Это было первое русское периодическое издание в послевоенной Европе. Листок рассылался по окрестным лагерям, где его вывешивали на досках для объявлений. Делалось это с разрешения Константина Васильевича Болдырева, который был у американцев «организатором и администратором перемещённых лиц». За апрель — май вышло одиннадцать номеров.

После переезда в Менхегоф начальство решило выпускать ежедневную радиосводку. Александр Семёнович Светов⁵⁷ с 13 июня 1945 г. начал издавать листок «Новости дня». Поначалу он печатался на чистой стороне старых немецких бланков на пишущей машинке под копирку, а как только был приобретён ротатор, тираж вырос до 500 экземпляров. Кроме новостей, взятых из радиопередач, включая и диктовку ТАСС, листок содержал новости из жизни лагеря Менхегоф. «Новости дня» положили начало журналу «Посев» и издательству «Посев».

Хотя в первое время никакой цензуры не было, обстановка не благоприятствовала изданию органа связи НТС. Поэтому решили выпускать

⁵⁶ За свободную Россию. 2005. № 65.

⁵⁷ Настоящая фамилия Парфёнов, 1895–1961.

непериодический бюллетень в виде письма, начинавшегося словами «Дорогой друг». Первое такое письмо было напечатано на машинке под копирку в Менхегофе 25 июня 1945 г. После того как 23 августа 1945 г. лагерь перешёл в ведение УНРЫ⁵⁸, началась проверка всего, что там печаталось. Проверяла «офицер УНРЫ» Александра Дюмениль, имевшая русские корни и свободно говорившая по-русски. На каждом издании стояло разрешение: «Approved by U.N.R.R.A. Team 505». Редактор «Посева» Борис Витальевич Прянишников (псевдоним Серафимов) писал в своих воспоминаниях: «В её лице я нашёл не только приятную собеседницу, но и благорасположенного цензора»⁵⁹. Б. В. Прянишников, конечно, знал, что в «Посеве» никакой критики Советского Союза быть не может, но иногда это удавалось — при помощи эзоповского языка. «Так, например, бичевали авторитарного генералиссимуса Трухильо с его порядками в далекой Доминиканской республике, явно целясь в генералиссимуса Сталина с его порядками в близком СССР»⁶⁰.

Первый номер «Посева» был напечатан 11 ноября 1945 г. на ротаторе, в количестве 200 экземпляров, на оборотной стороне немецких бланков. После приобретения типографской машины и шрифтов (с № 14 от 10 февраля 1946 г.) журнал стал печататься типографским способом. В лагере не нашлось никого, кто бы умел набирать тексты, и из соседнего городка были приглашены два немецких специалиста. Я с удивлением смотрел, как быстро работали не знавшие кириллицы немцы. Семён (Сеня) И. Мозговой и ещё один член Союза учились у них этому ремеслу. Работа с оловом считалась вредной, и наборщикам полагалась добавочная порция молока.

Союзу требовались свои наборщики, чтобы потом нелегально печатать листовки для советских оккупационных войск. Но НТС печатал и другое. Сознывая воспитательное значение песен, Союз уже летом 1945 г. выпустил для молодёжи ротаторный сборник «Новая рать» (ни год, ни место издания, конечно, не указывались). Это первый послевоенный сборник песен, в том числе и антисоветских (всего 40 произведений). Сначала шла песня «Коль славен...», исполнявшаяся в Белых армиях в качестве гимна. За ней — «Бьёт светлый час»,

⁵⁸ Имеется в виду UNRRA — United Nations Relief and Rehabilitation Administration (англ.), ЮНРРА (ист.), Администрация Объединённых Наций по вопросам помощи и восстановления.

⁵⁹ Прянишников Б. Новопоколенцы. Силвер-Спринг (США), 1986. С. 244.

⁶⁰ Издательство «Посев» / Сост. А. Н. и А. Н. Артёмовы. 1945–1985. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1985. С. 12.

названная из осторожности не песней НТС, а «песней-гимном Нового Поколения России». Третьей, давшей название сборнику, стала «Новая рать» (слова и музыка Павла Николаевича Зеленского). Авторы песен в сборнике не указывались, хотя известно, что тому же П. Н. Зеленскому принадлежит песня «В былом источник вдохновенья...», а слова гимна НТС написал Михаил Михайлович Гнилорыбов (больше известный как сотрудник газеты «За Россию» М. Шубин, он же французский корреспондент Мишель Корбэ). Особенно резко антисоветскими были четыре песни, взятые из сборника «Под трезубом» (издан в Харбине в 1940 г.). Приведём здесь их первые куплеты:

*У врага шум и вой, слышен гул боевой,
Всколыхнулся российский народ.
Знает злобный чекист, что истории лист
Повернут не назад, а вперёд...
«Марш новопоколенцев»*

*Много лет страна моя страдала
Под звездой кровавой, роковой;
И давно народ уж ожидает
Светлый час восстанья боевой...
«Союзная»*

*Над Россией могучей
Вьются чёрные тучи,
Много лет уж под игом она.
Под чекистским наганом,
Под марксистским дурманом
Задыхается наша страна...
«Походная»*

*Впереди со знаменем,
А не в глухом тылу,
Мы закалялись в пламени,
В пороховом дыму...
«Мы готовы»*

Сборник включал и старые солдатские, и песни Белых армий, и советские «Землянку», «Под звёздами балканскими...», «Весёлый ветер», «Песню о тачанке». В последней вместо «о будённовской тачанке...» было написано «о максимовской тачанке...» (имелся в виду

пулемёт «Максим»). В эмиграции было принято «русифицировать» советские песни, заменяя в них советские слова.

Следующим подпольным изданием стал «Сборник произведений, посвящённых памяти мученически погибших героев за русское дело» (Бавария, 1946). В сборнике кроме обращения «К читателям» и «Русской мелодии (вместо предисловия)» — 13 стихотворений, баллада «Орлы» и пять изображений лагеря пленных воинов РОА в Дахау (рисунки и обложка принадлежат бывшему в плену художнику Адаму Васильевичу Русаку, служившему в РОА и состоявшему в НТС). Текст был подготовлен на пишущей машинке и затем отпечатан с цинковых клише.

«Календарь-памятка на 1948 г.» набирался в конце 1947 г., когда холодная война ещё не началась и американцы старались не сердить понапрасну своего советского союзника. А в календаре среди лозунгов был и такой: «НТС ставит целью свержение антинародной большевистской власти». В Германии Союз существовал нелегально и уже в силу этого не мог ничего официально издавать; местом издания указана Женева.

В следующем году (снова с указанием «Женева») вышел «Календарь-памятка борьбы. 1949 год». Лозунги остались прежними, а содержание стало другим, но не менее антисоветским. Календари печатались в Регенсбурге, где находилось энтээсовское издательство «Эхо», и редактировались Б. Приянишниковым.

К подпольным изданиям следует отнести и маленькую брошюру «Озарённый верой (памяти Георгия Полошкина)» (Регенсбург, 1946, 15 с.)⁶¹ с предисловием А. Николина (А. Неймирка). На брошюре нет ни названия издательства, ни разрешения к печати местной УНРЫ. О том, что Полошкин, погибший в нацистском концлагере, был членом НТС, нигде не сказано. В предисловии написано: «Сейчас неважно знать, в какую именно антинемецкую русскую подпольную организацию вступил Георгий Полошкин».

Однажды, войдя в магазин «Посева» в Менхегофе, я увидел члена Союза Николая Бреверна — для одного «нового» эмигранта он декламировал наизусть какое-то стихотворение Ивана Савина. В нужный момент я Николаю что-то подсказал, мы разговорились. «Новый» внимательно нас слушал и наконец спросил:

— А почему бы вам не издать сборник этих замечательных стихов? Его бы здесь вмиг расхватили.

⁶¹ На моем экземпляре есть наклейка: «Газета “Эхо” поздравляет с окончанием учебного года. 21/VI 1947 г. Регенсбург».

Я сказал, что это действительно следовало бы сделать, и предложил Н. Бреверну как-нибудь вместе по памяти записать все стихи Савина. Тогда в разговор вмешался член Союза Юрий Осипович Дункель: мол, негоже издавать сборник стихов, записанных по памяти, так как, безусловно, в нём появятся ошибки и искажения; но он готов одолжить нам имеющийся у него экземпляр «Ладанки» — единственный и довольно полный сборник И. Савина, изданный в Белграде в 1926 г. Так как никакая УНРА разрешения на печать не дала бы, мы решили издать стихи нелегально. К осени 1946 г. восковки были готовы, и мы отпечатали около 200 экземпляров. Половину тиража я отвёз в Мюнхен, где у меня друг детства занимался книжной торговлей. Он сам, да и не он один, издавал книжки, не спрашивая разрешения УНРЫ. В Менхегофе стихи Савина продавались в «Посеве» как привезённые из Мюнхена⁶².

К нелегальным изданиям следует отнести и брошюру «Историческое развитие России»⁶³ о революционных движениях в России от декабристов до 1914 г. В ней точно указаны место и время издания: Белград, 1938.

Нелегальными были также «Основы дела Национально-Трудового Союза»⁶⁴ и ротаторная «Программа НТС»⁶⁵.

НТС И ЕГО «СТРЕЛЫ»⁶⁶

В 1957 г. советское правительство устроило в Москве в целях пропаганды грандиозный VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Советские коллекционеры воспользовались случаем и провели выставки, имевшие успех у зарубежных гостей. После фестиваля началась небывалая переписка с иностранцами: с одной стороны, вы-

⁶² Савин И. Ладанка. 2-е изд. // НРС. 16 октября. 1977. С. 6.

⁶³ Историческое развитие России. Вып. 2. Белград, 1938. В этой отпечатанной на ротаторе брошюре всё, слово в слово, как в белградском издании, только на титульном листе оригинала значилось «НТСНП — Курс национально-политической подготовки», а в переиздании этих слов нет. Кроме того, оригинал напечатан по старой орфографии, а переиздание — по новой.

⁶⁴ Издана типографским способом, без указания места и года издания, 24 с.

⁶⁵ Издана на ротаторе, 1946 г., без указания места издания, 45 с.

⁶⁶ За свободную Россию. 2004. № 17 (37).

годная для советской пропаганды, но с другой — чреватая непредвиденными последствиями. Неожиданно по всему Советскому Союзу коллекционеры начали создавать свои общества, требуя не только их легализации на местах, но и создания всесоюзного общества, ликвидированного в середине 1920-х гг. Правительство оказалось к этому не готово. Городские общества коллекционеров не были легализованы, но не были и запрещены. Коллекционеры через своих зарубежных друзей стали давать объявления в иностранных (причём не обязательно социалистических) журналах и бюллетенях.

Объём переписки советских граждан с границей быстро увеличивался, причём не только за счёт писем родственникам или коллекционерам, но и благодаря расширению культурных и научных связей, которые начали налаживаться вскоре после смерти Сталина. Этим, конечно, воспользовался НТС. Начались контакты с коллекционерами — для выяснения обстановки вообще и силы советской цензуры в частности. Филателисты обменивались марками, хоть это и не было разрешено. В тех случаях, когда в проверенном письме находили «запрещённые вложения» (так официально назывались почтовые марки), советского отправителя вызывали на таможду, составляли «Акт о задержании предметов, запрещённых к пересылке в международных почтовых отправлениях» и предупреждали, чтобы в будущем он закон не нарушал. Если же отправитель был зарубежник, то вложение конфисковалось и советскому получателю предлагали предупредить своих корреспондентов: впредь марки не пересылать. Ситуация с марками позволяла оценить, насколько тщательно проверяют письма из капиталистических стран (письма из стран социалистического лагеря практически не проверялись).

На Московском международном почтамте отвели специальную комнату, где проверялись зарубежные письма. Корреспонденции из капиталистических стран становилось всё больше, так что в 1962 г. пришлось даже выстроить новое здание; после этого проверка явно ужесточилась, но всё же никогда не была стопроцентной.

В июне 1959 г. в Колизее на площади Колумба в Нью-Йорке открылась советская выставка⁶⁷. В связи с этим НТС отпечатал небольшие листки с надписью «Свобода России! Не верьте коммунистической

⁶⁷ «Выставка достижений Советской науки, техники и культуры» прошла в рамках советско-американского договора о культурном сотрудничестве. По данным советской прессы, её посетило более 1,1 миллиона американцев. В июле этого

пропаганде», которые клеились к выставочным афишам на улицах города и на станциях метро. Многие члены НТС ходили на выставку специально для встреч с советскими гидами: завязывали с ними знакомства, приглашали их к себе в гости. Мы поехали с дочкой, но ни знакомств, ни разговоров у меня не получилось. Другое дело дочка (ей тогда не исполнилось ещё 15 лет): она потеряла на выставке очки, и на следующий день у неё состоялся интересный разговор с гидами, отдохавшими в комнате, где хранились потерянные вещи. Но это у неё, а не у меня⁶⁸.

Не найдя собеседников, я решил поискать советских корреспондентов с общими интересами. И вскоре раздобыл бюллетень общества коллекционеров в Финляндии (главным образом не филателистов), в котором было несколько советских адресов. Я выбрал адрес жительницы Тбилиси, ныне покойной Тamar (как она себя называла по-грузински) Ивановны Полторацкой, собиравшей спичечные этикетки, и 23 июня 1959 г. отправил ей письмо. Это было моё первое письмо на родину; она получила его через одиннадцать дней. Я же получил её ответ от 4 июля через десять дней, в нём было 270 этикеток. У меня сохранилось это письмо. Тamar Ивановна просила посылать ей и американские поздравительные карточки, и почтовые марки, не зная, что обмен марками запрещён советскими законами. Однажды её вызвали на таможенную и потребовали, чтобы она передала мне: больше почтовых марок не посылать, ограничиться разрешёнными вещами.

Поначалу я посылал ей пакеты с сотнями американских ковербосов (картонок от спичечных книжечек, как их называли в Советском Союзе) и с таким же количеством поздравительных карточек. (И то и другое я собирал у друзей на фабрике, где тогда работал.) Однако в один прекрасный день мне вернули мою посылку: оказывается, за один раз нельзя отправлять больше десяти карточек. Вскоре это ограничение распространилось и на спичечные этикетки. Я стал посылать каждую неделю по письму с десятью этикетками, но и тут возникли трудности. Либо мне возвращали письма со штампом, что больше десяти предметов нельзя посылать, хотя там и было точно десять этикеток, либо получательницу вызывали на главпочтамт и взыскивали там

же года в московском парке «Сокольники» открылась встречная «Американская национальная выставка».

⁶⁸ См.: За Россию. 1961. № 6 (242).

с неё двенадцать копеек «таможенных пошлин и упаковочных сборов». Проблема была, конечно, не в копейках, а в поездке на таможенню и в потере времени. Короче говоря, делалось всё возможное, чтобы отбить охоту к контактам и у одной и у другой стороны. Но моя переписка с СССР продолжалась и даже расширялась. Это были 1960-е гг., время хрущёвской оттепели, люди перестали бояться и проявляли повышенный интерес к капиталистическим странам.

Когда в 1962 г. построили новый международный почтамт в Москве, то об этом писалось как о достижении советской власти, как об усилении интереса Запада к строительству коммунизма в СССР, как о доказательстве пресловутой «заботы о человеке». Из писем же можно было понять, что радоваться нам нечему. Начались задержки с письмами из капстран. Ныне покойный Григорий Николаевич Голубцов написал мне: «Интересно, что моё письмо шло к вам девять дней, а ваше добралось до меня только на двадцать первый день. Ну, видно, бывает так, что от Ленинграда до Нью-Йорка ближе, чем от Нью-Йорка до Ленинграда».

Все сходились во мнении, что если бы я проживал в какой-нибудь из стран Восточного блока, контакты с которыми советское правительство поощряло, то письма доходили бы скорее. Например, мои статьи из «Нового русского слова» не всегда достигали адресатов, но посланные через Польшу (если в них не указывалось название газеты) — проходили без труда. А вот когда я отправил в Польшу Евангелие, напечатанное в Москве, оно было конфисковано.

Коллекционеры добивались легализации Всесоюзного общества коллекционеров, разрешения заграничного обмена и издания специализированного журнала. Я решил им помочь и в августе 1963 г. выпустил бюллетень «Русский коллекционер». В июне 1964 г. в нём было опубликовано 15 адресов, включая пять из СССР. Первые два номера печатались на ротаторе, что при небольшом количестве представляло сложность, а три последних — уже на ксероксе. Из Советского Союза пришло много откликов, но после пятого номера (январь 1971 г.) надобность в бюллетене отпала.

В июле 1966 г. появился первый номер «Филателии СССР». В нём говорилось, что «в истории советской филателии это событие будет отмечено красной датой. 10–11 марта 1966 г. в Москве состоялась учредительная конференция всесоюзного общества филателистов... Председателем ВОФ избран Герой Советского Союза Э. Т. Кренкель».

Уже в следующем номере редакция сообщала: по просьбе читателей в журнале будут публиковаться адреса коллекционеров, желающих вести переписку и обмен. Начиная с № 3 (сентябрь 1966 г.) такие объявления появились, но в очень небольшом количестве. Разрешение на заграничный обмен марками было получено только 1 января 1969 г.: вести обмен полагалось не более чем с пятью зарубежными корреспондентами, на сумму не более 26 рублей и не чаще одного раза в месяц, обязательно в форме заказного письма. Для советских коллекционеров это был единственный способ приобрести марки капстран, но американцев это не привлекало: им было гораздо проще и дешевле купить у торговца все марки СССР в гашёном виде за целый год, чем обмениваться ими в заказных письмах.

На одном из союзных собраний в Нью-Йорке я поделился опытом переписки с СССР и вскоре получил из Парижа циркуляр УЗО (Управления зарубежного отдела) от 05.12.1961 с предложением принять участие в двух акциях — «Поток» и «Стрела»:

«Поток» — акция, которая ведётся уже несколько лет с переменной интенсивностью и которая ставит себе целью доставить нашу литературу в разном виде во всевозможные точки СССР, не придерживаясь какого-нибудь плана, «Стрела» — сравнительно недавно начатая почтовая акция, является более совершенной благодаря разнообразности своих форм и соответствующей направленности⁶⁹.

Участников акции «Стрела» (вскоре их стали называть стрелочниками) центр снабжал материалами и адресами — «стрелами», отправлять же их в СССР надо было за свой счёт. Стрелочники, чтобы их послания легче проходили цензуру, точно придерживались инструкций: подписывать письма именем вымышленного отправителя, вкладывать их в плотные непрозрачные конверты, к каждой «стреле» прилагать «визитную карточку» и сопроводительное письмо. «Визитная карточка» начиналась так:

Вы, вероятно, не раз встречали три буквы — НТС — в советских газетах, журналах, пропагандистских брошюрах. Пока что это единственный широкодоступный источник информации о нашей организации. В передачах западного радио на русском языке о нас не говорят:

⁶⁹ УЗО. Почтовые акции. 5 декабря 1951 г.

наша позиция исходит из интересов нашей страны, позиция Запада — из интересов его политики. Поэтому обращаться к своему народу мы можем лишь своими средствами.

В сопроводительном письме, начинавшемся с обращения «Дорогой друг!», говорилось:

Наши письма доходят до вас через самую труднопроходимую в мире границу — границу СССР. Вопреки международной почтовой конвенции и в нарушение тайны почтовой переписки многие письма вскрываются цензурой, так что далеко не все они достигают адресата... Посылая вам таким образом информацию, мы действуем на основании общепризнанного (в том числе и СССР) международного документа — Всеобщей декларации прав человека, статья 19-я которой гласит: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

Участвуя в акции «Стрела», я стал снабжать центр адресами из «Филателии СССР», а центр, в свою очередь, присылал мне восточноевропейские филателистические журналы с советскими адресами. Материалы из этих журналов я использовал в моём «Уголке коллекционера» в «Новом русском слове» и в передачах на радио «Свобода». Кроме того, я продолжал вести переписку с советскими коллекционерами. С одной стороны, путём обмена я пополнял свои коллекции, с другой стороны, переписка эта оказалась куда интересней, чем разговоры с гидами на выставке. Люди охотно, откровенно и подробно отвечали на мои вопросы. Им было тоже интересно общаться с живым эмигрантом, не похожим на карикатурные изображения в советской печати. А мой интерес ко всему русскому и умение читать между строк производили на моих корреспондентов хорошее впечатление.

Эта моя деятельность соответствовала союзной акции ПСС — переписке с соотечественниками⁷⁰. К ней мне удалось привлечь американцев, с которыми я работал на фабрике-пекарне «Дуган»⁷¹. Один написал пару писем по-английски, но ответов не получил; другие

⁷⁰ УЗО. Инструкция для «Переписки с соотечественниками» (ПСС).

⁷¹ Однажды я даже написал об этом в союзной газете «За Россию» (1961, № 9 (245)).

разрешили мне указывать их в качестве отправителей. Наши адреса были замечены цензурой, и нам сразу стали присылать из Восточного Берлина пропагандистскую газету «Голос Родины». Переписка с СССР обсуждалась в курилке, и рабочие — как участвовавшие, так и не участвовавшие в ней — осуждали поведение большевиков.

Для другой акции («Поток») я должен был договориться с человеком с типичной американской фамилией, который никогда не писал ни в СССР, ни в соцстраны, никак себя не проявлял и о котором местные коммунисты не могли бы узнать ничего интересного. Я нашёл среди рабочих такого человека: Джеймс Смит согласился дать свой адрес и отдавать мне письма, если таковые появятся, а главное — никому ничего об этом не рассказывать. Письма приходили по три-четыре в год, очень редко из СССР, главным образом из стран Запада. Это были письма советских людей, поддерживавших связь с НТС. Однажды Смит получил из Москвы заказную бандероль с книгой Е. И. Дивнича «НТС, нам пора объясниться», якобы выпущенной в Нью-Йорке издательством «Соотечественники» в 1968 г., а фактически — в Москве. Это случилось 8 декабря 1976 г., после примерно 15 лет сотрудничества. Я объяснил Смицу и окружившим нас рабочим: присылка этой книги означает, что КГБ раскрыл тайну его адреса.

— Так зачем КГБ сообщил это нам? Почему бы ему не использовать своё открытие для выявления всех, кто пользовался этим адресом? — спросили меня.

Я ответил, что, видимо, у НТС есть друзья и в КГБ. Это потом долго обсуждали рабочие, а Смит, чувствуя себя героем-подпольщиком, поблагодарил меня за то, что я привлёк его к делу, о котором он будет вспоминать всю жизнь. Затем я без труда нашёл новый адрес, которым Союз пользовался до самого моего ухода на пенсию в 1983 г.

В 1966-м, а может быть, и раньше, Г. А. Рар начал сотрудничать с «Православным делом»⁷². Он поделился с архиепископом Антонием Женевским (1910–1993) своим опытом «стрел» и предложил отправлять в Советский Союз по почте религиозные материалы. Владыка

⁷² Учредителем «Православного дела» стал в 1959 г. Иоанн (Максимович) в бытность свою архиепископом Женевским и Западноевропейским (до того Шанхайским, а затем Сан-Францисским), зарегистрировав организацию в Женеве под своим председательством. Цель «Православного дела» — распространение православного учения и православных основ жизни, оказание помощи православным учреждениям.

дал своё благословение. С помощью проживавшего в Брюсселе члена «Православного дела» Кузьмы Васильевича Скворцова в январе 1967 г. вышло специальное «Послание гонимым и преследуемым христианам — братьям нашим в России», за которым последовали и другие послания.

В 1985–1986 гг. «Стрелой» заведовал Михаил Викторович Назаров. В сентябре 1985 г. он выпустил «Информационный бюллетень акции “Стрела”», № 1. Бюллетень был послан мне через Валентину Антоновну Соколову, которая тогда заведовала «Стрелой» на Восточном побережье США; позже это делал Виталий Захарьевич Сорокин. Последний, шестой, номер бюллетеня за сентябрь 1987 г. выпускал уже Л. А. Рудкевич.

Для акции «Стрела» кроме «Филателии СССР» имелся у меня и ещё один источник адресов. Я собирал маркированные художественные конверты — как чистые, так и прошедшие почту. На прошедших почту были, конечно, и адреса получателя (не всегда моего корреспондента) и отправителя. Всё это отправлялось во Франкфурт в штаб НТС. В один не очень прекрасный день я получил несколько конвертов с вырезанными адресами отправителей и объяснением, что по новым правилам посылать конверты с чужими адресами запрещено. Пришлось подчиниться: такие конверты посылались мне в бандеролях, а заграничные бандероли следовало приносить на почту в незапечатанном виде, чтобы служащие могли проверить содержимое. Мои корреспонденты, хоть и отлично знали мои взгляды как сына белого офицера, в каждую бандероль вкладывали «лениниану», благодаря чему проверка содержимого становилась менее тщательной.

В СССР множество неписаных законов ущемляли права жителей, не подозревавших об их существовании. Так, например, я просил выписать для меня «Вечерний Псков». Полторацкая попробовала это сделать, но ей объяснили, что газета предназначена только для Псковской области и за её пределы не высылается. Попытка прислать мне «Вечерний Тбилиси» тоже не увенчалась успехом: оказалось, что центральные газеты можно посылать за границу, а местные — нельзя. Правда, Тамар, прикрываясь «ленинианой», умудрялась всё же иногда посылать мне вырезки из «Вечернего Тбилиси». Про НТС я своим корреспондентам ничего не рассказывал, но они знали о нём из местных и центральных советских газет и журналов. И иногда присылали мне вырезки с нападкамии на НТС, как бы желая этим сказать, что догадываются, с кем имеют дело.

В. Володин в статье «История падения и предательства»⁷³ писал:

Об НТС спрашивают иногда советские люди, даже те, кто обнаружил у себя в почтовых ящиках странное послание с чёрным трезубцем — эмблемой в уголке. МТС и РТС помним, а вот что такое НТС?.. Сообщим читателям, что НТС — «Народно-Трудовой Союз» — анти-советская эмигрантская организация, запятнавшая себя...

НТС добывал советские адреса для «Стрелы» всеми способами, однако пальма первенства в этом деле принадлежит противоположной стороне. Для советской пропаганды в Восточном Берлине был создан Комитет за возвращение на родину. В 1955 г. он начал выпускать для русских газету «За возвращение на Родину», а для украинцев — «За повернення на Батківщину». Адреса добывались всеми дозволенными и недозволенными путями. Так, в начале 1957 г. и я неожиданно стал получать ежемесячную газету «За повернення на Батківщину». Как потом выяснилось, в Мюнхене советские агенты взломали редакцию украинской газеты и украинского филателистического журнала, который я выписывал. Похитив адреса подписчиков и решив, что я «співвідчизник», мне стали ежемесячно посылать газету «За повернення на Батківщину», и не как бандероль, а как письмо в запечатанном конверте. Газету складывали так, чтобы страницы две-три были снаружи, а заголовок внутри. Меня просили подтвердить получение газеты и высказать моё к ней отношение. Не имея ответа и подозревая наличие цензуры в капиталистических странах, Комитет, не жалея валюты, периодически посылал мне брошюры из Западной Германии с той же просьбой. С 1961 г. вместо газеты «За повернення на Батківщину» я стал получать «Вісті з України», издателем которых значилось «Товариство культурних зв'язків с українцями за кордоном». Когда же в 1959 г. у меня началась переписка (по-русски) с советскими коллекционерами, то я стал получать и «Голос Родины», и прочую советскую пропаганду на русском языке. Чуть ли не каждый номер «Голоса Родины» содержал нападки на НТС. Так, в статье «Союз предателей» было сказано: «НТС — не единственная антисоветская организация, но одна из самых вредных»⁷⁴. Что правда, то правда.

⁷³ Звезда. 1979. № 6.

⁷⁴ Голос Родины. 1966. № 12. С. 5.

Редакция советского журнала на английском языке «The Soviet Life» добывала адреса из адресных книг и рассылала американцам письма с предложением подписаться. Такое предложение получил однажды мой сосед и, подумав, что это может меня заинтересовать, передал письмо мне. Да и самой «Стреле» предшествовала подобная же советская акция. В «Новом русском слове» появилась небольшая заметка «Новая форма советской пропаганды», в которой говорилось:

Бостонской организацией, занимающейся делом сближения представителей молодого поколения различных стран мира, получено из-за железного занавеса свыше тысячи писем. Организация эта называется «International Friendship League» («Международная лига дружбы»)... Другая нью-йоркская организация «Youth of All Nations» («Молодёжь всех наций») получила из-за железного занавеса около 200 писем.

У руководителей обеих организаций создалось впечатление, что письма присылаются в Соединённые Штаты из соображений чисто пропагандного характера, почти все они звучат одинаково и написаны на один манер⁷⁵.

Насколько мне известно, эта акция закончилась провалом, зато акция «Стрела» начиная с 1961 г. из года в год расширялась. В июньском письме (1984) В. А. Соколовой и С. Н. Падюкова сообщается, что в 1982 г. из разных стран Европы, Америки, Азии и Австралии было отправлено около 30 тысяч «стрел», а в 1983 г. — уже около 50 тысяч. А М. В. Назаров писал мне, что в конце 1970 г. листовка «Это — моя страна» разошлась в 100 тысяч экземпляров.

После 1988 г. надобность в акции «Стрела» отпала. С января 1989 г. советское правительство прекратило глушение западных радиопередач. Сперва была разрешена отправка в СССР религиозной литературы, затем вообще зарубежных книг, за исключением изданий «Посева»; но вскоре и изданиям «Посева» перестали чинить препятствия. Помню вопрос относительно запрета на классическую литературу, изданную «Посевом»; ответ был получен такой: энтээсовцы, даже издавая классиков, умеют давать комментарии, недопустимые с точки зрения правоверных коммунистов. Не считая религиозных материалов «Православного дела», печатавшихся и посылавшихся с помощью НТС, за 30 лет, с 1961 по 1990 г., в СССР было послано более миллиона «стрел» — не только листовок, но и периодических и непериодических изданий.

⁷⁵ Новое Русское Слово. 2 мая 1956 г. С. 1.

Андрей Васильев

ТРЕТЬЯ ГРАЖДАНСКАЯ

В 1957 г. я получил предложение перейти на союзную работу⁷⁶. Жил я тогда в Австралии, работал в большой американской строительной фирме, строившей завод для министерства обороны. Взяв расчёт и имея 300 долларов в кармане, я направился в Европу (проезд мне оплачивал Союз). Купил билет на пароход итальянской компании «Lloyd Triestino». В каюте на четырёх человек начался новый этап жизни. Плыли мы четыре недели с заходом в разные порты. Первый порт после Сиднея был Мельбурн, потом Аделаида, Перт, Джакарта, Коломбо, Аден, Порт-Саид, Мессина, Неаполь, оттуда поездом в Рим. Ещё в Сиднее я получил список адресов в Советском Союзе и заготовил партию писем с союзной литературой для отправки. Покупал в каждом порту марки и шёл гулять по городу, опуская письма в разные почтовые ящики. Сложности возникли только в Джакарте: город был на военном положении, Сукарно проводил с кем-то разборку, и нас, пассажиров, сначала не хотели выпускать с парохода. Но в конце концов за несколько часов до отплытия разрешили сойти на берег, велел оставаться в районе порта. До города добраться было нельзя — не работал транспорт. Тем не менее мне удалось купить марки и отправить письма.

Путешествие было скучноватым, кормили не очень, так что останки в пути служили развлечением. Мне особенно приглянулись Джакарта и Коломбо: всё-таки Азия, хотя и не Китай и не Филиппины, но что-то общее было. Я находил китайские забегаловки и в них питался — я тогда ещё не забыл языка. Китайская, да и местная, кухня после надоевших макарон стала приятным разнообразием. А вот арабские страны мне не понравились — ни кухня, ни люди.

Прибыли в Рим. Вагон в поезде пришлось брать с боем: всё было забито, и до Швейцарии я сидел на чемодане в проходе. Первое впечатление от Европы было отрицательным. Страны какие-то маленькие, руками развести негде. Города, городишки, деревни. Не успели проехать один населённый пункт, как тут же начинается следующий. Особенно тесными показались Швейцария и Германия. В Германии

⁷⁶ В НТС.

я увидел такую картину: между двумя деревушками — поле, по полю ходит охотник, одетый в какую-то причудливую одежду, и с собакой, видимо, на кого-то охотится... Умора! Я много охотился в Австралии, так там всё было иначе. Но это другой разговор.

Поезд прибыл во Франкфурт рано утром, я сдал чемодан и отправился по данному мне ещё в Сиднее адресу РАП (Русское агентство печати). Размещалось оно на Кронбергерштрассе. Я был усталый, так как не спал всю ночь, и голодный — мои 300 долларов уже кончились. А охранник не хочет открыть дверь и переговаривается со мной из окна второго этажа. Наконец часам к девяти подошли несколько человек, среди них мой знакомый по Австралии Юрка Волков. Он ещё до войны переехал с родителями из Китая в Брисбен в восточной Австралии, а затем отправился во Франкфурт для работы в НТС. Оставался там лет пять, а потом уехал обратно. В Австралии он защитил диссертацию по творчеству известного в Китае эмигрантского писателя Байкова, на союзную работу не возвращался и рано умер, совсем молодым.

Юра быстро договорился с охранником, меня впустили и накормили завтраком, с кем-то знакомили, что-то показывали. Запомнилась лишь большая, во всю стену, карта Советского Союза, утыканная флажками. В тот же день меня отвезли в школу. Она помещалась на окраине Франкфурта в старом доме. В одной комнате со мной позже поселились ещё два человека из Англии, а в другой — женщина из Швеции. Так что нас, курсантов, стало четверо.

Привёз меня в школу её директор Георгий Тимофеевич Нашиваненко по кличке Отто. Он показал мне комнату и мою кровать, проинструктировал, как вести себя (преподавал ли он нам что-либо, я не помню). Нашиваненко дал мне кличку. У всех нас были клички, и нам не полагалось говорить, из какой мы страны, и распространяться о своей биографии. За этим строго следили. Курсанта, не соблюдающего конспирацию, могли запросто отчислить и отправить туда, откуда он прибыл.

Курс в этой школе длился три месяца, по окончании принималось решение: отослать восвояси или использовать в союзной системе. И если использовать, то в какой области: издательской, типографской, журналистской, на радио «Свободная Россия», либо в Комитете помощи русским беженцам им. доктора А. Трушновича, либо в оперативке на связи с советскими военнослужащими. Могли перевести в РАП,

могли отправить в зарубежную оперативку — для встреч с советскими людьми, моряками или делегациями. Из нас четырёх двоих парней из Англии отправили обратно, и занимались они там зарубежной оперативкой в свободное время, то есть в систему освобождённых работников их не взяли. Женщину же взяли на работу, но в Швецию — очевидно, по семейным обстоятельствам; она была очень толковая.

Из преподавателей я помню Копылова, Костю Черезова (его потом КГБ похитил), Ару Ширинкину, Кригсмана, Светова (Парфёнова).

Чему нас обучали? Ясно, что идеологии солидаризма; проходили программу НТС (преподавал Светов); умение говорить (я так и не научился); технику подхода к советским гражданам и встреч (преподавала Ара Ширинкина). Конспирацию, структуру и методы работы КГБ преподавал Костя Черезов, а практической стороной (выявлением слежки, уходом от неё, «мёртвыми» почтовыми ящиками, кодами и шифрами) ведал Копылов. Был ещё теоретический курс радиодола, преподавала Виноградова. И, наконец, курс русской истории — Борис Тихонович Кирюшин; он потом умер во время одного из семинаров в Кобленце. Для бесед с нами приглашались лекторы; предполагаю, что они совместно с преподавателями тоже давали нам характеристики и оценки. Не помню всех, но приезжали Слава Трушнович и Владимир Дмитриевич Поремский.

В школе нам выдавали суточные, и питались мы сами; можно было самим готовить, что мы и делали — варили борщ. Хотя я предпочитал пойти в ресторан; на это суточных не хватало, но можно было перекусить сосиской.

Вечерами нам показывали учебные фильмы — американские или английские, шпионской тематики, связанные с закрытой работой; некоторые были вполне на уровне. Показывали и художественные фильмы. Доставляли их Нашиваненко или Копылов. По выходным Нашиваненко на машине возил нас смотреть разные немецкие достопримечательности: римскую крепость, замки на Рейне, но не показал ни одну русскую церковь — тоже из конспирации, чтобы нас никто не видел.

Помню проблемы с «мёртвым» почтовым ящиком. Мы должны были найти для него место в городе в пределах пешеходной прогулки, а также место для условного знака, что ящик «заряжен». Например, ресторан для «мёртвого» ящика — не идеальное место. Если пакет прикрепляли с нижней стороны столешницы, то почему-то тот, кто

пришёл забрать его, обязательно обнаруживал, что столик занят... Удобными считались старые дома: если входная дверь не запиралась и если на лестнице имелась батарея парового отопления, за неё можно было заложить пакет, но таких домов во Франкфурте оставалось уже немного. Идеальное место — кладбище или, на худой конец, парк. Хотя и там приходилось непросто, потому что часто мы были под слежкой. Это выяснялось во время разбора проведённой операции. Но в общем такая тренировка — мне, во всяком случае, — была полезна.

Случались также поездки в соседние городки с целью найти и изъять из «мёртвого» почтового ящика материал, причём запрещалось спрашивать дорогу у местного населения. Такие поездки всегда были под слежкой, мне обычно удавалось от неё оторваться, так как велась она одним, редко двумя людьми.

Бывал у нас в школе Козорез: он недавно приехал из СССР, где сидел в лагере, об этом и рассказывал, причём на тамошнем жаргоне. Бывал и Дувинг — преподавал что-то связанное со структурой Советской Армии и её вооружением. Мы также должны были штудировать советские газеты и делать свои выводы по той или иной статье, то есть учились читать между строк. Все курсанты, кроме меня, были из второй эмиграции и кое-что помнили о жизни в СССР, я же, никогда в СССР не живший, должен был проникнуться советской спецификой; понять, как функционируют советское производство и сельское хозяйство и кто есть кто; усвоить новояз и жаргон (чтобы, по крайней мере, понимать, о чём идёт речь), оценить роль КГБ в советской жизни.

После окончания курсов мне разрешили присутствовать на посевской конференции в Пальменгартене. Вход был по пропускам, на моём стояла фамилия Охотников, и я должен был держаться скромно, в тени. (Но Ара Ширинкина разгадала, что я приехал из англоязычной страны, поскольку Пальменгартен назвал Пальменгарденом.) Наши преподаватели также не знали ни наших настоящих имён, ни стран, из которых мы приехали.

Конференция 1957 г. в Пальменгартене была грандиозной. Приехало много иностранцев, один перечень занял бы несколько страниц: представители из всех европейских стран, из Израиля, Бирмы, с Тайваня; помню адмирала чилийского флота Пена-Бото. Приехали отовсюду, но, выступая, несли чушь! Главное было показать, что форум — международный. Там я встретил Сашку Кашина, журналиста,

которого знал ещё по Шанхаю (мы учились в одной школе, но в разных классах, он старше меня). Это было плохо, хотя мою фамилию он так и не вспомнил и удовлетворился, пусть и с оговорками, Охотниковым. Отвязаться от него оказалось трудно, к тому же пьянел он очень быстро. В дальнейшем я стал его избегать. Псих был законченный! Хотя и талантливый... Ещё во время конференции я успел подружиться с Алёшей Поремским, позднее погибшим в катастрофе (он разбился на своём мопеде).

Именно на этой конференции КГБ отравил радиоактивным таллием Николая Хохлова. Я, правда, тогда об этом не знал, как не знал и самого Хохлова.

После окончания школы и конференции меня отправили на практику в Любек, на Кильский канал. Там располагалась группа зарубежной оперативки. Начальником был Леонид Мюллер, человек недалёкий, но с большими претензиями. В состав группы входил некий Колин (имени не помню), человек себе на уме, его потом исключили из НТС, кажется, за какие-то финансовые дела, и он пошёл служить в американскую охранную роту; на союзной работе оставался недолго. Ещё был Володя Циммерман, в просторечии Аргентинец (русский немец из второй эмиграции, он успел побывать в Аргентине), шутник и балагур. Основной мишенью его шуток служил Мюллер. Как-то раз на дверь квартиры, где тот жил, Володя укрепил дощечку: «Гер доктор Мюллер». Начальник наш был очень польщён. Правда, после приезда «товарища из Центра» дощечку пришлось снять, так как незаконное присвоение учёной степени в Германии карается законом.

Вообще же отправка меня на работу в Германию была, конечно, ошибкой. Немецким я не владел, иностранцев тогда в Германии было мало, и в каждой гостинице мой австралийский паспорт с фамилией Васильев вызывал подозрения, заканчиваясь иногда разговором с полицией. Выручала журналистская карточка, выданная мне нашей энтэзсовской газетой «Единение» в Австралии. Немцы, хотя и качали головами, всё же отпускали раба Божия без особо пристрастных допросов.

Тут я должен сделать отступление. Конечно, наше руководство должно было послать меня в Англию: я говорил без акцента, но не на «живом» языке, и англичане считали, что «этот парень из колоний». Австралийцы же называли меня «блуди помми», то есть англичанин. Всё же жить в Англии мне было бы проще, а для Союза — более продуктивно.

Поселили меня в гостинице, имевшей вид средневековой постройки с башней, перед самым мостом через канал, на излуцине. Моя задача состояла в том, чтобы весь день лежать на кровати и смотреть в бинокль на излуцину канала. А как только появится судно — опознать его по кормовому флагу. Если судно советское, надо было быстро бежать на мост (это занимало примерно три минуты) и, когда судно проходило под мостом, засыпать его листовками. Чтобы листовки не разлетались, они были свёрнуты либо в трубочки, либо в квадратики, перевязанные резинкой. Обычно на советском судне, засыпанном листовками, реагировали довольно вяло — пара матюгов, и всё. Но если на нём перевозили доски, а это происходило часто, то мат стоял коромыслом. Дело в том, что собирать трубочки сравнительно легко, а квадратики проваливались между досками. Я же старательно сыпал именно квадратики и именно на доски: так им, гадам, и надо!

Интеллектуальным это занятие назвать нельзя, но оно давало мне удовлетворение: хоть и по мелочи, а насолить советской власти. Иногда случались ошибки. У турок тоже красный флаг, и разобрать, что там на нём — то ли серп и молот, то ли полумесяц, — на расстоянии трудно. Турки, правда, никак не реагировали, если я засыпал их листовками, но наши ребята надо мной смеялись.

Вот так я и сидел на Кильском канале три месяца. Потом послали меня в Данию. Там хоть кто-то владел английским, и стало мне легче. В Данию можно было въехать без визы, но через три месяца требовалось зарегистрироваться и оформить прописку. В штабе сделали глупость при составлении моей легенды: мол, я приехал в Данию изучать русскую литературу! Чиновник паспортного стола вытаращил глаза: «Русскую литературу? Изучать? В Данию?!» В результате предложили покинуть страну. Пришлось подключить к делу местного жителя и члена НТС, у которого имелись связи в нужных кругах, то есть в местной контрразведке, — Фёдора Сергеевича Лодыженского. Потопали мы с ним в логово империалистической разведки. Фёдор Сергеевич, очевидно, знал этого человека, что-то ему по-датски объяснил. Наконец, чиновник прочёл мне длинную нотацию по-английски: «Ваша легенда ни к чёрту не годится, но так уж и быть: живите какое-то время, а потом будет видно».

Датский участок тогда состоял из нескольких человек. Ф. С. Лодыженский — для контакта с властями. Ещё один местный житель, Женя Павловский — музыкант и настройщик пианино, он с этого жил, но в свободное время принимал участие в союзной деятельности. Очень

был симпатичный человек. Сразу после войны он занимался спасением власовцев, части которых были расквартированы в Дании. Дмитрий Дмитриевич Шевич, местный член НТС, иногда принимал участие в наших акциях. Его предки участвовали ещё в Бородинской битве, служили в гвардейских полках. Он тоже был на редкость милым человеком, и я с ним подружился. Работал же он надзирателем в тюрьме! Помимо этих людей в Дании жили несколько освобождённых работников НТС, которые ничем иным, кроме встреч с советскими гражданами, не занимались. Обо всех встречах приходилось писать отчёты. Клички у нас в ту пору были глупые — по профессиям. Так, моя, например, была Лётчик.

Как-то раз я находился в Эйсберге (порт на западе Дании), моряков не встретил. Часа в два утра в порту совсем пусто; я подошёл к большому пароходу (восемь-десять тысяч тонн). Он был разгружен и потому стоял высоко — листовки и брошюры забросить невозможно. Я собрал всё, что у меня с собой было, сложил кирпичиками, перетянул резинками. Кирпичики получились довольно увесистыми. Забросил несколько штук, и вдруг — дикий мат! Очевидно, команда из-за жары решила спать на палубе, и кирпичик в кого-то угодил. Не успел я это сообразить, смотрю — несколько полуголых фигур сбегают по трапу. Я — ходу, они — за мной. У меня с собой был газовый пистолет: их же много, а я один. И я на бегу стал из него палить через плечо. Так и удрал. Ребята с этого парохода потом рассказывали в Англии, какие энтээсовцы сволочи: «Пули около ушей свистели, ведь мог и убить». А в пистолете даже газовых патронов не было, одни стартовые, только шум производили.

Другой случай произошёл в Копенгагене. Проходила какая-то акция, и по этому-то случаю выпустили специальные листовки; надо было обработать ими все суда. Так же поздно ночью наша группа отправилась в порт. В группе были А. П. Тимофеев, наш работник из Швеции, мужик под два метра, Д. Д. Шевич, Е. Павловский и я. Они меня прикрывали, а я пошёл к пароходу и стал бросать листовки. После первой же пачки меня со всех сторон окружили моряки (они нас ждали: кто-то сидел на палубе, а кто-то прятался за ящиками на самом причале). Скрутили и поволокли на пароход. Тут на них выскочил А. П. Тимофеев и заорал по-шведски: «Что происходит? Полиция! Вы арестованы!» Ребята опешили и меня отпустили, я наутёк. Тимофеев за мной, орёт: «Halt!» Таким способом мы удалились от парохода. Он меня здорово выручил, иначе меня как минимум крепко

отдубасили бы. Закончили мы эту ночь, вернее, утро, у Жени Павловского каким-то вином домашнего производства, надрались здорово.

В Копенгагене же я впервые встретился с ЕРО⁷⁷. Он хотел со мной познакомиться и назначил встречу в «Kong Frederide», гостинице в центре города (на стенах там были фрески Васнецова). Учил меня пить коньяк — очень неудобно: в стакане на доньшке, а горловина узкая, всё время нос упирается. Лучше уж пить из чайного стакана. Разошлись, кажется, довольные друг другом.

Вскоре из штаба пришло предписание отправить меня на месяц в Бельгию, в Брюссель. Там тогда проходила международная торговая выставка и был огромный советский павильон «Ехро 1958». Кличку мне дали Миша. Я приехал поездом; в определённый час должен был явиться в определённый ресторан в самом центре города, занять столик и положить на него журнал «Paris Match» — ко мне подойдут. Так всё и произошло. Встречал меня в Брюсселе, как я узнал позднее, Жестков из Парижа, он там был вроде начальства. Кроме меня в Брюсселе находилась большая группа наших, многих я не знал. (Помню только Перуанского из Мюнхена. Он приехал из Персии и был персидским гражданином. Потом вышел из НТС и работал на радио «Свобода». Любил выпить и поволочиться за бабами — большой специалист в этой области.) Жестков снял для меня комнату в частном доме. Готовить самому было нельзя — питался сосисками и картофельными чипсами; суточные нам полагались небольшие.

Ходил каждый день на выставку в советском павильоне. Разговаривать с обслуживающим персоналом удавалось с трудом — здорово следили, да и все они были хорошо инструктированы. Я изображал бывшего советского солдата, дезертировавшего из Советской армии в 1956 г. в Венгрии. Иногда удавалось поговорить с кем-нибудь из персонала. Но больших результатов я не добился. Хотя эта венгерская легенда себя оправдала. Как-то раз, сидя в бистро со стаканом пива, я обратил внимание на сидящего за соседним столиком солидного человека, одетого в дорогой костюм и читающего советскую газету. Я подсел к нему. Необычно было то, что он один — советские всегда ходили в группе. Разговорились. Он сказал, что он с выставки. Видно было и по тому, как он говорил, и по тому, как себя вёл, что это большая шишка. Он куда-то торопился, поэтому предложил мне встретиться на выставке у какого-то

⁷⁷ Евгений Романович Островский.

павильона, не советского, на следующий день. Я пришёл на встречу — он опять был один. Я провёл с ним в разговорах семнадцать часов, он даже накормил меня в дорогом ресторане обедом. Своего положения не скрывал: дача, машина с шофёром, даже свой парикмахер; в общем, крупный ответственный работник. Отчёт о встрече с ним я писал два дня, получилось сто страниц рукописного текста. (Потом на основе этого разговора Роман Редлих написал статью в «Посеве».) Помню, я задал тому русскому вопрос: «А как же у вас с совестью? В 1937 г. расстреляли множество своих же товарищей — совесть не мучает?» Он ответил: «А что вы хотите, чтобы мы сегодня из-за этого голову на плаху несли? Мы их реабилитировали. Хозяин-то был крут». Имелся в виду Сталин. Я: «Это, конечно, им здорово помогло». Он: «Не им, но здорово помогло их родственникам». Вот такой тип. Я на память набросал его портрет; потом наши выяснили, что он был генералом КГБ и отвечал за службу безопасности советского павильона.

Потом как-то раз мы вместе с Жестковым встретили на трамвайной остановке тоже очень хорошо одетого советского вельможу в очках с золотой оправой. Порол он обычную чушь, приглашал приехать в СССР, «народ и партия едины» и т. д. Я его где-то видел раньше, пытался вспомнить — и вспомнил: опознал по портрету его отца, писателя Алексея Толстого — это был его сын, Никита Толстой. Он-то себя назвать отказался.

На специальном самолёте в Брюссель прилетела целая толпа народных избранников — депутатов Верховного Совета СССР. Все как один — раскормленные лбы, чтобы повернуть голову, им приходилось поворачиваться всем туловищем. Все в широкополых зелёных шляпах, одинаковых сиреневых костюмах и одинаковых серых плащах. С этими разговаривать было не о чем. Ответы стандартные: «СССР — рай для трудящихся». Но одновременно они были не прочь эксплуатнуть нас: просили поводить их по магазинам, показать маленькие еврейские лавочки, где торговали очень дешёвыми и жутко аляповатыми часами; они покупали их дюжинами: это, мол, сувениры для родственников и знакомых, а вообще-то у нас всё есть. Я не помню, чтобы кому-либо передал литературу, но большое её количество распишал по всяким советским экспонатам на выставке; старался запрятать так, чтобы после окончания выставки все материалы уехали в СССР. Это было своего рода спортом. Обо всех встречах мы писали отчёты, так что работать приходилось много.

По истечении месяца мне предложили поехать на работу в Норвегию, в Берген. Туда с визитом пришли корабли ВМФ СССР — крейсер «Октябрьская революция» и несколько эсминцев под командованием адмирала Горшкова. Публика гораздо более интересная, чем депутаты Верховного Совета. Акцией должны были руководить Владимир Третьяков (кличка Герман) и работник местного участка Саша Орлов, он же Дзамболат Хациев, по происхождению, кажется, осетин. У меня с Сашей сложились дружеские отношения; позже он погиб в автокатастрофе. В нашу группу входили также Николай Кривенко, Саша Милиц, ещё один парень, приехавший в Данию из Шанхая (не помню его имени), и Шани Улубиев, кажется, кумык, тоже с Кавказа.

Самыми интересными из команды эскадры оказались курсанты, мы вели с ними многочисленные разговоры и передали им литературу. Как-то под вечер в одном из парков Бергена мы вдвоём с Сашей Милицем устроили митинг. Собралась толпа — человек 50 матросов и курсантов; офицеры наблюдали со стороны и подзуживали моряков нас побить. Но обошлось. А митинг оказался неплохим: я предложил морякам задавать вопросы, и мы на них отвечали, стоя на скамейке. Офицеры (думаю, в основном замполиты) в конце концов его прекратили, приказав морякам вернуться на суда.

Был ещё эпизод, чуть не кончившийся дракой. Мы, Милиц и я, зашли в кабачок, а там сидели три офицера: военно-морской атташе из посольства, капитан второго ранга и замполит, кажется, с крейсера. Мы заказали пива и, сев за соседний столик, заговорили с ними. Офицеры уже были здорово под мухой. Двое с нами спорили, но беззлобно. Капитан утверждал: «Ваш Поремский — засранец», и улыбался при этом. Атташе тоже не проявлял особой агрессивности. Милиц перешёл поближе к ним и продолжал с ними довольно мирно дискутировать. Зато в меня в это время буквально вцепился замполит. Его прямо трясло от злости! Он не мог себя сдерживать. Из него пёрла ненависть. Брызжа слюной, с багровым лицом он повёл на меня атаку. Тут было всё: и недобитые белогвардейцы, и пособники фашистов, и наймиты американского капитала. Кажется, в первый и последний раз в жизни я почувствовал, что такое ненависть, она как бы поднималась снизу, заполняя меня целиком, ещё минута — и я бы врезал пивным стаканом ему по морде. Но тут он, видимо, что-то понял, поднялся и, ни с кем не прощаясь, ушёл. А капитана второго ранга, набравшегося до положения риз, пришлось нам с Милицем тащить на

себе, одновременно поддерживая атташе, который тоже не очень уверенно стоял на ногах. Чтобы не компрометировать офицеров, шагов за пятьдесят до корабля мы их оставили, и эту дистанцию они кое-как преодолели самостоятельно.

Норвежцы устроили адмиралу Горшкову приём в ратуше: накрыли столы для обеда, поставили разные напитки. И вот когда все, включая организаторов, вышли встречать гостя, Шани Улубиев, отчаянный кавказский человек, улучил момент, забрался в зал через окно и под тарелки разложил наши листовки. Вышел большой скандал. Не знаю, как норвежцы его уладили, но никто из наших не пострадал.

После ухода кораблей я ненадолго вернулся в Данию. Иногда я там развлекался: выходил в парк на набережной, туда, где сидит знаменитая Русалочка Андерсена, — у персонала советского посольства это было любимое место для прогулок. Я устраивал за сотрудниками демонстративную слежку — так, чтобы меня заметили. Они вели себя забавно: сначала просто оглядывались, потом начинали торопиться, наконец, поворачивались и скорым шагом, чуть не бегом возвращались. Иногда уже у самого посольства обретали храбрость и на ломаном датском или таком же английском требовали от меня объяснений. Я же, смотря в одну точку, с каменным лицом проходил мимо, как будто их вообще не существовало.

Были и другие забавы. Если приезжала какая-нибудь делегация из Советского Союза, я на сутки селился в той же гостинице. Поздно вечером подкладывал листовки под их двери, а затем обходил все уборные и начинял листовками рулоны туалетной бумаги, предварительно их раскрутив. И рано утром покидал гостиницу.

В Дании я оставался недолго. Меня перевели в Норвегию, в Осло. Руководителем участка был Константин, о котором я уже писал; он переводился в Германию, а на его место должен был приехать Жорж Быстров из Новой Зеландии. Но, не помню почему, Жорж пробыл в Норвегии недолго и уехал на работу в Англию. На участке был один старожил, бывший офицер императорской армии Фёдор Тараканов. Он служил во время Первой мировой войны на Аландских островах, там женился на шведской финке Эстер Юльевне, после революции переехал в Норвегию и в 1930 г. вступил в НТС. Замечательная была пара, напоминала старосветских помещиков, только очень бедных.

Надо было как-то оформиться, и я, уже не доверяя центру, сам придумал себе легенду. Во-первых, использовал свою журналистскую

карточку — зарегистрировался как вольный журналист. Во-вторых, записался на несколько вечерних курсов в университет. Получил прописку на год, а потом её продлили. Работа предполагалась прежняя — встречи с моряками, и она меня в какой-то мере тяготила. Надоело приставать к людям и проповедовать им одно и то же.

Но бывали и интересные моменты. Константин ещё в начале своей деятельности в Норвегии был в чём-то заподозрен полицией, вернее, контрразведкой, и во время поездки в Берген начальник местной службы снял его с парохода. Константин рассказал о себе, а контрразведчик оказался бывшим партизаном, воевавшим против немцев; они сильно подружились. Кличка его была Близкий, имени не помню. Этот бывший партизан оказывал нам потом неоценимые услуги, поставляя самую разную информацию. Например, советский торговый атташе едет поездом в Тронгейм и заказывает спальное место в купе. Я тут же отправляюсь на вокзал, как только подадут состав, иду в его купе и кладу под подушку «Посев». А в Тронгейм высылаю нашу литературу почтой, поскольку Близкий проинформировал нас, где этот тип будет жить. Пара посольских товарищей потом досрочно вернулась в СССР с диагнозом «полное расстройство нервной системы».

Или вот такой пример. Близкий нашёл двух рабочих, которые укладывали селёдку в бочки для отправки в СССР — в качестве оплаты за советские автомобили, которые они таким образом покупали. Я сворачивал листовки в трубочки, заворачивал — и в пластик. Передавал их Близкому, тот — своим рабочим, и в рот селёдкам закладывалась трубочка с литературой НТС. Потом селёдка попадала в СССР и там распределялась по магазинам. В результате советские граждане получали бесплатное приложение к покупке. Были протесты МИДа СССР. Получалось очень забавно.

Тот же Близкий передавал нам списки команд советских судов, пришедших в Норвегию: благодаря им мы могли следить за ротацией кадров, выявлять помполитов и вообще по-разному их использовать. Как-то с неофициальным визитом в Норвегию приехал Косыгин. Один раз мне удалось его поймать одного. Я подошёл, представился как работник НТС и предложил ему журнал «Наши дни»; он взял, поблагодарил даже, но от разговора отказался.

В Норвегии я проработал полтора года. Так же как и в Дании, приходилось много ездить по портам: в Осло, Берген, Кристинсунд,

Тронгейм и т. д. В Осло была русская церковь и небольшая русская колония, но по причине конспирации я их избегал и, кроме названных лиц, ни с кем не общался.

Из Норвегии меня ненадолго перевели в Италию, в Геную. Начальником итальянского участка был тогда Адам Русак, он жил в Риме, а в Генуе работал некий Пусто. Такой упитанный, лицо круглое, нос пуговкой. Очень странный: с моряками говорил, коверкая русскую речь и выдавая себя за иностранца. По-моему, он их боялся. Все его разговоры были абсолютно бессодержательны, литературу он не предлагал. Со мной излишних, то есть нерабочих, встреч Пусто избегал. Советских пароходов приходило мало, сплошь и рядом делать было нечего; стояла зима, комната, которую я снимал, не отапливалась. Нигде я так не мёрз, как в Генуе... Питаться приходилось в дешёвых итальянских забегаловках. Пробыл я там месяц, получил язву желудка, и Пусто отправил меня в Германию. Думаю, он был рад от меня избавиться, а я от него.

Приехал в Германию, опять в школу, которая находилась тогда в Кобленце. Начальником школы был Герман, он же В. Третьяков, завхозом — некто Васильев (я его потом нигде не встречал); завзятый рыбовод, он каждое утро ловил в Рейне рыбу, то ли краснопёрку, то ли плотву. Не помню, кто ещё находился в школе. Желудок болел, и мне было не до этого.

Начальство решило взять меня в штаб, но следовало всё оформить, перевести жену с пасынком из Дании и т. д. Меня послали на отдых в Карлсруэ на три недели. Приехала жена с сыном, мы сняли маленькую квартирку из двух комнатушек, много гуляли. Через три недели за мной приехал И. И. Агрузов и на машине отвёз в Кёльн, где для нас сняли двухкомнатную квартиру. В Кёльне тогда проживал сам И. И. Агрузов с женой и двумя детьми; в той же квартире жили попеременно, если мне не изменяет память, Нашиваненко и Трушнович. В другой квартире жил Олег Владимирович Перекрёстов с женой Ириной Витальевной. Они ранее приехали из Австралии и после гибели А. Р. Трушновича несколько лет ведали комитетом русских беженцев в Берлине. Там же, в Кёльне, то ли до Перекрёстова, то ли после, жил Коля Бевад; он бросил службу в ООН в Нью-Йорке и переехал на союзную работу в Германии.

Штаб тогда находился в Дюссельдорфе, и я должен был из Кёльна ездить туда на поезде. Штаб занимал две квартиры (и ещё одну или

две имел где-то по соседству). В 1960-е гг. в них жили ЕРО (кличка Дядя, потом — Виктор), Сергей Евгеньевич Крушель с женой, главный бухгалтер Союза А. С. Парфёнов и Семён Мозговой. Я занимался картотекой советской агентуры в эмиграции. Кличка моя была Вольтер. Ко мне сходились отчёты из разных участков о встречах с моряками и местными русскими. Например, Груднов (кличка Атаман) опрашивал в Голландии «ракет»: там жило много советских женщин (бывших остовок), которые вышли замуж за голландцев и ездили в СССР к родственникам; около него всегда крутилась советская агентура. Приходили отчёты и из других стран, даже из Австралии; иногда это были письма, в которых члены НТС описывали свою деятельность. Из них я делал выписки для своей картотеки. Думаю, за пару лет набралось около 2000 карточек.

В 1962 г. я поехал в Австралию, чтобы получить новый паспорт и переменить свою фамилию на англоязычную: фамилия Васильев приносила сплошные неприятности. Я выбрал West, достаточно распространённую и не особенно бросающуюся в глаза. Andrew West в австралийском паспорте выглядело вполне приемлемо, а что родился в Шанхае — так там же была английская концессия. К тому же ЕРО задумал послать меня в турне по СССР: с Васильевым было нельзя, а с West вполне. (Но из этого ничего не вышло: когда я вернулся, жена на шесть месяцев слегла в госпиталь.)

В Европу я вернулся со всеми предосторожностями. Не заезжая во Франкфурт, отправился в Гамбург, где меня ждал ЕРО. Но жена уже заболела, так что вместо СССР я поехал опять в Данию — кому-то нужно было сменить Сергея Тарасова (кличка Макар). В Дании я был прописан легально и получил работу в фирме члена Союза Володи Кьера (он датского происхождения, и после революции его семья эмигрировала в эту страну). Я только числился на работе, но никогда там не появлялся, а занимался своим делом. Для всех это оказалось выгодно: Володя мог списывать налог и оставлять себе мою зарплату, платя за меня лишь мой налог и медицинскую страховку, тогда как Союзу вообще не приходилось их оплачивать за меня; я же получил официальный статус и право на работу.

Союз уже с 1960 г. начал посылать в СССР «орлов», то есть курьеров. В Дании был участок для их вербовки и посылки. А Сергей Тарасов (Макар) переехал в Париж для поиска кандидатов на курьерскую операцию. В Париже начальником этой работы Союза был Б. Г. Миллер (Адам), под

его руководством действовал Ю. Б. Брюно (Михей), а Тарасов должен был стать у них наводчиком. Парижу придавалось большое значение, так как там находилось много русских эмигрантов, среди которых можно было искать русскоговорящих «орлов».

«Орловская» операция требовала ещё большей конспирации, чем зарубежная оперативка. (Скажем, в Дании, где я работал инструктором, я не мог видетсья с членами Союза, не говоря уже ни о ком другом, включённом в эту работу.) Цепочка по поиску «орлов» выглядела так. Ф. С. Лодыженский, кличка Юниор, был связан с правыми политическими кругами, которые имели свои молодёжные секции. Там через свои связи он и подыскивал подходящих людей. Они ехали курьерами, затем сами включались в сеть наводчиков и передавали Юниору тех, кто согласился на участие. Юниор объяснял им, что от них требуется, проводил несколько встреч и получал от каждого согласие на поездку. Оценив потенциального курьера, передавал его мне. Я (союзная кличка Роберт, а для всех остальных Fred), получив кандидата в «орлы», начинал его инструктировать: сообщал общие сведения об СССР, практические сведения о работе ГБ, о проходе границы и таможенного контроля, о поведении в группе и т. д.

Если переданный мне кандидат казался неудачным, я мог снять его с поездки. Подготовка «орла» требовала от десяти до двенадцати инструктажных встреч, каждая длилась три-четыре часа, но бывало, что и все двенадцать. Это зависело от способностей человека и сложности операции. Конечно, кандидату приходилось делать и домашние уроки. Например, самое элементарное: он должен был научиться читать по-русски, знать транспортную сеть города, в который ехал, и ещё множество всяких мелочей, таких как выявление слежки, уход от неё, если это предусматривала инструкция, поведение на допросе. Тут тоже имелись свои нюансы: легенда, легенда в легенде, или позиция. Для этого требовалось узнать психологию кандидата, его темперамент, семейное положение и многое другое. Если всё перечислять, получится книга в сотню страниц. Учитывалась и специфика операции. Штаб решал, какую операцию проводить, и под неё подыскивали «орла». Конечно, случались и провалы. У меня за время работы на участке их не было. Больше всего провалов пережил Адам, и это несмотря на очень тщательную подготовку кандидатов. Очевидно, какие-то черты его характера были противопоказаны ведению закры-

той работы. Прекрасный пропагандист и оратор, он, видимо, не умел оценивать людей. (К нему я ещё вернусь.)

После возвращения «орла» делался опрос, всё записывалось на магнитофон и потом перепечатывалось на пишущей машинке в четырёх экземплярах — на бумаге разных цветов. Эти четыре экземпляра в штабе распределялись следующим образом: один шёл в дело «орла», второй — в дело основного контакта, третий резался на части и шёл по другим контактам или смежным делам, четвёртый использовался как смежный материал. Само собой разумеется, что отчёты пересылались в штаб с курьером либо, в крайнем случае, разрезались на три части и шли на особые адреса в трёх конвертах. Все разговоры по телефону со штабом велись, как правило, с телефонных станций или из таких телефонных будок, из которых можно было звонить за границу. Разговор был предельно сжатым, даты передавались по условному коду; то же касалось городов и стран. Имелся целый набор условных слов и фраз, поэтому чтобы составить разговор по телефону, надо было изрядно подготовиться. Я свои коды и шифры, а также всё, что касается работы участка, хранил в банковском сейфе, снятом в одном из больших банков в центре города. Сам я жил на окраине. Вся корреспонденция шла на «пост-бюкс» или на «пост-рестанте». На мой домашний адрес могла приходиться только камуфляжная корреспонденция, а также письма местного официального характера. Все встречи с контактами происходили в нейтральных местах либо на конспиративной квартире, если таковая в данный момент была. Места встреч для инструктажа постоянно менялись, чтобы не примелькаться. Первое время на участке я пользовался городским транспортом. Позднее у меня появилась машина, что очень облегчило работу. Проверять, нет ли слежки, приходилось постоянно.

Иногда от «орла» требовалась конфронтация с органами ГБ. Такие операции проводились только с моего участка, их было немного и все они прошли безупречно. В подобных случаях нужны люди, обладающие сочетанием редких качеств в нужной пропорции. Человек требовался не очень щепетильный, в какой-то степени авантюрист, храбрый, решительный и очень находчивый. У меня было таких два: Кассир и Бухгалтер (имена их я не раскрою, так как не помню). Тут я не имею в виду открытых операций, они требовали других людей, и с моего участка в то время такие не проводились.

Мы, инструкторы, сами постоянно должны были повышать свою квалификацию. Для этого каждый год в разных странах устраивались семинары с квалифицированными докладчиками, с обменом мнениями и т. д. Очень большое внимание как на семинарах, так и на участках уделялось конспирации.

При разработке операций тогда руководствовались принципом: в первую очередь обеспечить безопасность контакта в СССР, потом «орла» и в последнюю очередь — безопасность организации. Позже, уже работая в штабе, я этот принцип изменил: в первую очередь защита организации, потом контакта, а защита «орла» — на последнем месте. Отчёты, конечно, тоже кодировались, а все контакты и «орлы» были под кличками.

В 1964 г. в Копенгагене я был связан, как уже писал, с Ф. С. Лодыженским и с Д. Д. Шевичем. Шевича иногда использовали для легенды «орла» или контакта: он представлял в Скандинавии журнал «Грани», от имени которого было более безопасно иметь дело с писателями и некоторыми членами правозащитных групп. Позднее в Данию, тоже на закрытом положении, прибыл Г. Т. Нашиваненко. Чем он занимался, я не помню, но по рабочей линии никакого отношения к посылке курьеров не имел. На участке он фигурировал под кличкой Дядя Йон. У меня с ним сложились очень дружеские отношения. За всё время работы в Копенгагене я ни разу не был в русской церкви и не имел никаких контактов с местными русскими.

Связь со штабом осуществляли О. В. Перекрёстов и А. В. Ширинкина, иногда приезжал ЕРО. Ширинкина ведала работой участка, а Перекрёстов — непосредственно «орловской» операцией. Иногда мне приходилось в качестве инструктора выезжать в Швецию (в Стокгольм, Лунде, Мальмо и Гётеборг); шведским участком занимался тогда А. П. Тимофеев (кличка Марк), больше известный как «генерал».

В 1965 г. меня решили перевести в Англию, чему я обрадовался. Но не получилось: англичане только что ввели новые правила въезда. Всем, в том числе жителям стран Британского содружества, требовались визы, а их получение занимало шесть недель. Владимир Михайлович, он же Перекрёстов, требовал, чтобы я ехал немедленно, и не верил, что меня, австралийского гражданина, могут не пустить в Англию. Я пытался получить визу в ускоренном темпе — безрезультатно. Перекрёстов нажимал, пришлось ехать так; меня вернули обратно, не решив даже сойти с парохода на берег. Вообще, Перекрёстов был очень упрям и не считался с чужим мнением, всё хотел делать по-своему.

Итак, меня вернули в Данию, решив взять в штаб на работу с участками и в качестве разъездного инструктора. В штабе я был оформлен в фиктивной переводческой фирме «Vergen»; фирма существовала реально, но служила ширмой для оформления наших работников.

Штаб размещался в Дюссельдорфе. Не помню, сколько было квартир, три или четыре. В одной большой квартире я поселился с семьёй — из неё только что выехал Брюно (Михей), кажется, в Париж. В ней же жил Третьяков (Герман); потом он уехал в Венесуэлу, так как у него кончился паспорт, и на его место приехал из Англии Лев Александрович Рар (Ричард). В том же доме в другой квартире жили Александр Ипполитович Данилов (Владимир Павлович) и Елизавета Романовна Миркович (Вава или Frau Wagner, она говорила по-немецки с безупречным берлинским акцентом). В другом доме жили Иван Иванович Агрузов (Бодо) с семьёй и Эдуард Валентинович Кесслер (Пётр Петрович или Барон). Ещё где-то проживали Сергей Сергеевич Курдюков (Геннадий), Глеб Александрович Рар, Ариадна Евгеньевна Ширинкина (Варя).

В штабе — вне квартиры — запрещалось разговаривать на русском языке (на участках тоже, но там почти не с кем было общаться по-русски). Телефонные разговоры с участками велись только на иностранном языке, а если требовалось связаться с Франкфуртом (код Манхайм), то это делалось через посредника и передавалось в виде телефонограммы. Почта также шла через посредника.

Примерно в это время, но ещё до моего переезда в штаб, произошёл провал нашего «орла» Джеральда Брука, англичанина (кличка Жилец). Работников участков вызвали в штаб, проинформировали о провале, который был проанализирован. Инструктировал Брука Б. Г. Миллер. Видимо, ГБ знало, что Брук везёт с собой какой-то материал для знакомого англичанина, как раз за несколько дней до приезда Брука высланного из СССР. Этот человек (Зигфрид) одно время числился у нас в кандидатах на «орловскую» поездку, но был оставлен из-за связей со Струве из УМСА. Материал, который вёз Брук, также был от Струве. ГБ поставило за ним наружное наблюдение, и он был взят на квартире контакта — некоего Константинова. Нельзя, конечно, исключить, что Константинов был заподозрен ГБ в связи с НТС ещё до приезда Брука и согласился сотрудничать с органами. К сожалению, это дело так и осталось нераскрытым.

Потом, кажется, в 1967 г., было дело Шафхаузера (Служаки), немца из ФРГ. Готовил его Орлов (Константин). Забавно, что его дал нам

тоже бывший «орёл» Михаэль Арнд — будущий архиепископ Германский и Западноевропейский Марк. Сути дела я сейчас не помню. Но оба контакта, на которых они провалились, вёл Данилов. Он у нас занимался чисто энтээсовскими контактами, был очень конспиративен, любил использовать тайнопись в своих корреспонденциях. Я этого терпеть не мог, так как тайнописные контакты чаще проваливались или подставлялись нам КГБ. К тому же органы имели лучший шанс представить дело как шпионское, поскольку тайнопись в восприятии обычных людей автоматически связывается со шпионажем, и ГБ на этом спекулировало. Данилов также использовал «заделки», чемоданы с двойным дном, сумки с потайными отделениями, платяные щётки и альбомы с тайниками и т. д. Лично я предпочитал провоз на теле, в крайнем случае — в зубной пасте или тубике с каким-нибудь кремом. Очень удобно писать и провозить письма на шёлке (на нем хорошо печатается текст — на машинке между двумя листами бумаги и через копирку, только шёлк нужен хорошего качества). Шёлковое письмо очень легко зашивается в подкладку и никак не прощупывается. Небольшие пакетики можно прятать и в анальном отверстии, и даже во рту. Если взять специальную, очень тонкую бумагу и очень мелко на ней написать, то, залепив такое письмо в жвачку, его легко провезти, а в случае чего можно и проглотить.

Потом, уже в 1970-х гг., я подсчитал: из 15 туристов под проверку багажа попадает 1. Поэтому мы решили рискнуть и просто давали курьеру пакет литературы в пять килограммов для открытого провоза в чемодане. Литература подбиралась не слишком острая, обычно везли книги. Легенда была самая простая: пакет с книгами предназначен в какую-нибудь библиотеку, для какого-нибудь журнала или института — и «орёл» на этом должен был стоять. К книгам прилагалось легендарное письмо — от «Граней» либо от одной из наших камуфляжных организаций (мы тогда создали целый ряд различных комитетов содействия и оперировали от их имени). Это было безопаснее, чем везти материал от имени НТС. Обычно больше пяти килограммов мы «орлу» не давали, чтобы большой вес чемодана не привлёк внимание при взвешивании. Более крупные партии книг посылали с туристским пароходом, так как багаж пассажиров тогда не проверялся, и «орёл» выносил литературу в сумке в несколько приёмов. Конечно, сумку могли проверить при сходе на берег, так как у схода всегда стоял пограничник, которому нужно было сдавать паспорт...

Проводили мы и другие операции. Например, оборудовали специальный бусик для туристической поездки по кемпингам. Тайники в нём располагались в двойном полу на выдвигающихся подносах, в металлических трубах креплений, в двух койках и в половине бензобака. Там помещалось 90 литров литературы — это большой чемодан книг, почти неподъёмный для одного человека. Одна такая акция прошла успешно. Но во вторую поездку литература и сам бусик были конфискованы, а «орлы» — парень и девушка — после допроса высланы из страны.

Иногда удавалось подкупить таможенника. Скажем, в грузовичке везли продукты питания и бытовые товары, например, стиральный порошок для шведского консульства в Ленинграде, а у нас был там человек, который хранил привезённую литературу. Потом к нему приходил «орёл» из Швеции и относил её контакту или посреднику (второе было безопаснее). Таким образом удалось создать целый склад. Иногда устраивался «мёртвый» почтовый ящик. Например, когда появились камеры хранения багажа на вокзалах, использовали их. «Орёл» закладывал материал и потом относил ключ контакту. Бывало, что материал прятали в укромном месте либо закладывали в парке или на кладбище.

Привозили вещи — для контакта и его семьи, а то и просто для продажи: малогабаритные фотокамеры, такие как «Минокс», обычные или малогабаритные магнитофоны. Очень популярны одно время были женские колготки. Везли и деньги, как правило, в рублях. Несмотря на то, что официально западные банки не могли продавать рубли, они всегда имелись почти в неограниченном количестве, главное, знать, где искать. Если в СССР рубль был приравнен к доллару, а иногда стоил и дороже (официальный курс доходил до 1,1 доллара за рубль, а на чёрном рынке просили 4 рубля за доллар), то на Западе рубль можно было купить по 17 пфеннигов за штуку. (Курс менялся, но мне запомнилась именно эта цена.)

Ну и, конечно, везли самую разную печатную продукцию: от энтэсовских листовок до художественной, религиозной, а также философской литературы. Много было мемуаров. Такие книги, как «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, шли в страну в сотнях экземпляров.

В 1968 г. я опять уехал в Австралию — для продления паспорта, а в 1970-м вернулся обратно. На этот раз возвращался через Панамский канал и прибыл в Саутгемптон, оттуда поездом в Лондон,

чтобы затем ехать во Франкфурт. Дал телеграмму из Лондона, каким поездом выезжаю по промежуточному адресу. Я ещё не доехал до Франкфурта, как в вагоне появился Барон и снял меня с поезда на следующей станции. Машина уже ждала, с Владимиром Павловичем за рулём. Мы поехали на новое местонахождение штаба в пригород Майнца — Майнц-Лерхенберг, по адресу Регерштрассе, 2. Штаб находился на 17-м этаже 20-этажного дома. Мы снимали целый этаж из семи квартир.

В последующие годы люди менялись, но когда я приехал, там проживали: ЕРО; Виктор, в то время председатель ИБ НТС; Михаил Леонидович Ольгский (кличка Белый, Плюшевый) — он вёл контакты с немецкими органами и с ЦРУ, а также играл роль «адвоката дьявола» при разборке контактных операций, то есть рассматривал каждую операцию с отрицательной позиции; Александр Ипполитович Данилов (кличка Владимир Павлович), вёл энтэсовские контакты, а также изготовлял заделки, писал и проявлял тайнопись, переделывал или изготовлял печатные устройства для отправки в СССР. Эти трое жили в одной квартире. В соседней, двухкомнатной, помещалась А. Е. Ширинкина (Варя); одна её комната служила местом для совещаний, а также для приёма немцев и американцев. Ариадна Евгеньевна вела контакты разных направлений, но в основном с писателями, художниками и журналистами.

В следующей квартире поместился я с семьёй, там уже родилась моя дочка. Моя кличка была Роберт, и я занимался планированием операций, составлением легенд. Это фактически ключевая позиция, так как я имел дело и с человеком, ведущим контакт, и с человеком, занимавшимся участками, и с руководителем Закрытого Сектора, согласовывая операцию с ними. Также я выбирал «орла», для чего мне приходилось много ездить по участкам, а иногда проводил его инструктаж (как правило, последний). Кроме того, я просматривал все дела на предмет присутствия в них КГБ; подозрительные дела вёл сам или подключался к ведущему делу и мы вели контакт совместно. С ведущим случались и конфликты: он или она считали, что дело чистое, а я считал дело гэбистским. Приходилось искать компромисс, обращаться к руководителю Закрытого Сектора, а то и привлекать к обсуждению дела Виктора и Белого. (Для меня самыми интересными были именно гэбистские дела; правозащитные я не любил.) После переезда моей семьи во Франкфурт в нашей квартире поместился Сер-

гей Сергеевич Курдюков с женой (его кличка Геннадий, её — Галина). У неё были секретарские обязанности, он же занимался руководством участков: обеспечивал их деньгами, получал данные об «орлах» и кандидатах в «орлы», вёл «орловскую» картотеку, решал разные участковые проблемы, организовывал ежегодные семинары.

В однокомнатной квартире жила Елена Бевад, жена покойного Коли Бевада, она исполняла обязанности секретаря. Потом в этой квартире жил Николай Артёмов с женой, занимался чем-то связанным с солидаризмом и философией. Скоро он ушёл и стал священником. Когда моя семья переехала во Франкфурт, я жил в этой однокомнатной квартире, а когда уехал я (оставив за собой только дела ГБ), в ней поселился Андрей Редлих (Макс), который перенял разработку операций.

В следующей квартире жил руководитель Закрытого Сектора Иван Иванович Агрузов, кличка Бодо. Он вскоре стал поклонником Махатмы Ганди и проповедовал ненасилие. Уйдя из Закрытого Сектора, он организовал Международное общество прав человека во Франкфурте (МОПЧ). На его место приехал с участка Юрий Борисович Брюно (кличка Михай) с женой Кирой Владимировной (кличка Нина). Он осуществлял общее руководство Закрытым Сектором (ведя всеми финансами, координировал все виды работы, занимался годовыми отчётами), представлял Закрытый Сектор в ИБ НТС и вёл контакты с американцами. В 1984 г. он стал Председателем ИБ НТС, а ЕРО — председателем Союза.

В следующей комнате жила Елизавета Романовна Миркович (Frau Wagner, Вава). Она вела все правозащитные контакты и частично энтээсовские, такие как Буковского, Гинзбурга, Галанскова, Евдокимова, Сарайкина, Сендерова. У неё было основное количество контактов, поэтому мне приходилось иметь с ней больше всего дел. Мне работалось с ней очень легко, а с Михеем у них часто возникали споры; спорили они с ожесточением, иногда по нескольку дней. В основном о том, как развивать конкретный контакт, куда его направлять. В конечном итоге мне часто приходилось включаться. Обычно я беседовал с каждым наедине, и мне, как правило, удавалось сгладить противоречия.

В последней, седьмой, квартире одна комната была рабочая, а в другой жил Кесслер (Барон), а до него Герман, он же Третьяков, уехавший потом в Венесуэлу и там умерший.

В целом жизнь в Закрытом Секторе, по-нашему — в конторе, была очень уютной, без скандалов, и отношения между людьми устанавливались дружеские, что само по себе редкость в таких условиях.

У ПАЛКИ ДВА КОНЦА⁷⁸

«Работа — она как палка, конца в ней два: для людей делаешь — качество дай, для дурака делаешь — дай показуху.

А иначе б давно все подошли, дело известное».

Рассуждая так, сам живший под палкой Иван Денисович точно знал, что повернуть палку другим концом, да против того, кто её держит, — дело тонкое, но полезное.

Вот для разбега присказка к фантастической сказке, а всерьёз говоря — к рассказу про «Операцию «Южане»», точнее, о длившейся годы игре между НТС и КГБ. Когда-нибудь, может быть, напишут по толстым папкам с материалами этой операции увлекательный приключенческий роман. Пока же опубликуем вкратце то, что, как нам кажется, поучительно рассказать уже сейчас.

Многообещающая встреча

Члены НТС за рубежом, как известно, с великой охотой встречаются с людьми из России. С ними ведутся беседы на политические темы, им передаётся литература. Эти встречи — один из немаловажных путей общения зарубежной части НТС с людьми на родине. В порядке таких вот встреч получил несколько раз литературу НТС некто Пётр (наш псевдоним; на самом деле — Константин Семёнович Мальшов), по долгу службы выезжавший за границу.

Нужно ли объяснять, что советский гражданин, часто выезжающий за рубеж, проверяется со всех сторон. Но не нужно объяснять и

⁷⁸ Опубликованная под псевдонимом «Иван Денисов» статья («Посев», 1982, № 11) была написана по материалам Андрея Васильева и отредактирована Романом Редлихом.

с другого конца: что не все советские граждане, хоть и выездные, без лести преданы власти и агенты ГБ. Одним словом, доверяй, но проверяй.

В 1969 г. Пётр сообщил, что у него в Москве друзья, с которыми он делится провезённой литературой. А вскоре после этого привёз от этих друзей письмо. Так началась «Операция “Южане”», которую мы теперь и заканчиваем этой статьёй.

Нельзя не признать, что письмо, привезённое Петром, было составлено умно и в общем толково. Ни берёзок, ни квасного патриотизма — обычного аксессуара гебистских авторов. Показуха была дана на совесть, с пониманием и без излишнего расчёта на доверчивость читателя. Но, однако, полностью марка выдержана не была. Привлекал внимание пассаж: «В состав Революционного Штаба, конечно, в зашифрованном виде, должны входить руководители серьёзных организаций в стране и обладать в нём правом решающего голоса при решении серьёзных стратегических и тактических вопросов... Если в Ревштабе при решении вопросов не будут принимать участие непосредственные участники движения, проживающие в стране, он, Ревштаб, многое потеряет в действительном знании обстановки и возможности принимать правильные решения...»

Хоть и много получает НТС странных требований и соображений из России, но это было необычно. Конечно, активно действующая группа, да ещё с постоянной курьерской связью, имеет голос и вес в работе организации. Так же очевидно, что самые нерушимые принципы безопасности не допускают вводить человека, находящегося под ежедневной угрозой захвата, в контакт с такой информацией, которая может ударить по другим группам и по всей организации. Да и откуда такая поспешность? Ведь что говорил Бабе-яге Иван-царевич: «Ты меня сначала накорми, напои, в бане выпари, а потом и спрашивай».

Некоторое сомнение к этому делу запало. Надо, стало быть, доверять поменьше, а проверять побольше. И уж само собой, никаких нарушений молекулярного принципа не допускать. А попытки вырваться за наши основные принципы друзья Петра делали неоднократно: «Всем нам хочется поскорее уйти от делячества и ремесленничества и стать серьёзной силой... С тремя-пятью человеками нам не добиться результатов... Молекулярный принцип, может быть, и хорош на первом этапе, но затем становится тормозом».

Между тем молекулярная структура организации Союза в России — главная наша защита, в частности защита от повторения, на этот раз с НТС, успешной провокации 1920-х гг., известной под названием «Трест». Мы твёрдо следуем принципу: никогда не связывать между собой ни группы, ни отдельных людей в подполье, несмотря ни на какие трудности, поддерживать связь только с каждой единицей в отдельности. Тогда разгром одной из наших «молекул» не потянет за собой другие.

Что же касается информации, получаемой от нас той или иной подпольной группой, то наши идейные основы и нашу политическую программу, наш стратегический замысел мы стараемся донести до каждого. Однако линии связи, тактические операции, конкретные дела знают только непосредственные участники и только в меру своего участия.

«Даёшь Трест!»

Здесь не место подробно излагать принципы нашей «молекулярной» структуры подпольной организации⁷⁹. Но упомянуть о ней следовало: позднее, по ходу дела, стало ясно, что именно нечто вроде треста и было в замыслах ГБ. Для этого и нужно было нас убедить хоть частично отступить от молекулярного метода работы. Пока, однако, для разгадки этого замысла данных было недостаточно.

Но вернёмся к героям нашего повествования. Автор привозимых нам Петром писем Юрий (он же Андрей Николаевич Родионов) — человек с оперативными способностями. Он понимал, что развернуть дело без личных контактов будет не с руки. Живая беседа с руководителями Союза, личное впечатление могут помочь там, где переписка не помогает: убедить НТС в необходимости ослабить правила молекулярного построения работы. И Юрий сообщает, что может получить туристическую путёвку в Финляндию, где он предлагает встретиться и обо всём поговорить.

Для ведущего этот контакт такая встреча казалась интересной. Несмотря на сомнения, группа Юрия — одна из молекул, с которой предстоит работать. Если встреча опровергнет сомнения, тем лучше. Если же подтвердит, то контакт с этой группой позволит уяснить замысел ГБ и получить дальнейший материал о методах его работы.

⁷⁹ См.: Введение к настоящему сборнику. С. 31.

В Хельсинки была направлена группа с задачей: провести встречу в условиях безопасности (советская граница недалеко!) и сделать максимум для уяснения дела.

Первая встреча состоялась в 1970 г. (потом были ещё встречи и с Юрием, и с его помощником Игорем — Петром Корнеевичем Дидко, и с Глебом — Владимиром Николаевичем Лесницким). Юрий оказался весьма разговорчивым собеседником. Он охотно и много говорил о планах и возможностях работы, об энтузиазме членов группы, о положении в стране. Работники НТС, в свою очередь, расспрашивали об условиях жизни и работы, о семейном положении Юрия и других членов группы, об их друзьях и окружении.

Постепенно стала вырисовываться картина. Юрий, представившийся работником среднего уровня в Министерстве просвещения, охотно говорил о конкретных рабочих планах. Он так и сыпал нелестными эпитетами в адрес советской власти и «вождей», со вкусом (и в основном правильно) критиковал режим и произвёл впечатление незаурядного и масштабного человека. Однако когда разговор переходил на конкретные темы из области его работы, Юрий не шёл далее общих фраз.

Поговорили и разъехались восвояси. Пётр продолжал появляться. Через некоторое время он привёз от Юрия размноженный на ротаторе «Манифест», который якобы группа распространяет в Москве. Мы удивились, что ни текст «Манифеста», ни даже упоминание о нём не попали в самиздат, но признали, что и так может получиться. Пётр регулярно привозил разные местные газеты (их за границей не достать и подписаться на них нельзя, а в них разные адреса есть и много про местные дела пишут, что в центральную прессу никогда не пройдёт), привёз пару полезных справочников. А ещё через год Юрий сообщил, что снова получил туристическую путёвку и приезжает в Париж.

На встречу эту поехали в Париж кроме ведущего контакт двое руководителей НТС — познакомиться с Юрием и составить о нём дополнительное впечатление. Юрий блеснул искусным, двухчасовым докладом о положении в стране, оснащённым большим количеством интересной фактической информации. (Заскочим вперёд: вот может же ГБ так проанализировать положение, что и самому ярому диссиденту не под силу?! Значит, знают, значит, видят, в каком тупике страна, почему и кто её туда завёл! Видят — и служат дальше...)

Далее говорил Юрий о том, как разрастается его группа. Толковые люди, готовы идти на риск, хотят действительно развернуть дело.

Но, конечно, есть личные, политические, тактические трения и непонимания. Аргументируя необходимостью эти трения и непонимания развеять авторитетом кого-нибудь из ответственных работников НТС, Юрий стал отстаивать необходимость приезда такого ответственного работника в Москву: «Чтобы всё это уладить на месте». Дал свой домашний адрес и рабочий телефон с твёрдым наказом: «Ни в коем случае не приходите прямо ко мне на дом. Связывайтесь со мной только по рабочему телефону. Звоните только из городской будки».

Хотя сам Юрий оставлял впечатление приятного и интересного человека, его настойчивые требования прислать в Москву ответственного работника НТС сомнения в чистоте дела усилили. Очень трезво и даже нервно оценивавший все элементы риска в работе, Юрий как будто не понимал опасности для группы, связанной с таким приездом. Тем более что и Пётр позволяет осуществлять частую связь с центром, и Юрий сам выезжает, так что жаловаться на трудности коммуникации нет оснований: Юрий же подаёт приезд в Москву «товарища из центра» чуть ли не главным условием развития всего дела. Теперь, однако, появились конкретные данные, которые можно было проверить: адрес и рабочий телефон.

Мы не сомневаемся, что, позвони мы по этому номеру, нас бы так или иначе соединили с Юрием: соответствующие инструкции, без сомнения, были дежурному даны. Но ни среди телефонов министерства, ни вообще в справочнике этого номера не оказалось. Засекреченный телефон? Такого Юрию как служащему Министерства просвещения не полагалось.

Проверка, продлившаяся некоторое время, включала и наведение справок в Москве курьером. Как известно, имея имя, отчество, фамилию и год рождения московского жителя, можно в справочном киоске получить его адрес. Андрея Николаевича Родионова, однако, найти не смогли. И в телефонной книге он не обнаружился. А что жил он не в коммунальной квартире, было известно из Юрьевых рассказов. Вот такие-то дела.

«Операция “Южане”»

Стали решать, что делать. Оборвать связь — и дело с концом — кое-кто так считал. С другой стороны, если не подавать виду, то умеючи тут можно извлечь немалую пользу. Во-первых, тщательный анализ всех

писем и опросов «Южан» покажет, что ГБ от нас хочет, куда будет подталкивать и как ведёт такие дела. Это даст не только лучшее понимание противника, но и показатели для распознавания подобных попыток в будущем. Во-вторых, можно ввести в их расчеты и анализы дезориентирующие элементы. Дальше, пока ГБ будет надеяться отстроить «трестик», Пётр будет нам по запросам возить телефонные книги, местные газеты и другие справочные материалы (те наши читатели, которые участвуют в почтовой акции «Стрела», понимают, зачем они нам нужны⁸⁰). Это он уже делал, и нет основания считать, что перестанет. И, не в последний счёт, опасение помешать операции «Южане» хоть сколько будет удерживать ГБ от одновременных других попыток.

И, помянув двухконечную палку Ивана Денисовича, решили попробовать сделать так, чтобы было: для НТС — качество, а для ГБ — показуха.

Ладно, играть так играть. Показуху ведь тоже из одного воздуха не слепишь. Пётр бодро курсирует, возит материалы. От нас — книги, журналы, листовки, матрицы и письма, письма... От них — письма, справочники, планы городов, местные газеты... Юрий настойчиво требует, чтобы прислали ему помимо Петра курьеров особо: «Короче говоря, если хотите добиться серьёзных результатов (как хочу это я), нужна регулярная, если не еженедельная, то хотя бы два раза в месяц обоюдная связь... Я думаю, что, если мы договоримся обо всех условиях и вы начнёте посылать ко мне ваших людей, вы об этом не пожалеете и оправдаете все расходы». И ещё: не организовывать акций по распространению листовок без его ведома, «чтобы не насторожить органы и нас не засыпать таким образом». Очень нас отговаривает от контактов с кругами русского национального возрождения: это, мол, публика несерьёзная, так, салонные патриоты, народ их не понимает и не поддержит.

Дальше — больше. Сообщает Юрий, что во время раскладки листовок в почтовые ящики одного члена группы схватили, но удалось его отбить и скрыться. И далее: «для обеспечения безопасности во время проведения акций» просит Юрий переслать ему несколько пистолетов. Вот куда клонит! Наш ответ: никак невозможно, ни в коем случае не советуем: невинные прохожие могут пострадать, да и совсем дело отягчит в случае захвата.

⁸⁰ См.: Статья Р. Полчанинова «НТС и его “стрелы”» в настоящем сборнике. С. 252.

Между прочим, всё-таки не могут «славные органы» пересилить рутину: надо подвести НТС под террористов — так затребуют у них пистолеты с благородной целью самозащиты. Или ещё другой случай. В книге «Охотник вверх ногами» автор, имевший знакомства в соответствующей среде, описывает, как чествовали разведчика Абеля в Москве, подарки ему делали. И получил Абель полдюжины топориков с узорной насечкой, Златоустовских заводов. А почему? Да потому, что завезли партию таких топориков на склад КГБ, для подарков специально. Так вот и Юрий в подарок привёз топорик златоустовский. Чтобы фантазию не утрудждать.

Почти по Агате Кристи

Группа, сообщает Юрий, успешно растёт. 20 человек уже. Планы предлагаются все более фантастические, вроде вклинивания в передачи Московского телецентра. Наконец в 1977 г. излагается план массового распространения листовок в канун 60-летия октябрьского переворота. Возможно, в ГБ унюхали что-то и решили восстановить доверие НТС к Юрию такой акцией. А одновременно подстраховаться, чтобы НТС и вправду под юбилей в Москве чего-нибудь такого не натворил. На встречу в Рим — договариваться об акции — послали на этот раз Глеба. Правильно, не всё одним и тем же загранкомандировками пользоваться.

Разговор был довольно сбивчивый: «Только вот я вернусь немножко назад... Вы почувствовали, что мы начали что-то там хитрить с выпуском листовок... Так вот: такая мысль назревала, и вот эта мысль вызвала идею всё-таки как следует шархнуть. Тогда замолчать не удастся, сейчас всё равно это замалчивают, но попадают сотни, тысячи (листовок. — *И. Д.*)... Чёрт его знает, видимо, люди запуганы, и это не распространяется, часть, наверное, не согласна, не готовы, а тут уже замолчать не удастся...» Ну, и уже известное: «Вы не должны подключать со своей стороны кого-либо, в особенности в Москве, к этой акции, чтобы не получилось перекрещивания, в результате чего (группы. — *И. Д.*) могут подвести друг друга». В подкрепление Глеб не оставил без внимания известный нам случай распространения листовок НТС около завода Лихачёва: «В своё время, — говорил он, — мы распространяли там листовки. Потом пошли разговоры, и из этих раз-

говоров и пересказов мы заподозрили, что там как будто работал ещё кто-то, не совпадало с нашей работой — разница в днях. Хорошо ещё, что так получилось, могли бы засыпаться!»

Ладно. Шарахнуть — так шарахнуть, решили. Посмотрим, какие отговорки ГБ на этот раз придумает. Сделали листовки, передали Петру, ждём. В ноябре пишет через Петра уже не Юрий, а тот самый его помощник Глеб, который в Рим приезжал. Прочитывать это письмо стоит, судите сами: «У нас масса событий. Прежде всего о главном. Праздничная акция прошла удовлетворительно, хотя и не по намечавшемуся плану. Начали работать 2 ноября, охватили практически всю Москву. Однако действовали старыми методами: подъезды, лифты, почтовые ящики, прилавки и другие места...»

Это была только часть листовок. Главную партию должен был привезти Игорь, но увы...

«Наш, как казалось, тщательно подготовленный план сорвало следующее: Игорь должен был привезти основную партию таблеток и все подготовленные инструменты... Однако он не приехал, дома не появился и не вышел на работу... Сложившаяся ситуация вызвала резкие разногласия, некоторые считали необходимым всё уничтожить и даже уйти вниз (в подполье. — *И. Д.*)... Было принято решение срочно изъять из квартир всё опасное, не появляться дома до конца... Я и Юрий взяли больничные листы и не вышли на работу... Вернувшись (из поездки. — *И. Д.*) жена Игоря нашла в почтовом ящике письмо с приглашением зайти в милицию. Там она узнала от следователя, что Игорь за городом сбил человека и скрылся с места происшествия. Он был задержан поздно ночью при въезде в Москву. По словам следователя, Игорь объясняет свой поступок испугом, в результате чего он заехал в лес, где пытался уничтожить на автомобиле следы аварии. В связи с тем, что *И.* пытался скрыться, а затем, по словам следователя, что-то путал, его будут держать под стражей до суда. Свидания с ним в это время исключены. Никаких настораживающих вопросов следователь не задавал. Судя по этому разговору и отсутствию иных действий, например, обыска на квартире Игоря, полагаем, случилось следующее: Игорь сбил человека в тот момент, когда у него в машине был наш багаж. Именно поэтому он и скрылся с места происшествия. Видимо, в лесу где-то спрятал его, а по въезде в город был задержан... Других данных пока нет. Живём в напряжении... Юрий и все мы злы на Игоря страшно. Юрий угнетён

тем, что произошло, гневается на Игоря, хотел послать всё к чёрту. Мы его образумили. Ведём себя сейчас “скромно”...»

Как видите, скромные ребята не подвели. Им бы детективчики писать, их бы ВААП по всему миру прославил. А чтобы НТС получил подтверждение, что хоть сколько-то листовок они действительно распространили, подбросили листовочку в ящик известной диссидентке, о которой ГБ давно догадывалось, что с ней у НТС знакомство есть (сейчас она уже на Западе).

Апофеоз и финал

После описанной акции решили, видно, в ГБ, что теперь можно немного отдохнуть на лаврах. Или на коврик вызвали, или сверху кто нахлобучку дал: мол, и так передали энтээсовцам материала кучу, хватит. Так ли или эдак, но начала для НТС эта игра становиться малорентабельной. И решено было «Операцию «Южане»» плавно сводить на нет. На письма Юрия стали отвечать: вы, ребята, разворачивайтесь, поднажмите, а у нас трудности разного порядка, вы уж не сердчайте... Встречи становились всё реже, а вскоре и совсем прекратились.

Анализируя накопленный богатый материал, что же нам сказать? Куда КГБ курс держал, ясно.

Во-первых, ослабить молекулярный принцип построения организации НТС в России. Соблазняя НТС регулярным каналом связи и перспективой широкой активности, уговорить центр подключить к группе «Южан» другие точки и разгромить таким образом организацию.

Во-вторых, «ради безопасности большой и активной группы» прекратить распространение литературы другими точками и группами НТС в Москве.

В-третьих, перетянуть на себя часть ресурсов НТС, и особенно курьеров, поддерживающих связь между центром и группами в России.

В-четвёртых, подбирать материал для «разгромного дела НТС», по возможности — с захватом и показом (не в виде ли «перебежчика»?) кого-нибудь из ответственных работников.

В-пятых, предотвратить сближение НТС с национально мыслящими русскими силами в стране и вообще дискредитировать эти силы.

Что ж, благодарим сердечно. Подтвердили, что надо и впредь нам твёрдо держаться молекулярного построения работы в России. За-

свидетельствовали, что нам по пути с русской силой. Намекнули, что очень бы хотелось КГБ с НТС расправиться.

А главное — показали, что прежде всего хотят предотвратить то, чего больше всего боятся: обращения НТС к народу, разговора прямо с народом нашим, пусть хоть нехитрыми листовками.

Чем и хотим с читателем поделиться.

Зинаида Григоренко

МЕСТА ДЛЯ «ИТАЛЬЯНСКИХ ДИПЛОМАТОВ»⁸¹

В 1969 г. мой муж, генерал Пётр Григорьевич Григоренко, второй раз был под арестом. Ко мне дважды приезжали члены НТС, чтобы помочь освободить его. Чем они могли помочь? Они привозили листовки в защиту Петра Григорьевича с требованием освободить генерала.

В октябре 1969 г., как раз накануне его дня рождения, приехали двое молодых людей — молоденькая девчонка лет 18 и парень такого же возраста. Он норвежец, она — шведка. Показывают мне какую-то бумажку и кричат: «ЦУМ, ЦУМ, ЦУМ». Открыли чемодан — и на пол посыпались листовки в защиту моего мужа. Я поняла, что они собираются выступить в ЦУМе. Они удивились, когда я их на дорогу перекрестила, — были наслышаны, наверное, что мы бывшие коммунисты. Парнёк раскрыл глаза, встал на колени и так прижался, как к своей матери. Я его ещё раз перекрестила, поцеловала, потом ту девчонку, и они поехали. Я поняла, что они что-то хотят сделать, но что конкретно — не знала. Думала: чем я могу им помочь? Из-за больного сына я тогда не могла поехать с ними, но позвонила Ефиму, и он бросился вдогонку. Когда Ефим приехал (немного опоздав), то увидел следующую картину: на втором этаже собрались люди и пилят что-то. Рядом гэбэшник тормозит милиционера: «Давай мне листовки!» Тот отвечает: «Ищи в трусах или в бюстгальтерах у баб, больше нигде, а где я тебе возьму?!»

Что же произошло? Ребята поднялись наверх, наглухо прицепились наручниками к железным перилам и стали разбрасывать листовки. Людей в этом огромном зале было тысячи две. Сначала они

⁸¹ Выступление на собрании НТС под Нью-Йорком 31 октября 1987 г.

подумали, что это реклама, а когда разобрались, то действительно стали запихивать листовки в укромные места. Пока ГБ вызвали да пока те приехали, люди успели всё разобрать. Когда перепилили наручники, ребят куда-то увезли. Мы долго пытались установить, где они. Я очень переживала: Господи, они из-за моего мужа приехали! Ни одного русского слова не знают... Сразу же замотают этих молодых. В церкви молилась, молилась дома за этих ребят, но что с ними — мы не знали. Узнали только через пять лет, уже здесь, на Западе. В Норвегии подошёл к нам юноша, и такое впечатление, что боится нас напугать. Как он обхватил нас! И я поняла: он не только рад встрече — та поездка стала для него особым, звёздным часом. Он рассказал, что тогда их сразу доставили на Лубянку, развели по разным комнатам, усадили в кресло. Довольно элегантно одетый в английский костюм мужчина вёл допрос: «К кому ехал, с кем связан?» Юноша ответил: «Я вам ничего отвечать не буду». Тогда этот элегантный мужчина так же элегантно подошёл и раз — ему в ухо. Парень потерял сознание, упал на пол. А когда пришёл в себя, повторил: «Я ничего вам говорить не буду». Может быть, просто не хотели шума, но через день их отправили в Норвегию. С этой девочкой я тоже встретилась. Даже через пять лет после первой встречи она показалась мне таким ребёнком, хотя уже окончила университет... На встрече с нами (это была удивительная встреча в Стокгольме!) девушка сидела на полу, положив голову мне на колени, и говорила: «Я люблю тебя, я люблю тебя». Больше по-русски она ничего не знала.

Приезжала и другая пара, тоже парень и девушка, немного других манер. Она сразу меня спросила: «Виски?» А у меня как раз была водка. Выпила она стакан этой водки и говорит: «ГУМ, ГУМ». Я своим друзьям позвонила по телефону, чтобы скорее ехали туда. Эти ребята так же прицепились в ГУМе к перилам и стали разбрасывать разноцветные листовки с таким текстом:

Господин президент (там была морда Косыгина и лицо моего мужа. — З. Г.), отпустите генерала, иначе мы будем думать, что если компартия придёт в Италии к власти, то все честные люди будут сидеть. А вы, граждане, собирайте свободные митинги и требуйте свободы Петру Григорьевичу.

Тут приходится только улыбнуться...

Вскоре мы узнали, что их обоих задержали, будут судить. Собралось нас 50 человек, и пошли мы на суд. Заседание шло на втором этаже. Я с огромным букетом цветов поднимаюсь по лестнице. Сразу же меня останавливает мужчина:

— Вы куда?

— На суд. Я жена генерала Григоренко.

Тут второй спускается в чёрном костюме:

— В чём дело?

— Я жена генерала Григоренко, незаконно арестованного КГБ. В газетах вчера писали, что за него заступались фашисты. Я хочу быть в суде, я хочу знать, фашисты они или не фашисты. Если они фашисты, я сама буду выступать, мне защиты фашистов не надо.

— Подождите минуточку.

Пошли советоваться.

Третий спускается, значит, старший:

— Зинаида Михайловна, чего вы хотите?

Я повторяю, уже громче, чтобы все слышали, потому что публика с улицы пришла, человек 200 собралось внизу. Он тогда вежливо мне говорит:

— Зинаида Михайловна, вы понимаете, все места заняты итальянскими дипломатами.

Я быстро взяла его под руку и отвечаю:

— Идёмте, итальянцы такие джентльмены, они сразу уступят место женщине.

Он вытащил свою руку:

— Нет, знаете, мы вас не пустим.

— Так бы и сказали, а я буду знать, что никакие они не фашисты.

И тут, очевидно, случайно, девчонка из зала суда попросилась в туалет, который располагался на первом этаже. Спускаясь, она меня увидела, других — и поняла, что публика здесь, внизу. Я букет бросила ей под ноги. И мы подумали, что она ещё раз спустится. Точно! Кто-то ей по-английски сказал: «Ходи почаще, скажи: живот болит». И она зачастила, и всегда шла по цветам, которые мы бросали ей под ноги.

Их осудили на пять лет. Когда вынесли приговор, публика захопала, а у парня слёзы выступили на глазах: «Что же вы хлопаете, мы для вас старались!» Он не знал, что на всех политических судах сидят исключительно гэбэшники и устраивают овации решениям суда. Но, слава Богу, их продержали только месяц и отправили на родину.

Николай Коваленко

КАЖДЫЙ ДЕНЬ СПРАШИВАЙ СЕБЯ, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ РОССИИ

Разбирая свой старый архив, я нашёл журнал «Голос молодёжи». Отпечатан 08.04.1946 на ротаторе, в лагере «Парше» для Ди-Пи (перемещённых лиц) в Зальцбурге (Австрия). Журнал издавался членом НТС. Название настоящего материала позаимствовано с первой страницы этого номера.

Начну с самого начала. Мой отец Иван Денисович Коваленко, кубанский казак станицы Незамаевской Ейского уезда, поступил добровольцем в Белую армию, как он нам часто говорил, когда ему было 19 лет. Цель перед ним стояла очевидная в то время: бороться за единую неделимую Россию против красного зла. Закончилось это эвакуацией Белой армии с генералом Врангелем из Крыма в Югославию. В Югославии отец окончил водительские курсы, работал шофёром у врача, позже, скопив деньги, купил собственное такси, на котором и проработал до самой Второй мировой войны.

После войны нас, русских, поместили в лагерь Ди-Пи «Парше» в Зальцбурге. Там быстро организовали церковь, начальную школу и гимназию. Уровень учителей был высочайший. Директор гимназии и преподаватель истории — Николай Димитриевич Тальберг, впоследствии лектор в духовной семинарии РПЦЗ в Джорданвилле, автор «Истории русской церкви» и других исторических книг.

В лагере действовало несколько политических организаций: НТС (Народно-Трудовой Союз российских солидаристов), СБОНР (Союз борьбы за освобождение народов России) и др. В ОРЮР, молодёжной Организации российских юных разведчиков (русские скауты), я с самого начала принимал участие, окончив КДВ (курсы для вожаков), КДР (курсы для руководителей) и КДО (курсы для начальников отряда). У меня был свой «крут витязей».

В 1946 г. я вступил в НТС. Обыкновенно принимали после 18 лет, меня же, как активиста с энтузиазмом, приняли в 15. В НТС нельзя было просто прийти и записаться, как в партию. НТС не был партией. Это был Союз людей, целеустремлённо боровшихся за освобождение России от коммунизма. К энергичным и идейным долго присматривались, постепенно вовлекая их в активную работу. Потом приглашали

войти в Союз, дав соответствующее обещание верности России. Эти предосторожности считались необходимыми, чтобы предупредить проникновение в Союз агентов КГБ. Случались, правда, и ошибки. И может быть кто-то, кого не приняли, был обижен такой предосторожностью и из-за этого недружелюбно относился к НТС.

Постепенно моим витязям стало неинтересно вязать узлы и ходить в походы. В течение некоторого времени под видом историко-патриотических занятий я их обрабатывал для включения в активную антикоммунистическую работу. Почти все вступили в НТС; часть была завербована в СБОНР.

Чем НТС занимался в лагерях Ди-Пи?

Вероятно, наиболее энергичные представители эмиграции находили себе применение в НТС. И во всех начинаниях в жизни русских беженцев из лагерей Ди-Пи Германии и Австрии члены Союза проявляли самую высокую активность. Они вели культурно-просветительную работу; основывали печатное дело для распространения информации на все случаи жизни, как политической, так и повседневной; создавали приходы Русской православной церкви Зарубежья; помогали бывшим советским гражданам в приобретении необходимых документов, чтобы те избежали насильственной репатриации в СССР. В местах советской оккупации дезертирство из армии было частым явлением, причём не обязательно политически мотивированным. Например, заснул солдат на посту, у него украли автомат — последствия могли ждать трагические. Таким людям энтэсовцы помогали затеряться в лагерях Ди-Пи.

Члены НТС сплошь и рядом вели открытую работу. Но существовал также Закрытый сектор. О его деятельности знали немногие члены организации, чтобы предотвратить провалы и избежать проникновения сексотов НКВД. Я в основном работал в Закрытом секторе. Редко фотографировался, чтобы, употребляя современное выражение, не засветиться.

Мы приобрели ручной набор шрифтов. В подвале резиденции русского переводчика американской оккупационной армии, жившего не в лагере Ди-Пи, а в частном доме в Зальцбурге, устроили подпольную типографию. Печатали листовки, воззвания, распространяли

их среди советских оккупационных частей. Технику переброски использовали нехитрую. Так как настоящих баллонов у нас не было, на границе в бутылку с аккумуляторной жидкостью мы клали кусочки свинца, производящего вонючий газ, и наполняли им презервативы; затем подвязывали к ним листовки, и попутный ветер гнал их в зону советской оккупации. Там они либо сами приземлялись среди военных частей, либо их расстреливали солдаты. Людей, которым грозила выдача НКВД, мы снабжали соответствующими документами и переправляли через гору Untersberg под Зальцбургом в американскую или английскую зону.

В русской гимназии в лагере «Парш» со мной за партой сидел мой дружок татарского происхождения Митя Абушаев. Он не жил в лагере и приезжал на уроки на мотоцикле BMW, не с цепью, а с карданным валом. Мы все ему завидовали. Как-то раз он отвёз меня к себе — в настоящий австрийский замок под Зальцбургом. Вокруг большая территория с заброшенным прудом, да и само здание требовало ремонта⁸². Позже я выяснил, что этот замок приобрёл австриец, разбогатевший во время войны грабежами на восточном фронте. После войны он организовал новую австрийскую партию, стал её главарём, был избран в австрийский послевоенный парламент и жил в Вене. А в замке жили его соратник военных времён, средних лет русский мужчина, и мой школьный дружок, они исполняли обязанности сторожей. Под всем замком тянулся подвал, разделённый на две части. Одну часть почти до потолка занимали неупакованные русские книги с печатями Смоленского государственного университета. Первой мне бросилась в глаза книга «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, в кожаном переплёте, с прекрасными гравюрами. Я её вместе с другими книгами тайком вынес... После войны трудно было с книгами. Мало кто мог повсюду их с собой таскать. Так началась моя страсть к собиранию книг. И совесть меня не мучила: грабь награбленное! Позже я передал несколько книг преподавателям нашей лагерной гимназии⁸³.

⁸² Уже позже, приехав в Австралию, я узнал, что американская Холквудская студия потратила один миллион долларов, чтобы отреставрировать этот замок и снять там фильм.

⁸³ До сих пор я храню два тома «Истории русской словесности» П. Н. Полевого (издательство А. Ф. Маркса в Санкт-Петербурге, 1900 г.); первый том у меня похитили по приезде в Австралию.

Из Австрии в Австралию

Мы подавали прошения на выезд в разные страны (для этого в гимназии учили английский, испанский, португальский и французский языки). В Канаду требовались портные, шить на фабрике одежды, я подал прошение туда. В лагере провели проверку: дали иголку, катушку ниток и пуговицу и велели пришить её к рубашке. Я взял метровую нитку, просунул в ушко иголки и начал пришивать пуговицу. Меня сразу забраковали как неспециалиста. Сказали: чтобы пришить пуговицу, портные берут нитку короче. Поблагодарил за совет и больше не подавал прошений для набора портных.

Австралия первая приняла нас. Мы приехали в июле 1949 г. на теплоходе «Fairsea», подписав двухгодичный контракт с австралийским правительством Австралии работать там, куда нас пошлют.

Наша семья вновь оказалась разъединена. Меня отправили в городское управление Мельбурна, ремонтировать дороги; сестру — в типографию в Канберре; отца — в Аделаиду, работать в военном лагере; а мачеху с братом — в семейный лагерь в NSW⁸⁴. Только через год они поехали к отцу в Аделаиду, когда ему удалось снять жильё. Я же остался в Мельбурне, а сестра в Канберре.

На «Fairsea» оказалось несколько членов НТС, из Австрии и Германии. Союзные собрания стали проводить прямо на теплоходе. Готовили планы для работы по приезду в Австралию. Оказавшись в Мельбурне, начали посещать пароходы, привозившие эмигрантов. Знакомились с русскими, делились опытом поиска жилья и работы. Приносили им уже получаемую из Германии газету «Посев» и журнал «Грани».

Члены Союза встречались на своих собраниях регулярно. На одном из них решили издавать русскую газету. Денег не было. Решили для начала собрать со всех членов определённую сумму. Очень помог финансово Яценко, старый член НТС, ещё с довоенных лет гражданин Австралии, проживающий в Квинсленде. По тогдашнему закону издателем мог быть только гражданин Австралии. Мы таковыми ещё не стали. Так Яценко стал официальным издателем, а О. В. Перекрёстов, проживающий в Мельбурне, — фактическим редактором⁸⁵.

⁸⁴ New South Wales (англ.) — Новый Южный Уэльс, штат на юго-востоке Австралии.

⁸⁵ Об истории создания газеты «Единение» можно прочесть в журнале «Австралиада», а также в юбилейном номере «Единения», вышедшем в год 50-летия газеты.

О. В. Перекрёстов, будучи официальным представителем в Австралии газеты «Посев» и журнала «Грани», сложил с себя обязанности по распространению этих изданий НТС и занялся изданием «Единения». В порядке «партийной дисциплины» мне пришлось продолжить его дело: искать новых подписчиков и регулярно «под церковью» продавать «Посев» и «Грани» прихожанам. Так я работал безвозмездно несколько лет, весь доход от продажи отдавая на работу НТС. Причем О. В. Перекрёстов официально числился представителем в Австралии: я не хотел, чтобы моя фамилия появилась в газете, опять-таки чтобы не засветиться. Это продолжалось до тех пор, пока член НТС Н. Руднев не взялся за дело на коммерческой основе.

Закончился мой контракт с австралийским правительством. Я стал изучать психологию, политические науки, философию и русский язык. (Один из «профессоров» очень скучно читывал что-то о литературе по своим рукописным лекциям. Материал показался странно знакомым. Заглянул в свой советский учебник для десятилетки, купленный в интернациональном книжном магазине в Мельбурне, — весь материал дословно переписан!) Через два года, закончив слушать эти лекции, я получил право работать «публичным сервантом» (государственным служащим) или учителем. Но меня это не особенно интересовало. И большие траты на университет меня больше не устраивали. Я бросил учёбу и начал покупать книги для самообразования. Международный книжный магазин получал из СССР всё, что издавалось там «Международной книгой». Цены были очень низкие. (Годовая подписка на журнал «Огонёк» гарантировала дополнительно получение 12 томов произведений классиков, как русских, так и иностранных.) Подружившись с владельцем, я узнал, что весь доход от продажи книг и грампластинок в этом магазине идёт на нужды коммунистической партии Австралии⁸⁶.

Но вскоре у меня снова возникла потребность чему-то учиться. Благодаря посещению лекций в прошлом мне легко удалось поступить на юридический факультет в Мельбурнском университете (там признали предметы, которые я изучал на гуманитарном факультете). Учиться было интересно. После одной из лекций, на tutorials (проработка материала), мы разбирали некое решение суда (английская система юрис-

⁸⁶ Позже, после перестройки, положение изменилось: с «Международной книгой» пришлось расплачиваться валютой по хозрасчётным ценам. Финансирование компартии Австралии прекратилось, а цены на книги очень возросли.

пруденции, основанная на прежних судебных решениях, отличается от европейской). Я и ещё несколько студентов начали оспаривать его справедливость. Однако руководитель tutorials заявил, что в Мельбурнском университете изучаются принципы британской системы Common Law, а не проблема справедливых решений. Нас несколько шокировал такой оборот дискуссии. Позже я и пара других студентов решили: если в системе британского Common Law нет справедливости, то изучать его незачем, и мы перестали посещать занятия на юридическом факультете. Как раз в это время я брал уроки elocution (техники речи), чтобы избавиться от привычки быстро говорить. Для этой цели купил магнитофон. Записал себя, начал прослушивать — и ничего не понял. Удивился, как меня кто-то мог понимать. Но потом решил: проблема не в том, что я быстро говорю, а в том, что другие медленно слушают...

В 1960-х гг. Советский Союз стал активно закупать в Австралии шерсть, мясо и пшеницу. Вначале для этого были зафрахтованы скандинавские пароходы, позже польские. В поисках новых возможностей для переброски литературы в СССР удалось навести контакты с моряками. Некоторые с удовольствием брались помогать нам. Один из способов работы я опишу. Мы закладывали листовки в пластиковые мешочки, мешочки запаивали паяльником, а моряки выбрасывали их через люки, находясь в прибрежных портах СССР. Волнами эти листовки прибывало к берегу.

По-видимому, в СССР не решились доверить иностранным судам доставку товаров или это оказалось дорого. Как бы то ни было, со временем в Австралии стали появляться советские пароходы. Открылась возможность встречаться с русскими моряками. Для этой цели два члена НТС решили поступить на работу в порт. Это оказалось нелегко: например, чтобы устроиться грузчиком, нужно было стать членом профсоюза грузчиков, а профсоюз был коммунистическим. Попадали в него только по рекомендации либо других членов профсоюза, либо членов компартии Австралии. Таких знакомств члены НТС не имели. Однако рекомендации всё-таки удалось получить. Во-первых, у нас были контакты с коммунистами — членами Советско-Австралийского общества дружбы (так как мы предоставляли услуги переводчиков и гидов для приезжающих в Австралию советских граждан), а во-вторых, с заведующим международным книжным магазином, где мы регулярно покупали русские книги. В результате один член НТС начал работать на портовых кранах, другой — грузчиком в трюмах. Работа

эта хоть и денежная, но всегда тяжёлая. Однако главной была возможность доступа на советские пароходы и встреч с русскими людьми.

Контакты оказались плодотворными. Советские зарплаты в валюте были маленькие. Получив томик Пастернака или Солженицына даром, моряк мог продать его в Ленинграде за 70 рублей. (Тогда рубль равнялся в СССР американскому доллару; в Австралии рубли не покупали.) Затем тот, кто приобретал книгу за такие деньги, давал её читать, беря по десять рублей с каждого, и таким образом быстро окупал первоначальные затраты. По словам моряков, они давали таможенникам взятку бараклом, и те их не проверяли.

Мы начинали листовками тюки с шерстью. Когда их выгружали в советских портах, поднимая из трюмов на берег, листовки разлетались по пристани, вызывая панику у портового начальства. А если пароходные холодильники загружали бараньими тушами, то во вторую, внутреннюю, обёртку из марли мы прятали литературу в пластиковой упаковке. Эти бараны в конце концов добирались до складов в непортовых городах, в глубинке Советского Союза. Через шесть месяцев антисоветская литература была обнаружена, и советское правительство подняло шум. Австралийские газеты сообщили: из-за антисоветской пропаганды Советский Союз отказывается покупать баранину и шерсть. Полицейские начали делать проверки на бойнях и в холодильниках. Никаких следов не обнаружили. Но никто даже не подумал проверять коммунистический профсоюз грузчиков — там же все свои! Если бы кто-то заметил члена НТС за работой, разговор был бы коротким. Произошла бы «авария», или замеченный в «нетрезвом виде» «случайно» упал бы с палубы в трюм, разбившись насмерть...

Работать приходилось осторожно, чтобы не вызывать подозрений. Спустя несколько месяцев СССР опять начал делать закупки в Австралии. Работа членов НТС продолжалась.

Некоторые подробности о работе членов НТС в Австралии

Из Советского Союза приезжали оркестры, балетные театры и просто туристы. Члены НТС искали возможности с ними встретиться.

Удивительно, сколько книжек Пастернака и Солженицына помещается в футляр контрабаса... Музыканты говорили, что при въезде обрат-

но в СССР их не проверяют. Один из них рассказал забавный случай. Будучи на гастролях в Италии, музыканты искали товар, который можно было бы перепродать дома. Увидели в витрине лакированные мужские туфли, очень дешёвые. К удивлению хозяев, закупили всё, что имелось в магазине. В Москве начали распродавать на толкучках. Однако после сильного дождя обладатели этих туфель стали продавцов разыскивать, угрожая расправой. Оказывается, все купленные туфли на дожде сразу расклеились. Не зная итальянского языка и погнавшись за дешёвиной, они закупили в Италии туфли, предназначенные для покойников! Некоторые (порядочные) музыканты с извинениями возвращали деньги, другие больше на толкучках не показывались. Жизнь советская!

Как-то позвонили из Советско-австралийского общества дружбы: в Мельбурн приехали советские студенты, попросили их встретить и при необходимости помочь с переводом. Дали маршрут: первая остановка — домик капитана Кука и цветочная оранжерея, потом заповедник Вильяма Рикеттса в горах. Встретили их у домика Кука. А там уже разложена литература и листовки с требованием освободить узников совести. У «студентов» (их средний возраст оказался 45 лет) глаза разбежались. Пряча одну книжку в карман, другую давали «нянькам». «Няньки» (их было трое), нервничая и ругаясь, всё собирали. День был жаркий, водители автобусов вышли прогуляться, оставив двери открытыми. В это время член НТС положил антисоветские материалы на сиденья. Вернувшиеся «студенты», увидев это, позвали «нянек»; у тех чуть инфаркт не случился. Поехали в горы. Но ещё раньше там побывал член НТС и разложил диссидентские издания у скульптур Рикеттса⁸⁷. Можете себе представить реакцию «нянек»!

Говорили про НТС: вот какая большая организация! Но ведь всю эту работу провёл один человек. Дело не в количестве, а в качестве сотрудников.

К этому времени русские (а также советские) патриоты начали ходить на пароходы, встречаться с моряками, приглашать их на прогулки по городу и тайком — к себе домой. На пароходе вас отправляли первым делом к «первому помощнику» — политруку-кагэбисту для беседы. На судне он имел больше власти, чем капитан. Причём никакой другой работы политрук не делал, даже не стоял на вахте у трапа,

⁸⁷ В заповеднике Вильяма Рикеттса (William Ricketts Sanctuary) стоят скульптуры его работы из обожжённой глины.

хотя персонала обычно не хватало. Если он оказал вам доверие, вам разрешалось брать по трое моряков или офицеров на прогулки. Причём один из трёх был стукач; иногда об этом сами моряки предупреждали. Да и нетрудно их было опознать: тот, кто в машине садился рядом с водителем, был стукачом или ответственным за остальных.

Особенной пропаганды от нас не требовалось. Совершая прогулки по городу, заходя в бары, моряки сами видели, как живут здесь люди, и могли сравнить с жизнью на родине. У нас в домах на полки были выложены книги, мы предлагали их посмотреть. И часто, когда гости возвращались на судно, книги с полок исчезали...

Как-то раз в час ночи звонит уже не раз бывавший в гостях моряк и поёт в трубку: «Аллилуйя!» Зная, что он не религиозный, ни в Бога, ни в чёрта не верит, спросили, не сдурел ли он. Продолжая петь, моряк сообщил, что он на дежурстве. А как раз тогда на Западе появилась книга Светланы Аллилуевой, дочери Сталина, «Двадцать писем к другу». Догадались, спросили. Оказалось, что у него заказ на несколько штук. Достали, снабдили певчего.

Как-то, когда теплоход «Новомосковск» стоял в Мельбурне, один член команды спросил, возможно ли ему остаться в Австралии. На вопрос, зачем, ответил: в Австралии, проработав неделю, можно купить костюм, проработав месяц — автомашину. Мы начали отговаривать, мол, с советским менталитетом ему придётся нелегко. Привели в пример одного моряка, за несколько лет до этого сбежавшего с судна. Он, не зная языка, сел в такси и попросил отвезти его в главную полицию. Там его пригласили в комнату, дали чашку чая с бисквитами и начали искать кого-нибудь, кто понимает по-русски. Позвонили в редакцию «Единения» в Мельбурне, связались с одним русским, членом НТС. Пригласили приехать и как-то помочь. Выяснилось, что моряк просит политического убежища. (Потом выяснилось, что на судне у него возникали бесконечные проблемы с первым помощником, который грозил ему расправой по возвращении в СССР.) Для полицейских это оказался первый случай, и они не знали, как поступить. Пытались связаться с эмиграционным департаментом — не получилось. Энтээсовцу сказали, что отпустят моряка, если он согласится взять того на поруки. И договорились, что на следующий день отвезут его в эмиграционный департамент. Дальнейшая судьба того моряка печальна. Ему нашли работу (он был хорошим механиком), нашли, где жить. Но через некоторое время моряк исчез из поля зрения. Выяснилось, что

он сожительствовал с хозяйкой, у которой снимал комнату, где-то работал, но потом спился и покончил жизнь самоубийством.

В общем, моряку с «Новомосковска» мы сказали: если есть угроза ареста или каких-нибудь других репрессий, то ему помогут. Если же его привлекают только заработки, то лучше сначала хорошо подумать. Кроме того, нам он был нужнее для провоза литературы в Россию.

Когда «Новомосковск» пришёл в Сидней, с него сбежали три человека: доктор, моторист и поварёнок («нашего» среди них не было). В городе от поварёнка его товарищи хотели избавиться: он, как полагалось по правилам, был просто третьим в группе. Они посадили поварёнка в такси и отправили в участок, чтобы полицейские вернули его на «Новомосковск». Через несколько часов политрук «Новомосковска» привёз его обратно в полицию, избитого и в синяках; он сказал, что это сделали якобы доктор и моторист, которые требовали, чтобы полиция их нашла и отправила на судно. Однако полицейские возразили, что поварёнка на судно они доставили не битого, а избили его уже на судне, и отказались что-либо предпринимать.

С доктором всё закончилось печально. Русские патриоты Сиднея помогали скрываться ему и мотористу, тогда как советские патриоты Сиднея за ними охотились, чтобы сдать кагэбистам из посольства в Канберре. Доктор позвонил нам в Мельбурн с просьбой приехать в Сидней, что и было сделано. Однако по указанному адресу доктора не нашли: ночью ему пришлось буквально убежать от преследователей, перелезая через заборы. Наконец мы встретились. Доктор был по профессии гинеколог. Сказал, что ему надоело делать аборт, что он решил изучать тропические болезни и с этой целью отправился в плаванье. Постепенно дела стали налаживаться. Мы купили ему стетоскоп, медицинские справочники на русском языке. В Сиднейском университете доктору предложили исследовательскую работу в области тропических болезней. Он успокоился; готовясь к занятиям, принимал пациентов, не имея ещё права их лечить.

Однако в покое доктора не оставляли. Как-то в одном доме, куда его пригласили, работник посольства из Канберры дал ему послушать магнитофонную запись его матери, которая просила его вернуться домой. В другой раз некая девица особого поведения (она сопровождала на борту русские пароходы по Австралии и все доносила кагэбистам из посольства в Канберре) устроила в Сиднее «новоселье», пригласив доктора и моториста. Точно неизвестно, что там произошло. Вероятно,

что-то подсыпали в алкоголь или сделали какой-то укол и отвезли их на машине в Канберру. Мотористу удалось убежать из посольства через окно в уборной. Доктор же решил вернуться на родину. О дальнейшей его судьбе ничего неизвестно. Моряки со следующих пароходов, как попугаи, повторяли: мол, видели доктора в клинике мореходства, где он работает врачом. Только один признался, что доктора никто не видел, а всем сказали говорить одно и то же.

После этого случая посещение пароходов в Мельбурне запретили. Но через некоторое время разрешили, только не для всех. Каждый дежурный у трапа имел список из 14 фамилий с маленьким дополнением: не пускать того, кто быстро говорит, так как он часто называл разные фамилии...

Кстати, все эти встречи с моряками нам очень дорого стоили. Иногда на них уходила недельная получка целиком. Некоторые не верили, что мы тратим собственные деньги. Но мы делали это для освобождения России от коммунистического ига. Так что в наступивших переменах есть и наша заслуга.

Евгений Древинский

МЫ ЖЕРТВЕННО СЛУЖИЛИ РОССИИ

НТС в Бельгии

Хочу описать некоторые эпизоды нашей работы в Бельгии, напомнить о друзьях — и так почтить их память, пока не всё позабылось.

Свою работу как члена НТС я начал под руководством Ары Ширинкиной в Антверпене, среди моряков. При встречах мы им помогали. Разговоры вели не только о сопротивлении, покупках или на бытовые темы. (Где что купить, например, отрезы на костюмы или ковры, моряки знали лучше, чем мы, и нас водили с собой в эти магазины. Таким образом, мы знали, где ребят встречать, и нам не приходилось в поисках бегать по городу.) Вели мы просто дружеские беседы, вплоть до того, что рассказывали анекдоты; иногда сталкивались с враждебностью, а бывало, что моряки вовсе отказывались разговаривать.

Передавали мы им и литературу. Обычно моряки доверяли друг другу и брали литературу во время разговора, но, конечно, как бы из-под полы, не на виду. Если же группа была большая, приходилось прибегать к разным хитростям. А при передаче литературы на виду старшему группы приходилось проявлять «бдительность». (В каждой группе моряков был ответственный, которого назначал помполит судна.)

Обычно с покупками (после «отоваривания») мы с моряками заходили выпить пива. У нас было несколько «своих» кафе, где мы заранее прятали нашу литературу, чтобы ребята могли взять её, не вызывая подозрений. Как-то в кафе один из моряков сказал мне: «Ты говоришь, как мой отец-фронтовик!» Меня его слова очень обрадовали: значит, я говорил в духе переживаний нашего народа!

Узнав, что в СССР исчезли спички, мы этим воспользовались и начали предлагать ребятам спички. Но в коробках были заложены так называемые большие штампы — четырёхстраничные листовки, на очень тонкой бумаге. Собеседника мы предупреждали, что в коробке листовка и чтобы он был осторожен, если придётся кому-то дать прикурить.

«Большой штамп»⁸⁸. Впервые я нечто подобное встретил в 1944 г., когда находился в Румынии, в Браиле. Жили мы, беженцы, в одном большом доме, как в общежитии. Помню, собралось несколько человек; что-то читали, все слушали с большим вниманием. Я подошёл, но тут чтение закончилось; я уловил лишь пару фраз и попросил весь текст. Мне его дали, и я положил листовку в карман с паспортом, чтобы прочесть позже. Не успел я её прочесть, как ещё несколько человек тоже захотели получить эту листовку. Я отдал. Помню, там было написано: «Враг выгнан, пора заняться обустройством своей жизни!» (Не ручаюсь за точность слов, но смысл был таков.) Слава Богу, что отдал листовку: в этот день меня арестовало гестапо!

Правда, я это понял не сразу: мне сказали, что меня отправят в Германию и надо оформить документы, чтобы я смог стать моряком. Два немца посадили меня в машину, куда-то привезли и приказали сесть на койку. По виду это была казарма. Напротив сидел немец и что-то писал. Он заговорил со мной по-русски; расспрашивал о родителях, о моей учёбе на штурмана. Потом меня привели в небольшую комнату,

⁸⁸ «Большим штампом» называлась основная листовка на темы, против чего, за что и как бороться, написанная в начале 1950-х гг. в соответствии с «молекулярной теорией революции» В.Д. Поремского.

где за маленьким столом сидел человек лет 35, русский. Он попросил, чтобы я выложил имеющиеся у меня документы. И вдруг сказал, что я арестован, что якобы среди русских моряков имеется какая-то партизанская советская организация. Я ответил, что не имею понятия о такой организации, что я сын врага народа, а среди документов у меня есть листовки, которые немцы сбрасывали с самолётов.

Я был рад, что при мне не оказалось «большого штампа». Следователь спросил: «А вы знаете буфетчицу Дусю?» Я ответил: «Да, я с ней познакомился, когда работал в порту в Одессе, а она плавала буфетчицей на немецком буксирном катере. Потом я её встретил в Браиле. Она плавала на каком-то катере по Дунаю». Тут я увидел, что открывается дверь. Мой следователь подскочил чуть ли не до потолка и заорал по-немецки. Я от испуга втянул голову в плечи, подумал: сейчас получу по затылку! Пока следователь рапортовал, я оправился и встал смирно. Вошедший был коренастым, широкоплечим мускулистым мужчиной с сильным подбородком и головой чекиста! Выслушав рапорт, «чекист» — это был гестаповец — вышел. Мы сели, следователь ещё что-то говорил. Отвезли меня в тюрьму, а на следующий день отпустили.

Но вернёмся в Бельгию. Поступило сообщение о том, что на ремонт пришёл знаменитый ледокол «Ермак». Стоял он довольно далеко, у причала судоремонтного завода. Мы пошли туда с Сашей Маковым (мы звали его Саша-папа, потому что его жена тоже была Саша, и мы их называли Саша-папа и Саша-мама). Я предварительно купил мужской гребешок в футляре и засунул туда «большой штамп». На палубе стояли, опершись о борт, два моряка; мы с Сашей тоже стоим, разговариваем. Я вытаскиваю из кармана плаща носовой платок. Моряки смотрят на нас. Через некоторое время я опять вынимаю из кармана платок и «не замечаю», как у меня из кармана выпадает футляр с гребешком. Молодой моряк рванулся, а тот, что постарше, схватил его за рукав и остановил. Мы с Сашей заметили эту сцену, постояли и пошли не оглядываясь.

Саша-папа был храбрым человеком. В Антверпене на ремонте стоял пассажирский теплоход «Ганза», полученный СССР в счёт репараций. (Его переименовали в «Советский Союз» и после ремонта отправили во Владивосток.) Так вот, Саша однажды забрался на него и рассыпал листовки! Видно, наша деятельность беспокоила советское руководство. Причалы начали освещать; запретили морякам разговаривать с русскими; иногда моряки гнали нас, иногда убегали сами. Во-

обще, кто бы ни заговорил с ними по-русски, они реагировали очень болезненно. Потом, как обычно, период бдительности проходил, и мы опять вместе выпивали пиво и беседовали как ни в чём не бывало...

Как-то ночью мы с Сашей-папой пошли забрасывать листовки на суда, стоявшие в порту. У судна, к которому мы шли, причал не освещался, но в свете с других причалов выделялся силуэт парохода. Мы уже подходили к нему, когда я заметил на высоте какие-то вспышки на некотором расстоянии от судна. Потом я сообразил, что это вспышки папирос. Хитрые моряки подогнали вагон без крыши, но с высокими бортами, и ждали тех, кто придёт забрасывать листовки. Возможно, они заметили наши тени, хотя ночь стояла тёмная. Мы не знали, какотреагируют они на наше приближение, и решили, что Саша изобразит пьяного, а я его буду поддерживать. Так мы миновали вагон, подошли к носу парохода и забросили нашу литературу.

Иногда для проведения акции приезжал Семён Мозговой (в то время мы все работали в угольных шахтах Бельгии). До нас, энтээсовцев, дошло, что на одной из верфей под Антверпеном строятся рыболовецкие сейнеры для СССР. А в деревушке живут приёмные команды советских моряков. Мы решили провести акцию, чтобы дать им знать об НТС и познакомить с нашей литературой. Это мы решили на собрании Брюссельской группы у Дмитрия Павловича Плетцера, председателя Отделения НТС в Брюсселе. Решили, что Дмитрий Павлович с женой Ксенией (гражданкой Бельгии) поедут в Тамиз (городок, где находилась судостроительная верфь) «отдохнуть», остановятся в том отеле, в котором живут моряки, и познакомятся с ними. Я же должен был через пару дней зайти в отель и передать морякам нашу литературу. Так мы и поступили. Я приехал к завтраку, вошёл в столовую. За одним столиком сидели Плетцеры, а за двумя другими — моряки. Я подошёл к морякам и спросил: «Русские?» Они ответили: «Да». Тогда я положил перед ними литературу. То же я сделал и у столика Плетцеров, чтобы снять с них подозрение. Разложил по ещё не занятым столикам оставшуюся литературу и уехал. Через пару дней Плетцеры вернулись в Брюссель из «отпуска» и вот что рассказали. Ночью, около трёх часов, их разбудила полиция, заставили одеться и повезли на допрос. Плетцеры запротестовали: что за арест, да ещё ночью! Инспектор начал допрос как обычно: кто, что, почему и что делают они в этом отеле. Вначале он был возбуждён, но по мере установления личных данных успокоился. Плетцеры сказали ему, что они члены НТС и что

НТС борется с советской властью. Инспектор извинился: «Понимаете, меня ночью подняли телефоном из Брюсселя. Было приказано вас арестовать и проверить». Потом они свободно и просто побеседовали и инспектор отвёз их в отель.

Как реагировала советская власть на нашу литературу? Во время моего отсутствия в Антверпене чекисты попытались завербовать члена НТС Виталия Александровича Поповского. Для этого они привезли его друга детства. Но акция чекистов позорно провалилась.

В Антверпене мы главным образом встречались с моряками и складывали литературу в грузы, которые шли в СССР. Так дожили мы до 1960 г., когда СССР заключил контракт с Бельгией на поставку машиностроительного оборудования. И в этом году мы (три семьи членов НТС) получили распоряжение покинуть Антверпен. Нам вообще запретили показываться на юридических территориях Антверпена, в Брюгге, Остенде — это всё портовые города. В наши внутренние паспорта поставили соответствующие штампы и за нарушение этого режима угрожали выслать из Бельгии. Приказы показались нам странными: Виталия и Анну Поповских с двумя детьми выставляли; Николая Сергеева тоже выставляли, а его жену нет; и меня выставляли, а жену Киру — нет. Жена поехала в Брюссель — показать знакомому адвокату официальный документ о запрещении нам пребывать на юридических территориях. Через неделю адвокату удалось узнать причину нашего удаления. В МИДе Бельгии, где подписывался контракт на поставку оборудования, советская сторона выразила устный протест по поводу того, что через Антверпен в СССР идёт литература НТС. Адвокат посоветовал поднять вопрос в парламенте. Но у нас не было знакомых членов парламента... Рассказываю об этом, чтобы поделиться опытом с теми, кто рассчитывает на «безвозмездную помощь» за границы!

Обычно мы, члены НТС, собирались на квартире у Николая Вадимовича Завадского. Председателем Отдела НТС Бельгии был Аркадий Иванович Лушников — корниловец. (Он был свидетелем смерти генерала Корнилова: это произошло в обеденное время; Аркадий Иванович уселся со своим котелком, опершись спиной о дом; раздался выстрел, снаряд залетел в открытое окно и взорвался. Так был убит генерал Корнилов.) Аркадий Иванович, как и другие члены НТС, сидел в немецком концлагере.

На собраниях бывали ещё Орест Спиридонович Перлинги, инженер, и барон Виктор Викторович Местмахер-Будде, инженер-

электрик. Виктор Темников не мог присутствовать, так как жил в другом городке. Мы обсуждали положение в мире и главным образом в России. Аркадий Иванович зачитывал нам информацию о делах НТС. Мы решали наши проблемы, разрабатывали предложения для руководства: например, как получать информацию о различных конгрессах, о приезде деятелей культуры, чтобы заранее подготовиться к встрече с ними. Мне очень нравилась атмосфера взаимоуважения на наших собраниях. Даже об оппонентах отзывались уважительно, не унижая их достоинства.

И всё-таки к нам втёрся один агент. Как-то я долгое время отсутствовал в Льеже, а вернувшись в Бельгию, встретился с Аркадием Ивановичем, который очень хвалил мне Леонида Ивановича Масленко. Масленко представлял «Посев» в Бельгии, занимался подпиской, и я должен был с ним советоваться. Но мне пришлось переехать в Брюссель, и мы встречались редко. Затем в газетах и по радио прошли сообщения: капитан КГБ Николай Хохлов решил остаться на Западе. Он рассказал, что получил задание убить одного из руководителей НТС — Георгия Сергеевича Околовича; для выполнения этого задания ему предоставили рапорты и донесения агентов. Он запомнил донесение одного из агентов по фамилии Азарчук; в нём передавался разговор Азарчука с Г. С. Околовичем. И Георгий Сергеевич вспомнил, что этот разговор он вёл с Масленко! Околович приехал в Льеж, встретился с Аркадием Ивановичем Лушниковым. Они пригласили Масленко в кафе, рассказали о Хохлове и о том донесении, которое он прочёл перед выполнением задания. Масленко (он очень испугался!) всё отрицал, и на этом они разошлись. Больше я его не встречал.

По инициативе Кузьмы Васильевича Скворцова члены НТС организовали «Православное дело». Эта организация оказывала поддержку верующим в СССР, издавала молитвы и беседы на религиозные темы. Тексты, отпечатанные на очень тонкой бумаге, отправлялись в СССР. В этой работе принимали участие Николай Александрович Твербус — Твёрдый, Анна Фоминича Поповская, Ольга Всеволодовна Желябина и Василий Евгеньевич Даниэль.

Даниэль был известным в Бельгии инженером-строителем металлических конструкций. В частности, он построил металлический мост через Маас. Возводить мост начали с двух берегов одновременно; на его открытие приехал король Бодуэн. Василий Евгеньевич сопровождал короля и давал необходимые пояснения. Улучив момент, он извинился

перед королём за свой французский язык и за акцент и сказал, что он русского происхождения. Король ответил, что его прадед служил у царя Александра полковником в войну 1812 г...

Вот что мне хотелось рассказать о нашей деятельности в Бельгии, отдав дань памяти членам НТС. Да простят меня те, кого я не упомянул.

Мы не были ангелами, но мы жертвенно служили России. Мы хотели, чтобы жизнь в России была душевной, милосердной, по заветам Христа, благоустроенной. Будто о Советской власти Господь сказал: «Народ мой! Вожди вводят тебя в заблуждение, и путь стезей твоих испортили» (Исайя, 3:12).

Мы, солидаристы, утверждаем примат духа над материей, неповторимую ценность личности, которая служит высшим духовным ценностям, взаимопомощь — солидарность! Хочу напомнить, что против нашей деятельности СССР протестовал в ООН. Разве не позорно было такому мощному государству выступить против кучки активных эмигрантов! Но СССР пошёл на этот позор, потому что боялся идей, которые мы сеяли.

Надо бы как-то отметить память о Гаагском конгрессе за права и свободу в России⁸⁹ в апреле 1957 г. — на последней ассамблее всех эмигрантов, представителей различных идейных течений. Было выработано более 100 требований — от самых радикальных до самых безобидных. Они вызвали в СССР живой отклик; некоторые советские газеты в завуалированной форме писали об этих требованиях.

Борис Пушкарёв

«ПОСЕВ-США»: 1981–1991⁹⁰

История «Посева-США» началась с того, что в 1970-х гг. в Штаты стала прибывать третья эмиграция, и местные члены НТС начали устраивать с ней встречи. Так, руководитель местного Отделения НТС Владимир Буткевич в 1977 г. устроил в Нью-Йорке выступление

⁸⁹ Конгресс за права и свободу в России. Гаага, Нидерланды, 25–27 апреля 1957 г.

⁹⁰ Новый Журнал. 2012. № 267.

недавно прибывших из СССР Валерия Чалидзе и Валентина Турчина. Успех встречи привёл к образованию Рабочей группы «Посева», устроившей собрания из 15–25 человек, где читались доклады. По мере возможности они превращались в статьи на страницах журнала «Посев». Выступали Эрнст Неизвестный, Фридрих Незнанский, Николай Елагин, Осип Чураков и др.; некоторые вскоре стали членами НТС.

Руководство НТС во Франкфурте сочло, что на третью эмиграцию в США следует обратить внимание, создав здесь филиал издательства на коммерческой основе.

Кандидатом в его руководители стал Габриэль Валк, живший тогда в Израиле, имевший собственную издательскую и рекламную фирму «Эффект» и выполнявший типографские заказы «Посева» во Франкфурте. Валк согласился; в 1981 г. он приехал в США, получил аванс на обустройство и снял помещение по адресу: 501, Пятая авеню (на углу 42-й улицы, напротив Публичной библиотеки), на 16-м этаже.

Начальные годы были посвящены организации книготорговли. Представительство и книжная лавка «Посева» быстро приобрели популярность. Сюда приходили сотрудники советской миссии при ООН и других советских представительств; деятели Русской Православной Церкви Заграницей; эмигранты — от Аркадия Шевченко, бывшего заместителя генсека ООН, ставшего невозвращенцем, до Сергея Довлатова, регулярно следившего за новинками «Посева». Появлялись и зарубежные гости: Андрей Синявский и Мария Розанова, Виктор Некрасов, Василий Аксёнов и др.

Г. Валк не оставлял без внимания проходившие в разных городах Америки ежегодные съезды славистов и преподавателей русского языка. «Антисоветская» тематика стенда «Посева-США» всегда вызывала неизменный интерес.

С 1985 по 1996 г. Г. Валк от имени «Посева-США» регулярно устраивал выставки-продажи эмигрантских книг и периодики в летних русских школах в штате Вермонт. В школах при колледжах Миддлбери и Норвич обучалось от 500 до 1000 студентов со всей Америки и из Европы (Норвичский университет находился недалеко от поместья Солженицына). В состав преподавателей входили профессор Эткинд, поэт Коржавин, профессор Лосев, профессор Ржевский и другие известные писатели и слависты. В числе гостей также всегда бывали знаменитости — от Виктора Некрасова до Булата Окуджавы.

Наши выставки под большим плакатом «Посев-США» и под портретами Сахарова, Галича, Владимова и др. привлекали внимание; они служили окном в мир русской эмиграции и антисоветской литературы.

Участие в выставках было бесплатным, но организация (включая поездку с массой книг за 500 километров от Нью-Йорка) требовала больших усилий. Много книг и журналы «Посев» мы раздавали студентам даром.

В 1985–1986 гг. Г. Валк по своей инициативе выпустил четыре книги:

ГИНЗБУРГ Е. Крутой маршрут. 2 т. 439 + 352 стр.

Второе издание выпущенных ранее «Посевом» воспоминаний с предисловием Василия Аксёнова.

ДАВАТЦ В. Х., ЛЬВОВ Н. Н. Русская армия на чужбине. 1985 г. 124 стр.

Репринт вышедшей в 1923 г. в Белграде книжки о Русской армии генерала Врангеля после эвакуации из Крыма.

ПУШКАРЁВ С. Г. Роль Православной Церкви в истории России. 1985 г. 125 стр.

Репринт двух брошюр автора, вышедших в Чехословакии в 1928 и 1938 гг.

КУЗНЕЦОВ А. Бабий Яр. 1986 г. 488 стр.

Второе издание романа-документа, выпущенного впервые «Посевом» в 1970 г.

В 1988 г., к 1000-летию крещения Руси, по инициативе Ираиды Лёгкой, которая нашла книгу в собрании своего отца, будущего епископа Иоанна Лёгкого, вышла фоторепродукция объёмистого тома, изданного в 1907 г. в Нижнем Новгороде:

ПАВЛОВСКИЙ А. А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. 1988 г. 890 стр.

Книга в первую очередь предназначалась для России, где к тому времени из 810 монастырей, существовавших в 1907 г., было восстановлено три. К сожалению, лишь немногие экземпляры книги попали в Россию. И сегодня, когда многие монастыри восстанавливаются, новое издание книги об «исходном» (105-летней давности) положении дел могло бы найти спрос у тех, кто «старается поднять из развалин памятники нашей истории и отстроить очаги духовного обновления», как сказано в предисловии к «Посеву» в 1988 г.

После «Путеводителя...» «Посев-США», по договорённости с НТС, выпустил в 1988–1991 гг. серию из восьми книг карманного формата (17,5 сантиметра) (преимущественно для России):

ФРАНК С. Л. Духовные основы общества. 1988 г. 320 стр.

Переиздание классического труда русской философии XX в., с новым предисловием.

ЖАДАН П. В. Русская судьба. 1989 г. 240 стр.

Воспоминания донского казака о детстве на хуторе в Ставрополье, о юности в боях Белой армии и о позднейшей работе НТС во время Второй мировой войны в оккупированной России и после неё — в Западной Германии.

НЕЗНАНСКИЙ Ф. Е. Записки следователя. 1989 г. 342 стр.

Драматические воспоминания юриста о советской правоохранительной системе.

СЕЗЕМАН Д. В. В Москве всё спокойно. 1989 г. 224 с.

Фантастический роман о падении советской власти, изданный в 1970-х гг. на французском в Париже. Русский перевод, увы, сильно задерживался, и будущее, предвиденное автором, уже через два года стало прошлым.

ФЕДОТОВ Г. П. Империя и свобода. 1989 г. 352 стр.

Подборка статей известного публициста и историка на данную тему, с предисловием Б. С. Пушкирёва и К. В. Фотиева.

ТУРКУЛ А. В. Дроздовцы в огне. 1990 г. 277 стр.

Третье издание известных мемуаров генерала Туркула, с предисловием В. А. Солоухина.

ЭРХАРТ Л. Благосостояние для всех. 1990 г. 326 стр.

Известный труд автора послевоенного «немецкого чуда», второе издание русского перевода 1956 г.

СОЛОУХИН В. А. Расставание с идолом. 1991 г. 112 стр.

Подборка едких цитат из Ленина, составленная известным писателем, председателем Комитета по восстановлению храма Христа Спасителя.

Финансирование издания книг, помимо коммерческой продажи, происходило за счёт того, что американская организация «International Literary Center» покупала часть тиража для распространения среди советских граждан, а часть стоимости возмещал РИФ — Русский исследовательский фонд. Этот фонд был зарегистрирован по поручению Исполнительного Бюро НТС в 1981 г. в США как

некоммерческая организация «для изучения альтернатив советской политике». Её первое начинание — семинар на съезде славистов в Асиломаре (Калифорния) осенью 1981 г. «Проблемы перехода от государственного хозяйства к рыночному». Включить семинар в повестку дня съезда помог тогдашний председатель ассоциации славистов, известный советолог Александр Даллин. Большинство американских экономистов сочли эту тему утопической и занялись ею только восемь лет спустя, когда рухнул коммунизм в Польше. РИФ, существующий только на пожертвования эмигрантов, должного размаха не получил, но и поныне поддерживает просветительские начинания НТС.

«Посев-США» не ограничивался изданием книг. На организованных им публичных лекциях выступали, среди прочих, писатели Георгий Владимов, ставший на короткое время главным редактором журнала «Грани», и Владимир Максимов, основавший журнал «Континент». Запомнилось выступление Абдурахмана Авторханова, известного специалиста по истории КПСС. Его доклад был намечен в зале Еврейского центра на Брайтон-Бич в Бруклине. Но кто-то позвонил руководству центра, мол, Авторханов во время войны работал с немцами, и в последнюю минуту в аренде зала было отказано. Толпа перед входом — более 200 человек — нарастала, эмоции накалялись, и тут родилось решение: идти к морю, квартала три. Уселись на пляже, под ближайшим деревянным навесом; многим места не хватило, стояли вокруг. Выпускник Академии красной профессуры, которому было уже за 80, стал спиной к океану и начал вещать, перекрикивая грохот набегавших волн.

Менее зрелищными, но более трудоёмкими оказались ежегодные конференции журнала «Посев». По традиции с 1950-х гг. они проходили во Франкфурте, но в 1986 и 1987 гг. нам поручили провести их в Нью-Йорке. Поручили, однако, сказали: денег никаких не дадим — Америка страна богатая, находите сами. Вместе с третьей эмиграцией в Нью-Йорк прибыл Олег Поляков, член НТС ещё с довоенных времён, отсидевший долгие годы в советских лагерях. Он работал в Свято-Серафимовском фонде о. Александра Киселёва и раздобыл там более 2000 эмигрантских адресов; мы забили их в компьютер, напечатали на конвертах и разослали всем программы с предложением купить входной билет. Билет стоил, помнится,

около 20 долларов, и более 200 штук мы по почте продали: этого хватило, чтобы оплатить зал в отеле на Манхэттене и проезд докладчиков. У входа билеты не продавались из соображений безопасности. Конференция называлась «Перспективы перемен в СССР», и выступили на ней М. С. Восленский, автор книги «Номенклатура»; Здислав Рурарж, бывший посол Польши в Японии; поэт Наум Коржавин; главный редактор «Посева» А. М. Югов. «Голос Америки» дал свой репортаж; откликнулась и советская пресса: мол, речь на конференции шла «всё о той же маниакальной надежде на демонтаж социализма».

Вторая конференция (1987 г.) называлась «Перестройка и общественные силы». От «Посева» во Франкфурте выступили Елизавета Миркович и Екатерина Самсонова, из Лондона прибыл политолог А. Ю. Штротас, из Вашингтона — о. Виктор Потапов, а также ставший недавно невозвращенцем советский дипломат Аркадий Шевченко. Между ним и Авторхановым возникла дискуссия: последний утверждал, что реформы Горбачёва — блеф и ничего измениться не может; первый показывал, что времена меняются и реальные перемены происходят.

Заключительным актом — в октябре 1989 г. — стала двухдневная конференция в пригородном русском клубе «Отрада» на тему «Наше участие в общественных процессах в России». Она шла не под маркой «Посева», а под маркой НТС. В числе выступавших были прилетевшие из Москвы писатель Владимир Солоухин, поразивший аудиторию чтением своих белогвардейских стихов, и редактор журнала «Выбор» Виктор Аксютин, а также председатель Исполнительного Бюро НТС Юрий Брюно и встречавшийся только что с членами НТС в Москве и Ленинграде Борис Пушкарёв. Собрание прошло с большим подъёмом.

Через полгода Б. Пушкарёв уехал во Франкфурт, а через два с половиной — в Москву, где к тому времени Екатерина Самсонова начала создавать основную базу издательства и куда переехал журнал «Посев». Потребность в зарубежных филиалах отпала, хотя отдельные книги «Посев-США» ещё вышли, например, сборник стихов Ираиды Лёгкой «Подземная река» (1999, 167 стр.).

Габриэль Валк продолжал работать под маркой «Эффект», но в 2005 г. офис на Пятой авеню закрыл.

Вячеслав Долинин

1955 год: НТС в Ленинграде⁹¹

С ноября 1917 г. в России началась борьба с диктатурой большевиков. С июля 1930 г., с момента своего создания, НТС стремился прорваться из Зарубежья в Россию, найти контакт с внутрироссийским движением сопротивления. В Ленинграде, например, в 1938 г. побывал Георгий Сергеевич Околович, в 1952 г. — Виктор Михайлович Славнов. Но было и встречное движение — внутрироссийская оппозиция искала контактов с соотечественниками, находившимися по другую сторону госграницы. Антикоммунистические силы эмиграции и России, несмотря на кордоны на границах СССР, устанавливали связи, находили возможности для сотрудничества и совместной борьбы.

С осени 1955 г. в редакции ряда московских газет и издательств стали приходиться написанные печатными буквами письма из Ленинграда. Они содержали резко негативные оценки деятельности советского правительства и руководства КПСС во главе с Хрущёвым, а также обвинения партийной печати в замалчивании важнейших событий и дезинформации читателя. Особенно насторожило сотрудников редакций то, что некоторые письма были написаны от имени друзей НТС в России. В одном из них было приведено стихотворение:

*Запомните три буквы — это мы.
Попробуйте, сломите обух плетью.
Вам станет завтра гибельней чумы
Тот, кто сегодня тих и неприметен.
Меж вами, но невидимы для вас,
Как пред грозой воздуха дыханье,
Мы шаг за шагом приближаем час
Неотразимого восстанья.
Мы — Родина, мы — будущего цвет.
За нами — славы огненные годы.
Встать! Суд идет. Несём Тиранам Смерть,
Несём Трудящимся Свободу!*

⁹¹ Посев. 2012. № 4.

На конвертах стояла фамилия (на самом деле псевдоним) отправителя: Русанов В. Н. Бдительные бойцы идеологического фронта посылали их прямым в 4-е управление КГБ. Генерал Серов, тогдашний руководитель госбезопасности, ознакомившись с письмами, наложил резолюцию: «Розыску этого автора уделить особое внимание». Поиски начались, а письма продолжали приходить.

18 декабря на Ленинградском почтамте КГБ провёл стандартную операцию по изъятию письма, идущего в Берлин (и подписанного псевдонимом В. С. Морозов). Чтобы создать видимость законности, составили акт о его случайном повреждении. Согласно акту, «при установлении отправителя, в целях возврата ему для перезаделки письма, был обнаружен антисоветский текст». Письмо адресовалось сотрудникам Европейской радиостанции «Голоса Америки». В нём говорилось о глушении передач радиостанции в СССР и о необходимости усилить мощность передатчиков. Далее автор рассказывал о появлении на советских киноэкранах множества новых фильмов о шпионах и диверсантах («Следы на снегу», «Случай с ефрейтором Кочетковым», «Тень у пирса» и пр.). Причины появления этих фильмов Морозов видел, во-первых, в попытке властей представить российских борцов с коммунизмом изменниками Родины и агентами иностранных разведок, а во-вторых, внедрить в сознание граждан СССР миф о всемогуществе карательных органов. Как оказалось, письма Русанова и Морозова были написаны одним почерком.

Отправителем этих писем был 17-летний Юрий Лёвин, учащийся подготовительных курсов при кораблестроительном институте. В 1951 г. отец Юрия, Леонид Петрович, приобрёл радиоприёмник «Рига», и Лёвин-младший начал слушать передачи зарубежных радиостанций. Сначала его больше интересовали музыкальные программы, потом — политические. Путешествуя по эфиру, Юрий находил голоса радиостанций «Би-би-си», «Освобождение» (так тогда называлась «Свобода»), «Кавказ» и др. В 1954 г., приобретя магнитофонную приставку, он начал записывать передачи; те, что считал наиболее интересными, переносил на бумагу. Слушал он и советское радио, читал коммунистическую прессу, сравнивал информацию, полученную из-за рубежа, с официальной советской. И ещё нагляднее ему виделась разница между реальной советской действительностью с её тяжелейшими проблемами и картиной всеобщего благополучия и счастья, которую рисовала пропаганда. Леонид Петрович Лёвин,

научный сотрудник института «Механобр», критично относился к коммунистическому режиму и не скрывал своих взглядов от Юрия; он рассказал сыну о родственниках, арестованных НКВД.

Летом 1955 г. у Юрия появился радиоприёмник «Мир», более мощный, чем «Рига». Благодаря этому приобретению он смог слушать передачи радиостанции НТС «Свободная Россия». Впервые у него появилась возможность узнать об этой организации из первых рук, познакомиться с идеями солидаризма. Прежде он знал об НТС только из передач «Голоса Америки» (в связи с похищением Трушновича) и из советской печати, поносившей Союз и обвинявшей его во всех возможных и невозможных грехах. Цели НТС — освобождение страны от коммунизма, строительство демократического Российского государства — были близки и понятны Юрию. Поначалу он просто пытался разобраться в ситуации в стране, затем возникла мысль донести до других то, что уже понял сам. Идеологический пейзаж тогдашней России не был однородно красным, и среди окружавшей Юрия молодёжи находились люди, которых так же, как и его, волновала судьба России, которые понимали, что многое необходимо изменить.

В начале октября 1955 г. Юрий предложил своим единомышленникам — Евгению Дивееву и Валентину Хоченкову — создать подпольную организацию для борьбы за освобождение страны от диктатуры КПСС. Дивеев и Хоченков приняли это предложение. Чёткой структуры «Молодая Россия» (такое название получила новая организация) не имела, не были сформулированы ни уставные, ни программные положения; друзей объединяли общие цели и готовность к борьбе. Было решено, что каждый из них привлечёт в «Молодую Россию» по пять человек. Начали собирать членские взносы. Их предполагалось потратить на покупку пишущей машинки. Основным направлением работы избрали просветительскую деятельность. Как многие молодые революционеры, Лёвин и его друзья верили, что достаточно раскрыть людям глаза на правду, и они тут же вступят за эту правду в борьбу. Первой акцией «Молодой России» стала рассылка писем в редакции газет и издательства. Писал и отправлял письма Лёвин. При составлении текстов он использовал материалы «Свободной России» (приведенное выше стихотворение, например, было им записано во время одной из передач). Целью почтовой кампании являлось идеологическое воздействие на получателей писем и попытка доказать государственным органам бесполезность глуше-

Владимир Быкадоров

Георгий Околович

А. Г. Шкуро в Юденбурге. 1945 г.

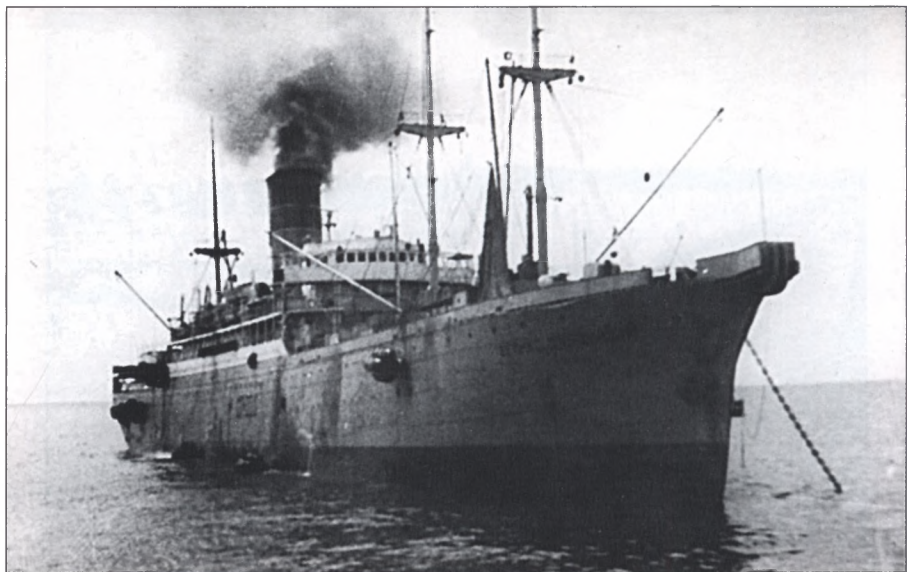
Памятный знак о расстреле в Лиенце

Дахау

Надпись на входе в концлагерь

«Феликс Дзержинский»

Доктор Сергеев

Глеб Рар

Георгий Полошкин-Позе

Ростислав Полчанинов

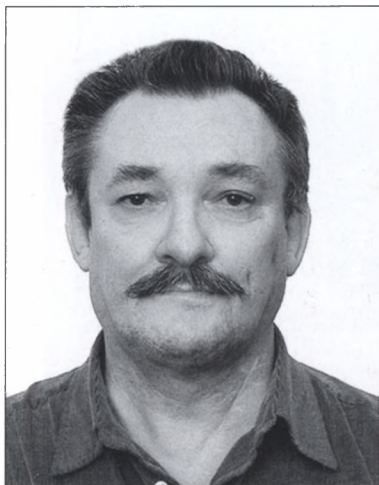
Листовка НТС

Генерал Григоренко с супругой Зинаидой

Газета «Единение»

Ростислав Евдокимов

Вячеслав Долинин

Николай Коваленко

Здание в Майнце, в котором с конца 1960-х гг.
находился штаб Закрытого сектора НТС

Триколор на улицах России

Борис Пушкарёв

Москва. Август 1991 г.

ния зарубежных радиостанций: тот, кто хочет знать правду, найдёт способ преодолеть помехи. Протест против «глушилок» был одним из главных мотивов в письмах Русанова.

Друзья понимали, что втроём многого не добьются: нужно искать союзников и объединять с ними усилия. Нападки в советской печати на НТС с одной стороны и передачи «Свободной России» с другой убедили Юрия и его единомышленников в том, что им наиболее близок по духу Национально-Трудовой Союз. Решили установить контакт с зарубежным центром НТС. Лёвин написал письмо с предложением наладить связь и переправил его во Франкфурт-на-Майне (о пересылке договорился с моряком английского военного корабля, находившегося в октябре 1955 г. с визитом в Ленинграде). В письме он сообщал о создании подпольной организации и просил поддержки. Там же Лёвин поместил разработанный им шифр, при помощи которого можно было получать радиogramмы от НТС. В качестве псевдонима организации он предложил «Море» — производное от «Молодой России». В письме указывались также время и диапазон волн, удобные для приёма радиogramм. Вскоре «Свободная Россия» сообщила: «Слушай, “Море”. Чайка прилетела в свою семью» — письмо дошло. В декабре Юрий принял первую зашифрованную радиogramму из Франкфурта:

Начало. Первая. Шифр слишком прост. Даём принцип нового. Взять любую книгу. Первая пара цифр означает страницу, вторая — строку, третья — букву или знак. Название книги вашим шифром дать не решаемся. Пришлите вы верным путём или книгу, или название, год издания и издательство. Ваш гонец может опустить за границей пакет без марки. Адрес: издательство «Посев», Романову, Франкфурт-на-Майне, Германия. Нашего человека пока не ждите. Возможна прямая связь без посредников, будем её строить. Крепите существующую группу и пока не расширяйте. Сила в качестве, не в количестве. С боевым приветом. Штаб НТС. Конец первой.

В соответствии с рекомендацией НТС Лёвин составил новый шифр. Письмо с ним удалось переслать во Франкфурт с помощью моряка норвежского торгового судна. Штаб Союза прислал радиogramму с одобрением нового шифра. Связь начала налаживаться. В последующей радиogramме «Морю» предлагалось указать место, в котором можно было бы оставлять посылки из-за рубежа. Всего в течение года

НТС на волнах «Свободной России» направил Юрию и его друзьям около десяти радиogramм; некоторые из них из-за плохой слышимости записать не удалось. Запись этих радиogramм вёл и КГБ.

Весной 1956 г. Лёвин и его друзья решили активизировать деятельность. Письма, отправленные в государственные организации, имели узкий круг читателей, следовало его расширить. Возникла идея написать листовку. Повод был — в канун 1 Мая советские газеты по традиции поместили призывы партии и правительства к трудящимся: повышать производительность труда, крепить обороноспособность страны, бороться за мир и т. п. Юрий, прослушав передачи «Свободной России», подготовил другие призывы и лозунги к этой дате:

Лозунги к 1 Мая. Несём Тиранам Смерть, Несём Трудящимся Свободу!

1. Долой культ Сталина, и не только Сталина, а любого вождя!
2. Освободить осуждённых во время сталинщины! Вернуть им все права и собственность!
3. Завещание Ленина должно быть известно народу!
4. Городам, предприятиям, институтам, носящим имена Сталина и других вождей, вернуть их настоящие имена!
5. Долой выборы по сталинскому способу! Требуем действительно демократических выборов!
6. Долой сталинские профсоюзы! Требуем профсоюзов, защищающих интересы трудящихся!
7. Колхозники — хозяева колхозов! Колхозники обойдутся без партийных надзирателей!
8. Ленинизм — то же самое, что и сталинизм! Хрен редьки не слаще!
9. Включайтесь в революционную борьбу против коммунизма!
10. Да здравствует народно-освободительная революция!
Да здравствует свобода!

Листовка была размножена фотоспособом и разбросана по почтовым ящикам в центральных районах города. Сегодня она может показаться несколько наивной, но и в 1956 г., и даже через несколько десятилетий её тезисы оставались в принципе верными. Вчерашний школьник Юрий Лёвин прекрасно понимал бесчеловечную сущность тоталитарного государства, необходимость борьбы с коммунистической системой. И он говорил об этом. А что говорили те, кто должен был

понимать и знать гораздо больше, чем юноша, которому в тот момент едва исполнилось 18? Что говорили маститые учёные и публицисты? С кем были мастера культуры? Посмотрим газетно-журнальные подшивки тех лет, авторефераты диссертаций, сборники и монографии. Целый океан верноподданнического славословия пролился на страницы официальных изданий. Прикормленная научная и культурная элита умела, живя в советской стране, не замечать ни политического террора, ни пропагандистской лжи, ни нищеты и рабского положения простого человека. Она говорила о расцвете культуры, о благосостоянии и свободе советских людей, осуждала «поджигателей войны» и т. д. и т. п. Неважно, говорилось это искренне или с «прогрессивной» фигой, спрятанной в кармане дорогого костюма. Тоталитарный режим прочен не только жестокостью карателей и наивностью обманутых, но и, в не меньшей степени, конформизмом и продажностью очень многих неглупых и недурно образованных.

Осенью 1956 г. развернулись революционные события в Венгрии. Юрий и его друзья связывали с ними большие надежды, и когда Советский Союз начал агрессию против восставшей страны, они решили протестовать. Лёвин написал несколько вариантов текстов листовок; два из них выбрали для распространения. Листовки, так же как и в мае, изготавливались фотоспособом и раскидывались по почтовым ящикам. В них говорилось о борьбе венгерского народа против коммунизма, о советском вторжении, о резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН с требованием вывода советских войск. Далее шла речь о недовольстве советских людей политикой КПСС, о нарастании в СССР революционного движения. «Организирующей силой революционного движения, — было сказано в листовках, — становится в нашей стране НТС».

Протестовали против советской агрессии не только Лёвин и его друзья. В те же дни свои листовки с осуждением агрессии распространяли в Ленинграде люди, никак не связанные с «Молодой Россией», — члены группы Трофимова: Пустынцева, Лалаянц, Косарев и др. Через 37 лет тех из них, кто за эти листовки отсидел срок, правительство Венгрии наградило орденами и медалями. Среди награждённых был и Лёвин. Венгрия вспомнила о людях, боровшихся за свободу. Вспомнит ли Россия?

В начале декабря Юрий заметил за собой слежку. Материалы следственного дела Лёвина не содержат указаний на то, каким образом КГБ вышел на него и его друзей. Однако есть основания предполагать, что навёл госбезопасность доносчик. Его имя назвать пока

нельзя, так как прямых улик против него нет. 13 декабря КГБ провёл почерковедческую экспертизу. В распоряжении экспертов были школьное экзаменационное сочинение Лёвина и автобиография из отдела кадров Завода им. Котлякова, куда он поступил после окончания школы, а также 24 письма, подписанные псевдонимами Русанов и Морозов. Кроме того, эксперты получили 19 изготовленных Юрием листовок: их сдали в КГБ благонамеренные советские граждане. Остальные листовки (всего их было более 100) получатели предпочли оставить себе. Экспертиза признала автором «криминальных» текстов Лёвина. Понимая опасность положения, он уничтожил оставшиеся у него листовки. Однако при обыске в квартире несколько экземпляров были обнаружены — вероятно, сотрудники КГБ их подбросили. Нашли они и записи передач зарубежных радиостанций.

26 декабря Лёвин был арестован. 28 декабря арестовали Хоченкова, а ещё через два дня — Дивеева. Следствие продолжалось недолго, изъятых на обысках материалов и свидетельских показаний было достаточно для обвинения. На допросе Лёвин заявил:

Свои действия, которые являются антиправительственными, я не считаю преступными и в том, что я сделал, в настоящее время не раскаиваюсь. Считаю свои действия полезными и нужными для нашей страны.

На вопрос о признании себя виновным он ответил:

Я признаю, что все действия, перечисленные в постановлении, мною совершены, но я не признаю их антисоветскими, а считаю антиправительственными, в крайнем случае антикоммунистическими, понимая под этим борьбу против тоталитарного коммунизма... Против власти советов вообще мы не боролись, а боролись против состояния советов, в котором они находятся в настоящее время. На мой взгляд, власть советов... фактически сведена на нет. Вся полнота власти сейчас сосредоточена в руках группы людей, стоящих у руководства страной, без указания которых советы ничего не в состоянии решить. Вот против этого мы и боролись.

Всем троим было предъявлено обвинение по статьям 58-10 и 58-11 УК РСФСР (антисоветская агитация и связанная с ней организа-

ционная деятельность). Когда следствие уже близилось к окончанию, Лёвину дополнительно была вменена статья 58-1-а (измена Родине), резко утяжеляющая наказание. Это обвинение он не признал. Ленгорсуд поначалу тоже не признал обвинение Юрия в измене Родине, но под нажимом прокуратуры и Верховного Суда РСФСР сдался. Главным аргументом, которым КГБ обосновывал обвинение по статье 58-1-а, стала связь Лёвина с НТС. К материалам дела приложена справка, составленная специалистами из контрразведки и датированная 8 февраля 1957 г. Приведём выдержки из этого документа, характеризующего не столько НТС, сколько уровень компетентности сотрудников КГБ:

НТС — эмигрантская диверсионная и террористическая организация... До начала Отечественной войны организация НТС осуществляла подготовку в специальных школах агентуры для иностранных разведок, а также вела антисоветскую пропаганду, как за рубежом, так и в Советском Союзе. После нападения фашистских войск на СССР перешла на службу к германской разведке и проводила подрывную деятельность на оккупированной территории. В конце войны главари НТС приняли меры к тому, чтобы скрыть свою связь с немецкой разведкой, и затем установили контакт с американской разведкой. В послевоенное время американская разведка руководит деятельностью НТС и финансирует её. Антисоветская эмигрантская организация НТС вербует и готовит в имеющихся школах из среды эмигрантов и изменников Родине кадры шпионов и диверсантов для заброски в Советский Союз и страны народной демократии, а также организует заброску антисоветской литературы с помощью шаров-пилотов, по почте, в упаковке импортных грузов и т. п... НТС издаёт еженедельную газету «Посев» и журналы «Грани» и «Мысль»... По данным на декабрь 1956 г., главным редактором газеты «Посев» является некий Е. Р. Романов.

Суд проходил 24–25 апреля 1957 г. Лёвин был приговорен к десяти годам лагерей с последующим поражением в правах сроком на пять лет, Дивеев и Хоченков получили соответственно четыре и три года заключения.

Перепуганное ростом общественного движения партийное руководство старалось не допустить ослабления своей власти и действовало привычными методами. 19 декабря 1956 г. вышло закрытое письмо ЦК КПСС «Об усилении работы партийных организаций по пресечению

вылазок антисоветских, враждебных элементов». В 1957 г., по свежим следам «оттепельного» XX съезда КПСС, советские суды отправили в лагеря по политическим обвинениям 1964 человека — больше, чем в любой другой год после смерти Сталина.

Но не «коллективный разум» КПСС направляет историю. Её поток многослоен и хаотичен. На поверхности происходят дворцовые перевороты, братоубийства, переделы земли и сотрясения воздуха. Глубинной же, стержневой сущностью исторического процесса является движение, путь человека и общества к свободе. Эта глубинная сущность живой струёй прорывается в настоящее как бы из недостигнутого будущего. И каждый такой прорыв, каждый шаг к свободе, даже не замеченный большинством современников, становится вехой исторического процесса, приобретает значение и смысл не только для сегодняшнего дня.

Срок Лёвин отбывал сначала в воркутинских, потом в мордовских политических лагерях. Там он встретился с людьми, которые, как и он, распространяли листовки с протестом против агрессии в Венгрии, там же впервые познакомился с членами НТС, среди них был Б. П. Трёмель, в 1954 г. выкраденный советскими спецслужбами из Австрии.

В 1964 г. мать Лёвина написала прошение о помиловании сына, и его освободили. Вернувшись в Ленинград, он работал техником-конструктором на Заводе им. Котлякова, затем в институте «Механобр». В августе 1968 г. советские войска вторгаются в Чехословакию. Лёвин не может молчать и снова пишет письма, протестует. И снова арест. На этот раз его помещают в психиатрическую больницу. Логика КГБ проста: не может нормальный человек дважды наступить на одни и те же грабли.

В 1971 г. Лёвин второй раз освобождается, но КГБ не спускает с него глаз. На время XXIV съезда КПСС его опять прячут в психбольницу. Выйдя оттуда, Лёвин работал сначала техником в патентном отделе ЛенЦНТИ, потом, с 1977 г., патентоведом в ЛМО «Спутник». Окончил Северо-Западный заочный политехнический, а затем Патентный институты. Своих привычных занятий Лёвин не бросил. Снова записывал передачи зарубежных радиостанций, перепечатывал на машинке информационные подборки по политическим проблемам. Отпечатанные материалы давал для прочтения тем, кому доверял. В 1982 г. Лёвин вновь вступает в контакт с НТС — знакомится с Р. Б. Евдокимовым. Но знакомство оказывается недолгим: летом того же года КГБ арестовывает Евдокимова. Их новая встреча откладывается на пять лет.

С момента создания Санкт-Петербургской группы НТС Юрий Леонидович Лёвин активно включился в её работу. Сегодня он входит в РК НТС, является председателем ССиЧ Санкт-Петербургской группы Союза, в 2010 г. его избрали в состав ВССиЧ.

В 1955 г., когда Лёвин и его друзья начали борьбу с коммунистической системой, для большинства советских людей правящий режим представлялся прочным и неколебимым, а борьба с ним — безнадёжной. Большинство старалось приспособиться к коммунизму, а не противодействовать ему. Но всегда находились те, кто готов был взяться за кажущееся безнадёжным дело, кто отказывался быть бессловесным рабом тоталитарного режима, тем более его пособником. В скрытой форме гражданская война не прекращалась никогда, и каждая трещина в монолите тоталитаризма, каждый плацдарм, отвоеванный у рабства в душах людей, становился победой тех, кого не удалось запугать, оболванить или купить.

1950–1990-е годы: НТС В ЛЕНИНГРАДЕ⁹²

С момента своего создания в Белграде в 1930 г. Народно-Трудовой Союз российских солидаристов (НТС) искал пути проникновения в Россию, стремился отстроить на родине подпольные структуры, налаживал контакты и сотрудничество с внутрироссийской оппозицией. С 1930-х гг. НТС забрасывал в СССР пропагандистскую литературу, для чего использовались самые разнообразные способы (например, в упаковках товаров, импортируемых Советским Союзом). Члены НТС и сами нелегально переходили границу СССР.

В годы Второй мировой войны сотни «союзников» из оккупированных гитлеровцами стран направились в Россию. После окончания войны многие там остались. Нелегальные переходы границы для проникновения в СССР продолжали практиковаться и в начале 1950-х. Так, в 1952 г. границу перешёл Виктор Михайлович Славнов. Несколько лет он вёл подпольную работу в Ленинграде. В послевоенные годы переходить границу стало труднее: от стран, в которых НТС

⁹² Посев. 2003. № 5. С. 21–24; За Россию. 2003. № 30 (362). С. 9–11.

действовал открыто, Советский Союз теперь отделяли государства с коммунистическими правительствами. После гибели С. З. Горбунова, А. В. Лакно, А. Н. Макова и Д. Н. Ремиги, которые были сброшены на территорию СССР с самолёта на парашютах и вскоре арестованы и расстреляны (1953 г.), от нелегальных переходов границы пришлось отказаться.

Ещё в январе 1949 г. на Совете НТС в качестве «отправной методической идеи» была принята «молекулярная теория», разработанная Владимиром Дмитриевичем Поремским. Контуры этой идеи впервые обрисованы в его статье «К теории революции в условиях тоталитарного режима», помещённой в 1948 г. в печатавшемся на ротаторе эмигрантском журнале «Воля». Согласно «молекулярной теории» в тоталитарном государстве возможно создание мощной оппозиционной организации, отдельные ячейки которой («молекулы»), руководствуясь общими целями, действовали бы в одном направлении. При этом горизонтальные связи между «молекулами» не предполагались. Руководящую и координирующую роль, объединяющую ячейки организации, должен был взять на себя зарубежный центр. (Для КГБ разгромить небольшую законспирированную «молекулу» много сложнее, чем многочисленную организацию с разветвлённой структурой.) Союз искал новые пути проникновения в Россию.

С 1950 г. начала работать радиостанция НТС «Свободная Россия». Её передачи, несмотря на глушение, можно было принимать в Ленинграде вплоть до 1973 г.

В 1951–1957 гг. печатные материалы НТС доставлялись на территорию СССР при помощи воздушных шаров. КГБ оцеплял районы, над которыми разбрасывались листовки (в том числе и близ Ленинграда — над Карельским перешейком), и пытался их собирать. Печатные издания Союза распространялись также среди советских граждан, посещавших страны Запада. Многие советские моряки и туристы провозили литературу в Россию.

С 1960 г. НТС направлял в СССР своих курьеров (условное название — «орлы»). Их главные задачи — доставка литературы советским гражданам, связанным с НТС, и вывоз за рубеж самиздата. Руководил этими операциями Закрытый сектор Союза. «Орлы» проходили специальную подготовку, их обучали необходимым приёмам конспирации. При них не имелось никаких записей с именами и адресами людей, с которыми они должны были встретиться. Всю необходимую для вы-

полнения задания информацию «орлы» держали в памяти. Множество курьеров посетило Ленинград. Провалы хотя и крайне редко, но случались. Обычно это заканчивалось выдворением задержанного из страны.

Один из «орлов», схваченных КГБ в нашем городе, западногерманский студент Фолькер Шаффхаузер, оказался в заключении. Он провёл микрофильмы с литературными материалами из журнала «Грани». В январе 1967 г. был арестован и приговорён Ленгорсудом к четырём годам лагеря строгого режима по статье 70 УК РСФСР («Антисоветская агитация и пропаганда»). Свой срок до конца Шаффхаузер не отбыл. В феврале 1969 г. его обменяли. В обмен на освобождение немецкого студента советская сторона потребовала выпустить на свободу бывшего нациста, оберштурмфюрера СС Хайнца Фельфе, отбывавшего 14-летний срок в ФРГ. В 1998 г. Шаффхаузер вновь посетил нашу страну. Его сопровождала съёмочная группа, подготовившая фильм об этой поездке. Он побывал в Петербурге, Москве, Потье; посетил знакомые места — камеры на Шпалерной, 25, Лубянку, лагерь в Мордовии; пил водку со своими постаревшими и вышедшими на пенсию надзирателями. Фильм «В Россию с любовью», тёплый и лиричный, имел большой успех в Германии, но в России показан не был.

Русским эмигрантам, о которых КГБ знал, что они состоят в НТС, советские власти въездных виз не давали. Однако полными списками членов Союза органы госбезопасности не располагали, и некоторые энтээсовцы в СССР попадали. В 1970 г., например, в качестве переводчика с группой американских архитекторов Ленинград посетил Борис Сергеевич Пушкарёв, ныне — председатель НТС. Литературу Союза он тогда провёз беспрепятственно.

С начала 1960-х гг. НТС проводил операцию «Стрела». В её рамках члены НТС посылали в СССР из разных стран мира письма с союзными материалами (условное название — «стрелы»). Адреса отдельных граждан и учреждений брались в основном из советской печати и телефонных справочников. Рассылка «стрел» практиковалась и с территории России. Благодаря этой операции НТС удавалось устанавливать контакты с противниками коммунистического режима в России.

НТС мобилизовал западную общественность на борьбу за права человека в Советском Союзе. В 1950–1970-х гг. в Бельгии, Франции, Дании и многих других странах создавались общественные организации, связанные с НТС. Члены дружественных ему организаций, приезжавшие в СССР, проводили акции в защиту советских политзаключённых,

в частности, распространяли печатные материалы. В Ленинграде, например, в январе 1970 г. открыто разбрасывал листовки с портретами политэков норвежец Гуннар Йенгсет.

После подписания Советским Союзом Хельсинкских соглашений в защиту курьеров НТС проводились открытые акции. В ряде городов СССР борцы за права человека из зарубежных стран распространяли энтээсовские листовки. Так, 23 декабря 1976 г. бельгиец Антон Пейпе раздавал программные материалы организации около ЛГУ. Он был арестован и приговорён к пяти годам лагерей, но под давлением общественности его освободили уже через шесть месяцев. После этого КГБ не решался предавать суду «орлов» НТС.

В 1972 г. во Франкфурте-на-Майне в качестве независимой организации было создано Международное общество прав человека (МОПЧ), распространившее свою деятельность на многие страны мира. Общество возглавил И. И. Агрузов, один из руководителей НТС. В задачу МОПЧ входила помощь правозащитному движению, быстро развивавшемуся в СССР.

В Ленинграде НТС нелегально поддерживал связи с несколькими десятками жителей города. О некоторых наиболее ярких эпизодах из истории этих связей следует рассказать.

Осенью 1955 г. во Франкфурт-на-Майне пришло письмо, отправленное членами подпольной антикоммунистической группы «Молодая Россия». Его через английского моряка, побывавшего в Ленинграде, послал Юрий Леонидович Лёвин. В «Молодую Россию», созданную в 1955 г. по инициативе Лёвина, входили также Евгений Петрович Дивеев и Валентин Иванович Хоченков. Группа сложилась во многом под влиянием передач «Свободной России». В письме Лёвин говорил о готовности к сотрудничеству с НТС и предлагал вариант шифра, по которому он мог бы получать шифрограммы по радио. Вскоре «Свободная Россия» дала ответ. Штаб НТС сообщил, что письмо группы получено, и предложил более надёжный вариант шифра. Связь установилась.

Деятельность «Молодой России» началась осенью 1955 г. с рассылки в редакции газет и издательства писем с критикой внутренней и внешней политики правительства СССР, с протестами против дезинформации в советской печати и глушения зарубежных радиостанций. Некоторые письма были написаны от имени друзей НТС. Чиновники, получавшие эти письма, передавали их в 4-е управление КГБ. К 1 мая 1956 г. участники группы подготовили листовку с лозунгами, посвящён-

ными праздничной дате. Она содержала утверждение «ленинизм — то же самое, что и сталинизм», а также требования провести «действительно демократические выборы» вместо выборов «по сталинскому образцу» и вернуть исторические названия городам, переименованным в честь советских руководителей. В листовке указывалось, что её распространяют друзья НТС. Лёвин размножал материалы фотоспособом и раскладывал их по почтовым ящикам. В ноябре 1956 г., когда советские войска вторглись в Венгрию, он распространил по городу листовки с осуждением агрессии за подписью «Друзья НТС». Из 110 экземпляров только 19 попали в руки бдительных советских граждан и были переданы в КГБ. Контакты между «Молодой Россией» и зарубежным НТС продолжались до конца 1956 г. Союз готовил отправку в Ленинград нелегальной посылки с литературой, но осуществить этот план не удалось: в декабре 1956 г. Лёвин и его друзья были арестованы. Сейчас Ю. Л. Лёвин живёт в Санкт-Петербурге, входит в состав Руководящего Круга НТС.

В феврале 1960 г. в редакцию журнала «Грани» (Франкфурт-на-Майне) из Ленинграда поступила рукопись Михаила Александровича Нарницы «Неспетая песня». В центре автобиографической повести — драма творческой личности, которая не может реализовать свой потенциал в условиях тоталитарной системы. Автор «Неспетой песни» дважды побывал в заключении по статье 58 УК. В первый раз он был арестован в 1935 г., когда учился на первом курсе Академии художеств; приговор — пять лет лагерей; срок Нарница отбыл в Ухтпечлаге. В 1949 г. его снова арестовали и после года в тюрьме на Шпалерной отправили в пожизненную ссылку в Караганду. В 1957 г., после реабилитации, Нарница вернулся в Ленинград и восстановился в Академии художеств. Ещё в ссылке он начал писать «Неспетую песню», а в 1959-м работу завершил. Опубликовать повесть в СССР было невозможно, и автор решил переслать её за рубеж. При помощи иностранных туристов он переправил девять экземпляров повести, которая появилась в журнале «Грани» (1960, № 48). «Неспетая песня» получила резонанс на Западе; после «Доктора Живаго» Б. Л. Пастернака это была самая громкая публикация произведения, полученного из-за железного занавеса. В 1961 г. Нарницу арестовали в третий раз. На этот раз его поместили в спецпсихбольницу (СПБ). НТС организовал мощную кампанию в защиту арестованного писателя, и в 1964 г. его освободили. Контакты между Нарницей и НТС продолжались и после его освобождения. Повесть «Неспетая песня» в России до сих пор не издана.

В 1966 г. НТС установил связь с ленинградским историком и публицистом Борисом Дмитриевичем Евдокимовым, вступившим в ряды Союза (об НТС он знал с 1930-х гг.). Дважды он был осуждён по политическим обвинениям — в 1945 и 1964 гг. Контакты с НТС Евдокимов поддерживал по почте, при помощи тайнописи, и через «орлов». Под псевдонимами в журнале «Посев» и других изданиях НТС печатались его статьи. В 1971 г. Евдокимов и его супруга Галина Владимировна, помогавшая ему в работе, были арестованы, и Евдокимова направили в Казанскую спецпсихбольницу. НТС начал борьбу за его освобождение, подключив зарубежную общественность. В апреле 1979 г. Евдокимова, смертельно больного, привезли из Казанской СПБ домой в Ленинград. НТС пытался организовать его выезд на Запад для лечения, но власти не дали разрешения. В октябре Евдокимов умер. Его произведения печатались только за рубежом и российскому читателю известны мало.

Подавляющее большинство ленинградцев, имевших контакты с НТС, остались вне поля зрения КГБ. В 1973 г., например, установились постоянные контакты между НТС и ленинградским историком и филологом Георгием Захаровичем Сарайкиным, вступившим в Союз самоприёмом. Эти контакты в основном осуществлялись через «орлов». Курьеры НТС привозили Сарайкину литературу и забирали микрофильмы с его статьями. Обмен материалами, как правило, осуществлялся не через личные контакты, а через тайники. Статьи ленинградского автора, естественно, под псевдонимами, печатались не только в изданиях НТС, но и в газетах «Вашингтон Пост» и «Дейли Телеграф». В конце 1970-х гг. Сарайкин подготовил книгу «Китайский круг России» — об истории советско-китайских отношений. В книге говорилось и о ближайших перспективах советской империи: «Народы... в случае начала “смуты” в государстве... немедленно создадут независимые государства»⁹³. Этот прогноз сбылся в 1991 г. Деятельность Сарайкина не сводилась к журналистской и исследовательской работе. В 1986 г. он организовал в Ленинграде «молекулу» НТС, члены которой активно вовлеклись в антикоммунистическое движение периода «перестройки».

В соответствии с «тактикой широкого фронта» НТС поддерживал связи не только со своими «молекулами», но и с другими оппозиционными ассоциациями. Среди них Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ) — первый независимый профсоюз в СССР.

⁹³ Самохин А. Китайский круг России. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. С. 89.

СМОТ был создан в конце 1978 г. и с того же времени начал выпускать Информационный бюллетень (ИБ СМОТа). В Ленинграде от имени СМОТа непосредственные контакты с НТС поддерживал Р. Б. Евдокимов (сын Б. Д. Евдокимова). Он вместе с В. Э. Долининым в 1980–1981 гг. являлся соредактором ИБ СМОТа; в 1982 г. оба были арестованы.

Одной из форм сотрудничества Союза с внутрirosсийской оппозицией стала перепечатка материалов, вывезенных из России. В 1956 г. журнал «Грани» опубликовал «Обращение российского антикоммунистического издательства “Посев” к деятелям литературы, искусства и науки порабощённой России». В «Обращении...» содержался призыв к российской интеллигенции направлять в «Посев» произведения, которые из-за партийной цензуры не могут быть опубликованы в СССР⁹⁴. И с 1960-х гг. по нелегальным каналам начали поступать материалы; их поток с каждым годом возрастал. Члены НТС, писатели, авторы самиздата из неофициальной литературной среды, участники диссидентского движения присылали свои тексты, которые появлялись на страницах журналов «Посев», «Грани» и других изданий НТС. Кроме уже перечисленных ленинградских авторов можно назвать И. А. Бродского и В. А. Соснору, прозаика Б. И. Дышленко, поэта и правозащитника Ю. Н. Вознесенскую, философа Т. М. Горичеву и многих других. В изданиях НТС появлялись перепечатки из ленинградских самиздатских журналов и сборников «Часы», «Община», «Колокол», ИБ СМОТа и т. д.

В 1971–1981 гг. издательство «Посев» выпускало серию «Вольное слово»; в неё вошли тексты, поступившие из СССР, в том числе из Ленинграда: воспоминания правозащитника Р. И. Пименова, документы Всероссийского социально-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН), статьи участниц феминистского движения и пр. Отпечатанный в «Посеве» самиздат возвращался в Россию в типографском варианте.

В 1987 г. НТС подготовил документ «Путь к будущей России», где анализировалась ситуация в СССР, предлагалась система мер по преодолению наследия тоталитаризма и строительству новой демократической России. Сотни экземпляров отпечатанного в типографии «Посева» «Пути...» были переправлены в Ленинград.

В конце 1980-х гг. НТС стремился легализовать свою деятельность в СССР. С этой целью был образован ряд общественных организаций. Осенью 1987 г. возникла Ленинградская группа МОПЧ: её основали

⁹⁴ Грани. 1956. № 31. С. 3–6.

бывшие политзаключённые, незадолго до того освободившиеся из лагерей. Первым председателем группы стал Р. Б. Евдокимов.

В 1988 г. в партии «Демократический Союз» сложилась «российская платформа», ориентированная на НТС. На основе этой платформы в июле 1989 г. было создано общество «Свободная Россия»; возглавил его Ю. А. Рыбаков. Основой программы «Свободной России» стал «Путь к будущей России» НТС.

В декабре 1990 г. было создано Санкт-Петербургское общество российских солидаристов (СПОРС), открыто пропагандировавшее идеи НТС. Союз в эти годы в разных формах принимал активное участие в общественно-политической жизни Ленинграда. Члены Союза организовывали антикоммунистические и правозащитные акции, распространяли литературу НТС и самиздат, в частности, тиражировали «Путь к будущей России».

7 октября 1988 г. во время митинга демократических организаций на стадионе «Локомотив» члены НТС подняли на флагштоке стадиона бело-сине-красный российский флаг. Через три года триколор стал государственным флагом России.

9 ноября 1990 г., несмотря на противодействие КГБ, в Ленинграде прошла первая всероссийская конференция НТС. В ней участвовал 51 делегат из 29 городов.

С конца 1980-х гг. члены зарубежной организации НТС начали открыто посещать Россию, в том числе Ленинград. Однако КГБ до конца с этим не смирился. Так, В. М. Рыбакова (Щетинского) выдворили из страны 21 октября 1989 г. — на следующий день после того, как он прочёл лекцию о русской эмиграции в Публичной библиотеке. Б. Г. Миллер с супругой Н. А. Маковой (дочерью А. Н. Макова, расстрелянного в 1953 г.) были выдворены 9 ноября 1990 г.

История борьбы против коммунистического режима, в которой НТС принял активное участие, — существенная составная часть истории России XX в. Она остается малоизученной, внимания к ней со стороны исследователей недостаточно. Однако интерес к антикоммунистическому сопротивлению, к борьбе за гражданские права и свободы в российском обществе будет возрастать — параллельно с осознанием того, насколько высока значимость таких ценностей, как свобода и право.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Борис Пушкарёв

ОТКРЫТЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НТС В РОССИИ⁹⁵

Развал тоталитарной коммунистической системы — основное историческое содержание наших дней. И отсюда возникает главный политический вопрос нашего времени: что придёт этой системе на смену? Этот вопрос, естественно, волнует и нашу страну, и Запад.

Что мы можем сделать? Мы можем повлиять на то, что этой системе придёт на смену. Пустое поле, если его не засеять, растает бурьяном и чертополохом, и в пустоте на месте отмирающей системы уже растут не только здоровые побеги, но и самый дикий плевел. Чего будет больше — зависит от того, чего будет больше посеяно. И потому название нашего журнала — «Посев», над которым многие смеялись, мол, какое сельскохозяйственное название, — сейчас как нельзя к месту.

В 1940-е гг., я помню, была песня с такими словами:

*Будет строить новую Россию
Закалённый в бедствиях народ⁹⁶.*

А сейчас я спрашиваю одного знакомого: что, по-твоему, придёт на смену чекистскому государству? Он отвечает: воровское государство.

⁹⁵ Выступление Б. С. Пушкарёва на конференции Народно-Трудового Союза в Нью-Йорке 14–16 октября 1989 г. («Посев», 1990, № 1).

⁹⁶ «Марш РОА» («Мы идём широкими полями...»), музыка М. Давыдова, слова А. Флорова.

Встретил я группу молодых преподавателей вузов из Сибири, они говорят: старое разрушено, новых ценностей нет, мы полностью отрезаны, на голом месте, в народе единственная идея: надо навести порядок. И действительно: стою я как-то в Москве в очереди, какая-то бабка с ярко-жёлтыми волосами и с большим крестиком на груди орёт-разоряется: «Ивана Грозного на них нет!» Я не расслышал, на кого именно нет Ивана Грозного, вероятно, на «кооператоров», поднимающих цены, но явно бытует и такой идеал: Иван Грозный. Все сорта плевила я перечислять не берусь, упомяну лишь такой: христианство — это жидовская религия, а «Посев» — жидомасонский журнал.

Обратим теперь свои взоры на здоровые побеги. Это прежде всего православное христианство и все многочисленные литературно-общественные и культурно-исторические явления, которые с ним связаны. Если прийти в церковь в нерабочее время, то пресловутых старушек, которых там якобы только и видно, нет. Я сам не видел. Видны работающие люди среднего возраста, мужчины и женщины, ребята и девичьи школьного возраста. На Ленинских горах в толпе студенчества я слышал случайно оброненные обрывки разговоров. Девушка говорит своему кавалеру про кого-то с уважением: «А ты знаешь, ведь он окончил богословскую академию».

Церковь и политика — разные сферы. В прошлом году в этом же зале на нашем собрании в честь тысячелетия Крещения Руси протоиерей Иоанн Мейендорф авторитетно говорил о разделении Церкви и государства, религии и политики. От возрождения Церкви до возрождения оцерковлённой государственности ещё огромное расстояние. Так послушаем, о чём говорит сегодняшнее государство эпохи перестройки. По существу, Горбачёв в эпоху гласности выдвинул три новых идеи.

Первую можно определить так: не миродержавие, а мироустройство, то есть отказ от классовой борьбы, от завоевания мира, признание мирового содружества наций и мировой системы — не социалистической, а просто мировой системы.

Вторая идея — идея рыночных отношений: замена приказа выше договорными отношениями, замена бессмысленных цен по команде реальными ценами, складывающимися при взаимодействии спроса и предложения.

И третья идея — идея правового государства, государства, в котором учреждения построены так, что они взаимно контролируют друг друга, а не находятся в единой пирамиде подчинения.

Если вы согласны, что это — три главные идеи перестройки, то я советую обратиться к подшивке журнала «Посев» за 1980–1984 гг. Там вы найдёте три документа НТС, которые излагают наши альтернативы политике КПСС. Первый, 1981 г., — о конструктивной внешней политике российского государства; там изложен принцип «не миродержавие, а мироустройство». Второй, 1982 г., именуется «Основы обновления народного хозяйства», в нём объяснено, почему хозяйство не может существовать без свободных рыночных, договорных цен, и даны намётки, как можно перейти от директивного хозяйства к хозяйству социально-рыночному. Третий документ, 1984 г., — «Основы перехода к правовому государству», здесь речь идёт о разделении властей и прочих гарантиях правового строя.

Здесь, естественно, возникают спорные интерпретации. Одни скажут: перестройщики из ЦК явно у вас списали многое; другие скажут, что НТС о себе слишком много воображает, просто совпадение; третьи скажут: и не списывание, и не совпадение, а просто объективная реальность. Это она заставила и тех и других мыслить параллельными путями. Я не берусь сказать, какое из этих трёх мнений самое верное. Скажу лишь, что в ЦК интересовались подобного рода работками, и это не столь фантастично, как может показаться. Есть независимые свидетельские показания, в частности, одного присутствующего здесь автора. Он в то время сидел в лагере, и его вызывали на допросы, из которых явствовало, что накануне перестройки КГБ делал усилия, чтобы в конструктивных идеях оппозиции искать приемлемый для власти материал.

Мне могут возразить: если так, то чего вы, собственно, волнуетесь? Раз компартия проповедует ваши идеи, вы можете успокоиться и выходить на пенсию, а КПСС всё устроит. В том-то и дело, что партия «всё устроить» не в состоянии. Всё, чего коснулись большевики, оказывается, пользуясь выражением одного автора в России, изгаженным. И опасность в том, что все хорошие идеи — и мироустройство вместо миродержавия, и рыночные отношения, и правовое государство — тоже окажутся изгаженными, им перестанут верить только потому, что ими сейчас пользуются большевики. Они превратятся в лозунги, противоположные действительности, то есть в ложь.

Мы это превращение, увы, наблюдаем. Правильные лозунги во внешней политике привели к прекращению войны в Афганистане, к сокращению ядерного оружия. Но и Кастро, и Ортега, и коммунисты

в Анголе остаются на своих местах. Все хорошие лозунги о хозрасчёте и рыночных отношениях привели пока только к тому, что на периферии народного хозяйства легализована тонкая прослойка «кооперативов», а фактически — единоличных предприятий, которые вынуждены действовать в совершенно ненормальных условиях, где трудно провести грань между рынком и спекуляцией. Здоровая идея профабрируется. Разговоры об оптовой торговле ведутся уже два года и остаются разговорами. А крестьяне не видят разницы между прежними колхозными отношениями и коллективным подрядом и прочими новшествами. То есть всё остается на словах, а реальная хозяйственная перестройка не происходит. А в области права? Выпустили узников совести, есть небольшой оппозиционный блок в Верховном Совете — но разве это уже правовое государство? Есть опасность, что в руках большевиков все эти идеи превратятся в такую же фикцию, как и светлые дали коммунизма.

Все эти три идеи по сути своей чужды, инородны теории и практике прошлых 70 лет. Беря на вооружение чуждые себе идеи, режим одновременно дискредитирует собственное прошлое и самого себя, но может дискредитировать и эти идеи. Поэтому должен быть кто-то, кому эти идеи, естественно, принадлежат, кого они не выворачивают наизнанку и кто их не может дискредитировать, кто, как маленький флагманский катер с Андреевским вымпелом на мачте, идёт впереди, указывая путь к будущему. Так мне видится НТС в сегодняшней России.

Бурьяна и плевела, увы, у нас в России хватало и до революции. Но сквозь них пробивалась здоровая политическая традиция, традиция земства и почвенной демократической государственности. Это традиция, которой наши ребята в России чувствуют себя сегодня законными наследниками. Как они эту традицию определяют? Сендеров говорит о традициях Столыпина и Врангеля, которые мы сейчас несём. Евдокимов говорит, что когда мы выйдем на открытую политическую арену, нам следует на неё выйти как христианско-демократическому союзу вкуче с христианско-демократическими партиями Европейского содружества. Мазурин говорит: мы носители русской национальной идеи, нас некоторые не любят за то, что мы — за сильную свободную Россию.

Вот три точки отсчёта. Три ответа на вопрос, зачем нужен НТС. Другое дело, что ни один из этих трёх человек не видит эту новую Рос-

сию реальностью завтра или послезавтра. Подключённые к властным кругам люди говорят о крушении режима в полтора-два года, а наши ребята живут иными категориями времени.

Как они видят перспективу ближайших лет? Мазурин: большевики так испортили народ, что на нынешнее поколение рассчитывать нечего. Старшие не умеют независимо думать. Рассчитывать можно только на молодёжь, на тех, кто в среднюю школу вступил уже в период перестройки, на тех, кому 15-17 лет. На них нужно строить НТС. Через десять лет мы приобретём влияние, через двадцать лет придём к власти. Это говорит 19-летний. То есть пресловутый переходный период, который всегда фигурировал в нашей программе, будет длительным. Он начался, условно говоря, в 1987 г., и мы должны готовиться к работе в этом переходном периоде. Такую оценку, кстати, разделяет, Леонид Бородин. Он говорит, что сейчас ещё НТС — не альтернатива. Альтернативы Горбачёву нет. Вариант Польши и Венгрии единогласно считается желательным, учитывая, что в течение двух десятков лет, о которых идёт речь, возможен и китайский вариант. Нам предстоит длительный, бурный и трудный переходный период. Волны движения и вперёд, и назад.

Как НТС сегодня в России выглядит? Прежде всего я сделаю небольшое историческое вступление. Первые, в начале 1930-х гг., подпольные вылазки Союза в Россию были довольно кровавыми и потом прекратились. Но начиная с 1938 г. (с удачного прохода в Россию Георгия Сергеевича Околовича и группы, которая прошла за ним) НТС непрерывно присутствует на территории Советского Союза. Сначала это были члены Союза, которые пересекли границу в 1930-е гг., потом это были члены Союза, которые остались в подполье после немецкой оккупации, и большое число тех, кто попал в сталинские лагеря и пытался действовать даже в тех условиях, как покойный Олег Сергеевич Поляков.

Это предыстория. История сегодняшней нашей организации в России отсчитывается примерно с 1960 г., когда начались первые поездки курьеров («орлов», как мы их называли) из-за границы. Фактически организация, которая существует сейчас в России, — это организация примерно 30-летнего возраста. В раннюю историю этого периода входят Юрий Галансков и Борис Евдокимов, отец нынешнего Ростислава Евдокимова (о том, что они члены НТС, стало известно только после их смерти). Все 1960–1970-е гг. организация оставалась в подполье

по принципу молекулярной теории, то есть небольших групп, не связанных между собой и тайно общающихся с заграничным центром. И только в 1982 г. в связи с их арестом Сендеров и Евдокимов открыто объявили себя членами НТС. Сейчас открытых членов стало гораздо больше. Это не люди, вышедшие из подполья, а новопоступившие, в основном поколение 19-летних. А те, кто был в подпольной организации, которая отстраивалась все эти 30 лет, предпочитают пока ещё на поверхности не появляться, хотя следы их деятельности видны и о них рассказывают открытые члены. Так что организация сейчас построена примерно так: существуют в целом ряде городов открытые члены НТС: один, два, три человека на город. Они вокруг себя имеют круг людей, с которыми работают, но которые о себе открыто не заявляют и остаются, я бы сказал, полуоткрытыми. И, наконец, сетка по-настоящему закрытых членов, которые постепенно выходят из подполья. Открытые члены необходимы для того, чтобы было к кому обратиться и с кем связаться.

Первое требование группы ребят в Горьком: почему вы не пишете наших адресов и фамилий в «Посеве», почему вы указываете для связи какой-то дурацкий почтовый ящик в Роттердаме? Да кто вообще из Горького будет писать в Роттердам?! Радио «Свобода» передало телефон одного из этих ребят, сразу посыпалось множество звонков, он был на седьмом небе, потому что появилась возможность связаться с живыми людьми. Организация переживает такие метаморфозы, изпод воды выходят головы, которые видны на поверхности и с которыми можно держать связь.

Москва показалась мне очень цветистой, радужной, как какой-нибудь древний город Бразилии, но самое главное — город «чистый», то есть очищен от зрительного мусора, наглядной пропаганды. Нигде не видно ни лозунгов «Слава коммунизму» на крышах, ни плакатов с портретами вождей. Единственные две вещи остались из зрительной пропаганды на всю Москву — это «звёзды на башнях старинных»⁹⁷, как писал поэт, и Ленин в мавзолее. Идя по Красной площади, я подумал, что осталось ещё убрать эти две вещи. А на следующий день, когда я шёл со своим знакомым, он мне сказал то же самое. И на третий день с другим знакомым — опять то же самое...

Приходишь на площадь Пушкина — перед зданием редакции «Московских новостей» продаётся «Посев», пять рублей штука, до-

⁹⁷ Стихотворение В. А. Солоухина «Наполеоновские пушки в Кремле».

вольно дорого, люди жалуются: спекулянты. «Путь к будущей России», российское издание, стоит только три рубля. Для наших это проблема. Мы должны с человеком работать, мы должны дать ему литературу бесплатно, а это неподконтрольно: не только тот, кто печатает, назначает цену, а ещё и тот, кто продаёт. Чем он дороже продаст, тем он больше на этом заработает, ведь людям жить надо. А спрос есть, спрос и предложение устанавливают цену. Также продаются московское издание «Русской мысли», «Экспресс-хроника» и «Русские ведомости».

И на Гоголевском бульваре продаётся литература. Там происходят встречи неформалов, там общаются люди и бегают ребята и девочки с нашими союзными значками. Я спрашиваю Славу Дегтерева: «Это что, всё открытые члены НТС?» — «Нет, это мода такая». — «Как мода?! У нас в Северной Америке осталось, наверное, всего два значка, берегутся на случай, если кто вступит в Союз». Дегтерев: «Да тут Волохонский привёз на чёрный рынок 600 штук, он ими торгует. Скоро следующая партия придёт». Хоть бы мы ими торговали, а то спекулянты. А милиция? Прохаживается, смотрит, иногда вступает в разговоры. Стоит бородач в длинном кафтане и торгует «Основными законами Российской Империи», изданными Колтыпиным. Десять рублей штука, торговля идёт не особенно бойко. Не потому, что никто не интересуется законами, наоборот, интерес к Российской империи большой, а потому, что дорого. Рассказывали мне о фарцовщике в Риге, который кричал: «“Что такое советская власть и как с ней бороться?” — три рубля штука!»

Вот информационный бюллетень Народного Фронта Латвии — газета «Atmoda» на русском языке («атмода» — пробуждение). Тут говорится:

У меня в руках изданная на Западе брошюра «Путь к будущей России. Политические основы Народно-Трудового Союза»⁹⁸. Эта брошюра — вклад НТС в процесс становления независимой общественности. «Восстановление преемственности нашего национально-государственного бытия, ткань которого разорвана однопартийной диктатурой. Зло советской государственной системы — в отсутствии независимых

⁹⁸ Путь к будущей России. Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М., 1991. С. 333–364.

от партий контрольных органов. Право тем более совершенно, чем меньше мешает оно людям жить. Из Уголовного кодекса необходимо изъять статьи, противоречащие международным нормам, необходимо отказаться от деления мира на два лагеря. Задача государства не командовать обществом, а служить ему. Бытие не определяет сознание, а лишь влияет на него, а сознание направляет бытие. НТС признаёт за каждым народом право на основании плебисцита самому решать свою судьбу после свержения большевизма на всей территории России. Владение собственностью уменьшает зависимость человека от государства и обеспечивает его свободу. Враг НТС не люди, а система диктатуры и идеи, на которых она зиждется (и т. д.)».

Это всё цитаты из «Пути к будущей России». А дальше идёт интервью с Валерием Сендеровым. Издание не подпольное, на него можно подписаться, тираж 60 тысяч.

Это несколько примеров того, что видно, если подойти снаружи. А если переступить порог квартиры... Я могу описать несколько встреч. Сендеров хочет, чтобы люди знали, где он живёт. Сам Валерий по старой подпольной традиции факс, который стоит у него на столе, прикрывает клеёнкой. Телефон и у него, и у Ростислава звонит круглые сутки. Как они могут что-то делать, писать в таких условиях, я себе не представляю. Слава Дегтерев, который живёт неподалеку, как бы связной при Сендерове и вращается в самых разных неформальных кругах. Вот он привёл меня к себе домой, у него полочка: Казанцев, Штрик-Штрикфельдт, Жадан. Книга Жадана «Русская судьба» среди 19-летней молодёжи очень популярна. Нужно побольше таких книг, и старые члены Союза должны писать свои воспоминания. Такие книги необходимы, чтобы сохранить преемственность и чтобы 19-летние чувствовали, частью какого исторического потока они являются.

В Горьком Мазурин и Полушин открыли корпункт «Посева». Телефон для связи передало радио «Свобода» (оно известно в Москве как голос «Московских новостей»). Люди считают, что оно делает полезное дело, вот, в частности, передало телефон Мазурина. Но когда по радио сообщили его номер, произошёл такой казус. На рынках во всём городе оказались расклеены объявления: обращаться по телефону такому-то — продаются канарейки, детская мебель, детская одежда и ещё уйма каких-то дефицитных товаров. Начались бесконечные

звонки, и мать Мазурина они просто сводили с ума. Тогда Саша сел и отпечатал 30 объявлений такого же содержания, но с просьбой звонить не по тому же номеру (там больше нет канареек), а по такому-то — и дал телефон дежурного ГБ. В течение следующих двух недель звонки прекратились.

Я спросил Александра Мазурина: вы, мол, такая замечательная личность, как вы дошли до жизни такой? А он отвечает, что его многие об этом спрашивают и он уже выучил свою биографию наизусть. Началось всё в 14 лет с его интереса к Высоцкому. Потом, в 15 лет, интерес перекинулся на Сахарова, который в то время как раз в Горьком жил. Задавал насчёт Сахарова всякие неуместные вопросы — выкинули из школы. Поступил на Горьковский автозавод, работал там на конвейере (с 15 лет). Потом закрытый член НТС (он назвал его по имени как своего знакомого) вручил ему «Посев»; через «Посев» направился в «Гласность», стал их корреспондентом; из «Гласности» перешел в «Экспресс-хронику», потом нашёл «Демократический Союз» и через ДС вернулся к НТС. Сейчас Мазурин — один из оплотов работы в Горьком. Мы с ним просидели у меня в номере полтора дня, и он высказывал свои соображения. Высокие требования к себе и товарищам своим — это школа Сендерова, у которого среди этих ребят очень большой авторитет. ДС они во многих случаях рассматривают как крышу. Когда писалась Программа ДС, принесли «Путь к будущей России» и взяли оттуда основные мысли. Проблемы? Сендеров, например, выдвигал как наиболее трудную самоприём⁹⁹. Потому что приходят в организацию разные самозванцы, кого бы он туда ни в коем случае не пустил. А сколько приходят просто для того, чтобы за границу выехать! Проблема продажи и распространения литературы: связь с бичами, с одной стороны, продуктивность, а с другой — репутация, что НТС — это бичи.

В Ленинграде мне говорили, что самая авторитетная организация — это Народный Фронт. Потому что в нём состоят члены и КПСС, и НТС вместе, и их 7000 человек. Все эти организационные формы постоянно меняются, переливаясь из одной в другую; ничего постоянного нет, всё в непрерывном движении. Поэтому двойное членство часто имеет смысл. Квартира Евдокимова — такой же центр, как квартира Сендерова, там вечно толпятся люди. Над кроватью висит

⁹⁹ Самоприём был отменён по Уставу летом 1990 г.

трёхцветный флаг — тот самый, который он впервые за время советской власти поднял на стадионе «Локомотив» в прошлом году. Я предвзвительно Ростиславу позвонил, ответил весёлый голос: мол, приходите часика через три, так как сейчас мне надо идти в КГБ — мне будут возвращать факс и всю литературу. Ему действительно вернули конфискованное при обыске, за исключением 150 бланков МОПЧ¹⁰⁰, которые они себе оставили. Дело в том, что отдел по борьбе с идеологической диверсией КГБ будет переименован в отдел защиты прав человека, и им нужны соответствующие бланки...

Ростислав рассказал о случае, который послужил причиной его последнего конфликта с ГБ. Друг, экономист, был назначен преподавателем на курсы контрольно-ревизионного управления Министерства финансов СССР, где готовят финансовых ревизоров. Есть там пособия по разным предметам, а для нового предмета — «Радикальная реформа управления» — пособия нет. Друг Евдокимова взял и размножил «Путь к будущей России». И курсанты сдавали экзамен по «Пути к будущей России»! А расставаясь со своим преподавателем, в шутку говорили, что они теперь все солидаристы. Пронюхал КГБ, получился крупный скандал, парня этого моментально вышибли с работы, а почувствовав, откуда всё идёт — от Ростислава, его весной дёрнули в ГБ. Он решил скрываться, надеясь, что пронесёт (и действительно, дело закрыли, всё ему вернули). Скрывался в основном в городе Рустави в Грузии. И вдруг у знакомого грузина, где Ростислав жил, раздаётся звонок из КГБ: «Мы знаем, что у вас живёт Евдокимов. Ну живёт себе и пускай живёт, но зачем он ещё выступает? Выступить нехорошо»:

Есть ещё один член НТС с довольно красочной биографией: в прошлом капитан ГРУ, был в Афганистане, потом его посадили за попытку угнать самолёт. (Он, правда, говорил, что не хотел угонять самолет, хотел только написать роман об угоне самолёта.) Сидел он вместе с Ростиславом и теперь служит ему помощником. Другой парень, социолог, описал нам спектр ленинградских неформалов.

И наконец: что нужно? Нужно, прежде всего, передавать идеи. Один докладчик сегодня сказал: люди сами отстроят организацию, если будут идеи. А чтобы передавать идеи, их нужно создавать, для чего требуется «мозговой трест». Поэтому мы не намерены ограничиваться собственными рамками, а приглашаем участвовать всех, кто

¹⁰⁰ Международное Общество Прав Человека.

заинтересован и кто способен. В частности, новый «Посев» (двухмесячный, малого формата) ищет новых авторов.

Во-вторых, нужны печатные материалы. Мне говорили: нужна визитная карточка — брошюрка более простая, чем «Путь к будущей России», для начинающих. «Посев», периодика, а также книги, среди которых выделены Жадан¹⁰¹, «Ленин и Россия» С. Пушкарёва¹⁰², его же «Самоуправление и свобода»¹⁰³, «На службе России» Столыпина, «Читая Ленина» Солоухина¹⁰⁴. Мы собираемся в этом плане действовать.

Раньше, когда мы перевозили чемодан литературы, это казалось много, сейчас вышло 40 тысяч экземпляров «Пути...», а люди хотят больше. Ведь в стране 280 миллионов живёт. Каждый, кто едет сейчас в Советский Союз, может с собой книги везти. И не какие-нибудь невинные, а самые антисоветские. Максимум, чем вы рискуете, — отберут на границе. В частности, надо везти книги для независимых библиотек. От нас зависит, какие книги в этих библиотеках появятся.

Нужна, конечно, техника, хотя бы по компьютеру нашим группам в Ленинграде и Москве, факсы нужны в большом количестве, множительная техника, карманные магнитофоны.

И, конечно, нужны деньги, по-настоящему большие деньги, чтобы работать во всероссийском масштабе. Решение вопроса лежит в двух планах. За границей: если пять человек завещают свои дома НТС, это уже миллион долларов. Внутри страны — это совместные предприятия. В Америке целый ряд эмигрантов занимаются торговлей с СССР и со всей этой кухней знакомы. Желательно привлечь их к созданию каких-то не просто совместных предприятий, чтобы себе карманы набивать, а таких, которые бы по хорошей американской традиции часть своего дохода давали на общественно полезные, в частности политико-просветительские, цели. К Ростиславу при мне приходили три человека, выдвигавшие совершенно фантастические планы такого рода. Нам с вами надо найти серьёзных партнёров для этих совместных предприятий.

¹⁰¹ Жадан П.В. Русская судьба. Записки члена НТС о Гражданской и Второй мировой войне. М.: ТЕРРА, 1991.

¹⁰² Пушкарёв С. Ленин и Россия. Сборник статей. Франкфурт: Посев, 1978.

¹⁰³ Он же. Самоуправление и свобода в России. Франкфурт: Посев, 1985.

¹⁰⁴ Солоухин В. А. Читая Ленина. <http://ricolor.org/journal/wr/lr/vs>.

Ростислав Евдокимов-Возак

НОВЫЙ СТАРЫЙ РУССКИЙ ФЛАГ¹⁰⁵

В самом конце сентября 1988 г. в тогдашнем Ленинграде случилось небывалое. Власти дали официальное разрешение на проведение неофициального митинга. То есть таким образом как бы уже и официального, но без официального пригляда, хотя пригляд неофициальный, разумеется, гарантировался. Короче, они запутались и здорово влипли. Действовать следовало срочно. Ведь такое разрешение было получено впервые, по крайней мере, в Питере, если не вообще в стране.

Самовольные собрания с мегафонами и горячими речами, как совсем стихийные, так и организованные (порой демократами, иногда «Памятью», а то и чекистами), проходили уже давно: у Казанского собора, у первого здания ПетроЧК на Гороховой, 2. Но чаще всего — в Михайловском саду на берегу Мойки, у ступеней чрезвычайно удобного для использования в качестве трибуны павильона. Поодаль стояли воронки и скорые, по периметру щерились псы на коротких поводках, а в толпе шныряли милиционеры и легко узнаваемые люди в штатском. Бодрящий холодок опасности приятно возбуждал и добавлял значимости происходящему. Но далеко не каждый готов был рисковать, чтобы получить порцию адреналина такого рода. Обычно собиралось не больше двух-трёх сотен человек. Совсем другое дело, когда есть разрешение! Тут уже можно было ожидать, что счет пойдёт на тысячи.

Митинг был назначен на десять часов утра 7 октября на стадионе «Локомотив», что во дворах в конце улицы Марата, одной из центральных в городе. Времени оставалось в обрез — около недели. По такому случаю несколько активистов разных демократических организаций собрались на квартире автора этих строк, удачно расположенной в самом центре. Надо было обсудить программу митинга, а самое главное — придумать какую-нибудь изюминку, чтобы акция стала настоящим событием в жизни Петербурга.

Помимо меня присутствовали моя будущая жена Людмила Бершакская и живущий неподалёку мой поделщик Вячеслав Долинин — оба как члены НТС; Михаил Дудченко от «Демократического Союза»;

¹⁰⁵ Посев. 2008. № 12.

будущий многолетний депутат Госдумы Юлий Рыбаков, представлявший тогда Товарищество независимых художников; Владимир Погосян, активист армянского землячества родом из Нагорного Карабаха.

Обсудить примерные темы выступлений и подготовить список заранее согласованных ораторов — дело нетрудное, хотя и оно отняло не так уж мало времени. Ещё легче было договориться о делегировании каждой из организаций-участников добровольцев с повязками для обеспечения порядка. Но вот придумать какую-то особенку не удавалось долго. И тут мне пришла в голову простая мысль. В самом деле, чем особенно притягательны для тысяч и десятков тысяч людей, для телевизионщиков и прочих корреспондентов многочисленные на тот момент собрания, шествия и демонстрации во всех республиках тогдашнего Советского Союза? Неужели речами? Да полноте! Общий смысл говорившегося хоть в Латвии, хоть в Грузии, в Молдавии или в Киргизии везде примерно одинаков, и написать за неделю до события отчёт о выступлениях не составило бы труда даже для старшеклассника со средней успеваемостью: демократия, свобода, независимость, КГБ, коммунисты, репрессии, преступления режима, «ымпэрия!!!» (именно так, через «ы» и с тремя восклицательными знаками), Запад нам поможет, всё зло от русских...

Чем-то по-настоящему ярким, волнующим, возбуждающим и сразу отличающим эстонца от армянина, украинца от казаха были не слова, а символика, атрибутика: плакаты, значки, зачастую национальная одежда, музыка и флаги, флаги, флаги! Свои национальные флаги почти мгновенно появились даже у среднеазиатских республик, ранее такой экзотикой не обременённых. Символика флагов появлялась в те годы даже во многих автономиях — от Чечни до самопровозглашённых Лезгистана или Гагаузии.

— Давайте поднимем на флагштоке русский флаг! — предложил я.

И тут выяснилось, что никто (!) из собравшихся не знает, каким этот флаг должен быть.

— То есть как — какой? Бело-сине-красный, конечно!

— Ты уверен? — это, кажется, спросил Юлик.

— Ну конечно уверен! Да подождите. У меня же книжка есть «Флаги стран мира». Там в приложении помещены знамёна и вымпелы некоторых организаций вроде ООН, непризнанных территорий (Палестина и др.) и исторические. В том числе и Российской империи. Причём цветные.

Книга собравшихся убедила. Но тут возникла новая сложность.

— А откуда мы это знамя возьмём? — засомневался Дудченко.

— Я мог бы, конечно, раскрасить какую-нибудь простыню, — вспомнил о своих живописных талантах Юлий, — но, боюсь, это будет выглядеть не совсем так, как надо. А шить я не умею.

— Зато я умею, — подала голос до сих пор молчавшая Мила.

— Пожалуй, раз так, я спрошу свою жену, — подхватил Миша Дудченко. Его жена, Марина Макаревич, была едва ли не более активной дээсовкой, чем он сам. — Надеюсь, она тоже что-нибудь сошьёт, если ткань найдёт.

Оговорка эта оказалась пророческой. В стране, где периодически исчезали то сигареты, то туалетная бумага, отыскать в магазинах ткань нужных цветов оказалось невозможно. В продаже был только красный ситец, видимо, для пионерских галстуков, и чёрный — не спрашивайте, для чего... Проявив чудеса самопожертвования, Мила Бершацкая достала из бабушкиного сундука роскошный отрез белого шёлка, а в одном из магазинов ей удалось разыскать остаток сатина глубокого синего колера. Но продавать его не хотели! «Для чего вам столько?» — допытывалась продавщица, привыкшая, что при советском режиме она может (и даже, наверное, должна) задавать подобные вопросы. «Для праздника в детском саду», — пришлось соврать Миле. «А-а... Ну тогда ладно...» — осчастливила нас стерва.

Марине Макаревич повезло меньше. Красный ситец купила и она, но в качестве белой составляющей ей пришлось использовать простыню, а третий отрез и вовсе вместо синего оказался голубым — из старых запасов. Забавно: в этом разное тоже оказался пророческий смысл. Но о нём немного позже. Пока же надо вернуться в небольшую комнату в моей квартире.

— Друзья! Всё это очень хорошо, — как старый перестраховщик я почувствовал неладное. — Но как бы не получилось так, что нас обвинят в шовинизме, империализме, национализме и черт-те в чём ещё...

— Но почему? Если все свои флаги вывешивают, почему нам нельзя?

— Потому что мы не все. Потому что из всех националов здесь сидит только армянин, и это, между прочим, неспроста.

— Ну, я всё-таки украинец, — буркнул Миша.

— Н-да? И много ты можешь сказать на мове?

— Да проще по-польски...

— Вот то-то и оно...

— Так давайте я принесу армянский флаг, — вдруг предложил Погосян.

— Вай! Володя! Так я же к тому и клоню! Если будут разные флаги, кто нас в чём обвинит? А ты сможешь?

— Не знаю, это жену надо спросить. Тем более что она у меня русская. Вот пусть и старается.

На следующий же день мы обзвонили представителей всех землячеств, с кем у нас имелись контакты и кого сумели застать. И вот что интересно: армянам не удалось найти ткань специфического абрикосового оттенка, а грузинам — красно-коричневого. Но они были явно искренни в своих попытках, и никаких антирусских проявлений мы не заметили. Грузины даже пытались переслать свой флаг самолётом, но не успели. А вот латыши и литовцы заявили, что, прежде чем решиться на такой шаг, они должны запросить согласие в центральных органах своих национальных движений. И эти последние самым недвусмысленным образом запретили им вывешивать их священные флаги рядом с поганым русским! Возможно, так поступили бы и эстонцы, но, во-первых, с ними у нас в Питере слишком давние и глубокие связи, а во-вторых, от их имени делом занялся молодой парень, не сообразивший, что надо спрашивать разрешения у «старших товарищей». Впоследствии некоторые эстонцы уверяли меня, будто парень оказался провокатором и стукачом, но у меня доказательств этому нет. Более того, есть зато подозрение, что основной причиной обвинений как раз и послужило то, что на стадионе русский флаг оказался всё же не одинок. Так что имени этого парня я, пожалуй, и сейчас раскрывать не стану.

Помню, когда мы с Милой шли от меня к метро, а потом от другой станции метро к стадиону, нас останавливали раз двадцать: «Что это за флаг вы несёте?» Каждому надо было объяснить, а заодно и пригласить на митинг. Некоторые откликнулись, и на стадион мы вошли хоть и с опозданием минут на десять, но зато стихийно возникшей небольшой собственной колонной. Один из двух российских флагов подняли на флагшток вместе с эстонским, другой развернули в качестве задника на сцене. Митинг длился часа четыре, если не дольше. Слово получили и эстонцы, и представители всех тех диаспор, которые не смогли или не пожелали прийти со своей символикой. Только слабые ведут себя как обиженные дети. Сильные народы сильны до тех пор, пока умеют прощать глупые шалости своим не доросшим до взрослого состояния соседям...

Через несколько месяцев маленькие бело-сине-красные флажки появились на столах у Юлия Рыбакова и некоторых других депутатов тогдашнего питерского «джинсового горсовета». Ещё примерно через полгода — у депутатов московского горсовета, а после первых относительно демократических выборов — и у депутатов общероссийских. После событий 1991 г. гигантское бело-сине-красное полотнище пронесли по улицам Москвы, и совсем скоро старый добрый триколор был утверждён государственным флагом Российской Федерации. Но с одной маленькой поправкой. Цвет средней полосы знамени объявили не синим, а лазоревым. Разумеется, в подражание Временному правительству, которое не только опоганило флаг, но и отняло у орла державу, скипетр и короны, поместив зато на денежные знаки, между прочим, свастику. Ельцинское правительство объявило о правопреемстве РФ от Российской империи и СССР одновременно. Но ведь это то же самое, как если бы кто-то сказал, будто папа у него Адольф Гитлер, а мама — Голда Меир, причём обоих родителей он нежно любит... Вполне очевидно, что эта якобы мелкая деталь с изменением цвета с исчерпывающей точностью указывает на истинные идейные корни наших нынешних властей. Они стесняются об этом говорить в открытую, но в действительности отец им — Керенский, а мать... А мать, наверное, Антанта.

Поднятое на стадионе «Локомотив» 7 октября 1988 г. полотнище взял потом член петербургской группы НТС Кирилл Александров для скаутского лагеря на Карельском перешейке. Так то знамя у скаутов и осталось. Они перед ним приносят присягу.

Когда проводился сбор подписей за референдум о частной собственности на землю, питерская группа НТС открыла пикет на Невском у Казанского собора (который собрал, кстати, больше подписей, чем сами инициаторы акции из «Яблока», наградившие нас за это 20 подписками на «Московские новости»). Наши союзники из «Демсоюза» дали тогда для этого пикета свой флаг. Один якобы патриот, некто Бондарик, с бандой своих отморозков пытался устроить провокацию, но наших людей на пикете собралось не так уж мало, и они вовсе не были какими-то хлюпиками. Тогда Бондарик поджёг русское знамя зажигалкой, и оно загорелось. Мимо проходила какая-то японка — как все японские туристы, с фотоаппаратом. Она сняла горящее полотнище и взяла какие-то наши агитационные материалы, где был мой адрес. А несколько месяцев спустя прислала мне письмо со снимком и запиской примерно такого содержания: «Я не очень хорошо по-

няла, что там у вас происходит и для чего стоял ваш пикет, но если национальное знамя поджигают бандиты, значит, оно действительно нужно людям». Возвращать обгоревший флаг дээсовцам было неудобно, и он до сих пор стоит у меня дома.

Александр Шведов

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НТС В СИБИРИ

Одной из первых легальных общероссийских антикоммунистических организаций, имевших свои отделения в Сибири в период перестройки, стала партия «Демократический Союз» (ДС), возглавляемая В. И. Новодворской. С 1988 г. многие активисты местных общественных неформальных организаций Новосибирска, Барнаула, Омска, Красноярска, Иркутска и Кемеровской области вступали в первую в России легальную антикоммунистическую партию.

Объединяющей всех вступающих идеей был антикоммунизм, конструктивные же взгляды на будущее и на программу действий внутри самой партии сильно различались.

В 1989 г. в Кемерове состоялся II съезд партии ДС, и на нём впервые выявились идейные противоречия между частью сибирских отделений партии и московским руководством. Лидером сибирских «несогласных» с идейными подходами В. Новодворской и её сторонников стал Виталий Дмитриевич Шапран из Новосибирского отделения ДС, человек творческий, диссидентствующий, увлекающийся всем запрещённым. Основные его претензии были таковы: риторика Новодворской носит не только антисоветский, но и явно антироссийский характер; основной тезис её выступлений состоит в том, что Советская Россия есть логичное продолжение царской России, тогда как новое демократическое государство должно быть построено с нуля, по западным лекалам, без оглядки на историю страны.

Поддержавшие В. Шапрана представители других сибирских городов сделали первую попытку консолидации группы внутри ДС на позициях в основном национальной или христианской демократии; также они выступали против навязывания со стороны московского руководства общеобязательных оценок и идейных подходов. В соответствии

с действовавшим уставом ДС внутри партии разрешалось (для максимального привлечения членов) создавать фракции по идейным принципам, но фракционность на тот момент не была оформлена фактически. Более того, ряд членов центрального руководства ДС стремился к централизации партии и готовил её закрепление в уставе.

Виталий Шапран после Съезда в Кемерове распространил среди членов ДС в Новосибирске, Барнауле, Омске, Тобольске документы и литературу НТС («Путь к будущей России», Программу НТС 1974 г., журналы «Посев» и др.).

На IV съезде партии ДС (май 1990 г., Киев) В. Шапран и ряд его сторонников (в том числе А. Шведов) выступили против антироссийской линии В. Новодворской и других руководителей ДС, которые пытались провести её в единой программе партии, хотя это и противоречило принципу фракционности. Съезд прошёл в нервной обстановке внутрипартийных дискуссий и сопровождался периодическими омовскими разгонами. В. Шапран предложил на съезде принять в качестве программного документа ДС программу НТС 1987 г. — «Путь к будущей России», а также заявил о создании в рамках ДС фракции Российских солидаристов, которые для себя эту программу принимают.

В 1990 г., после IV съезда ДС, в противовес идейной линии В. Новодворской и в рамках партии ДС В. Шапраном и его сторонниками из сибирских городов был создан «Сибирский Демократический Союз», в котором организованы фракции: либерал-демократов, социал-демократов, российских солидаристов. Затем члены фракции российских солидаристов в Сибирском ДС В. Шапран, Б. Шленский (Барнаул) и Егоров (Омск), собравшись в Новосибирске, при поддержке со стороны А. Шведова (Барнаул), И. Батенева (Новосибирск) и других решили на базе фракции создать Сибирский комитет НТС.

Шапран вёл переговоры с В. А. Сендеровым в Москве, но тот отказался обсуждать эту тему и посоветовал обратиться во Франкфурт-на-Майне. Однако из-за трудностей со связями во Франкфурте В. Шапран обратился в Ленинград к Р. Б. Евдокимову; тот идею одобрил и подсказал вариант создания НТС в Сибири, который и был реализован.

В. Шапран, согласно действующему тогда положению Устава НТС, принял себя в НТС самоприёмом; после этого, будучи уже членом НТС, он принял в Союз Б. Шленского и Егорова, которые затем совместно приняли А. Шведова, И. Батенева и др. Так был создан Сибирский комитет НТС, информация о котором ушла во Франкфурт-на-Майне; ответа оттуда долго не приходило.

Сибирский Комитет НТС выпустил первый номер газеты «Всходы», где содержалась статья В. Шапрана о преемственности борьбы с коммунизмом. В ней говорилось, что председатель ИБ НТС Ю. Брюно «должен продать свои последние носки», но поддержать Сибирский Комитет НТС.

Тем временем в Сибирский Комитет НТС вступает Александр Канаев из Новосибирска. Обладая средствами как директор строительной фирмы, он финансирует газету «Всходы»; принимает на работу в свою фирму ряд членов НТС — с тем чтобы они постоянно занимались союзной работой; организует издание в Новосибирске книги А. Столыпина «На службе России».

В конце августа 1990 г. в Новосибирск для знакомства с Сибирским комитетом НТС приезжают из Франкфурта член Совета НТС Борис Миллер и Наталья Макова. В их присутствии собираются члены НТС из Сибири. Б. Миллер посещает Барнаул, выступает на телевидении, участвует в пресс-конференции демократических организаций города. После отъезда Б. Миллера А. Канаев и В. Шапран отправились в Ленинград — на конференцию НТС, организованную 9 ноября 1990 г. Р. Евдокимовым.

Когда в августе 1991 г. стало известно про путч ГКЧП, Барнаульская группа НТС совместно с другими активистами создала городской штаб противодействия ГКЧП, мэр города В. Баварин дал под него помещение. Занимались размножением и распространением обращения и указов Б. Ельцина; организацией совместно с В. Рыжковым, «ДемРоссией», ДПР и другими многотысячных митингов в поддержку президента. К. Русаков и А. Шведов 21 августа 1991 г., получив согласие мэра, сняли со здания городского совета красный флаг и подняли трёхцветный российский. В результате массовых выступлений против ГКЧП в Барнауле после провала ГКЧП в отставку ушёл первый секретарь крайкома КПСС, председатель краевого совета народных депутатов А. Кулешов.

В организации выступлений в августовские дни 1991 г. участвовали и группы НТС в других городах, в частности, в Новосибирске, Омске, Тобольске. Барнаульская группа в дальнейшем проводила различные мероприятия; например, несколько лет подряд 17 июля на месте расстрела коммунистами репрессированных в 1930-е гг. людей проходил траурный митинг-концерт памяти убитых членов семьи Николая II.

После августовских событий, в декабре 1991 г., А. Канаев едет в Прагу на семинар НТС, где знакомится с руководством Союза. Он

производит хорошее впечатление, и ему доверяют возглавить Сибирскую Региональную Организацию НТС. Канаев сообщает также, что в центре НТС В. Шапран и Б. Шленский членами НТС не признаются, хотя те, кого они приняли в Союз, признаются. Б. Шленский отказался вступать в НТС заново, а В. Шапран поссорился с Канаевым и покидает его группу.

Канаев по согласованию с центром НТС проводит учредительную конференцию Сибирской Региональной организации НТС в Новосибирске. Он становится председателем правления СибРО НТС (до следующего съезда). В правление СибРО входят А. Шведов, И. Батенев, Б. Кадачигов, В. Сайдулин.

Будучи связан с новосибирской партийно-хозяйственной номенклатурой, для которой его фирма строит особняки, А. Канаев от имени СибРО НТС выступает в «Сибирской газете» с заявлением о поддержке на выборах главы администрации области В. Мухи — бывшего 1-го секретаря Новосибирского обкома КПСС. А. Шведов и И. Батенев выступают в той же газете с опровержением заявления Канаева. Начался конфликт, который разрешился на учредительном съезде СибРО НТС в Бердске летом 1992 г. — при участии члена Совета НТС Фридриха Незнанского из Франкфурта и Александра Штамма из Петербурга. В это же время в НТС вступают гражданские активисты, такие как Сергей Ильин (Новосибирск, программист, в последующем — разработчик программы «ГАС-Выборы» для Центризбиркома России), Г. Польшанов (Новосибирск, художник), С. Алейник (Новосибирск, поэт и издатель).

А. Канаев и ряд его сторонников были исключены из НТС, а председателем правления СибРО избран Константин Русаков — кандидат исторических наук из Барнаула.

С 1992 по 1996 г. СибРО НТС функционировала как объединение членов НТС сибирских регионов: Иркутского, Красноярского, Новосибирского, Алтайского, Кемеровского, Тюменского (Тобольск), Омского и Томского (члены НТС в этих регионах жили как в главных городах, так и в иных населённых пунктах). К. Русаков, А. Шведов и И. Батенев в качестве членов Правления СибРО НТС совершили серию поездок, в том числе:

— по Кемеровской области: Югра, Кемерово, Новокузнецк, где состоялись контакты с руководством Независимого профсоюза горняков, обмен литературой, встречи с членами НТС;

— по Красноярскому краю (Абакан, Красноярск), где состоялись встречи с журналистами различных местных газет и местными гражданскими активистами; были опубликованы интервью об НТС;

— по Алтайскому краю, где были созданы группы НТС в городах Бийск, Камень-на-Оби, приняты в НТС люди из Рубцовска, Новоалтайска, ряда районов края;

— в Омск, Томск, где прошли встречи с членами НТС и представителями иных местных общественных организаций;

— в Иркутск, где был разрешён конфликт внутри группы НТС между вставшими в национал-большевизм депутатами областного Совета (А. Новиков) и христианскими демократами (В. Леонтьев); конфликт закончился исключением первых из НТС. Там же прошла встреча с Никитой Струве и презентация изданий «ИМКА-Пресс», на которой распространялись также издания «Посева».

СибРО НТС занимала активную позицию в общероссийских делах Союза, высказывало свою позицию по текущим вопросам перед Советом и Исполнительным Бюро. Бюджет СибРО (на связь, поездки и текущие расходы) выделялся Исполнительным Бюро Союза.

С 1995 г. Исполнительное Бюро в новом составе во главе с Маратом Нуруллиным начало постепенно сокращать бюджет СибРО. Одновременно в руководстве Союза назревал конфликт между частью Совета НТС во главе с председателем Б. С. Пушкарёвым и Исполнительным Бюро во главе с М. Нуруллиным. Общий смысл конфликта заключался в разном видении ближайших перспектив НТС в России. Становиться одной из многих тогда политических партий и претендовать на властные полномочия (М. Нуруллин) или сосредоточиться на культурно-просветительской работе, развивать издательство «Посев» в России, а политическую деятельность вести через региональные отделения по мере их возможностей на местном уровне? Устав НТС разрешал его членам работать и в других политических партиях.

Распоряжавшееся значительной частью бюджета Союза Исполнительное Бюро, имея приоритетом собственную политическую деятельность, полностью ликвидировало бюджет СибРО, которая поддерживала председателя Союза, чем фактически лишило его возможности развития. Об этом А. Н. Шведов письменно докладывал Совету в 1996 г.

Одновременно ИБ НТС совершило целый ряд действий, из-за которых почти половина членов Совета выразила ему в октябре 1996 г. недоверие. В результате шесть человек, включая всё Исполбюро, из

Совета ушли. Некоторые из них — Р. Евдокимов, А. Егоров, А. Жуков, Л. Кузнецов и М. Нуруллин — вступили в «оргкомитет» по созданию новой организации, за что Высшим судом совести и чести 12 января 1997 г. из НТС были исключены. СибРО НТС как объединяющая сибирских членов и группы НТС структура продолжала функционировать ещё некоторое время.

Опыт СибРО доказал, что создание разветвлённой общественно-политической организации НТС в России вполне реально, но требует непрерывных усилий и немалых средств. Совет же НТС, собравшись в Москве в обновлённом составе (в него вошёл и А. Шведов), должен был решить, истратить ли за короткий срок имеющиеся средства Союза на организационные нужды по регионам или сохранить их для многолетней работы на одном участке — просветительско-издательском. Совет избрал второе направление.

Возможностей для поездок, междугородных и прочих сношений не стало. Да и самим руководителям СибРО и членам Союза пришлось лично выживать в новых экономических условиях. Тем не менее наиболее организованные группы НТС в Сибири — Новосибирская и Алтайская, а также отдельные члены Союза из Омска, Иркутска, Красноярска, Томска, Тобольска активно участвовали (и по сей день участвуют) в делах Союза в своих регионах. В Новосибирске, в частности, можно отметить создание Клуба имени Александра Галича, открытие мемориальной доски на кафе «Под интегралом», где Галич в советское время однажды выступал, презентации учебника «Две России XX века».

С конца 1995 г. многие группы и члены НТС в Сибири и по всей стране приняли участие в создании и развитии Общероссийского движения «Честь и Родина», которое возглавил опальный генерал Александр Лебедь. В Алтайском крае члены НТС создали региональное отделение движения «Честь и Родина», и А. Шведов стал доверенным лицом А. И. Лебеда по Алтайскому краю на президентских выборах 1996 г., а затем на выборах губернатора Красноярского края в 1998 г. После этого А. Шведов десять лет проработал в органах власти Красноярского края; с 1998 по 2002 г. — начальником правового управления Администрации края, затем — с 2002 по 2007 г. — депутатом Законодательного собрания Красноярского края от избирательного блока «За Лебеда». Участвовал в устройстве А. И. Лебедем пяти кадетских корпусов и двух Марииинских гимназий, поставлял туда литературу НТС. После смерти А. И. Лебеда переехал в Москву в 2008 г., где служил советником Мини-

стерства регионального развития по подготовке «Форума 2012» Азиатско-Тихоокеанского Сообщества на острове Русский на Дальнем Востоке. В 2008 г. избран председателем Народно-Трудового Союза.

БОРЬБА ЗА ЗАКОННУЮ ВЛАСТЬ!¹⁰⁶

Сегодня группа коммунистов во главе с руководителями репрессивных органов, незаконно сместив президента страны, захватила центральную власть. Их цель — возврат к тоталитарной системе на территории всего Советского Союза.

Под угрозой, в первую очередь, находятся свободно избранный народом Президент России, его правительство и Верховный Совет Российской Федерации. В России именно они — законная власть, которая противостоит самозваному «комитету по чрезвычайному положению». Российского Президента надо поддерживать во всех его начинаниях по восстановлению законности в республике, а тем самым и во всей стране. Если он призывает к забастовкам — надо бастовать. Если он призывает к демонстрациям — надо демонстрировать.

Костяк советской армии — русские. Офицеры и солдаты должны поддержать российского Президента и не выполнять приказов, направленных против него и его законного правительства. Армия должна защищать интересы народа, а не быть инструментом подавления в руках самозванного «комитета».

Население и власти национальных республик должны стать выше своих частных интересов и требовать подписания выработанного в рамках законности Союзного договора. Одна из целей заговорщиков — сорвать этот договор и воспрепятствовать стабилизации положения в стране. Республики должны поддержать Президента и правительство Российской Федерации. Только общие усилия демократических, патриотических сил всей страны могут предотвратить надвигающуюся экономическую и социальную катастрофу.

Мы призываем всех членов Народно-Трудового Союза российских солидаристов действовать в рамках этой оценки положения соответственно местной обстановке. Введение особого положения для нашей организации в России предоставляется на усмотрение руководителей групп и регионов.

¹⁰⁶ Посев. 1991. № 5.

В сплочённости наш Союз пройдёт через этот критический период российской истории — с готовностью к испытаниям, с верой в лучшее будущее России.

*Исполнительное Бюро Совета НТС
19 августа 1991 г.*

ПОВЕДУ НЕОБХОДИМО ЗАКРЕПИТЬ¹⁰⁷

Попытка коммунистов-заговорщиков захватить власть и вернуть страну не только к временам застоя, но и к сталинскому террору и бесправию провалилась. Провалилась благодаря верности присяге и мужеству Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, благодаря тому, что заговорщикам не удалось использовать армию как инструмент подавления. Но главное, что в эти критические дни в народе нашлось достаточно сил для противостояния коммунистической реакции. Судьбу нашей страны решили те десятки тысяч безоружных людей, которые защищали Белый дом своими телами и своей волей, те танкисты и милиционеры, которые примкнули к сопротивлению, и те, кто по всей стране организовывал забастовки и демонстрации, создавал комитеты гражданского сопротивления.

Это показывает, что процесс освобождения от тоталитарного режима необратим, что русский народ знает, что такое свобода и демократия, и способен их защищать.

Но реакционные силы ещё сильны. Необходимы энергичные действия, чтобы предупредить новые попытки захвата власти и расчистить путь к коренным реформам государственной и экономической системы.

1. Коммунистическая партия, пропитанная духом тоталитаризма, породила нынешних заговорщиков и породит новых. Она должна быть запрещена, её имущество и финансы должны быть конфискованы. Те, кто хочет создавать обновлённую коммунистическую партию, должны иметь равные с другими партиями стартовые условия.

2. Президент и правительство Российской Федерации должны потребовать от союзного правительства прекращения деятельности КГБ на территории республик, изъятия из ведения КГБ всех его вооружённых сил, включая пограничные, и передачи их в подчинение армии

¹⁰⁷ Посев. 1991. № 5.

для последующего реформирования. Необходимо отменить ныне действующий общесоюзный закон, предоставляющий неограниченные права этой преступной организации.

3. Правительство Российской Федерации должно в кратчайший срок отстроить собственную службу государственной безопасности, свободную от чекистских традиций КГБ и не имеющую права вмешиваться во внутреннюю политику страны.

4. Правительство Российской Федерации должно отстроить собственное Министерство внутренних дел, независимое от союзного министерства, действия которого не могут распространяться на территории республик.

5. Правительство Российской Федерации должно перевести в своё ведение центральное теле- и радиовещание. В распоряжении союзного правительства должны оставаться только те мощности, которые необходимы для его информационной работы.

6. Все органы печати, издающиеся на территории Российской Федерации, должны подчиняться только закону о печати Российской Федерации.

7. Необходимо назначить срок выборов в парламент Российской Федерации, провести выборы мэров городов на всей территории республики и разработать порядок назначения представителей правительства на местах в рамках изменения всей системы управления.

8. Восстановленный в должности президент СССР М. С. Горбачёв несёт политическую ответственность за заговор. Он, «лавируя», назначил будущих заговорщиков на «силовые» позиции и поддерживал их, не считаясь с многократными предупреждениями. Это даже породило слухи, что он имел отношение к заговору. В частности и поэтому открытый процесс по делу заговорщиков должен быть проведён в ближайшее время. Этот процесс должен происходить при участии следственных и судебных органов Российской Федерации, поскольку заговорщики пытались свергнуть также и Президента, и правительство Российской Федерации.

9. Президент СССР, одновременно являющийся главнокомандующим Вооружёнными силами страны, должен уволить из высшего командного состава всех лиц, причастных в той или иной мере к заговору. Это должно быть сделано гласно.

Для дальнейшей нормализации положения в стране необходимо подписание союзного договора, которое было сорвано попыткой заговора. Договор прежде всего должен обеспечить требуемую интересами

всей страны экономическую самостоятельность республик, в частности в области проведения земельной реформы и приватизации. Это потребует дальнейшего обсуждения отдельных пунктов договора. Роль Российской Федерации в этих переговорах нельзя преуменьшать. Опыт прошедшего показывает, что от событий в Российской Федерации зависит судьба всех республик. В Москве была решена судьба всей страны. Это — реальность, с которой все должны считаться.

После подписания союзного договора необходимо в кратчайший срок провести выборы Президента страны и Учредительного собрания для выработки общесоюзной Конституции.

Всё это может быть достигнуто только при активном участии народа, что закрепит его победу над КПСС.

*Исполнительное Бюро Совета НТС
22 августа 1991 г.*

Положить конец безвластию и смуте¹⁰⁸

Обращение Совета НТС к Президенту Российской Федерации

Безответственному всевластию Верховного Совета, порождающему смуту и хаос и разрушающему российскую государственность, пора положить конец. Как граждане свободной России мы обращаемся к президенту Российской Федерации.

Как президент, свободно избранный народом в переломном 1991 г., как президент, чьи властные полномочия подтверждены апрельским референдумом 1993 г., Вы обязаны взять на себя временно всю полноту верховной власти, чтобы преодолеть нарастающее безвластие и вернуть народу веру в своё государство, в своих правителей и в свои силы. Это Ваш исторический долг.

Мы убеждены, что решительные действия президента по преодолению кризиса власти и наведению элементарного порядка в стране без оглядки на всё ещё действующую «советскую» Конституцию будут поддержаны большинством граждан России. Мы ждём, что вы как президент:

1. Объявите стратегию и программу ближайших шагов верховной власти для преодоления государственного кризиса.

¹⁰⁸ Посев. 1993. № 6.

2. Сумеете дать почувствовать русскому и другим российским народам, что новая Россия будет вести свою преемственность от положительных традиций дооктябрьской России и от традиции 74-летнего народного сопротивления коммунизму.

3. Выведете страну из создавшегося конституционного тупика и доведёте до конца устройство единой Федеративной России на принципах политического, экономического и правового равноправия всех земель, одновременно упорядочив взаимоотношения прав и обязанностей Федерального и земельных правительств, в частности в вопросе налоговой политики.

4. Не ограничите Ваше видение новой России нынешними пределами Российской Федерации, а предусмотрите воссоединение на добровольных началах и на основе свободного волеизъявления тех народов, которые пожелают восстановить исторически традиционные связи в рамках новой союзной государственности.

5. Поставите барьеры расхищению государственной собственности номенклатурой, резко ускорив в то же время передачу земли тем, кто на ней будет жить и работать, а также приватизацию жилья и предприятий в пользу самых широких слоёв населения.

6. Определите срок действия чрезвычайных полномочий президентской власти с тем, чтобы он был завершён свободными выборами в новые органы власти в центре и на местах.

Наша организация, со своей стороны, готова всемерно содействовать формированию широкого патриотически-демократического движения в поддержку разумных и твёрдых действий президентской власти.

*Совет НТС
Сентябрь 1993 г.*

Борис Пушкарёв

ПОСЛЕ ГРОЗЫ¹⁰⁹

Духота перед грозой скоплялась давно, с мая прошлого года, когда выявилась оппозиция коренным реформам. Но разрядка не произошла ни 10 декабря, ни 25 апреля, ни даже 21 сентября. Не произошла бы она и в октябре, если бы не бессознательная тяга «непримиримых»

¹⁰⁹ Посев. 1993. № 6.

к собственной гибели. Как не был неизбежным путч гэкачепистов в августе 1991 г., так не было неизбежным и вооружённое восстание в Москве 3—4 октября 1993 г. Как тогда Горбачёв мог бы ещё долго спускаться на тормозах Ново-Огарёва, так и на этот раз правительство и Верховный Совет могли бы ещё долго вести переговоры в Даниловом монастыре. Могли бы до самого декабря, оставив в выигрыше советскую власть: она бы подготовила себе платформу к выборам, а президент был бы дискредитирован своей нерешительностью. Но, обречённая историей, власть сама — во второй раз — спровоцировала ускорение своего конца. Гроза грянула, воздух прояснился, люди и вещи как будто стали на свои места. Советской власти больше нет, путь к новой Конституции и выборам в Государственную Думу наконец открыт.

* * *

Началось всё в субботу, 2 октября. Вокруг Белого дома было путо: милицейские заставы за несколько кварталов никого к нему не подпускали — от американского посольства и до самой Москвы-реки. У Нового Арбата движение по Садовому кольцу было перекрыто; толпились зеваки и вдали, у Смоленской площади, посреди улицы клубился чёрный дым. Зеваки были пожилые, озлобленные, вспоминали войну и ругали современную молодёжь. На вопрос, что там, собственно, горит, ответ был такой: «Не знаю, ельциноиды что-то творят». На самом деле «творили что-то» противники Ельцина, но, видно, въелась уже привычка жить по лжи.

Зевак милиция легонько теснила — по Садовому кольцу к месту происшествия было не пройти. Зато по задворкам люди двигались быстро и беспрепятственно: и местные жители, и приезжий люд, и американские туристки, живо делившиеся своими впечатлениями. Так совершенно случайно можно было попасть в эпицентр события, где люди в кожаных куртках энергично ломали забор строительной площадки и жгли его посередине улицы. «Мерзавцы, что они делают? Горящая баррикада — я такого в жизни не видела!» — это были голоса местных жительниц, торопившихся домой с покупками. А вдали, метрах в трёхстах, за Смоленской площадью, стройными шеренгами во много рядов, неподвижные, как изваяния, стояли тысячи омоновцев в серых шинелях, в шлемах и со щитами. И при этом никто не мешал ребятам из «оппозиции» растаскивать доски и жечь, хотя нескольких десятков милиционеров было бы вполне достаточно, чтобы прекра-

тить безобразие. Но они вроде бы хотели показать: мы тут стоим — это наше дело, а вы там развлекайтесь — это ваше дело.

У баррикады висел лозунг «Мы русские — с нами Бог» (у гитлеровского вермахта на пряжках поясов тоже было написано «С нами Бог»). Виднелись три флажка: андреевский, бело-оранжево-чёрный и красный. Те же, что и на Белом доме. Группа пожилых женщин скандировала: «Руц-кой, Руц-кой».

* * *

Следующий день, 3 октября, выдался на редкость ясным и солнечным, как по заказу для телевизионных съёмок. Это вызывало нехорошее предчувствие, которое усугубилось в метро, когда машинист объявил: «Уважаемые пассажиры, поезд проследует через станции “Баррикадная” и “Улица 1905 года” без остановок». Вчера ещё они были открыты. Напрашивались исторические ассоциации: 88 лет назад здесь возникали Советы... И здесь же им наступает конец. Но восемьдесят восемь лет! Медленно, говорят чехи, мелют Божьи мельницы...

К вечеру пошли тревожные сообщения по радио: захвачена теле студия «Останкино», её передачи прекратились, захвачено здание мэрии (то есть бывший СЭВ), в нём находятся заложники... Возникает мысль: если шеренги ОМОНа стоят всё так же неподвижно, как вчера, то это не удивительно...

Стемнело. По Тверской ещё движутся автомобили, с трудом пробираясь сквозь толпу. Но толпа приветливая, дружелюбная, совсем не такая, как вчера на Садовом кольце. Милиции не видно нигде. Перед Моссоветом — трёхцветные флаги, и сразу спадает тревога, и радостно к ним спешить. У памятника Юрию Долгорукому выступает человек с мегафоном и объясняет ситуацию. Егор Гайдар призвал сторонников демократии собраться у Моссовета. Мэр Лужков приказал ни в коем случае никуда не двигаться, в особенности не подступать к Белому дому. У правительства достаточно военной силы, чтобы овладеть положением. Гражданские лица могут лишь помешать наведению порядка. Тем не менее по углам площади начато формирование отрядов добровольцев. Но без оружия. С какой целью — неясно. Кто-то начинает таскать ящики для мусора, чтобы строить баррикаду. Кто-то его старается остановить: не надо, мы — не они. Коротко выступает священник, коротко выступает бывшая народная депутатка. Митинговых речей нет. Организованных групп тоже нет. Люди пришли сами. Слышны

разговоры про Ельцина: «Наконец-то наш обалдуй раскачался. Давно бы так!» Встречаешь друзей. Других обзванивают члены нашей местной группы НТС. Двое из них записались в отряд добровольцев; отряд получил задание занять Киевский райсовет, потом помогать эвакуировать раненых. Позже стал ясен смысл всенощного бдения у Моссовета: войска, к четырём утра вошедшие в город на бэтэрах, ощутили, что они не одни, что они — не каратели в опустевшем городе, с ними народ. И были за это благодарны.

* * *

Наутро 4 октября стояние у Моссовета продолжалось, теперь уже за баррикадами из грузовиков. На балкон выходил человек и сообщал толпе, что передает радио, что передает телевидение, как развиваются события. В 11.20 раздался гром пушечных выстрелов. Казалось, совсем близко дело принимает серьёзный оборот. Человек вышел на балкон и сказал: «Только что передало Си-эн-эн: на мост с Кутузовского проспекта вышли четыре танка и бьют прямой наводкой по Белому дому». И тут по всей Тверской, словно эхо от выстрелов, пронеслось громкое и радостное русское «ура». Вскоре последовал призыв сдавать кровь. Быстро выстроилась длинная очередь. Отошёл один автобус, за ним второй. Один из наших друзей не попал. Ему сказали: «У нас людей больше, чем надо. Иди-ка ты, дед, домой». К восьми часам вечера стало известно, что Рущкой, Хасбулатов и прочие арестованы и только снайперы на Новом Арбате продолжают охоту на невинных прохожих.

* * *

Не совсем невинными, увы, были в последующие дни комментарии прессы и телевидения, того же «Останкино», когда оно заработало: «люди не знают, что произошло», «напрасные жертвы», «стыд за страну», «кровь на Ельцине», «это не начало гражданского мира», «две России»... Хотя слышалось и такое: «Добить гадину».

То есть как это, позвольте, «не знают»? Ведь все видели: отряды боевиков под прикрытием переговоров в Даниловом монастыре начали вооружённое восстание. Начали с захвата телевидения по ленинскому рецепту (в его время это называлось «захватить телеграф и телефон»). Как это напрасные жертвы, когда восстание подавлено? Стыд? Стыдно должно было быть в 1917 г., когда не отстояли Зимний дворец... Все 75 лет должно было быть стыдно, а не сейчас. Сейчас

удовлетворение, что на этот раз справились. И как это на Ельцине кровь, когда он целый год старался избежать столкновения и шёл на компромиссы? А гражданский мир? Да разве наступил бы он, если бы снова победила та, «другая Россия», уже раз победившая в 1920 г.?

Циничные комментаторы, отвыкшие за годы вранья различать истину и ложь, мешают их теперь вместе, делят пополам и результат выдают за объективность. Что не сулит быстрого и решительного выхода из кризиса.

* * *

Тем не менее для выборов сложилась куда более благоприятная обстановка, чем если бы неудавшегося восстания не было. Смены правящего слоя не произойдет. К власти придут те, кто у власти сейчас. Но верхушка «непримиримых» срезана, экстремисты дискредитированы, значительно обновится депутатский корпус. И отнюдь не мало важную роль играет тот факт, что депутаты эти будут думские, а не советские. Да, смена символов не меняет за одну ночь людей, но она задаёт им направление. Направление задано верное. А что путь далёк лежит — к этому не привыкать!

Москва, октябрь 1993 г.

ПАДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ¹¹⁰

«Победа над политическими структурами КПСС ещё не означает, что не будет новых попыток переворота, что будущее правового строя и народовластия в нашей стране обеспечено», — заявил Совет НТС в сентябре 1991 г. И далее: «Президент Российской Федерации не может оставаться единственным лицом, облечённым народным доверием. Необходимо подготовить и провести свободные, строго демократические перевыборы российского парламента... провести выборы в местные органы самоуправления. Неуклюжие Советы, созданные в иных целях, для этого на долгий срок не годятся... Только свободные выборы на всех уровнях власти могут обеспечить вытеснение номенклатуры из правящего слоя».

Однако выборов в 1991 г. не было. Вместо них началось двухлетнее бесплодное противостояние законно избранного народом пре-

¹¹⁰ Посев. 1993. № 6.

зидента и остаточных структур незаконной советской власти. В этом противостоянии президент много раз отступал и искал компромиссов, даже после введения 21 сентября 1993 г. президентского правления, на котором мы настаивали.

Оппозиция реформам сама себя разоблачила, предприняв попытку вооружённого переворота 3–4 октября. Лишь это вынудило президента принять решительные меры: подавить восстание, запретить мятежные организации, распустить Советы и издать ряд давно назревших указов.

Мы приветствуем тот факт, что сделано это было без оглядки на заведомо незаконную «советскую» Конституцию. Вести преемственность новой России от неё было бы абсурдом. Падение советской власти в октябре 1993 г. открыло наконец путь к принятию народом российской Конституции и свободным выбором. Противостояния больше нет — правительство без всяких скидок ответственно перед страной. Создана возможность консолидации в парламенте конструктивных реформаторских сил. Но работа их будет затруднена допущением к выборам коммунистов, только что запятнавших себя участием в восстании против России. Подобные компромиссы и уступки эмоциям прежних времён не избавят от боли переходного периода, а только продлят эту боль. Чем скорее страна избавится от советского наследия, тем лучше будет для всех.

На выборах 12 декабря НТС поддерживает тех кандидатов, кто:

1. Движим стремлением служить России, а не сохранять прежние привилегии или удовлетворять личные амбиции.
2. Обладает опытом практических дел и не склонен раздавать избирателям несбыточные обещания.
3. Твёрдо стоит за быстрое и решительное проведение полного комплекса правовых и рыночных реформ.

Мы призываем всех, кому дороги Россия и свобода, принять участие в выборах!

*Исполнительное бюро Совета НТС
Москва, октябрь, 1993 г.*

Что сделал НТС в России за последние двадцать лет

1. 7 октября 1988 г. на стадионе «Локомотив» в Ленинграде НТС впервые на подвластной коммунистам территории поднял российский трёхцветный флаг. Быстро распространившись по другим го-

родам как символ демократических сил, 22 августа 1991 г. он стал государственным флагом.

2. В ночь с 19 на 20 августа 1991 г. в Москве НТС 30-тысячным тиражом отпечатал листовку «Бороться за законную власть!». Эта листовка, призывавшая поддержать всенародно избранного президента Ельцина, стихийно распространялась на улицах столицы в дни путча ГКЧП. В 20 других городах, от Санкт-Петербурга до Южно-Сахалинска, прошли демонстрации с участием НТС.

3. В сентябре 1993 г. НТС был среди немногих публично выступивших в прессе за роспуск прокоммунистического Верховного Совета и за принятие новой Конституции.

В 1994 г. НТС первым начал готовить выдвижение в президенты А. И. Лебеда и предоставил помещение его штабу. Генерал А. И. Лебедь представлялся в тот момент единственным лидером, способным обеспечить социальную и патриотическую направленность необходимых либеральных реформ. Позже ряд членов НТС работал в партии Лебеда «Честь и Родина».

4. Стремясь к формированию солидарного гражданского общества, НТС проводил многочисленные конференции и участвовал в создании многих организаций, как, например, ныне действующие «Солженицынское общество» в Санкт-Петербурге и «Клуб Галича» в Новосибирске.

В результате изменившейся обстановки в стране политическое влияние НТС в последующие годы стало не прямым, а опосредованным — через книги, издаваемые под маркой «Посева». Всего за 1992–2008 гг. «Посев» в Москве выпустил 73 книги общим объёмом 2200 страниц, а также 174 номера журнала «Посев» и до конца 1996 г. — 20 номеров литературного журнала «Грани», который с тех пор издаётся членом НТС Т. А. Жилкиной, выпустившей по 2009 г. 50 номеров. Наши издания породили целый ряд заметных общественно-политических явлений.

Альманах «Белая Гвардия» с 1997 г. был первопроходцем темы Белого движения, которая сегодня стала широко признанной. Например, при подготовке фильма «Адмирал» о Колчаке использовались наши тексты и иллюстрации (фотоальбом «Белая Россия», 2003 г.). За нами «белую» тему подхватили издательства «Айрис», «Аграф», «АСТ», «Дрофа», «Русский Путь», «Русич», «Центрполиграф».

Под влиянием наших изданий в 2003 г. был открыт памятник генералу С. Л. Маркову в Сальске, близ места его гибели (на средства

российского предпринимателя А. Н. Алекаева). Это — первый в России памятник белому генералу.

Первый в России памятник жертвам голода 1932–1933 гг. в виде часовни Рождества Пресвятой Богородицы в станице Новодеревянкинская на Кубани был поставлен стараниями члена НТС Г. В. Кокунько (с привлечением сторонних средств). Однако инициатива эта не была подхвачена, и вскоре темой стали злоупотреблять украинские националисты.

В серии «Белые войны» мы выпустили книгу «Капель и капелевцы», которая вызвала акцию по нахождению останков генерала в Китае и их перезахоронению на Донском кладбище в Москве.

«Чёрная книга имён, которым не место на карте России» (2005 г.) не просто стала нашим бестселлером (продано около 7000 экземпляров), но повлекла за собой образование проекта «Возвращение», который, в свою очередь, получив поддержку в партиях ЛДПР и «Единая Россия», готовит масштабную акцию по упразднению коммунистической символики.

За изданием нами работ по Ярославскому, Тамбовскому, Ижевско-Воткинскому восстаниям и подобным событиям Гражданской войны следовали конференции на местах и образование местных, посвящённых этим событиям объединений, которые ещё предстоит увязать в единую сеть.

«Две России XX века. 1917–1993» (2008 г.) — учебник, который впервые параллельно показывает историю советской власти и антисоветского сопротивления. Это плод семилетней работы; в ней в разной мере участвовало более полутора десятков членов НТС. Учебник начинает приобретать известность в университетских и общественных кругах и обещает стать поворотным пунктом в осмыслении нашей истории прошедшего века, в избавлении от трафаретов советского времени.

При всей своей малочисленности НТС добился этих результатов в силу своей истории: он, как единственная организация, основанная в Зарубежье и продолжившая своё политическое существование на родине, в России, воплощает в себе преемственность нынешней России от России дореволюционной и Белого движения. Россия дала организации новую жизнь в формах, соответствующих современным условиям.

Совет НТС

Москва, 25 апреля 2009 г.

НЕОЖИДАННОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

Валерий Сендеров

РЕАБИЛИТАЦИЯ НТС?

Если бы ещё года три назад нам сказали, что органы юстиции РФ реабилитируют расстрелянного на Лубянке лидера НТС, мы, наверное, послали бы предсказателя хорошенько проспаться. И, как выяснилось, оказались бы при этом неправы. 22 мая Генеральная прокуратура Российской Федерации посмертно реабилитировала Михаила Александровича Георгиевского.

Чтобы оценить поразительное известие до конца, необходимо взглянуться пристальней в личность одного из основателей нашего Союза. Тихий, «книжный» человек, специалист по древним языкам, исследователь памятников ассирийского законодательства... Михаил Александрович был из тех русских интеллигентов, подлинное значение которых в истории страны скрыто полным отсутствием в их жизни пиара, «беззвонностью» их судьбы. Сын прачки и рабочего, выходец из глубокой провинции, Михаил Георгиевский к 1917 г. был приват-доцентом Санкт-Петербургского университета. Интересы его лежали в научной области, партийная борьба не увлекала пионера в исследовании «Винчанского письма». Революцию учёный ощутил как национальную катастрофу. Он уходит на Юг, принимает участие в работе южнорусского правительства — Особого Совещания при генерале А. И. Деникине. Поражение ВСЮР приводит Георгиевского в

Югославию. Здесь начинается напряжённая работа по осмыслению катастрофы. Доклад Георгиевского «Ошибки эмиграции, настоящее её положение и наш долг», прочитанный автором для членов ещё не определившего ясно свой будущий путь Союза, стал базой этого будущего пути. При активном участии Михаила Александровича разрабатываются конспекты курса национально-политической подготовки — общим числом более двадцати. Доктрина солидаризма — социального мира в противоположность «борьбе классов» — чётко и ясно изложена в газете «За Россию!» именно пером Георгиевского... Если (условно) выделять одного творца идеологии НТС, следовало бы назвать именно Михаила Александровича Георгиевского.

И это еще не всё. Теория теорией... Но не только в теории дело. Георгиевский был Генеральным секретарём Исполнительного бюро Совета НТС в 1930-е гг. Это был наиболее насыщенный в эмоционально-психологическом, так сказать, плане период истории Союза. Когда нас обвиняют в терроре, апеллируют обычно именно к тридцатым годам. И это — типичный для наших противников приём «полулжи».

Если разобраться, то ложь. Но это же надо ещё разбираться...

1930 гг. были временем уникального по охвату красного террора в стране. Коллективизация, тридцать седьмой... Жертвы исчислялись миллионами. А в такой обстановке правомерным представляется и ответный террор. И газета «За Россию!» одобряет убийство Кирова: палачам — место в аду! Террор не стал принципиальной политической установкой Союза. Он был попросту неэффективен: до главных бандитов было не достать, а на низовой террор власть отвечала убийством сотен и тысяч невинных людей. Понимание этого пришло быстро, но оно не было, разумеется, моральным отрицанием антикоммунистического террора как такового. На «время Георгиевского» приходится и единственный крупномасштабный акт реального энтээсовского террора: взрыв самолётов, предназначенных Советами для сражающихся в Испании интербригад...

Но превём рассказ о союзном пути Михаила Георгиевского. Нам предстоит ещё вернуться к нему. Пока же заметим: от вопроса «почему реабилитирован профессор Георгиевский?» отмахнуться нельзя. Конечно, единственный случай оснований для каких-либо выводов не даёт. Но разве подобный прецедент может быть просто «случаем»?

Что означает «реабилитация» вообще? Либо осуждённый данного преступления не совершал, либо поступок, за который человек осуждён, вообще не является преступлением. Есть лишь две логические возможности реабилитации казнённого нацистами Клауса фон Штауфенберга. Возможность первая: заговора против Гитлера не было, его выдумало Гестапо, выполняя спущенный сверху план по разоблачению врагов. Возможность вторая: заговор всё-таки был. Но был он не преступлением, а подвигом. И молодые немцы сегодня присягают на верность Отечеству у могилы казнённого графа.

Может ли так быть, что власти России дошли до понимания праведности сопротивления Советам? Или хотя бы до идеи своего рода «паритета»: каждая сторона сражалась за Россию, каждая по-своему права? Это кажется невозможным. Но... лишь из-за нашей привычки к политическим стереотипам. Пора окончательно понять: коммунистической идеологии во властных слоях давно нет. Есть — другая...

Поставленные только что вопросы имеют очевидный положительный ответ. Вождь военного сопротивления генерал Деникин, идеолог этого сопротивления философ Ильин торжественно перезахоронены в Москве. Участник перезахоронения, президент России продолжает подчас напоминать об иностранных деньгах, погубивших страну в ходе Первой Мировой. Чего же ещё? Разве с предателями и авантюристами нельзя сражаться?

Но... Здесь вступает в силу основная оговорка. Советский Союз, с точки зрения сегодняшней идеологии, — это не одно государство. А... аж целых два.

Первое просуществовало до 1941 г. И убийственные антисоветские оценки, на которые сегодня никто уже не скупится, относятся обычно именно к нему. Но в «идеологической истории» страны этого государства... как бы и нету. Какой-то блёклый период с года X по год Y, о котором, в сущности, не обязательно даже и знать. Что-то менялось к лучшему, что-то к худшему... То ли дело идеологически реальный филофеев Третий Рим... Или, скажем, царствование Алексея Михайловича. Тоже зримое, тоже правильное: басурман не пушали, бороды не брили...

А вот СССР 1940-х — очень даже есть. Какова его предыстория, откуда он вообще взялся? В идеологической мифологии сталинский СССР создан, в сущности, из ниоткуда — в лучших традициях языческих легенд. Создал его бог — скорее всё-таки злой, чем добрый... Но главное — сильный! А потому — положительный, наш бог!

Эта мифология бессмысленна и нелепа. И власть понимает это. И делает всё от неё зависящее, чтобы самое констатацию этой нелепости воспретить. Но... Национал-большевизм — идеология тонкая. Это тебе не «под знаменем... под водительством...». И не одними запретами эта идеология всегда жива. Она хочет (и умеет) ещё и убедить. А для этого — разделять и властвовать. Новая идеология не просто делит на своих и чужих. Чужие, оказывается, тоже бывают разные.

Лакмусовой бумажкой служит азиатский культ «Великой Отечественной». И подвиг Деникина не в том, что он когда-то там сражался с большевиками. Это сегодня генералу не в минус. Но... и не в плюс. Плевать, в сущности, современной идеологии, с кем он там в незапамятные времена сражался. А вот отказался во времена нашего образованного войной Отечества выступить против Сталина... Против нашего грядущего Космоса. Ракет, Гагарина, Путина, суверенной демократии... Против, словом, всех нас...

Это подвиг — так подвиг!

С миру по нитке — голому петля. Бессмысленный языческий культ копит подтверждения своей истинности. А кроме как в эмиграции где же ещё их взять? Кому же не ясно, чего стоила свобода суждений в любом из «двух» советских государств?

«Хорошая» эмиграция всегда была Советам необходима. «Вот ведь! Даже они...» Другой вопрос, что с НТС подобные игры даже и не велись. Пока все мы были предателями, алкоголиками, извращенцами и прислужниками всех разведок мира — что с нас было и взять? Зачем «противопоставлять» какое-нибудь суждение, скажем, Поремского суждению Редлиха? Оба — хуже некуда: какой с этого и навар?

Сегодня положение изменилось. Сегодня об НТС говорят вот так.

«Гаспарян: До тех пор, пока общество будет интересоваться жизнью и судьбами русской эмиграции, всё равно к НТС будут приходить и будут изучать. От этого никуда не денешься. Возможно, это самое яркое, что было в русской политической эмиграции.

Кривошеев: Тут сложно спорить.

Гаспарян: Они несопоставимы со всеми остальными союзами, особенно при скорости их забвения. РОВС уже к концу 1930-х гг. окончательно превратился в сугубо ветеранскую организацию. А в НТС, в закрытом секторе... деятельность кипела вплоть до 1990 г.»

Мы процитировали посвящённую НТС передачу популярной радиостанции «Голос России».

http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/2171932/66984642/
http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/2171932/105617273/

Ведущий, Армен Гаспарян — журналист, специалист по русской эмиграции, бывший студент Романа Николаевича Редлиха. Гость радиостанции Сергей Кривошеев — директор аналитического центра ветеранов госбезопасности «Вымпел». Главный специалист по НТС. Именно Сергей Александрович в 1998 г. закрывал и сдавал в архив агентурное дело Народно-Трудового Союза. Точно ли закрывал? Или переводил в новое, востребованное сегодня качество?

«Сложно спорить» сегодня о значении НТС... Сложно, Сергей Александрович. Полвека отмахивались — нынче приходится признавать. Ну что ж. Раз приходится — необходимо использовать! НТС периода Второй Мировой разделился на «оборонцев» и «пораженцев». Смысл обоих терминов был примерно тот же, что и в начале прошлого века. Да только теперь речь шла о поражении режима, а не страны...

Но вернёмся в 1930-е гг. К жизни и союзной деятельности Михаила Александровича Георгиевского. Генеральный секретарь ИБ много ездит по Европе, он выступает и в роли «министра иностранных дел» НТС. Научная репутация и знание языков открывают перед Михаилом Александровичем многие двери, и он пытается завязать контакты в преддверии неизбежной мировой войны. Но доброжелателей у русского дела нет, попытки, как правило, безрезультатны. Отчаянные метания приводят Михаила Александровича и в Берлин. Насчёт идеологии «нового порядка» Георгиевский не обольщается. Но одна иллюзия у него всё же есть: ведь не может быть, чтобы они были столь глупы! Не самоубийцы же они! Отношение к русским как к «унтерменшам» причинит России много горя. Но погубит-то оно именно их самих! И Георгиевский передаёт Гитлеру меморандум по «восточному вопросу». Передаёт по благожелательно воспринимаемому фюрером каналу. Результат — резко отрицательный. Гитлер наорал на посредника, приказал ему не лезть не в свои дела.

Как быть дальше? Мнения в НТС разделились. Одни считали: контакты с немцами следует продолжать. Третий рейх — не СССР: и здесь нельзя сказать и слова против воли «фюрера», но здесь можно действовать, игнорируя эту волю. А желающих немало. Среди немецкой аристократии всегда много русофилов, вот и сейчас в Генштабе воевать с русским народом многие не хотят... Но с Георгиевского — достаточно. Операция БОН («Берлин Особого Назначения»), по его мнению, обречена.

Михаил Александрович уезжает в Югославию. После вторжения туда немцев положение его становится угрожающим. На оккупированных территориях Гестапо проводит массовые аресты членов Союза. Спасаясь от ареста, Георгиевский пытается перебраться в Венгрию. Но тщетно. Схваченный титовскими партизанами, лидер Союза передан ими СМЕРШу. Дальше — несколько лет на Лубянке. Изнуряющие допросы. «Суд».

Расстрел.

И что же на сегодняшний день в итоге? «Оборонцы»... «Пораженцы»... Совпатриота из Михаила Александровича, конечно, не сделаешь. Но почему бы не использовать и его имя при новом переклеивании ярлыков?

Новая политика по отношению к нам просматривается всё отчетливей. Не расставляя точек над «i», власти этого и не скрывают. Вот что в цитированной уже передаче говорит о Георгиевском генерал КГБ:

«Сколькими языками он владел, великолепный историк, он много чего сделал, написал, был достаточно известным»...

Что ж, уважение к противнику делает Сергею Александровичу честь. Но... Не перебор ли перед нами? Чувствуется в этом панегирике искусственность, нарочитость. Слышал ли кто когда-нибудь, чтобы генерал КГБ отзывался подобным образом о своих непримиримых врагах?

Передача прошла в эфире 25 февраля. До реабилитации оставалось три месяца...

Ну, что ж. Кое-что постепенно становится ясным. А много очень важного ждёт нас и впереди. Обязательно ждёт. От чего поведёт свою генеалогию завтрашняя Россия? От ленинско-сталинского лагеря? Или от семидесятилетнего непрерывного сопротивления ему? Это главный вопрос нашей сегодняшней политической жизни. И НТС — самим существованием своим — опять поставлен на самый край. На самое острое борьбы за будущее России.

БИБЛИОГРАФИЯ

В библиографию не вошли:

книги и статьи, изданные в СССР с целью оклеветать НТС;
доклады на Посевских конференциях и решения Совета НТС;
статьи из энтээсовской периодики и биографические материалы;
разные издания основных документов: Устав, Программа, Основы
Дела, «Путь к будущей России» и т. п.

КНИГИ

Алексеев Д. Российский солидаризм: теория, практика, люди. Владивосток: Изд-во Тихоокеанского государственного экономического университета, 2010. 272 с.

Алексеев Д. Российские солидаристы в борьбе против тоталитарного режима. Saarbrücken: LAP, 2011. 240 с.

Базанов П. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции. 1917–1988 гг. СПб.: Изд-во ГУ культуры и искусства, 2005. 468 с. (об НТС см. с. 192–210 и 306–342).

Галансков Ю. Стихи и проза. Статьи и заявления. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1980. 310 с.

Горбаневский М. Свободное слово «Посева». М.: Посев, 1995. 207 с.

Жадан П. Русская судьба. Нью-Йорк: Посев-США, 1989. 240 с. (об НТС в 1941–1951 гг. см. с. 105–235); 2-е изд.: М.: Терра, 1991. 240 с.

Издательство «Посев». 1945–1985 / Сост. А. Н. и А. Н. Артёмовы. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1985. 120 с., илл.

Казанцев А. Третья сила. 1-е изд.: Франкфурт-на-Майне: Посев, 1952. 327 с.; 2-е изд.: Франкфурт-на-Майне: Посев, 1974. 374 с.; 3-е изд.: М.: Посев, 1994. 334 с.; 4-е изд. М.: Посев, 2011. 334 с.

Луценко Ю. Политическая исповедь. Документальная повесть о Второй мировой. М.: Посев, 2011. 431 с., илл.

Мондич М. СМЕРШ (год в стане врага). Спецвыпуск журнала «Грани». Франкфурт-на-Майне, 1948. 134 с.; 2-е изд.: Франкфурт-на-Майне, 1984.

Неймирок А. Дороги и встречи. 2-е изд. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1984. 136 с.

НТС. Мысль и дело. 1930–2000 / Ред. Б. Пушкарёв. 1-е изд.: Франкфурт-на-Майне: Посев, 1990. 59 с.; 3-е изд.: М., 2000. 128 с., илл.

Окулов А. Холодная гражданская война КГБ против русской эмиграции. М.: Яуза, 2006. 415 с., илл.

Полчанинов Р. Молодёжь Русского Зарубежья. Воспоминания. 1941–1951. М.: Посев, 2009. 415 с., илл.

Поремский В. Д. Стратегия русской эмиграции: сборник статей. М.: Посев, 1998. 288 с.

Портрет солидаризма: идеи и люди / Ред. В. Сендеров. М.: Посев, 2007. 320 с.

Прянишников Б. Новопоколенцы. Сильвер-Спринг (США), 1986. 296 с., илл.

Пушкарев Б. (Sergeyev B.) Toward a revolution in the USSR: the Thought and Action of NTS. 1958 (Навстречу революции в СССР: мысль и деятельность НТС). 255 с., на правах рукописи, тираж 200 экз.

Рар Г. «...И будет наше поколение давать истории отчёт». Воспоминания. М.: Русский путь, 2011. 726 с., илл. и карты.

Рар Л., Оболенский В. Ранние годы (1924–1948). М.: Посев, 2003. 192 с.

Романов (Островский) Е. В борьбе за Россию. Воспоминания. М.: Голос, 1999. 319 с., илл.

Славинский М. Парижские зарисовки (из жизни Управления Зарубежной Организации НТС) / Предисл. О. Иванова. Франкфурт-на-Майне: Посев, 2009. 169 с., илл.

Столыпин А. На службе России. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1986. 303 с.

Трегубов Ю. Восемь лет во власти Лубянки. Записки члена НТС. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957. 266 с.; 2-е изд.: М.: Посев, 2001. 266 с.

Трушнович А. Ценою подвига. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1955. 142 с.

Хохлов Н. Право на совесть. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957. 612 с.

Young G. The House of Secrets. N.Y.: Duell, Sloane, 1959. 179 p. («Дом секретов». Репортаж журналиста.)

СТАТЬИ

Болдырев К. Менхегоф — лагерь перемещённых лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 110–146.

Голубев Б. Дневник 1940 года // Даугава. 1996. № 1. С. 122–152.

Редлих Р. О бригаде Каминского // А. Окороков. Материалы по истории РОД. Т. II. М., 1998. С. 431–442.

Составил Р. В. Полчанинов

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А**
Абушаев Д. 298
Авторханов А. 40, 316, 317
Авчинников В. 15
Агеев Б. 16
Агрузов И. И. 43, 274, 279, 283, 330
Азарчук 311
Аксёнов В. 313, 314
Аксютчиц В. 317
Акулов Е. 16, 84
Алейник С. 354
Алекаев А. Н. 50, 368
Александров К. М. 5, 50, 51, 350
Алексеев Д. 375
Алексеев Л. 214
Алексеевко С. 23
Аллилуева С. 304
Алфёрчик Н. 127, 128, 131, 132
Антоний (епископ Женеvский) 258
Арнд М. 280
Артёмов А. Н. 189
Артёмов Н. 283
Асетьян П. 200, 201, 204
Ахмадулина Б. 40, 45
Ахрамович В. 17
- Б**
Бабкин В. 14, 80
Баварин В. 353
Бадольо П. 205
Базанов П. Н. 50, 375
Байдалаков В. М. 10, 19, 22, 24, 34, 84, 90, 101, 114, 134, 157, 172, 188, 240, 242, 243
Байков 263
Балашов С. 183
Баровский М. М. 214
Барский Б. 173
Батенев И. 352, 354
Бевад Е. 283
Бевад Н. 274, 283
Бевад С. И. 23, 121, 156, 157, 159, 161
Безденежных 85
Белинский А. 23
Белоусов И. Н. 156, 163
Бендеровский 68, 69
Бердяев Н. А. 11
Берегович А. 17
Берегульков П. 15, 83, 94, 95, 96, 99, 100, 101
Бершадский А. 24
Бершадская Л. 346, 348
Билимович А. Д. 12
Бирюков Д. 131
Блаут Н. 24
- Богачёв А. 239
Богданов Г. 16
Боголюбовский В. 183
Болдырев В. 10, 166
Болдырев К. В. 10, 28, 74, 75, 76, 77, 85, 155, 166, 248, 377
Бондаренко М. 23
Бондарик 350
Борисов А. И. 214
Борисова Н. 23
Боровский А. 108
Боровский Б. 72, 73
Бородин Л. 40, 45, 339
Боярский 175
Бранд В. В. 21, 84, 114
Браухич В. 26, 117, 118
Бреверн Н. 251, 252
Бржестовский М. 15, 83, 86
Бродский И. А. 333
Брокс-Соколов Н. 42
Брук Д. 42, 279
Бруно 173
Брунст Д. В. 24, 30, 88, 156, 172
Брунст И. В. 156
Брюно Ю. Б. 48, 276, 279, 283, 317, 353
Буковский В. 143, 283
Булдаков В. 16
Булгаков М. А. 40
Буракова Т. 229
Бурбулис Г. Э. 59
Бушманов 191
Быстров Ж. 272
- В**
Валк Г. 313, 314, 317
Васильев А. 284
Васильев Е. 30, 184, 274
Вергун В. Д. 73, 172
Вергун К. Д. 24, 167, 172, 189
Верещагин 224
Вигуро Л. И. 178, 182, 185
Виноградов В. 16
Виноградов И. И. 85, 167, 168, 171
Виноградова 264
Витушко 131
Владимов Г. 40, 43, 314, 316
Власиченко В. 36
Власов А. А. 19, 24, 25, 26, 27, 28, 68, 69, 86, 137, 138, 139, 140, 158, 172, 173, 174, 175, 176, 193
Вознесенская Ю. Н. 333
Войцеховский С. В. 71, 119, 120, 127, 134
Волков Ю. 263
Волновский Е. 23
Воробей О. 76

Воронцов Н. К. 215
Воскобойник К. 22, 143
Восленский М. С. 317
Врага (Незбжицкий) Р. 14, 95
Врангель П. Н. 6, 8, 9, 28, 50, 78, 89, 126,
177, 200, 296, 314, 338
Высоцкий В. С. 343
Вюрглер А. Э. 21, 23, 68, 69, 71, 72, 84,
114, 120, 127, 134, 135, 137, 141, 145,
146, 156, 188

Г

Гагарин Ю. А. 372
Гаккуев Р. Г. 5, 50
Гайдар Е. Т. 43, 363
Галансков Ю. 40, 42, 44, 283, 339, 375
Галич А. А. 40, 60, 314, 356, 367
Гальдер 118
Гальцева Р. 51
Гандзюк 170
Гаранин (Арбенин) Е. И. 171
Гаранина И. С. 171
Гартман 230
Гаспарян А. 372, 373
Геккер М. 24
Георгиевский М. А. 10, 13, 18, 19, 20, 30,
91, 107, 108, 109, 110, 114, 369, 370,
373, 374
Герцен А. И. 9
Герцог Ю. 79
Гиммлер Г. Л. 27, 236
Гинзбург Е. А. 40, 42, 283, 314
Гинс Г. К. 11
Гитлер А. 23, 26, 27, 83, 85, 86, 106, 109,
117, 118, 136, 149, 151, 158, 159, 202,
214, 246, 350, 371, 373
Гладилин А. 40
Гладков С. 23
Гнилорыбов (Корбэ) М. М. 250
Головин Н. Н. 18, 51
Голубев Б. 377
Голубов С. 68, 72, 73
Голубцов Г. Н. 255
Гольке 229
Горачек 173
Горбаневская Н. 40
Горбаневский М. 375
Горбачёв М. С. 28, 46, 59, 317, 336, 339,
359, 362
Горбунов П. 180
Горбунов С. З. 34, 328
Горин И. 23
Горичева Т. М. 333
Горшков 271, 272
Горький М. 164
Граббе 108
Граков 71
Грацок 216
Григоренко П. Г. 293, 295
Григорьев 62

Гринин 144
Гроссман В. 40
Груднов 275
Губин 173
Гурский К. 14, 80
Гусь Н. 132, 133

Д

Даватц В. Х. 314
Давиденко 159
Давыдов М. 335
Даллин А. 316
Даманов 172, 173
Данилов (Некрасов) А. И. 22, 24, 25, 157,
158, 159, 160, 162, 163, 164, 279, 280,
282
Данилов И. В. 200, 207
Даниэль В. Е. 40, 42, 311
Дегтерев В. 341, 342
Деникин А. И. 59, 200, 369, 371, 372
Десбах А. А. 199, 200, 203
Деспотули В. М. 19
Дивеев Е. П. 320, 324, 325, 330
Дивнич Е. И. 30, 79, 88, 98, 121, 258
Дидко П. К. 287
Дитерихс М. К. 50
Добровольский 40
Довлатов С. 313
Долгов Д. И. 216, 217, 218, 219
Долинин В. Э. 5, 51, 333, 346
Домецкий А. 24
Достоевский Ф. М. 113
Дробязго Б. П. 200
Дроздовский М. Г. 50
Дубец Е. 213
Дубин 171
Дубовская И. 227
Дубровин Б. Ф. 24, 200, 201, 204, 205,
207, 208
Дувинг 265
Дудченко М. 346, 348
Дункель Ю. О. 252
Дурново В. 15, 82, 94, 95
Дурново-Казнакова М. С. 16, 84, 98
Дышленко Б. И. 333
Дюмениль А. 249

Е

Евдокимов Б. Д. 332, 333, 339
Евдокимов Р. Б. 44, 283, 326, 333, 334,
338, 339, 340, 343, 344, 352, 353, 356
Егоров А. 352, 356
Елагин Н. 313
Елич И. 211, 214
Ельцин Б. Н. 28, 46, 47, 57, 59, 353, 358,
362, 364, 367
Еремеева Л. И. 156
Ермолов 167, 168
Ерогин 135
Ефремов С. 24

Ж

Жадан И. А. 30, 135, 178, 184, 342, 345, 375
Жадан П. В. 142, 315
Жданов В. 154
Жегилягин Г. 84
Жегилягин И. 24, 142
Желябина О. В. 311
Жестков 269, 270
Жилкина Т. А. 49, 367
Жлоба Д. П. 52
Жуков А. 356
Журавлев Е. 24

З

Забродин В. М. 183
Завадский Н. В. 310
Завжалов Д. 30
Зайко К. 75
Зайцев (Артемов) А. Н. 19
Заприев 67
Захаренко А. С. 178, 182, 185
Захаров М. 182
Захарченко-Шульц М. 8
Зеленский П. Н. 137, 168, 250
Зноско (о. Митрофан) М. 128
Зубарев С. 135, 137, 141, 143
Зудков А. 23
Зумбило К. 182
Зыков М. А. 24

И

Иван Грозный 336
Иванов П. П. 136, 143, 163
Измestьев Ю. В. 61
Ильин И. А. 11, 12, 106, 107, 371
Ильин С. 354
Ильичев 37
Ильяшевич Б. Н. 14
Ирошников П. 13
Исаев А. 159

Й

Йенгсет Г. 330

К

Кавдин Н. 132
Кадачигов Б. 354
Казанцев А. 110, 111, 112, 113, 114, 115, 342, 376
Казнаков Г. 16, 84
Кайши Ч. 41
Калпашиков Ю. 183
Каминский Б. В. 137, 138, 140, 143
Канаев А. 353, 354
Каңдин Н. 132, 228
Капитанов В. 182
Капитанов П. П. 185

Капкаев 137, 138
Капель В. О. 50, 368
Кароль 183
Карпович Я. 34
Кастро Ф. 337
Кашин А. 265
Кашников В. 127, 139
Кашников Н. 130
Келлер О. 83, 94
Керенский А. Ф. 30, 61, 350
Кесслер Э. В. 279, 283
Киверов Г. Я. 69, 74
Кимонд В. 24
Киров С. М. 14, 370
Кирюшин Б. Т. 264
Киселёв А. 122, 316
Кислов 139, 140
Кишковский А. И. 22, 127, 134, 156, 157
Климченко Н. А. 198, 199, 203
Князев Е. А. 51
Кобылкин И. 13
Коваленко И. Д. 296
Коверда Б. 8, 69
Козлов А. 95
Кокунько Г. В. 368
Коллин 266
Колков А. Г. 14, 15, 80, 81, 82, 93, 94
Колчак А. В. 50, 59, 166, 200, 367
Комаров Б. 40
Конради М. 8
Константинов 279
Конява-Фишер (Коняво) В. 14, 83, 94
Копылов 264
Корвалан Л. 143
Коржавин Н. 40, 313, 317
Корнилов Л. Г. 5, 6, 10, 61, 310
Косарев 323
Косаревич-Косаренко 191
Космович 131
Коссовский В. А. 77, 168
Коффин В. 34
Кох 224
Кошлаков К. В. 229
Кравец В. Н. 34
Краснов М. 51, 172, 176
Красовский 85
Кренкель Э. Т. 255
Кривенко Н. 271
Кривошеев С. А. 16, 372, 373
Кригсман 264
Кромиади 69
Круглов С. Н. 36
Крушель С. Е. 275
Кудрявцев М. П. 34
Кузнецов А. 40, 314
Кузнецов Л. 356
Кузнецова О. А. 49
Кузьменко И. 85, 146
Кузьминский 127
Кулешов А. 353

Кулыгин А. М. 174
Куприянов С. 159
Курдюков С. С. 279, 283
Курдюмов С. П. 47
Куриленко П. С. 200, 207
Кутепов А. П. 50
Кьер В. 275
Кюн К. 37

Л

Лалаянц 323
Лапин Н. Ф. 193
Ларионов В. 8
Лахно А. 34, 328
Лашкова 40
Лебедь А. И. 47, 356, 357, 367
Левицкий С. А. 29, 51, 67
Лейхтенбергский С. Н. 10
Ленин В. И. 5, 6, 8, 59, 61, 202, 245, 315,
322, 340, 345
Ленский Л. 24
Леонтьев В. 355
Лесницкий В. Н. 287
Леушин В. 15
Лещенко И. 156
Лёвин Л. 319, 320
Лёвин Ю. 32, 43, 319, 320, 321, 322, 323,
324, 325, 326, 327, 330, 331
Лёгкая И. 314, 317
Лёгкий И. 314
Линицкий Л. 36
Липкин В. А. 200
Литвинов 14
Лобутин И. 135, 137, 138, 141, 143
Лодыженский Ф. С. 267, 276, 278
Лозунов 230
Лопуховский О. 132, 143
Лосев 23, 313
Луга К. 16
Лужков Ю. М. 363
Лукашениа В. 23
Лукницкий Д. 15, 115
Лустьянов Г. 24
Луценко Ю. Ф. 5, 25, 121, 163, 376
Лушников А. И. 310, 311
Львов Н. Н. 314
Любимов В. 24

М

Мазурин 338, 339, 342, 343
Макаревич М. 348
Маков А. 34, 308, 328, 334
Макова Н. А. 334, 353
Максимов В. 316
Маленков 28
Маликов П. И. 34
Мальшов К. С. 284
Мамуков Е. И. 72, 73, 157, 161, 162, 167
Манаки 111, 112, 113

Манакин 170
Манохина Е. 25, 164
Марков А. 174, 367
Марков С. 50
Маркс 170, 171, 246
Марлингхауз Х. фон 229
Мартино Б. Б. 60, 119, 121, 127, 134, 189
Марченко А. 40
Масалитинов Д. П. 194, 196, 200
Масленко Л. И. 311
Масловская Г. 17
Масляник 185
Матвеев Л. 16
Мауль 211
Мацкевич П. 24
Меандров М. 30, 193
Медведев Д. А. 52
Меир Г. 350
Мейендорф И. 336
Мелешкевич М. К. 194
Мелких И. 30
Меньшагин Б. Г. 21
Местмахер-Будде В. В. 310
Метелкин К. 13
Метус Б. 16
Милиц А. 271
Миллер Б. 45, 143, 144, 275, 279, 334,
353
Миллер Е. 13
Минаев В. 19
Минаев О. 143
Минский 129
Миркович Е. 47, 49, 279, 283, 317
Мичков Г. 108
Мозговой И. 249
Мозговой С. 275, 309
Молчанов В. 85, 145
Мондич М. 376
Морозов В. С. 319, 324
Мулич М. И. 23, 156, 158, 159, 162
Мышьякова О. 132, 133
Мюллер Л. 266
Мюллер-Хорунжий 38
Мюффлинг Е. М. 108, 109, 110

Н

Нагата 113, 114
Назаров М. 43, 261
Нарица М. А. 331
Нашиваненко Г. Т. 263, 264, 274, 278
Нахаев А. 7
Незнанский Ф. 313, 315, 354
Неизвестный Э. 313
Неймирок А. 79, 86, 189, 251, 376
Некрасов В. 40, 73, 162, 313
Некурящих А. И. 200
Непомнящих А. И. 72
Нератов А. 76
Нерцессан В. А. 108
Неуранов 137

Николаевский А. 108
Николаевский Н. 108
Николай И. 38
Николаюк Н. А. 248
Никоненко М. 83, 91, 94
Новиков А. 355
Новодворская В. И. 351, 352
Нуруллин М. 355, 356

О

Околович (Околович-Муха) Г. С. 14, 21,
24, 36, 37, 38, 77, 88, 92, 93, 94, 104,
114, 146, 147, 148, 154, 155, 168, 172,
192, 311, 318, 339
Оксюз Б. 121, 157, 159, 165
Окуджава Б. Ш. 40, 45, 313
Окулов А. 187, 376
Оленников Е. 13
Олехнович Н. А. 34
Ольгский М. Л. 24, 83, 86, 94, 172, 187,
192, 282
Ольшевский Е. 15
Орехов В. В. 41
Орлов (Хадиев) А. 271
Орлов К. 279
Ортега 337
Осипов В. 40
Островский (Романов) Е. 22, 24, 45, 48,
56, 60, 86, 125, 157, 172, 269, 321,
325, 376
Ошима 113, 114

П

Павлов Н. 23
Павловский А. 314
Павловский Е. 267, 268, 269
Падюков А. 17
Падюков С. 261
Паннвиц 172
Парфёнов (Светов) А. С. 248, 264, 275
Пастернак Б. 40, 302, 331
Пауков А. 24
Паулос Ф. 175
Пейле А. 330
Пепеляев 8
Перекрёстов О. В. 274, 278, 299, 300
Перелядов Е. 13
Перлинги О. С. 310
Перуанский 269
Пехе 151, 152
Пименов Р. И. 333
Пионтковский 72
Платовский М. С. 34
Плетцер Д. П. 309
Плотников 68, 69
Плюско А. 136, 143
Плюско Л. 136
Погосян В. 347
Подъяпольский Г. 40

Поздеев Е. Е. 127
Позе (Полошкин) Г. 24, 86, 225, 227, 251
Полевой П. Н. 298
Полторацкая Т. И. 254, 259
Полунин А. 8
Полушин 342
Полчанинов Р. 5, 127, 189, 222, 376
Польянов Г. 354
Поляков О. 72, 73, 121, 122, 156, 159,
163, 165, 222, 316, 339
Померанц Г. 40
Пономарев 144
Попов Г. 77
Попов Л. 109, 113, 114
Попов С. 37, 72, 98
Поповская А. 310, 311
Поповский В. 310
Поремский А. 266
Поремский В. 17, 19, 24, 31, 34, 47, 55,
56, 86, 88, 114, 115, 172, 194, 264,
271, 307, 328, 372, 376
Потапов В. 317
Потапов Д. 16, 84
Прокопенко В. Г. 178, 182, 183, 185
Прокофьев Я. 24
Прянишников Б. В. 83, 110, 111, 112,
113, 249, 251, 376
Пусто 274
Пустынцева 323
Путин В. В. 50, 372
Пушкарёв Б. 5, 49, 51, 166, 315, 317, 329,
335, 355, 376
Пушкарёв С. 5, 51, 314, 345
Пушель П. 38
Пянков Ю. 23

Р

Рар Г. 86, 116, 156, 157, 164, 258, 376
Рар Л. 279, 376
Ратушинская И. 40
Регенау (Смысловский, Хольмстон) 68,
120
Редлих А. 283
Редлих Р. 19, 45, 56, 75, 111, 142, 270,
284, 372, 373, 377
Рейган Р. У. 56
Реминга Д. Н. 34, 328
Ремме 197, 201
Ржевский 313
Рисов П. 23
Рих А. 51
Рогальский Г. 15
Родзевич А. 86, 134, 137, 141, 143, 144
Родионов А. Н. 286, 288
Роднянская И. 51
Рожанский И. 17
Розанова М. 313
Розенберг 108, 118, 123
Романов (майор) 177
Роммель 204

Ротцоль 188, 189, 192, 193
Рудкевич Л. А. 259
Руднев Н. 300
Рузвельт 177
Рурарж З. 317
Русак А. В. 251, 274
Русаков А. 24
Русаков Е. 24
Русаков К. 353, 354
Русанов В. Н. 318, 321, 324
Руставели Ш. 298
Руцкой А. В. 363, 364
Рыбаков Ю. А. 45, 334, 347, 350
Рыжков В. 353
Рютин М. 7

С

Саватюк Ю. 137
Савин И. 251, 252
Савинков Б. 8
Сагайдаковский Н. 23
Сайдулин В. 354
Самсонова Е. 47, 317
Сарайкин Г. 43, 283, 332
Сараскина Л. 51
Сахаров А. Д. 5, 40, 46, 314, 343
Сеземан Д. В. 315
Семёнов 173
Семлер Е. 166
Сендеров В. А. 44, 45, 283, 338, 340, 342, 343, 352
Сенчик М. 23
Серафимович А. 25, 163
Сергеев Н. М. 24, 86, 187, 189, 221, 222, 224, 225, 310
Серов 319
Симонов К. 224
Симонян С. П. 178
Синявский А. 40, 42, 313
Скворцов К. В. 259, 311
Скоблин Н. В. 13
Скоробогатый 153
Скороходов А. 16
Славинский М. 376
Славнов В. М. 34, 318, 327
Сметанин В. Ф. 24, 200, 201, 205, 207, 208
Смирнова В. 228, 229
Смит Д. 258
Смолин В. 30, 178, 184
Соколов Д. В. 50
Соколова В. А. 259, 261
Солженицын А. И. 40, 51, 281, 302
Соловьёв Г. 127, 128, 129, 132, 143
Соловьёв Ю. 228
Солоневич И. Л. 12
Солоухин В. 40, 45, 315, 317, 340, 345
Сорокин В. 259
Сорокин Р. 23
Сорокина Л. 23

Соснора В. А. 333
Спекторский Е. В. 12
Сперанский М. М. 20
Спица С. 14, 80
Сталин И. В. 6, 7, 17, 18, 20, 23, 27, 33, 39, 50, 55, 80, 83, 85, 107, 112, 118, 136, 140, 149, 150, 152, 154, 160, 176, 177, 178, 215, 245, 246, 247, 249, 253, 270, 304, 322, 326, 372
Старченко Ф. С. 169
Стерин 179
Стимсон 196
Столыпин А. 10, 18, 353, 376
Столыпин П. 10, 44, 59, 65, 338, 345
Стратиевко Н. С. 156, 160
Струве Н. 279, 355
Субботин С. 107, 108, 109, 110, 111, 112, 114, 115
Сулковский Н. 16
Супрунов А. 23, 148, 151, 153, 155

Т

Тагезен Р. 24, 86, 142
Тальберг Н. Д. 296
Тараканов Ф. 272
Тарасов С. 21, 84, 85, 147, 275, 276
Тарновский М. 30
Темников В. 311
Тёмкин Н. 23, 155
Тимофеев А. 47, 268, 278
Тимофеев В. 16
Тимофеев О. 16
Тимофеев С. 16
Тодт 66
Толкачев С. 16
Толстой А. 270
Толстой Н. 270
Томилина С. С. 156
Трегубов Ю. А. 36, 114, 115, 377
Треммель В. П. 37, 326
Тресков Х. фон 27
Третьяков В. 271, 274, 279, 283
Трофимов 323
Трухин Ф. И. 19, 30, 172, 173, 180, 189, 193
Трушнович А. Р. 31, 37, 50, 65, 88, 263, 274, 320, 377
Трушнович В. 264
Туркул А. В. 66, 315
Турчин В. 312

У

Угрюмов Н. 164
Уйбо Г. 16
Улубиев Ш. 271, 272

Ф

Фадеев В. 24
Федотов Г. П. 315

Фельфе Х. 329
Филатов Л. Н. 207
Флоровский М. 13
Фомин Б. 72, 121, 156, 158, 161, 163, 165
Фотиев Кир. 12, 315
Фотиев Конст. 17
Франк С. Л. 11, 111, 315
Фритце 188

Х

Хайн Х. 38
Хасапов В. 132, 133, 143, 228
Хасбулатов Р. И. 364
Хлобыстов И. 15, 147
Хмельницкий К. И. 34
Ходоровская-Богданова В. 16
Ходоровский С. 16
Хомутов Г. А. 24, 30, 163
Хорват А. 227
Хорват Д. 24, 225
Хорунжий 87
Хохлов А. 23, 148, 149, 153, 155
Хохлов Н. 37, 38, 39, 87, 266, 311, 377
Хоченков В. 320, 324, 325, 330
Хрулев Г. 37
Хрущёв Н. С. 28, 318
Хумпрехт Ф. 37

Ц

Цветков В. Ж. 50, 51
Циммерман В. 266
Цинт 230
Цонев В. И. 178
Цурганов Ю. С. 49, 51
Цыганов К. 121, 156, 159, 163, 165

Ч

Чалидзе В. 144, 312
Чеботаев В. 15
Чебриков В. 44
Черезов К. 264
Черниговский Д. 129
Чернявский Р. 16
Чикмарёв 150
Чипиженко М. А. 121, 156, 159, 163, 165
Чкалов В. П. 224
Чупрунов А. А. 14, 80, 82, 93
Чураев Д. 24
Чураков О. 313

Ш

Шалдыкин Н. 23, 148, 149, 153
Шаповалов 68, 135

Шапран В. Д. 351, 352, 353, 354
Шармазанов А. 167
Шатерник А. 30
Шафхаузер 279, 329
Шахов И. 23
Шацкий А. 23
Шведов А. Н. 49, 352, 353, 354, 355, 356
Шевич Д. Д. 268, 278
Шевцов Е. 17
Шевченко А. 313, 317
Шефер 197, 201, 204
Шиндлер Ю. 24
Ширинкина А. В. 84, 85, 98, 145, 147,
264, 265, 278, 279, 282, 306
Широбоков О. 72, 77
Шитц Н. Ф. 156, 157, 189
Шишкин И. 24
Шклярова Р. М. 229, 230
Шленский Б. 352, 354
Шмидт О. Ю. 112
Шпаковский И. 123
Штамм А. Ю. 49, 51, 354
Штауфенберг К. фон 371
Штрик-Штрикфельдт 86, 342
Штротмас А. Ю. 317
Шубин Б. 17
Шубин М. 250
Шульгин В. В. 10, 155
Шульгин Д. В. 10, 85, 137, 155
Шумский А. 23

Щ

Щетинский (Рыбаков) В. М. 334

Э

Эрхарт Л. 315
Эткинд 313

Ю

Югов А. М. 317
Юденич 167
Юнг И. 74, 75, 137, 141, 142, 143, 168

Я

Якир П. 186
Якута Н. И. 34
Яновский 17
Яценко 299

Согласно Федерального закона
от 29.12.2010 № 436-ФЗ 16+

ОТ ЗАРУБЕЖЬЯ ДО МОСКВЫ

**Народно-Трудовой Союз
в воспоминаниях и документах**

**Составитель В. А. Сендеров
Корректор Т. Н. Пальгунова
Литературный редактор Е. Ю. Мохова
Подбор иллюстраций С. П. Иванов
Компьютерная верстка А. А. Базилевич**

**НП «Посев»
127051, Москва, ул. Неглинная, д. 27/2/26, стр. 1, пом. 96
Тел./факс: (495) 625-9248, 625-8138, e-mail: posevru@gmail.com**

**Формат 60 × 84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № К-122.**

**Отпечатано в ОАО «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр-т И. Яковлева, 13**

Молодёжная

*Автор слов и музыки
Павел Николаевич Зеленский
(1904–1978)*

В былом — источник вдохновенья,
В деяньях Сечи и Петра,
В грядущем братское служенье,
А в нашем нынешнем — борьба.
За тот народ, что всех народов
Сердечней, глубже и смелей,
За край могучих новых всходов
Труда, уклада и людей.
И в этом свыше назначение,
И в этом радость и почёт,
И будет наше поколение
Давать истории отчёт.

Так поклянёмся вместе, братья,
Отдать все силы для страны
И пронесём свое заклатье
От Зарубежья до Москвы.
А путь осветят нам святые
Смирной доблести слова:
Да возвеличится Россия,
Да сгинут наши имена!

Конец 1930-х

ISBN 978-5-85824-209-3

9 785858 242093